ВЕСТНИК ВОСТОЧНО-СИБИРСКОГО ИНСТИТУТА МВД России

№ 3 (90) 2019

Учредитель: Федеральное государственное казенное образовательное учреждение
высшего образования
«Восточно-Сибирский институт
Министерства внутренних дел Российской Федерации»

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Зарегистрирован в Федеральной службе
по надзору в сфере массовых коммуникаций
ПИ № ФС77-64854 от 10.02.2016.
Издание входит в перечень рецензируемых научных изданий, в которых
должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой
степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук,
рекомендованных ВАК Минобрнауки Российской Федерации
Подписной индекс по объединённому каталогу «Пресса России» 38836
Издаётся с июня 1997 г.
Выходит четыре раза в год

Адрес редакции, издателя: ул. Лермонтова, 110, Иркутск, 664074
Адрес типографии: ул. Гончарова, 30, Иркутск, 664017
тел.(3952) 410-989, 410-215, факс (3952) 411-953
Телетайп: 231-333 «Дельта»
e-mail ИМТС: esiirk@mvd.ru
e-mail Интернет: esiirk-vestnik@mvd.gov.ru

© ФГКОУ ВО ВСИ МВД России, 2019

Редакционная коллегия

Главный редактор журнала:
П. А. Капустюк, канд. экон. наук, начальник Восточно-Сибирского института МВД России

Заместитель главного редактора журнала:
О. П. Грибунов, д-р юрид. наук, профессор, заместитель начальника Восточно-Сибирского института МВД России по научной работе

Члены редакционной коллегии:
О. А. Авдеева, д-р юрид. наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и криминологии Восточно-Сибирского института МВД России
А. В. Варданян, д-р юрид. наук, профессор, начальник кафедры криминалистики и оперативно-разыскной деятельности Ростовского юридического института МВД России
Б. Я. Гаврилов, д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России
А. Ю. Головин, д-р юрид. наук, уполномоченный по защите прав предпринимателей в Тульской области
А. Г. Елагин, д-р юрид. наук профессор, профессор кафедры управления деятельностью подразделений обеспечения охраны общественного порядка центра командно-штабных учений Академии управления МВД России
В. С. Ишигеев, д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии Байкальского государственного университета
Д. А. Липинский, д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры конституционного и административного права института права Тольяттинского государственного университета
И. В. Минникес, д-р юрид. наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории государства и права РПА Минюста России
И. А. Минникес, д-р юрид. наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права РПА Минюста России
В. В. Николюк, заслуженный деятель науки Российской Федерации, д-р юрид. наук, профессор, главный научный сотрудник отдела проблем уголовного судопроизводства Российского государственного университета правосудия
С. Л. Нудель, д-р юрид. наук, доцент, главный научный сотрудник отдела уголовного, уголовно-процессуального законодательства; судопроизводства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации
С. В. Пархоменко, д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Иркутского юридического института (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации
А. Л. Репецкая, заслуженный юрист Российской Федерации, д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии Восточно-Сибирского института МВД России
Е. В. Рогова, д-р юрид. наук, доцент, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Иркутского юридического института (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации
И. В. Смолькова, заслуженный юрист Российской Федерации, д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса Восточно-Сибирского института МВД России
Д. А. Степаненко, д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры криминалистики Восточно-Сибирского института МВД России
З. С. Токубаев, д-р юрид. наук, профессор, заместитель начальника Карагандинской академии МВД Республики Казахстан им. Б. Бейсенова по учебной работе
Н. Н. Цуканов, д-р юрид. наук, доцент, заместитель начальника Сибирского юридического института МВД России (по научной работе)
В. В. Чуксина, д-р юрид. наук, доцент, заведующий кафедрой правового обеспечения национальной безопасности Байкальского государственного университета
А. В. Шахматов, д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел Санкт-Петербургского университета МВД России
В. А. Юсупов, д-р юрид. наук, профессор, ректор Волгоградского института экономики, социологии и права

Публикуемые материалы отражают точку зрения автора, которая может не совпадать с мнением редколлегии.
Авторы несут полную ответственность за подбор и изложение фактов, содержащихся в статьях. Любые нарушения авторских прав преследуются по закону.
Перепечатка материалов журнала допускается только по согласованию с редакцией.
Плата с авторов за публикацию рукописей не взимается. Рукописи не возвращаются.

Подписано в печать 30 сентября 2019 г. Дата выхода в свет 7 октября 2019 г.
Цена свободная
Формат 60 × 84/8 Усл. печ. л. 36,0.
Тираж 1000 экз.
Первый завод 60 экз. Заказ № 49
Научно-исследовательский и редакционно-издательский отдел

VESTNIK
OF EAST SIBERIAN INSTITUTE
OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS
OF THE RUSSIAN FEDERATION

No. 3 (90) 2019

The founder of the journal is Federal State Budgetary Educational Institute of Higher Education "East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation".
SCIENTIFIC AND PRACTICAL JOURNAL

Registration: The Federal service for supervision in the sphere of mass communications

PI No. FS 77-64854 dated 10 February, 2016

The publication is included in the list of peer-reviewed scientific publications, in which the main results of the thesis for the degree of candidate of sciences should be published, for the degree of doctor of science recommended by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation.
Since June 1997
The journal is issued four times a year

664074, Irkutsk, Lermontov St. 110
Tel. (3952) 410-989, 410-215,
факс: (3952) 411-953,
Teletype: 231-333 «Дельта»
e-mail ИМТС: esiirk@mvd.ru
e-mail Интернет: esiirk-vestnik@mvd.gov.ru

© East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2019

Editors

Chief Editor
P. A. Kapustuk, Candidate of Economics, Chief of East-Siberian Institute of the Ministry of the Interior of Russia for Science

Deputy Chief Editor
O. P. Gribunov, Doctor of Law, Professor, Deputy Chief of East-Siberian Institute of the Ministry of the Interior of Russia for Science

Editorial team
O. A. Avdeeva, Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the East-Siberian Institute of the MIA of the Russian Federation
A. V. Vardanyan, Doctor of Law, Professor, Head of the Criminalistics Department of the Rostov Law Institute of the MIA of the Russian Federation
B. I. Gavrilov, Doctor of Law, Professor, Department of the Management of Crime Investigation Units, Academy of Management of the MIA of the Russian Federation
A. Yu. Golovin, Doctor of Law, the Commissioner for the Protection of the Rights of Entrepreneurs in the Tula Region
A. G. Elagin, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Management of the Activities of the Units of Ensuring the Public Order of the Center for Command and Staff Exercises of the Academy of Management of the MIA of the Russian Federation
V. S. Ishigeev, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Baikal State University
D. A. Lipinsky, Doctor of Law, Professor, Professor of the Constitutional and Administrative Law Department of the Law Institute of the Togliatti State University
I. V. Minikes, Doctor Jurid. associate Professor, head of the Department of theory and history of state and law RPA Ministry of justice of Russia
I. A. Minikes, Doctor Jurid. associate Professor, Department of theory and history of state and law, RPA, Ministry of justice of Russia
V. V. Nikolyuk, Honoured Science Worker of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Chief Researcher of the Criminal Justice Department of the Russian State University of Justice
S. L. Nudel, Dr. Ju. Sci., Associate Professor, Chief Researcher of the Department of Criminal, Criminal Procedure Law; Judicial Proceedings of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation
S. V. Parkhomenko, Doctor of Law, Professor, Professor of the Criminal Law Disciplines Department of the Law Institute (branch) of the Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation
A. L. Repetskaya, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the East-Siberian Institute of the MIA of the Russian Federation
E. V. Rogova, Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Criminal Law Disciplines Department the Law Institute (branch) of the Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation
I. V. Smolkova, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Professor of the Criminal Proceedings Department of the East-Siberian Institute of the MIA of the Russian Federation
D. A. Stepanenko, Doctor of Law, Professor, Professor of the Criminalistics Department of the East-Siberian Institute of the MIA of the Russian Federation
Z. S. Tokubaev, Doctor of Law, Professor, Deputy Head for academic affairs of the Karaganda Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan named after Barimbek Beisenov
N. N. Tsukanov, Doctor of Law, Associate Professor, Deputy Head for scientific affairs of the Law Siberian Institute of the MIA of the Russian Federation
V. V. Chuksina, Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of National Security Legal Support of the Baikal State University
A. V. Shakhmatov, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Operative-Investigative Activity of Internal Affairs of the St. Petersburg University of the MIA of the Russian Federation
V. A. Yusupov, Doctor of Law, Professor, Rector of the Volgograd Institute of Economics, Sociology and Law

Authors are responsible for publications contents and facts reliability.
Citation of reference sources is obligatory in case of reprint or reproduction by any means. Copyright violation is prosecuted.
The republication is allowed after the Editorial board permission only.
Publication is for free. Manuscripts are not returned.

Passed for printing on September 30Th 2019. Date of publication october 7 2019.
Price: free
Format 60 × 84/8
Conventional printed sheets 36,0. Issue 1000 copies
Fist issue 60 copies. Order No 49
Research and Editorial-Publishing Department

СОДЕРЖАНИЕ

Теория и история права и государства. История учений о праве и государстве

Минникес И. В., Парфенова Т. А. Правонарушения в нормативных договорах Русского государства X—XV вв. 9

Конституционное право. Конституционный судебный процесс. Муниципальное право

Шаламова А. Н. Правовая политика в социальной сфере..... 20

Уголовное право и криминология. Уголовно-исполнительное право

Ишигеев В. С., Лапша В. Л. Уголовно-правовая характеристика обоснованного риска в аспекте установления его свойств (признаков)..... 32
Хоменко А. Н., Черемнова Н. А. Отграничение экстремистских проявлений от правомерного поведения в контексте ст. ст. 20.3, 20.3.1 КоАП РФ ст. ст. 280, 282 УК РФ 44
Плешакова О. В. Современные тенденции и специфика преступных посягательств в отношении сотрудников органов внутренних дел..... 57

Уголовный процесс

Смолькова И. В. Нужна ли фигура «заподозренного» в уголовном судопроизводстве? 70
Безруков С. С. Проблемы реализации решений Конституционного Суда Российской Федерации в уголовном судопроизводстве 78

Криминалистика. Судебно-экспертная деятельность. Оперативно-розыскная деятельность

Полянова Ж. А. Основные направления совершенствования научного обеспечения экспертно-криминалистической деятельности на современном этапе 88
Андреев А. С. Проблема соотношения деятельности и поведения в криминалистической науке, направления её разрешения при формировании концепции познания посткриминальной деятельности 93
Гераськин М. Ю., Дашко Л. В., Довбня А. В., Плотникова Г. В. К вопросу о создании учёта самодельных зажигательных устройств в МВД России 104
Горшков М. М., Соколов А. Б. К вопросу о понятии взаимодействия следователя с участниками уголовного судопроизводства, не являющимися сторонами в уголовном деле 115

Грибунов О.П. Использование специальных знаний
в раскрытии краж автотранспортных средств 125
Думнов С. Н. К вопросу применения метода лазерного 3D-сканирования
при производстве судебной автотехнической экспертизы 133
Ищенко Е. П. Общий взгляд на криминалистическое следоведение 146
Кузнецов Е. В. Совершенствование правового регулирования и практики
применения оперативно-розыскного мероприятия
«Прослушивание телефонных переговоров» и следственного действия
«Контроль и запись переговоров» 157
Можаева И. П., Крюченко М. С. Реализация тактических операций
и комбинаций при расследовании преступлений в сфере долевого участия
в строительстве многоквартирных жилых домов 170
Муравьев К. В., Ермаков М. Г. Современные возможности
судебно-компьютерной экспертизы и меры по совершенствования практики
её назначения при расследовании преступлений, связанных с незаконным
оборотом наркотических средств «дистанционным» способом 182
Толстухина Т. В., Светличный А. А., Шервани Э. Н. К.
Особенности организации и проведения обыска при расследовании
контрабанды наркотических средств в Республике Ирак 193
Тью Ван Хунг. Уголовный жаргон как способ сокрытия
незаконного оборота наркотиков в Социалистической Республике Вьетнам 201
Усачев С. И. К вопросу о мошенничестве в сфере автострахования 214
Щербаченко А. К. Криминалистическая классификация мошенничеств,
совершённых группой лиц, как основа формирования базовой методики
их раскрытия и расследования 222
Шурухнов Н. Г., Мерецкий Н. Е., Гелюс Т. Ф. Основания классификации
процессуальных действий, реализуемых при расследовании преступлений,
и место в них информатизации 230

Административное право. Административный процесс

Шатохин И. Д. Административные задержания и досмотр
в оперативно-розыскной деятельности 240

**Судебная деятельность. Прокурорская деятельность.
Правозащитная и правоохранительная деятельность**

Кайбелев П. А. Перспективные направления совершенствования
деятельности оперативных подразделений по розыску лиц,
пропавших без вести, в Республике Беларусь 250
Конин В. В., Конин А. В. Значение криминалистики для успешной
деятельности следователя 259
Михайлова Т. Н., Михайлов Е. В. Организация прокурорского надзора
за исполнением законодательства о выборах 271

CONTENTS

Theory and history of law and state. history of law and state doctrines

Minnikes I. V. Parfenova T. A., Violations of law in the regulatory documents of Russian state in the X—XV centuries 9

Constitutional law. Constitutional judicial process. Municipal law

Shalamova A. N. Legal policy in the social sphere 20

Criminal law and criminology. Criminal Executive law

Ishigeyev V. S., Lapsha V. L. Criminal legal characteristic of substantiated risk in the aspect of establishing its properties (signs) 32
Khomenko A. N., Cheremnova N. A. Delimitation of extremism from lawful behavior in the context of art. 20.3., 20.3.1 of the administrative code and art. 280, 282 of the criminal code 44
Pleshakova O. V. Modern tendenciesand specific features of criminal offences committed against police officers 57

Criminal proceeding

Smolkova I. V. Is the figure "suspected" in criminal proceedings needed? 70
Bezrukov S. S. Problems of implementing decisions of the constitutional court of the Russian Federation in criminal proceedings 78

Criminalistics. Forensic expertise. Operatively-search activity

Polyanova Je. A. Main direction improvement of scientific support Forensic activities at present stage 88
Andreev A. S. The problem of correlation between activity and behavior in forensic science, directions of its resolution in the formation of the concept of knowledge of post-activities 93
Geraskin M. Yu., Dashko L. V., Dovbnya A. V., Plotnikova G. V. On the use of record of improvised explosive devices in the ministry of internal affairs of Russia 104
Gorshkov M. M., Sokolov A. B. On the concept of interaction of the investigator with participants of criminal legal proceedings, not being the parties in the criminal case 115
Gribunov O. P. Use of special knowledge in the disclosure of the theft of motor vehicles 125

Dumnov S. N. To the question of the application of the method
of laser 3D scanning in the manufacture of judicial auto-technical examination 133
Ishchenko E. P. General view on forensic investigation 146
Kuznetsov E. V. Improvement of legal regulation and practice
of the operational-search activity “Telephone conversations monitoring”
and investigative measure “Control and recording of conversations” 157
Mozhaeva I. P., Kruchenko M. S. Implementation of tactical operations
and combinations in the investigation of crimes in the field of equity participation
in the construction of apartment buildings 170
Muravyov K. V., Ermakov M. G. Modern possibilities of computer forensics
and steps to improve the practice of its purpose in the investigation
of crimes connected with illicit trafficking in narcotic drugs "remote" way 182
Tolstukhina T. V., Svetlichny A. A., Shervani E. N. K.
Peculiarities of organization and survey when investigating drugs smuggling
in the Republic of Iraq 193
Chu Van Hung. Criminal jargon as method to conceal drug crimes
in the socialist Republic of Vietnam 201
Usachev S. I. On the issue of fraud in the field of auto insurance 214
Scherbachenko A. K. Forensic classification of fraud committed by group
of persons as the source of formation of the basic methods of their detection
and investigation 222
Shurukhnov N. G., Meretsky N. E., Gelyus T. F. The basis of classification
of procedural actions implemented during the investigation of crimes,
and the place of informatization in this process 230

Administrative law. Administrative process

Shatokhin I. D. Administrative detentions and verification
in operational research activitieS 240

Judicial activity. Prosecutorial activities. Human rights and law enforcement

Kaibelev P. A. Perspective directions of perfection of the activities
in the searching of the missing persons in the Republic of Belarus 250
Konin V. V., Konin A. V. Importance of criminology
for the successful activities of the investigator 259
Mikhailova T. N., Mikhailov E. V. Organization of prosecutor's
oversight of the implementation of legislation on elections 271

УДК: 343.98
DOI: 10.24411/2312-3184-2019-00025

Минникес Ирина Викторовна
Заведующая кафедрой теории и истории государства и права ФГБОУ ВО ВГУЮ (РПА Минюста России) Иркутский институт (филиал) доктор юридических наук
E-mail: ivminnikes@mail.ru

Minnikes Irina Viktorovna
Head of Theory and History of State and Law Department Irkutsk Institute (Branch) of the All-Russian State University of Justice (Russian Law Academy of the Ministry of Justice) Doctor of Law
E-mail: ivminnikes@mail.ru

Парфенова Татьяна Андреевна
доцент кафедры теории и истории государства и права ФГБОУ ВО ВГУЮ (РПА Минюста России) Иркутский институт (филиал) кандидат юридических наук
E-mail: Parfenova_ta@mail.ru

Parfenova Tatiana Andreevna
Associate Professor of Theory and History of State and Law Department Irkutsk Institute (Branch) of the All-Russian State University of Justice (Russian Law Academy of the Ministry of Justice), Ph.D in Law
E-mail: Parfenova_ta@mail.ru

ПРАВОНАРУШЕНИЯ В НОРМАТИВНЫХ ДОГОВОРАХ РУССКОГО ГОСУДАРСТВА X—XV В.

Введение: в статье рассматриваются особенности регулирования некоторых видов правонарушений нормативными договорами русского государства в период Киевской Руси, феодальной раздробленности и начальном этапе централизации Московского государства, а также в целом определяется значение нормативного договора как источника права, как в международных, так и внутригосударственных отношениях, в том числе и в связи с иерархией источников права.

Материалы и методы: нормативную основу исследования образуют договорные грамоты Киевской Руси, Новгорода и Пскова, в том числе и с ганзейскими городами, а также нормативно-правовые акты — исторические памятники права: Русская правда, Новгородская судная грамота и др. Методологической основой исследования послужил общий диалектический метод научного познания, методы эмпирического и теоретического характера: описания, формализации, сравнения, анализа, обобщения, дедукции и индукции, гипотезы, а также специально-юридические методы — формально-юридический, сравнительно-правовой.

Результаты исследования позволили обосновать возможность урегулирования с помощью нормативных договоров таких вопросов, как правонарушения и юридическая ответственность; охарактеризовать некоторые составы правонарушений и отдельные виды юридической ответственности; определить степень влияния нормативного договора на общественные отношения конкретного исторического периода.

Выводы и заключения: на основании анализа содержания исторических нормативных договоров следует вывод о том, что проблема правонарушения и юридической ответственности разрешалась не только с помощью актов императивного характера (нормативно-правовых актов), но и посредством актов согласительного характера (нормативно-правовых договоров).

Ключевые слова: источники права, нормативный договор, нормативно-правовой акт, правонарушение, юридическая ответственность, история права, договорное право, договоры Руси, ганзейские договоры.

VIOLATIONS OF LAW IN THE REGULATORY DOCUMENTS OF RUSSIAN STATE IN THE X—XV CENTURIES

Introduction: the paper discusses peculiarities of regulating some types of law violations using regulatory treaties of the Russian state in the period of Kievan Rus', feudal fragmentation and at the initial stage of the Moscow State centralization, and identifies the value of a regulatory treaty as an authority both in the international and in the inter-state relations, including with account of the authority hierarchy.

Materials and methods: regulatory base of studies has been formed by statutory treaties of Kievan Rus', Novgorod and Pskov, and by those of the Hanseatic cities, as well as by regulatory legal acts, historical law memorials such as Russkaya Pravda (Russian Justice), Novgorod Treaty and others. Methodology of studies is based on a general dialectical method of scientific knowledge, methods of empirical and theoretical nature, i. e., descriptions, formalizations, comparisons, analysis, generalization, deduction and induction, hypotheses, and specific legal methods (technical, and comparative law research).

Results of studies: justification of feasibility of regulating such issues as law violation and legal liability using regulating documents; characterization of *corpus delicti* and certain types of legal liability; assessment of the degree of impact of a regulatory document on public relations in a certain historical period.

Conclusion and results: analysis of historical regulatory documents allowed us to conclude that the problems of law violation and legal liability were resolved using both the regulatory legal acts and conciliatory acts (legal documents).

Keywords: legal sources; regulatory documents, regulatory legal act; violation of law; legal liability; history of law; Treaties of Old Rus'; Treaties of Hanseatic cities.

Проблема источников права имеет непреходящее значение для теоретиков права. По этому вопросу написано огромное количество исследований как научного, так и учебного характера [1; 4; 6; 7; 9]. Однако в контексте истории государства и права, несмотря на нередко встречающийся раздел учебника «Источники права», этот вопрос представлен неоднозначно.

Во-первых, зачастую при анализе историко-правовых изданий создается впечатление, что, помимо нормативных правовых актов, никаких иных источников права в принципе не существовало. В литературе подробно рассматриваются Русская правда, Псковская судная грамота, Судебники. Соборное уложение и т. п., но все они в большей степени соответствуют такой теоретико-правовой категории, как нормативный правовой акт. Нормативный договор присутствует лишь на этапе древнейшего права и лишь в том объеме информации, которую дает изучение русско-византийских договоров.

Но в действительности каждый этап развития русского государства предполагает совокупность различных источников права, и нормативный договор был весьма востребован и в более позднее время, например, в удельный период. Учебное пособие авторов данного исследования [10] лишь частично решает данную задачу.

Во-вторых, в историко-правовых исследованиях общего характера не представлен такой аспект, как степень влияния нормативного договора на общественные отношения конкретного исторического периода.

Каждый этап развития русского права отражается не только в системе источников действующих норм, но и в их соотношении между собой, их иерархии.

Применительно к исследуемому источнику права это означает, что на одном этапе развития государственности нормативный договор может выступать в качестве важнейшей формы регулирования общественных отношений (например, в удельном государстве XII—XV вв.), а уже в следующую эпоху его влияние существенно снизится.

В-третьих, нормативному договору следует уделить внимание не только как регулятору межгосударственных отношений, как это представлено с русско-византийскими связями, но и как форме права в границах самого Русского государства.

В-четвертых, крайне редко упоминается о возможности урегулирования с помощью нормативных договоров таких вопросов, как правонарушения и юридическая ответственность.

Как правило, эта сфера отношений предполагает не согласительный, а императивный способ формирования правового предписания. Однако и нормативный договор нельзя исключить из числа правовых регуляторов данной направленности.

С учетом всех перечисленных выше проблем в данной работе поставлена цель установить возможности и роль нормативного договора в правоохранительных отношениях в Русском государстве в X—XV вв.

Однако прежде чем углубляться в исторические реалии древнейших эпох, следует четко установить содержание и признаки исследуемого явления.

Нормативный договор (нормативно-правовой договор) представляет собой акт согласования свободных, равных волеизъявлений двух и более публичных субъектов, сформированный в процессе договорного правотворчества, целью которого является

установление, изменение или отмена правил поведения общего характера, обязательных для выполнения сторонами.

Нормативному договору, как источнику права, приписывают древнейшее происхождение. Он отсылает к той эпохе развития общества, когда государства с единой централизованной властью еще не сложились, когда функционировали замкнутые системы права в пределах мелких общественных (родовых и общинных) союзов. Для межродовых и межобщинных отношений право устанавливалось посредством договора. Нередко эти договоры были нацелены на распространение действия обычного права рода или общины за их пределы — на отношения между членами различных родовых и общинных групп [11, с. 189]. Именно из таких переговоров о примирении впоследствии и возникло примирительное право, представляющее собой договоры о примирении. Со временем эти договоры в силу повторения ситуации сходного характера постепенно переросли в правила, правовые нормы, которые отражались и в других источниках права.

Независимо от эпохи действия нормативного договора, ему присущ ряд неотъемлемых признаков.

Нормативный договор — это обычно письменный документ, реже — устный носитель правовой информации.

Современная правовая реальность допускает обе формы. В международном праве некоторые договоры могут быть заключены в устной форме. Венская конвенция о праве международных договоров 1969 г. сообщает, что юридическая сила таких договорах не умаляется. Однако типичной для современности все-таки следует считать письменную форму нормативного договора.

В историко-правовом контексте можно с уверенностью говорить о существовании как устных, так и письменных нормативных договоров.

Так, старейший из дошедших до нас письменных договоров — соглашение о призвании на княжение в Новгород князя Ярослава Ярославовича — датируется второй половиной XIII в. (1264—1265). Однако в тексте самого договора имеется очень важная фраза: «На сем, княже, целуй хрест к всему Новугороду, на чем то целовали дед и отец твои Ярослав»[1].

Согласно мнению В. Водова, этот факт говорит о наличии более ранних письменных договоров: «упоминание в НПЛ (Новгородская первая летопись) в первой трети XIII в. «грамот Ярославлих» указывает на существование письменных договоров между Новгородом и князьями, начиная со времени Ярослава Владимировича» [3, с. 53]. Однако «Ярославли грамоты» — это не синоним нормативного договора, а, скорее, отсылка к единоличному акту Ярослава, что более всего соответствует по форме нормативному правовому акту. В контексте же указанной фразы, скорее, имеется в виду более раннее соглашение, т. е. нормативный договор, но не зафиксированный с помощью письменного документа, а имеющий лишь гарантию в виде крестного целования.

[1] Тексты договоров даны по изд.: *Памятники русского права*. Вып. 1: Памятники права Киевского государства X—XII вв. / под ред. С. В. Юшкова; сост. А. А. Зимин. М.: Гос. изд-во юрид. лит-ры, 1952. 287 с.

Содержание нормативного договора, независимо от времени его действия, составляют нормы права, правила поведения, вновь созданные, измененные или отменённые конкретным нормативным договором.

Предписания, содержащиеся в договоре, могут определять субъективные права и юридические обязанности субъектов, устанавливать правовые запреты.

Нормативный договор — это соглашение, следовательно, характеризуется особенностями правотворческих субъектов.

Главное требование состоит в том, что субъектов должно быть не менее двух, иначе соглашение невозможно.

Кроме того, хотя бы один из них должен быть публичным, т. е. представлять собой некую общность, состоять из индивидуально-неопределенного круга лиц. Это может быть государство, регион, муниципальное образование и т. д. Поскольку субъект публичен, правило поведения, сформулированное договором, будет иметь общий, а не индивидуальный характер. Для этого субъект должен иметь возможность такие правила создавать, т. е. он должен быть наделен государством соответствующими правомочиями.

Нормативный договор принимался раньше и принимается сейчас в порядке особой правотворческой процедуры, именуемой договорным правотворчеством.

Главная особенность договорного правотворчества — это его свободный (добровольный) согласительный характер, реализуемый в виде переговоров, обсуждений, внесения предложений и замечаний в проект договора. Иногда содержание договорных предписаний формируется в результате многодневного, а то и многомесячного обсуждения и коррекции.

Несмотря на особый порядок создания, правила, закрепленные в нормативном договоре, обязательны для выполнения сторонами договора, что подкрепляется мерами государственного принуждения.

Нормативные договоры как источники права отличаются большим разнообразием и регулируют отношения как международного, так и внутригосударственного характера. Они определяют взаимодействие субъектов как с равным правовым статусом (например, когда договаривающиеся стороны — это два государства или два субъекта федерации), так и находящихся в отношениях власти и подчинения (государство с одной стороны и субъект — с другой).

На ранних этапах развития государственности Руси нормативные договоры играли значительную роль в регулировании общественных отношений. Патриархальная жизнь славян в основном обходилась теми нормами, которые воплощались в обычаях. Однако с X в. восточные славяне были вовлечены в столкновения с отдельными странами — Византией и западноевропейским миром. Результатом стало заключение русскими князьями договоров международного характера (в частности, известных договоров с греками князя Олега в 907 и 911 гг.; Игоря — в 945 г., Святослава — в 972 г.). Тексты трех последних договоров сохранились, существование же первого из поименованных выше договоров, датируемого 907 г., находится под вопросом. Одни исследователи считают его реальным актом, другие — литературной компиляцией, основанной на более

поздних соглашениях, третьи — соглашением предварительного характера, которое позднее было воплощено в нормах договора 911 г.

Данные договоры являлись источниками права, облечены в письменную форму и регулировали самые различные сферы жизни, в том числе и связанные с правонарушениями и юридической ответственностью.

Так, договор 907 г. содержит правило, запрещающее противоправные действия русских в Византии: «Пусть (русский) князь запретит своим послам и (вообще) прибывающим сюда русским творить бесчинство в наших селах и в нашей стране».

Еще больше внимания этой стороне жизни уделил договор 911 г.

Так, в ст. 3, помимо решения процессуальных вопросов о доказательствах, объявлен важнейших принцип уголовного права — «пусть наказание будет соответствовать характеру преступления».

В следующей ст. 4 содержится норма, которая регламентирует спорный вопрос о наказаниях за убийство в тех случаях, когда убийца и убитый принадлежат к разным государствам: «Если кто-либо убьет (кого-либо) — русский христианина или христианин русского, — пусть умрет на месте совершения убийства. Если же убийца убежит, а окажется имущим, то ту часть его имущества, которая полагается ему по закону, пусть возьмет родственник убитого, но и жена убийцы пусть сохранит то, что полагается ей по обычаю. Если убийца окажется неимущим и (при этом) он бежал, то пусть окажется под судом до тех пор, пока не будет найден (если же будет найден, то), пусть умрет».

Согласно Русской Правде, ситуация должна разрешаться иначе — убийство не карается смертью, а влечет лишь штраф князю и возмещение ущерба семье убитого. Таким образом, норма договора находится в противоречии с предписанием национального законодательства.

В ст. 5 данного договора разрешен вопрос о наказаниях тех же субъектов, но за нанесение телесных повреждений: «Если (кто) ударит мечом или побьет (кого) каким-либо орудием, то за тот удар или избиение пусть даст 5 литров серебра по обычаю русскому. Если же совершивший это окажется неимущим, то пусть даст сколько может, вплоть до того, что даже снимет с себя те самые одежды, в которых ходит, а (что касается) недостающего, то пусть присягнет, согласно своей вере, что никто не может помочь ему, и пусть судебное преследование с целью взыскания (с него) штрафа на этом кончается».

Если сравнить эту норму с корригирующим предписанием Русской правды, то различие не столь велико, как в случае убийства: «Если кто кого-либо ударит палкой, жердью, ладонью, чашей, рогом или тылом оружия, платить 12 гривен... Если ударит мечом, не вынув его из ножен, или рукоятью меча, то 12 гривен за обиду...». Можно сказать, что в этом случае отсылка в тексте Договора к обычаю русскому вполне оправданна, хотя применяются не те меры веса, которые привычны для Русской правды.

Далее в договоре рассматриваются такие составы, которые могут быть квалифицированы как кража и грабеж: «Если русский украдет что-либо у христианина или же христианин у русского и схвачен будет вор потерпевшим в то самое время, когда совершает кражу, при этом он окажет сопротивление и будет убит, то не взыщется его смерть ни христианами, ни Русью, но пусть даже потерпевший возьмет то свое (имущество), которое у него пропадало. Если же вор отдастся без сопротивления в руки того, у кого со-

вершил кражу, и будет им связан, то пусть возвратит то, на что осмелился посягнуть, в тройном размере...».

Интересно, что нормы Русской правды в какой-то мере согласны с правилами указанного договора: хозяин имущества вправе «на своем дворе, или у клети, или у хлева» ночью убить вора, но если «люди видели вора связанным», т. е. не оказывающим сопротивления, то убийство вора наказуемо.

Особое значение имеет регулирование с помощью договорных норм вопроса о санкциях за разбой. В древнерусском праве этот состав вообще не предусмотрен, поэтому ст. 7 договора, гласящая, что «если кто-либо — русский у христианина или христианин у русского, — причиняя страдания и явно творя насилие, возьмет что-нибудь принадлежащее другому, пусть возместит убытки в тройном размере», существенно опережает национальное право.

Договор князя Игоря 945 г. почти в неизменном виде повторил предписания договора 911 г. относительно убийства и нанесения телесных повреждений. Однако в некоторых вопросах соглашение сторон договора было изменено.

Так, в соответствии со ст. 6 договора санкция за кражу может приобретать несколько форм: «если же случится украсть что-либо русскому у греков, то следует возвратить не только украденное, но и (приплатив сверх того) его цену», т. е. предусматривается возмещение ущерба и штраф в размере цены украденного. Практически ту же норму предусматривает ст. 13 Краткой правды, требующая возврата украденного, в частности, чужого коня, и выплаты штрафа в размере, соответствующем его стоимости. Но вот вторая часть статьи договора несколько иная. Она рассчитана на ситуацию, когда украденное уже продано: виновный «пусть отдаст вдвойне его цену и будет наказан по греческому обычаю и по уставу и обычаю русскому». Таким образом, в этом случае, если буквально толковать смысл предписания, виновного ожидает не только штраф в размере двойной цены, но еще и наказание по греческому обычаю и по русскому обычаю. Возможно, что последнее является не самостоятельной санкцией, а, скорее, уточнением распоряжения о двойном размере. Важным является тот факт, что умерщвление преступника уже не рассматривается как возможная санкция за кражу имущества.

К XII в. Киевская Русь распалась на несколько самостоятельных уделов, каждый из которых занимал определенную территорию, обладал публичной властью и в значительной степени — самостоятельными правовыми институтами, потому какие-либо устойчивые отношения между уделами в теории и на практике регулировались и определялись чаще всего договорами нормативного характера.

В удельный период значение нормативных договоров не только не уменьшилось, но даже существенно возросло. Связано это, прежде всего, с увеличением количества субъектов — к государствам как сторонам соглашений добавились новые образования — уделы Русского государства. Таким образом, многочисленные договоры международного уровня были дополнены междудельными соглашениями.

К числу международных договоров, несущих то же правообразовательное значение, что и в древнейший период, можно отнести, прежде всего, договоры с западными соседями, заключаемые землями: Новгородской (важнейшие договоры 1195 и 1270 гг.), Смоленской (договоры 1229—1230, 1240 гг. и др.), Полоцкой (1264, 1265 гг. и др.)

и Галицкой. Указанные договоры заключались с ганзейскими городами, Готландом, Ригой, Немецким орденом и Швецией.

Основные вопросы, которые решались посредством договоров, особенно с представителями Ганзейского союза, это вопросы торговли: безопасность купцов, порядок разрешения взаимных обид и возмещения ущерба и т. п. Однако нередко данная группа договоров регулировала и непосредственно вопросы, которые сейчас лежат в рамках уголовного права.

Особый интерес в этом контексте представляет Договорная грамота Новгорода с Готским берегом и немецкими городами о мире, о посольских и торговых отношениях и о суде, датируемая 1189—1199 гг.[1] В ней, подобно Русской правде, предусмотрены штрафы не только в соответствии с тяжестью деяния, но и в зависимости от того, кто пострадал в результате правонарушения.

Так, в договоре есть несколько положений, регламентирующих ответственность за убийство: «А оже убьют новгородца посла за морем или немецкыи посол Новегороде, то за ту голову 20 гривн серебра. А оже убьют купчину новгородца или немчина купчину Новегороде, то за ту голову 10 гривн серебра... Оже убьют таль или поп новгороцкое или немецкые Новегороде, то 20 гривн серебра за голову».

Как и в русском законодательстве, в Договоре предусмотрены штрафные санкции за оскорбление действием и за избиение: «А оже мужа свяжют без вины, то 12 гривн за сором. Оже ударят мужа оружеем, любо колом, то 6 гривнъ за рану.... Оже упихнет любо мятель роздрет, то 3 гривны...».

Третья группа преступных посягательств, предусмотренных договором — это деяния против женщин, их чести и телесной неприкосновенности: «Оже пошибает мужеску жену любо дчерь, то князю 40 гривн..., а жене или мужьское дчери 40 гривн... Оже сегренет чюжее жене повои с головы или дщери, явится простоволоса, 6 гривн... за сором. Оже кто робу повержет насильем, а не соромит, то за обиду гривна; пакы ли соромит, собе свободна». Содержание этих предписаний не вошло в Русскую правду, зато регламентируется уставными княжескими актами.

На примере норм данного договора можно разделить мнение М. Ф. Владимирского-Буданова, который отмечал, что содержание данных юридических норм почти тождественно с русским правом, а там, где немецкое право противоречит русскому, в договорах берет перевес русское [2, с. 114].

Аналогичные нормы, в особенности относительно убийств, были зафиксированы и в более поздних договорах. Проект договорной грамоты Новгорода с Любеком и Готским берегом о торговле и суде, датированный 1269 г., предусматривает те же штрафные санкции за убийство послов и даже в тех же цифрах, но уже не в гривнах, а в марках серебра. Кроме того, проектом внесены коррективы и в статьи о санкциях за преступления против чести и здравия: «А будет кто ранен острым оружием или дубиной, то платить ему 1 $^{1}/_{2}$ марки серебра. А ударит один человек другого в ухо или в шею, то должен ему заплатить 3 фердинга».

[1] Тексты договоров даны по изданию: Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Под ред. С. Н. Валка. Ч. 1. М. — Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1949. 407 с.

Как ранее отмечалось, нормативный договор получил большое развитие как источник права не только во внешних делах, но и во внутренних.

Длительное время междудельный договор был постоянным руководством во взаимоотношениях князей, как самый удобный на практике и вполне согласный со статусом князей, за которыми стоял свой род, свои правила. Договорами регулировались вопросы совместных действий и взаимной помощи, мире, невмешательства, замещения престола и иные спорные вопросы.

В частности, именно договорами могли быть учреждены «сместные» или «вобчие» суды, разрешающие конфликты, например, между двумя удельными князьями, между удельными князьями и вотчинниками, имевшими право суда, например, монастырями и боярами, наконец, между отдельными вотчинниками.

Вопросы правонарушений в межудельных договорах решались нечасто. Один из постоянных рефренов любого договора — это «без вины мужя волости не лишити», т. е. обозначение принципа ответственности только за вину. Кроме того, Договорная грамота тверского великого князя Михаила Александровича с Новгородом о мире, датированная 1375 г., регламентировала вопросы ответственности за «грабеж на Волзе, или инде где».

Образование Московского государства на начальных этапах также не обошлось без договорной формы урегулирования внутригосударственных отношений. Так, Н. Дювернуа отмечал, что наиболее богатым материалом для этого времени служат договорные грамоты князей, из которых почти каждая содержит особый компромисс на случай суда. Он указывал, что «в договорах князей первым условием компромисса становится, как правило, тот момент, что в случае спора по делам разных княжений, князья высылают с каждой стороны своих бояр. Эти бояре могут уговориться между собой, и если они достигнут соглашения, то на этом должны стать их князья». [5, с. 325]. По сути, договорами определялись особенности третейской формы суда, получившей наибольшее развитие именно в период северорусского союза

Упомянутые в предыдущем историческом периоде отношения в сфере новгородско-ганзейской торговли после присоединения Новгорода к Москве переходят в руки правительства Ивана III и регулируются нормативным договором 1487 г., который был заключен в результате переговоров между великокняжескими наместниками в Новгороде и ганзейскими послами [8]. Договор содержал нормы, встречающиеся в более ранних договорах: правила о беспрепятственной торговле, о защите как новгородских, так и немецких купцов, находящихся на чужбине, от насилий со стороны местных властей, о приезде в Новгород во время действия договора послов от ганзейских городов для переговоров об «обидных делах» купцов с целью урегулирования конфликтов, постоянно возникавших в практике русско-ганзейской торговли.

Новыми, не встречавшимися в более ранних новгородско-ганзейских договорах, являются статьи об ответственности Ганзы за ограбления новгородских купцов во время их поездок по морю. Ганза принимала на себя обязательство отвечать за ущерб, причиненный новгородским купцам на море «злыми людьми» — пиратами. При этом предусматривалось два случая: 1) если «злые люди» являются жителями 73 городов, т. е. городов Ганзы, то последние обязаны их искать и, если найдут, казнить, а товар возвратить

новгородцам; 2) если же новгородцы пострадали от других «злых людей», т. е. не являвшихся выходцами из ганзейских городов, то города, в случае если они получат известие о них, обязаны сообщить великокняжеским наместникам, чтобы те приняли меры для задержания «злых людей» и возвращения товаров новгородцам. Вторая часть статьи трактует об ответственности Новгорода за ущерб который может быть причинен немецким купцам в Новгородской земле: наместники великого князя должны искать «злых людей», пограбивших товар у немецких купцов, и если найдут их — казнить, а товар возвратить немецким купцам. Таким образом, согласно букве договора, обе стороны брали на себя равные обязательства.

Ввиду усиливающейся централизации государства нормативный договор постепенно перестает регулировать отношения внутреннего характера, однако остается важнейшим источником права в сфере международных отношений.

Таким образом, правовой жизни Русского государства X—XV вв. известно множество актов, которые можно отнести к нормативным договорам. Они многочисленны и разнообразны по субъектам, их заключающим, содержанию, значению, масштабам действия и т. п. На основании анализа их содержания можно заключить, что проблема правонарушения и юридической ответственности разрешалась не только с помощью актов императивного характера, но и посредством актов согласительного характера, которые представляет собой нормативный (нормативно-правовой) договор.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Александров Н. Г.* К вопросу о роли договора в правовом регулировании общественных отношений / Н. Г. Александров // Учен. зап. ВИЮН. М.: Юрид. изд-во М-ва юстиции СССР, 1946. Вып. VI. С. 60—83.

2. *Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор истории русского права / М. Ф. Владимирский-Буданов. Ростов н/Д., «Феникс», 1995. 640 с.

3. *Водов В.* К истории оформления докончаний Новгорода с князьями в XIII в. (наблюдения над политической лексикой) / В. Водов // История и культура древнерусского города: сб. ст. к 60-летию В. Л. Янина. М.: Изд-во МГУ, 1989. С. 53—58.

4. *Вопленко Н. Н.* Источники и формы права: учеб. пособ. / Н. Н. Вопленко. Волгоград: Изд-в ВолГУ, 2004. 102 с.

5. *Дювернуа Н.* Источники права и суд в Древней России: опыты по истории русского гражданского права / Н. Дювернуа. СПб.: Юрид. центр «Пресс», 2004. 396 с.

6. Зивс С. Л. Источники права / С. Л. Зивс. М.: Изд-во «Наука», 1981. 241 с.

7. *Иванов В. В.* Общие вопросы теории договора / В. В. Иванов. М.: Эдиториал УРСС, 2000. 160 с.

8. *Казакова Н. А.* Русско-ганзейский договор 1487 г. / Н. А. Казакова // Новгородский исторический сборник. Новгород: Новгородская правда, 1961. Вып. 10. С. 217—226.

9. *Марченко М. Н.* Источники права: учеб. пособ. / М. Н. Марченко. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2005. 760 с.

10. *Минникес И. В., Парфенова Т. А.* Источники российского права (X — XX вв.) / И. В. Минникес, Т. А. Парфенова: учеб. пособ. Иркутск, ВГУЮ (РПА) Минюста России, Иркутский институт (филиал), 2019. 168 с.

11. *Тарановский Ф. В*. Энциклопедия права: учеб. пособ. для студ. вузов, обучающихся по юрид. специальностям / Ф. В. Тарановский. 3-е изд. СПб.: МВД России. С.-Петерб. ун-т: Ун-т, 2001.552 с.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Alexandrov N. G. On the role of a treaty in the legal regulation of public relations / N.G. Alexandrov // Proceedings of VIYN. M.: Legal Publishing House of the USSR Ministry of Justice. 1946. Issue VI. P. 60—83.

2. Vladimirsky-Budanov M. F. Review of Russian law history / M. F. Vladimirsky-Budanov. Rostov-on-Don, "Fenix" Publishers, 1995. 640 p.

3. Vodov V. On the history of documenting the Novgorod treaties with feudal lords in the XII century (linguistic aspects of political terms). / V. Vodov // History and culture of an Old Rus' city. Collected works to the 60th anniversary of V. L. Yanin. M., MGU Publishers, 1989. P. 53—58.

4. Voplenko N. N. Law forms and sources: Manual // N. N. Voplenko. Volgograd: VolGU Publishers: 2004. 102 p.

5. Duvernua N. Legal authorities and court in Old Rus': essays on the history of Russian civil law / N. Duvernua. SPb: "Press" Legal Center, 2004. 396 p.

6. Zivs S. L. Legal sources / S. L. Zivs. M.: Nauka, 1981. 241 p.

7. Ivanov V. V. General issues of contractual theory / V. V. Ivanov. M.: URSS Editorial, 2000. 160 p.

8. Kazakova N. A. 1487 Old Rus'-Hanseatic Treaty. / N.A. Kazakova // Novgorod collected historical works. — Novgorod: Novgorod Pravda, 1961. Issue 10. P. 217—226.

9. Marchenko M. N. Legal sources: Manual / M.N. Marchenko. M.: TK Velbi, Prospect Publishers, 2005. 760 p.

10. Minnikes I. V., Parfenova T. A. Russian legal sources (X — XX centuries) / I. V. Minnikes, T. A. Parfenova. Manual. Irkutsk, VGUY (RPA) of RF Ministry of Justice, Irkutsk Branch, 2019. 168 p.

11. Taranovsky F. V. Encyclopedia of Law: Students Manual / F. V. Taranovsky. 3rd edition. SPb. RF Ministry of Home Affairs. S.-Petersburg University. 2001. 552 p.

УДК: 342.4
DOI: 10.24411/2312-3184-2019-00026

Шаламова Алиса Наильевна
начальник кафедры
государственно-правовых дисциплин
Восточно-Сибирского института
МВД России,
кандидат юридических наук, доцент
e-mail: alisa.shalamova@yandex.ru

Shalamova Alisa N.
Chief of the Department of State and Legal disciplines, East-Siberian Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate (Ph.D.) of Law, associate professor
e-mail: alisa.shalamova@yandex.ru

ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА В СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЕ

Введение: в статье последовательно рассмотрены понятия правовой политики, социальной сферы, социальных услуг. Проанализирована проблематика законодательной фиксации минимальных государственных социальных стандартов как элемента реализации правовой политики государства в социальной сфере. Осуществлена попытка дать определение правовой политики в социальной сфере. Показан казахстанский опыт разработки взаимоувязанных документов стратегического планирования, давших Республике Казахстан возможность добиться существенных успехов в осуществлении правовой политики в социальной сфере и в реализации различных элементов социальной политики. Выработаны рекомендации по использованию данного опыта в практике российского социально-правового строительства, в разработке и документальной фиксации правовой политики Российской Федерации в социальной сфере.

Материалы и методы: нормативную основу исследования образуют Конституция Российской Федерации, федеральные законы, законодательство Республики Казахстан, локальные нормативные акты, регламентирующие осуществление правовой политики в социальной сфере. Методологической основой исследования послужил общий диалектический метод научного познания, носящий универсальный характер, также методы логической дедукции, индукции, познавательные методы и приемы наблюдения, сравнения, анализа, обобщения и описания.

Результаты исследования позволили проанализировать проблематику законодательной фиксации минимальных государственных социальных стандартов как элемента реализации правовой политики государства в социальной сфере. Осуществлена попытка дать определение правовой политики в социальной сфере.

Выводы и заключения: выработаны рекомендации по использованию данного опыта в практике российского социально-правового строительства, в разработке и документальной фиксации правовой политики Российской Федерации в социальной сфере.

Ключевые слова: правовая политика, социальная сфера, социальные услуги, минимальные государственные социальные стандарты, политико-идеологические источники права, правовая политика в социальной сфере.

LEGAL POLICY IN THE SOCIAL SPHERE

Introduction: the article consistently considers the concepts of legal policy, social sphere, social services. The issues of legislative fixing of minimum state social standards as an element of implementation of state legal policy in social sphere have been analyzed. An attempt to define legal policy in social sphere has been made. Kazakhstan's experience of developing interlinked documents of strategic planning that gave the Republic of Kazakhstan the opportunity to achieve significant success in implementation of legal policy in social sphere and in realization of various elements of social policy is shown. Recommendations on the use of this experience in the practice of Russian social and legal construction, in the development and documentation of the legal policy of the Russian Federation in social sphere have been developed.

Materials and methods: the regulatory framework of the research is formed by the Constitution of the Russian Federation, Federal laws, legislation of the Kazakhstan Republic, local regulations governing the implementation of legal policy in social sphere. The methodological basis of the study is the general dialectical method of scientific cognition, which has a universal character, as well as methods of logical deduction, induction, cognitive methods and techniques of observation, comparison, analysis, generalization and description.

The results of the study: made it possible to analyze the issues of legislative fixation of the minimum state social standards as an element of the implementation of the legal policy of the state in social sphere. An attempt to define the legal policy in the social sphere has been made.

Conclusions and conclusions: recommendations on the use of this experience in the practice of Russian social and legal construction, in the development and documentation of the legal policy of the Russian Federation in the social sphere have been developed.

Keywords: legal policy, social sphere, social services, minimum state social standards, political-ideological sources of law, legal policy in the social sphere.

Правовая политика выступает средством реализации политики государства в той или иной сфере общественной жизни и (или) государственного управления (экономической, жилищной, экологической, культурной, научной, трудовой, сфере противодействия преступности и т. д.). Соответственно, текущие акценты правовой политики определяются, исходя из важности, общественной значимости сферы, являющейся объектом государственной политики. В последние годы безусловным приоритетом как в Российской

Федерации, так и в Республике Казахстан является социальная сфера. Самым тщательным образом выстраивается социальная политика государства, и, соответственно, определяется и реализуется правовая политика наших государств в социальной сфере.

Понятие правовой политики (и соответствующее этому понятию явление) достаточно активно анализируется и обсуждается в последние годы представителями юридической и политической науки. Не имея возможности подробно описать в небольшой публикации обширную дискуссию по данному вопросу, ограничимся выработкой собственной версии определения понятия, соответствующей целям настоящей статьи и основанной на имеющихся разработках российских и казахстанских правоведов (Н. И. Матузов, А. В. Малько, К. В. Шундиков, В. А. Затонский, А. П. Коробова, Н. В. Исаков, З. К. Аюпова, Д. У. Кусаинов, Р. С. Саркисов, Г. Р. Абсаттаров, З. Т. Агдарбекова, Ш. Р. Мулькубаева, Р. Б. Жагалов, О. Ю. Рыбаков, В. А. Рудковский и др.). Правовая политика — это имеющая идеологические и научные (политические и юридические) основания, целенаправленная, системная и последовательная деятельность органов государства во взаимодействии с институтами гражданского общества, заключающаяся в определении целей и задач правового регулирования, выработке правотворческой и правореализационной стратегии, дальнейшем обосновании и реализации актуальных направлений и конкретных механизмов правового регулирования для наиболее эффективного достижения целей и задач правового регулирования. Правовая политика является реализационным инструментом государственной политики в соответствующей сфере, посредством нее государственная политика переводится в юридическую плоскость для последующего создания законодательных и правоприменительных средств ее проведения в жизнь.

Социальная сфера, как объект правовой политики государства, представляет собой, на наш взгляд, совокупность общественных отношений, общее содержание которых (при всем видовом многообразии) образуют следующие генеральные направления реализации социальной политики: 1) социальное обслуживание граждан, т. е. предоставление социальных услуг; 2) социальная поддержка и защита тех категорий граждан, для которых самообеспечение и самозащита невозможны либо затруднительны по объективным причинам; 3) государственная поддержка не приносящих доход видов деятельности, жизненно важных для нормального существования и развития личности, достойной жизни граждан (здравоохранение, образование, культура, физкультура и спорт).

Социальная политика государства реализуется, помимо прочего, через правовую политику в социальной сфере. По наблюдениям Ж. Д. Даулетхановой, основанным на анализе основных существующих в мире моделей социальной политики, наиболее оптимальной из моделей «является синтез двух тенденций, предполагающий, с одной стороны, акцент на социальное государство и социальную экономику, а с другой стороны, использование рыночных механизмов разработки и реализации социальной политики. При этом возвращение государства в социальную сферу не должно рассматриваться как закрепление тенденций патернализма, когда государство полностью берет на себя все обязательства по социальному благополучию населения. Государство в таком случае выступает одним из ведущих субъектов социально-экономических отношений» [14].

Так, в вопросе социальных услуг приветствуется частно-государственное партнерство, аутсорсинг государственной функции по их предоставлению.

В соответствии с законодательным определением, данным в ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации», «социальная услуга — действие или действия в сфере социального обслуживания по оказанию постоянной, периодической, разовой помощи, в том числе срочной помощи, гражданину в целях улучшения условий его жизнедеятельности и (или) расширения его возможностей самостоятельно обеспечивать свои основные жизненные потребности» [5]. Анализ актуальной редакции процитированного закона показывает, что на данный момент реализуется схема, при которой непосредственно деятельность по оказанию социальных услуг населению осуществляется по большей части юридическими лицами и частными предпринимателями, а государство берет на себя обязанности по общей организации и координации этой деятельности, установлению критериев для определению нуждающихся в той или иной услуге (имеющих право на ее получение), установлению количественных, темпоральных и качественных стандартов в отношении той или иной услуги, контролю и надзору (в том числе в части качества предоставляемых услуг), установлению налоговых льгот и иных преференций для провайдеров — организаций и лиц, предоставляющих социальные услуги гражданам. При преобладании такой схемы, некоторые социальные услуги оказывают все же непосредственно бюджетные организации социального обслуживания, находящиеся в ведении федеральных и региональных органов исполнительной власти.

В Республике Казахстан действует Закон «О специальных социальных услугах», согласно которому «специальные социальные услуги — комплекс услуг, обеспечивающих лицу (семье), находящемуся в трудной жизненной ситуации, условия для преодоления возникших социальных проблем и направленных на создание им равных с другими гражданами возможностей участия в жизни общества» [4]. Отметим в качестве отличительной и положительной черты данного закона его хорошую терминологическую проработанность: здесь, в частности, даны легальные дефиниции таких важных для правореализационной практики понятий, как «социальная среда», «трудная жизненная ситуация», «социальная дезадаптация», «социальная депривация». Кроме того, в 2019 г. Закон был дополнен главой, устанавливающей правовые основы функционирования «Национального превентивного механизма», представляющего собой систему предупреждения пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания. В российском законе об основах социального обслуживания граждан аналогичные или даже просто близкие по содержанию нормы отсутствуют. Безусловно, реализаторам казахстанской социальной политики теперь необходимо собрать конструктивные элементы национального превентивного механизма (нормативно-правовые и институциональные) так, чтобы этот механизм «вписался» именно в социальный контекст. Иначе не совсем понятно, почему эти нормы включены в социальное законодательство, а не в уголовно-исполнительное, или не оформлены в качестве самостоятельного акта законодательства. Впрочем, структурная логика в данном случае заключается, по-видимому, в том обстоятельстве, что Закон РК направлен на урегулирование не всех, а именно «специальных» услуг, адресованных лицам, попавшим в трудную жизненную

ситуацию. В свою очередь, содержание под стражей, пребывание в «организациях, подлежащих превентивному посещению» и есть разновидность трудной жизненной ситуации. Как представляется, подобный «социальный» подход — большой шаг вперед в деле ресоциализации лиц, совершивших противоправные поступки, защиты их прав.

Помимо указанных базовых законов, в социальное законодательство как России, так и Казахстана входит несколько десятков актов, устанавливающих правовые основы реализации социальной политики в отношении отдельных категорий граждан (инвалиды, пенсионеры, дети, многодетные семьи, сироты, безработные, временно нетрудоспособные и т. п.), а также по отдельным направлениям (выплата отдельных типов пособий, компенсация на погребение, благотворительность, стимулирующие выплаты в сфере демографической политики и т. п.). Например, Закон РК «О государственных социальных пособиях по инвалидности и по случаю потери кормильца в Республике Казахстан» [1], Закон РК «О государственной адресной социальной помощи» [3] и др.

Существенной отличительной чертой социального законодательства Республики Казахстан является наличие Закона о минимальных социальных стандартах и их гарантиях [6], Как мы ранее уже отмечали в своих публикациях, он представляет собой подробный, тщательно проработанный акт законодательства, в котором с достаточной полнотой урегулированы отношения по поводу установления и реализации государственных минимальных социальных стандартов, а также их гарантии [19]. При этом два названных законодательных акта РК взаимосвязаны. В частности, в Законе о специальных социальных услугах установлено, что гарантированный объем специальных социальных услуг является минимальным социальным стандартом в сфере социального обеспечения в соответствии с Законом РК «О минимальных социальных стандартах и их гарантиях».

В Российской Федерации в данный момент важнейший вопрос о государственных минимальных социальных стандартах решается непоследовательно, хаотично и, с учетом его общественной значимости, недопустимо медленно. Централизованное (посредством «базового» закона) правовое регулирование отсутствует. Юридическая техника и правотворческие технологии введения социальных стандартов отличаются необоснованным многообразием и бессистемностью. Действует несколько десятков федеральных законов, а также изданных разными субъектами исполнительной власти подзаконных нормативных правовых актов, «вразнобой» устанавливающих государственные минимальные социальные стандарты. Соответствующее правовое регулирование самостоятельно осуществляют также органы государственной власти субъектов Российской Федерации.

Во второй половине 1990-х — начале 2000-х годов осуществлялись попытки установить основы, принципы правового регулирования данной сферы. Установка на решение этой задачи была дана в 1996 г. Президентом РФ [7]. Соответственно, в 1997 г. был разработан и внесен в Государственную Думу РФ Правительством РФ проект федерального закона № 97023482-2 «О государственных минимальных социальных стандартах». Однако в дальнейшем он был снят с рассмотрения. Спустя 5 лет был разработан группой депутатов и в мае 2002 г. внесен в Государственную Думу проект федерального закона № 209727-3 «О минимальных государственных социальных стандартах». Один из

депутатов-инициаторов при этом отметил: «Основное значение введения института минимальных государственных социальных стандартов мы видим как раз в том, что их применение позволит обсчитать реальные затраты бюджетов на выполнение тех или иных социальных гарантий. При этом мы ведем речь о конституционных гарантиях. С введением стандартов достигается соответствие объему полномочий того или иного уровня власти и управления объема переданных для их реализации средств. И, соответственно, возникает механизм ответственности власти за исполнение своих функций. Граждане смогут реально оценивать работу избранной власти. В конечном итоге, мы ведем речь не просто о том или ином объеме полномочий и средств, а об эффективности управления» [16]. Законопроект получил все необходимые заключения, был принят в первом чтении в июне 2003 г., после чего его дальнейшее движение прекратилось. Спустя 14 (!) лет, в январе 2017 г. Комитет по труду, социальной политике и делам ветеранов Государственной Думы ФС РФ дал на законопроект отрицательное заключение, указав, что «С момента принятия законопроекта в первом чтении были внесены значительные изменения в законодательство Российской Федерации в части разграничения полномочий органов государственной власти и местного самоуправления. Существенной трансформации подверглась также система межбюджетных отношений». Поэтому проект противоречит действующему законодательству о местном самоуправлении и бюджетному законодательству. И, соответственно, 8 февраля 2017 г. постановлением Государственной Думы законопроект был отклонен [11]. При этом ничего не сказано о концептуальной необходимости закона о государственных минимальных стандартах вообще, нет информации — готовится ли новый актуальный проект, соответствующий современным социальным и правовым реалиям. Окончательную точку в вопросе поставил опять же Президент РФ, спустя 21 год, отменив так и не выполненную законодателем правотворческую установку, данную его предшественником [9].

Думается, что судьба проекта федерального закона № 209727-3 «О минимальных государственных социальных стандартах» является одним из самых ярких отрицательных примеров правотворческой нерасторопности нижней палаты российского парламента. Важные социально-правовые новеллы были сначала «задискутированы», прохождение проекта по правотворческим инстанциям необоснованно «заволокичено». Само собой, с учетом динамики общественного развития и правовой системы, после 14-летней паузы ни один законопроект не способен сохранить свою актуальность.

Справедливости ради отметим, что проект изначально был подвергнут специалистами достаточно жесткой критике [15]. Однако в наши задачи не входит обсуждение качества проекта федерального закона № 209727-3 «О минимальных государственных социальных стандартах», разработанного в далеком уже 2002 г. Мы полагаем, что наличие технико-юридических и социально-правовых дефектов конкретного проекта вовсе не снимает с законодателя обязанности принятия закона, если концептуально признана его необходимость и социальная значимость, констатировано наличие пробелов в правовом регулировании соответствующей сферы (группы) общественных отношений, выдвинута обоснованная правотворческая инициатива. Очевидно, что, отвергнув некачественный текст, нужно дать задание на доработку проекта, либо на разработку нового, выдвинуть к соответствующим звеньям государственного аппарата, отвечающим

за развитие социальной сферы, требование завершить начатое дело, и осуществить парламентский контроль за выполнением данного требования.

Обратим также внимание на то обстоятельство, что закон должен был занять свое место в логической структуре не только социального законодательства, но и смежных отраслей. Например, в принятом в 2000 г. Федеральном законе «О внесении изменений и дополнений в Бюджетный кодекс Российской Федерации» имеется норма, согласно которой «Пункт 11 и абзац четвертый пункта 52 статьи 1 настоящего Федерального закона вводятся в действие со дня введения в действие федерального закона о государственных минимальных социальных стандартах» [2]. Увы, на сегодня, спустя 19 лет после их принятия, две важные нормы бюджетного законодательства не вступили в действие по причине того, что ожидавшийся закон о государственных минимальных социальных стандартах так и не был принят.

По нашему убеждению, российскому законодателю необходимо устранить существующий правовой вакуум, разработать соответствующий современным социально-правовым реалиям и установившейся иерархии социальных ценностей законопроект, тщательно увязать его с бюджетным законодательством и законодательством о местном самоуправлении и, наконец, принять закон о государственных минимальных социальных стандартах. Тем самым упорядочить и централизовать правовое регулирование данной сферы. Особую актуальность данная задача имеет с учетом федеративной формы государственного устройства, в целях обеспечения единых социального и правового пространства Российской Федерации. При этом полагаем правильным в целях рассматриваемого закона определить государственные минимальные социальные стандарты как элемент механизма правового регулирования — законодательно зафиксированные требования к минимально допустимому уровню обеспеченности граждан социальными благами, к объему и качеству предоставления определенного вида бесплатных социальных услуг для обеспечения прав, свобод и гарантий — элементов правового статуса личности. Помимо этого подлежащим фиксации в законе юридическим инструментом являются также минимальные социальные нормы. Это индивидуальные, групповые или территориальные удельные показатели минимально-необходимой обеспеченности граждан России важнейшими социальными услугами по их видам. Обосновывая важность вопроса, необходимо согласиться с Э. С. Бондаревой в том, что «Государственные социальные стандарты являются не только элементами социальной политики, ориентирами в правотворческой деятельности, средством борьбы с бедностью, механизмом выравнивания социальной обеспеченности граждан.., ...но и частью механизма реализации социальных прав граждан, в том числе их конституционного права на достойный уровень жизни» [13, с. 10].

В процессе разработки, научного обеспечения предлагаемого законопроекта необходимо использовать, помимо прочего, сравнительно-правовую методологию. Нужно изучить международно-правовую базу установления национальных социальных стандартов, а затем опыт государств, в которых подобные законы уже много лет действуют — Республики Беларусь (с 1999 г.), Кыргызской Республики (с 2009 г.), Республики Таджикистан (с 2009 г.) и др. И, конечно, Республики Казахстан, где, как уже указыва-

лось, с 2015 г. действует качественный закон «О минимальных социальных стандартах и их гарантиях».

Казахстанский опыт в данной сфере ценен для России не только наличием названного закона, но и тем обстоятельством, что его положения четко «вписаны» в общую правовую политику в социальной сфере, соотносятся с соответствующим направлением социальной политики, отраженном в специальном документе, где эта социальная политика зафиксирована — Концепции социального развития Республики Казахстан до 2030 г. [10]. В этом документе стратегического планирования установлено: «Гражданам на каждом этапе их жизни будет гарантироваться минимально необходимый уровень предоставления социальных услуг — минимальные социальные стандарты, которые закладывают равные стартовые возможности для самореализации человека». Это один из пяти принципов казахстанской модели социального развития. Минимальные социальные стандарты здесь определены как минимальный объем социальных услуг и денежных выплат, обеспечивающий реализацию установленных в Конституции и других законодательных актах РК социальных гарантий и прав граждан.

В Концепции социального развития Республики Казахстан, написанной на основе глубинного научного анализа, как самой социальной сферы, так и государственного управления ею и правового регулирования, в качестве составной части содержится юридический анализ текущей ситуации. Показаны дефекты в правовом регулировании, выявленные в ходе анализа законодательства Республики Казахстан в социальной сфере, и выработаны направления их устранения, совершенствования законодательства и правоприменительной практики. Иными словами, помимо собственно социальной политики, в данном документе определены и основы правовой политики в социальной сфере, и это обстоятельство дает взаимосвязь названного документа стратегического планирования с другим документом этого же ряда — Концепцией правовой политики РК на период с 2010 до 2020 г. [8], которая является основой для разработки программ по разным направлениям правовой политики государства, перспективных и ежегодных планов законопроектных работ Правительства РК, проектов нормативных правовых актов Республики. Причем это уже не первый документ, он сменил такую же Концепцию, действовавшую в период с 2002 до 2010 гг., т. е. казахстанскими коллегами наработан определенный опыт в деле концептуального планирования правовой политики. Безусловно, наличие подобного «объединительного центра» правовой политики играет существенную роль для построения и отладки внутренне согласованной, непротиворечивой, эффективно работающей правовой системы, центральным звеном которой выступает законодательство. Как справедливо отмечают З. К. Аюпова и Д. У. Кусаинов, документ «нацеливает на модернизацию законодательства, укрепление государства, демократизацию политической системы, имплементацию норм ратифицированных актов международного права. В документе сочетается ориентация на развитие законодательства и государственного управления с преемственностью правовой политики, последовательной реализации потенциала норм Конституции и законодательства, на обеспечение правовыми средствами защиты прав и свобод граждан, национальных интересов страны, устойчивого развития общества» [12]. Нельзя не согласиться с А. В. Малько, который называет «знаковым» событием утверждение данного документа именно главой Казахстана. «Это

означает своеобразный „перевод“ накопленных концептуальных знаний о правовой политике из доктринального документа в документ официальный, содержащий определенные ориентиры для юридической практики, для правового развития общества» [17, с. 24].

В разделе 2.6 Концепции правовой политики РК показаны направления развития юридических механизмов обеспечения социальных прав и реализации современной социальной политики, при этом отмечена неизбежность непрерывного нормотворческого процесса в данной сфере.

Таким образом, наличие рассмотренных в настоящей статье взаимоувязанных политико-идеологических источников права — документов стратегического планирования, на основе которых осуществляется правовая политика в социальной сфере, позволяет Республике Казахстан добиться существенных успехов в реализации различных элементов социальной политики. Отличной иллюстрацией этому служит эффективное правовое регулирование оказания социальных услуг и установления государственных минимальных социальных стандартов. Сложившаяся на сегодня в Российской Федерации система стратегического планирования в правовой сфере подвергается справедливой критике [18]. Упорядоченное правовое регулирование в области государственных минимальных социальных стандартов отсутствует вообще. Поэтому мы считаем целесообразным, чтобы ответственные за выработку и проведение социальной политики в России государственно-властные институты, во взаимодействии с институтами гражданского общества и научным сообществом, детально изучили казахстанский опыт и использовали его в практике российского социально-правового строительства, в разработке и документальной фиксации правовой политики Российской Федерации в социальной сфере. Правовая политика в социальной сфере — это основанная на господствующих идеологических воззрениях и научных разработках, целенаправленная, системная и последовательная деятельность органов государства во взаимодействии с институтами гражданского общества, заключающаяся в определении целей и задач правового регулирования в социальной сфере, выработке правотворческой и правореализационной стратегии социального развития, дальнейшем обосновании и реализации актуальных направлений и конкретных механизмов правового регулирования для наиболее эффективного достижения целей и задач правового регулирования социальных отношений.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *О государственных социальных пособиях* по инвалидности и по случаю потери кормильца в Республике Казахстан: закон Р-ки Казахстан от 16 июня 1997 г. № 126 (ред. от 26.12.2018) // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://adilet.zan.kz.

2. *О внесении изменений и дополнений в Бюджетный кодекс* Российской Федерации: федер. закон от 5 авг. 2000 г. № 116-ФЗ (ред. от 30.09.2017) // СЗ РФ. 2000. № 32. Ст. 3339.

3. *О государственной адресной социальной помощи*: закон Р-ки Казахстан от 17 июля 2001 г. № 246 (ред. от 03.04.2019) // Информационно-правовая система нор-

мативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://adilet.zan.kz.

4. *О специальных социальных услугах*: закон Р-ки Казахстан от 29 дек. 2008 г. № 114-IV ЗРК (ред. от 01.04.2019) // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://adilet.zan.kz.

5. *Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации*: федер. закон от 28 дек. 2013 г. № 442-ФЗ (ред. от 01.05.2019) // СЗ РФ. 2013. № 52 (Ч. I). Ст. 7007.

6. *О минимальных социальных стандартах и их гарантиях*: закон Р-ки Казахстан от 19 мая 2015 г. № 314-V // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://adilet.zan.kz.

7. *Об организации подготовки государственных минимальных социальных стандартов* для определения финансовых нормативов формирования бюджетов субъектов Российской Федерации и местных бюджетов: указ Президента Российской Федерации от 23 мая 1996 г. № 769 // СЗ РФ. 1996. № 22. Ст. 2666.

8. *Концепция правовой политики Республики Казахстан* на период с 2010 до 2020 года: утв. указом Президента Р-ки Казахстан от 24 авг. 2009 г. № 858 // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://adilet.zan.kz.

9. *О признании утратившим силу Указа Президента Российской Федерации* от 23 мая 1996 г. № 769 «Об организации подготовки государственных минимальных социальных стандартов для определения финансовых нормативов формирования бюджетов субъектов Российской Федерации и местных бюджетов»: указ Президента Рос. Федерации от 27 нояб. 2017 г. № 571 // СЗ РФ. 2017. № 49. Ст. 7441.

10. *Об утверждении Концепции социального развития Республики Казахстан* до 2030 года и Плана социальной модернизации на период до 2016 года: пост. Правительства Р-ки Казахстан от 24 апр. 2014 г. № 396 // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://adilet.zan.kz.

11. *Паспорт Проекта федерального закона* № 209727-3 «О минимальных государственных социальных стандартах» // СПС «Консультант плюс» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru.

12. *Аюпова З. К., Кусаинов Д. У.* Правовая политика как инструмент совершенствования правовой системы Республики Казахстан // Евразийская адвокатура. 2013. № 1. С. 145—149.

13. *Бондарева Э. С.* Социальные стандарты по трудовому праву и праву социального обеспечения: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. 177 с.

14. *Даулетханова Ж. Д.* Исследование механизма государственного регулирования социальной сферы Республики Казахстан // Экономический анализ: теория и практика. 2016. № 3. С. 111—120.

15. *Законотворческий процесс в Государственной Думе*. Правозащитный анализ. Выпуск 61 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.memo.ru/hr/gos-duma/61/18.html.

16. *Леонтьев Г. К.* Зачем нам этот закон? // Местное самоуправление: электронная газета [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://emsu.ru/lg/0313/bgd-1.html.

17. *Малько А. В.* Теория правовой политики: моногр. М.: Юрлитинформ, 2012. 328 с.

18. *Мушинский М. А.* Стратегии, концепции, доктрины в правовой системе Российской Федерации: проблемы статуса, юридической техники и соотношения друг с другом // Юридическая техника. 2015. № 9. С. 488—499.

19. *Шаламова А. Н.* Законодательная фиксация государственных минимальных социальных стандартов как элемент механизма обеспечения и защиты правового статуса личности (опыт России и Казахстана) // «Конституция: бірлік, тұрақтылық, өркендеу»: Қазақстан Республикасы Конституциясының 20 жылдығына арналған халықтар. ғыл.-практ. конф. материал-ның жинағы (2015 ж. 28—29 тамыз). — «Конституция: единство, стабильность, процветание»: сб. матер. междунар. науч.-практ. конф., посвященной 20-летию Конституции Республики Казахстан (Астана, 28—29 августа 2015 г.) / Под общ. ред. И. И. Рогова, А. О. Шакирова, Е. Б. Сыдыкова. Астана, 2015. С. 14—20.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. On state social benefits for disability and survivor's pension in the Republic of Kazakhstan: law of the Republic of Kazakhstan dated June 16, 1997 № 126 (ed. by 26.12.2018) // the legal Information system of normative legal acts of the Republic of Kazakhstan "Adilet" [electronic resource]. Mode of access: http://adilet.zan.kz

2. About modification and additions in the Budget code of the Russian Federation : the Federal law of August 05, 2000 No. 116-FZ (edition of 30.09.2017) // Assembly of the legislation of the Russian Federation. 2000. No. 32. St. 3339.

3. On state targeted social assistance : the Law of the Republic of Kazakhstan dated July 17, 2001 No. 246 (ed. by 03.04.2019) // the legal Information system of normative legal acts of the Republic of Kazakhstan "Adilet" [electronic resource]. Mode of access: http://adilet.zan.kz.

4. On special social services : law of the Republic of Kazakhstan dated 29 December 2008 № 114-IV ZRK (ed. by 01.04.2019) // the legal Information system of normative legal acts of the Republic of Kazakhstan "Adilet" [electronic resource]. Mode of access: http://adilet.zan.kz.

5. About bases of social service of citizens in the Russian Federation : Federal law of 28 December 2013 № 442-FZ (ed. from 01.05.2019) // collected legislation of the Russian Federation. 2013. No. 52 (H. I). St. 7007.

6. On minimum social standards and their guarantees: law of the Republic of Kazakhstan dated May 19, 2015 No. 314-V // Information and legal system of normative legal acts of the Republic of Kazakhstan "Adilet" [electronic resource]. Mode of access: http://adilet.zan.kz

7. On the organization of preparation of the state minimum social standards for determination of financial specifications of forming of budgets of subjects of the Russian Federation

and local budgets : the decree of the President of the Russian Federation dated 23 may 1996 № 769 // meeting of the legislation of the Russian Federation. 1996. No. 22. St. 2666.

8. The concept of legal policy of the Republic of Kazakhstan for the period from 2010 to 2020: approved by presidential decree of August 24, 2009 № 858 / / Information and legal system of normative legal acts of the Republic of Kazakhstan "Adilet" [electronic resource]. Mode of access: http://adilet.zan.kz.

9. Annulment of the decree of the President of the Russian Federation dated 23 may 1996 n 769 "About the organisation of preparation of the state minimum social standards for determination of financial specifications of forming of budgets of subjects of the Russian Federation and local budgets": the decree of the President of the Russian Federation from November 27, 2017 No. 571 // meeting of the legislation of the Russian Federation. 2017. No. 49. St. 7441.

10. On approval of the concept of social development of the Republic of Kazakhstan till 2030 and the Plan of social modernization in the period up to 2016 : the government of the Republic of Kazakhstan of 24 April 2014 № 396 // the legal Information system of normative legal acts of the Republic of Kazakhstan "Adilet" [electronic resource]. Mode of access: http://adilet.zan.kz

11. Passport of the Project of the Federal law No. 209727-3 "On minimal state social standards" // SPS Consultant Plus [electronic resource]. Mode of access: http://www.consultant.ru.

12. Ayupova Z. K., Kusainov D. U. Legal policy as a tool for improving the legal system of the Republic of Kazakhstan // Eurasian advocacy. 2013. No. 1. P. 145—149.

13. Bondareva E. S. Social standards on labor law and social security law: dis. kand. the faculty of law. sciences'. M., 2008. 177 p.

14. Balatkhanov J. D. Study of the mechanism of state regulation of social sphere of the Republic of Kazakhstan // Economic analysis: theory and practice. 2016. No. 3. P. 111—120.

15. Legislative process in the state Duma. Human rights analysis. Issue 61 [electronic resource]. Mode of access: http://www.memo.ru/hr/gosduma/61/18.htm.

16. Leontiev G. K. Why do we need this law? // Local government: electronic newspaper [electronic resource]. Mode of access: http://emsu.ru/lg/0313/bgd-1.htm.

17. Malko A.V. Theory of legal policy: monograph. M.: Yurlitinform, 2012. 328 p.

18. Mushinsky M. A. Strategies, concepts, doctrines in the legal system of the Russian Federation: problems of status, legal technique and correlation with each other // Legal technique. 2015. No. 9. P. 488—499.

19. Shalamova A. N. Legislative fixation of the state minimum social standards as an element of the mechanism of ensuring and protection of the legal status of the individual (the experience of Russia and Kazakhstan) // "Constitution: Birlik, tritely, urkendeu": Kazakhstan respublikasy Konstitutsiyasyna 20 Gildiya aralen halyar. al. scient. Conf. material-NY inay (2015 well. 28—29 Valencia-Spain). — "The Constitution: unity, stability and prosperity": SB. Mat. international. scientific.scient. Conf. dedicated to the 20th anniversary of the Constitution of the Republic of Kazakhstan (Astana, August 28—29, 2015) / ed. B. Sydykov. Astana, 2015. S. 14—20.

УДК: 343.2
DOI: 10.24411/2312-3184-2019-00027

Ишигеев Владимир Степанович
профессор кафедры криминалистики Восточно-Сибирского института МВД России, доктор юридических наук, заслуженный юрист республики Бурятия

Ishigeyev Vladimir S.
Chair of Criminalstics, East-Siberian Institute of the Ministry of the Interior of Russia, doctor of law sciense, honored lawyer of the Republic of Buryatia

Лапша Вадим Леонидович
аспирант кафедры уголовного права, криминологии и уголовного процесса, Байкальского государственного университета
e-mail: ivan.2036.ivanov@yandex.ru

Lapsha Vadim L.
graduat student, Chair of Criminal Law and Criminology, Baikal State University
e-mail: ivan.2036.ivanov@yandex.ru

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ОБОСНОВАННОГО РИСКА В АСПЕКТЕ УСТАНОВЛЕНИЯ ЕГО СВОЙСТВ (ПРИЗНАКОВ)

Введение: в статье рассматривается дискуссионный вопрос об уголовно-правовой характеристике обоснованного риска в аспекте установления его свойств (признаков), имеющих уголовно-правовое значение для признания совершенного деяния обстоятельством, исключающим преступность деяния или смягчающим уголовную ответственность.

Материалы и методы: нормативную основу исследования образует уголовное законодательство РФ. Применялись современные общенаучные методы познания социальных процессов и явлений. Проведен анализ научных точек зрения по исследуемому вопросу.

Результатом исследования стало то, что автор, с учетом современной социальной практики, приводит собственную научную точку зрения на свойства (признаки) обоснованного риска.

Выводы и заключения: полученные результаты могут послужить научным обоснованием при формулировании в уголовном законе понятия обоснованного риска. А также более четко и эффективно применять норму об обоснованном риске как обстоятельстве, исключающем преступность деяния.

Ключевые слова: деяние; риск; уголовная ответственность; признаки обоснованного риска; обстоятельство, исключающее преступность деяния.

CRIMINAL LEGAL CHARACTERISTIC OF SUBSTANTIATED RISK IN THE ASPECT OF ESTABLISHING ITS PROPERTIES (SIGNS)

Introduction: the article discusses the debatable issue of the criminal law characterization of reasonable risk in the aspect of establishing its properties (features) that have criminal law significance for recognizing the act as a circumstance that excludes the crime or mitigates criminal liability.

Materials and methods: the criminal law of the Russian Federation forms the normative basis of the study. The author applied some modern general scientific methods of cognition of social processes and phenomena and made the analysis of scientific points of view on the issue.

The result of the study was that the author, taking into account modern social practice, brings his own scientific point of view on the properties (signs) of justified risk.

Conclusions and results: the results can serve as a scientific justification for the formulation of the concept of reasonable risk in the criminal law. It can also apply the rule on reasonable risk as a circumstance that excludes the crime of an act more clearly and efficiently.

Keywords: act, risk, criminal liability, evidence of justified risk, circumstance excluding the crime of the act.

В судебно-следственной практике вызывают трудности применения ст. 41 УК РФ об обоснованном риске в силу недостаточной ее уголовно-правовой характеристики. В данном случае речь идет об уголовно-правовой характеристике обоснованного риска через установление свойств (признаков), характеризующих его как обстоятельство, исключающее преступность деяния и, соответственно, имеющих уголовно-правовое значение для субъекта риска.

Так, в уголовно-правовой доктрине специальных исследований, посвящённых свойствам (признакам), обоснованного риска не было, в связи с чем и возникла теоретическая неопределенность свойств (признаков) обоснованного риска препятствующая применению на практике ст. 41 УК РФ.

На практике необходимость четкого определения свойств (признаков) обоснованного риска в конкретной ситуации имеет значение для субъекта риска, а также это необходимо для эффективного и справедливого применения уголовного закона в спорных ситуациях. Например, в части уголовно-правовой оценки действий сотрудников спецподразделений при применении ими специальных средств и оружия при трагических событиях, связанных с захватом заложников во Франции, Беслане и на Дубровке.

Например, характеризуя риск при освобождении заложников, В. В. Бабуриным и А. Н. Хоменко указывается на то, что это вынужденные действия, «осуществляемые в экстремальной ситуации, условиях неопределенности и альтернативности, при осознании ими возможности причинения этими действиями тяжкого вреда (смерти) лицу, совершившему данное общественно опасное деяние, или захваченным заложникам». Эти действия заключаются «в выборе определенного варианта пресечения данного общественно опасного деяния», «основанного на соблюдении норм закона и соответствующего требованиям нормативных ведомственных актов»[1].

Данная позиция ученых характеризует риск, свойственный правоохранительной сфере, в которой возникают неоднозначные и сложные ситуации, связанные, например, с освобождением заложников.

На наличие такого объективного свойства (признака), как «вынужденности», также указывает и А. Л. Савенок который при этом называет «риск вынужденным или неизбежным»[6].

Данный вид обоснованного риска, а именно правоохранительный, еще раз подчеркивает необходимость четкого и ясного определения свойств (признаков) риска для признания его как обстоятельства, исключающего преступность деяния.

При обстоятельствах с освобождением заложников для обоснованного риска будут также иметь значение следующие свойства (признаки): во-первых, это свойство (признак) вынужденности, который характерен в целом правоохранительной деятельности, т. к. любое промедление может повлечь неопределенные последствия.

Во-вторых, это такое свойство (признак), который характерен для риска в любой сфере деятельности, как неопределенность, а именно в части последствий действий лица. А также некоторые другие свойства (признаки), характерные в целом обоснованному риску, такие как: соответствие действий, правовым актам, инструкциям и правилам, а также ненарушение запрета, установленного законом.

Например, та или иная сфера деятельности человека регламентируется определенными правилами в целях эффективности ее развития, а также предотвращения причинения вреда охраняемым уголовным законам отношениям.

Соответственно, даже при всем многообразии правил есть риск причинения вреда, если лицо в общественно полезных целях решит их нарушить. Уголовно-правовые последствия их нарушения и причинения при этом вреда предусмотрены в уголовном законе. Например, ст. 143 УК РФ «Нарушение требований охраны труда», ст. 215 УК РФ «Нарушение правил безопасности на объектах атомной энергетики», ст. 216 УК РФ «Нарушение правил безопасности при ведении строительных или иных работ», ст. 217 УК РФ «Нарушение требований промышленной безопасности» и др.

В связи с этим, по нашему мнению, представляют интерес свойства (признаки), характеризующие объективную и субъективную стороны риска как деяния, а именно: лицо, приняв решение о риске как действии с возможным причинением вреда, охраняемым уголовным законом общественным отношениям, должно полностью осознавать свой поступок. Таким образом, быть в полной мере готовым в случае неудачи нести уголовную ответственность.

Рискованное действие должно быть предусмотрено в той или иной сфере деятельности как «запасной» вариант, без которого невозможно достижение определенных общественно полезных результатов.

Кроме основных апробированных вариантов действий достижения социально полезных целей обоснованный риск, как дополнительный вариант действий, также должен быть не только предусмотрен теми или иными правилами, но и быть практически обоснованным на предмет безопасности для окружающих.

Действуя рискованно, лицо должно, кроме достижения цели, еще и обращать внимание на то обстоятельство, что его действия не должны иметь противоправный характер, который характерен для преступления.

Так, при отнесении рискованных действий к обстоятельствам, исключающим преступность деяния, имеет значение такой объективный признак, как принятие лицом мер предосторожности. Соответственно, прежде чем идти на риск, необходимо обезопасить другие объекты охраны уголовного закона и, соответственно, себя юридически от возможности быть подвергнутым уголовной ответственности.

Также действия лица должны соответствовать требованиям безопасности, но также учитывать экстремальные условия, например, при освобождении заложников.

Риск как таковой может быть следствием положительных действий лица, превысившего или нарушившего правила безопасности. Например, он может вытекать из самой социальной обстановки, как условие для обновления общественных благ, так и их сохранения. В связи с чем в уголовно-правовой доктрине существуют различные мнения по вопросу о свойствах (признаках), характеризующие риск, закрепленный в уголовном законе.

Так, А. С. Шумков называет такие свойства (признаки) обоснованного риска, которые характеризуют его как обстоятельство, исключающее преступность деяния: «1) деяние сопряжено с нарушением или несоблюдением специальных правил, призванных предупреждать наступление вредных последствий; 2) основанием совершения такого деяния выступает общественно полезная цель; 3) объективная невозможность достижения преследуемой цели совершением деяния, не связанного с нарушением или несоблюдением специальных правил; 4) имеется вероятность, что результат, преследуемый лицом, отклонится от ожидаемого значения вследствие нарушения или несоблюдения специальных правил, призванных

предупреждать наступление вредных последствий, и потому резюмируется обязанность принятия лицом достаточных мер для предотвращения вреда охраняемым уголовным законом интересам; 5) деяние, несмотря на предпринятые достаточные меры предосторожности, привело к наступлению вреда охраняемым уголовным законом интересам» [8, с. 8].

А. Ю. Шурмудов, рассматривая признаки обоснованного риска, пришел к следующему его определению: «обоснованный риск — это совершенные с общественно полезной целью действия, повлекшие причинение вреда правоохраняемым интересам, если поставленная цель не могла бы быть достигнута другими, не связанными с риском действиями, и лицо приняло все возможные, зависящие от него меры, для предотвращения вреда» [9, с. 13—14].

В целом такая точка зрения автора во многом схожа с условиями правомерности, закрепленными в уголовном законе.

Частично в своей работе на свойства (признаки) обоснованного риска, т. е. его уголовно-правовую характеристику как обстоятельства, исключающего преступность деяния, обращал внимание Н. Ш. Козаев[4]. Ученый исследовал социально-правовое понятие риска и, соответственно, рассматривал присущие ему свойства (признаки), которые были также и предметом социально-философских исследований: «деятельность, неопределенность, вероятность, противоречивость, опасность» [3].

Далее развернутую характеристику свойств (признаков) обоснованного риска приводит С. С. Захарова [2], которая (свойства) признаки обоснованного риска условно подразделяет на две группы: «к моменту принятия решения о совершении рискованного деяния» [2] и «относящиеся к совершенному деянию» [2].

Характеризуя приведенную С. С. Захаровой классификацию свойств (признаков) обоснованного риска, укажем следующее:

1. Относящиеся к начальной стадии принятия решения:

1.1. «Общественно полезная направленность действий».

Уголовным законом указывается, что рискованные действия, при которых имеется возможность причинения вреда общественным отношениям, допускаются только для достижения общественно полезной цели.

В связи с этим отметим, что действия человека всегда направленны на достижения определенной цели, которая вызвана человеческой потребностью в чем-либо.

Цель может быть как основной, ради которой субъект рискует, так и промежуточной. Промежуточная цель характеризуется тем, что человек, прежде чем достигнуть основной цели, должен быть уверенным в том, что достигнет ее, для чего ставит перед собой данную цель.

Таким образом, цель должна быть «общественно полезной» и «социально допустимой». Если цель «корыстна» она не может определяться как «общественно полезная».

Когда ясна цель, человек определяет средства для ее достижения. В рискованной ситуации это должны быть такие средства, которые являются необходимыми, социально допустимыми, а также альтернативными, т. е. с возможностью выбора наиболее эффективных.

1.2. Объективная необходимость действий.

Данное свойство (признак) характеризует «объективную» необходимость лица рисковать в сложившиеся ситуации. По причинам глобального и сложного процесса динамизма развития общества складываются так называемые «ситуации риска», когда появляется новая «общественная идея» или «новое общественное явление», которые характеризуются свойствами (признаками), схожими со свойствами, характеризующими риск, и в которых имеющийся у лица арсенал действий становится «устаревшим». А новые, еще не «апробированные» в социальной практике действия, являются рискованными.

Но рисковать человек не может, «риск» признается двигателем общественного развития всех составляющих социума его научной и технической стороны. В подтверждение этому приводится пример с лекарственными вакцинами, а также с высокоскоростными техническими средствами передвижения.

Так, прежде чем испытывать на людях, а за тем и пускать в массовое производство, изобретенное учеными лекарственное средство его испытывают на лабораторных животных. Если результат удачный, то последующими испытателями становятся добровольцы, которые принимают участие в испытании лекарственного средства. Но если результат отрицательный, то лекарственное средство не подлежит дальнейшему испытанию на людях, т. к. очень велик риск причинения как вреда здоровью, так и смерти.

Технические механизмы также подлежат испытанию, например, есть объективная необходимость испытывать перед пуском в производство и перемещением людей и грузов авиалайнеры, иначе есть риск не столько повредить (потерять) перевозимый груз, сколько подвергнуть большой опасности жизнь и здоровье пассажиров.

1.3. «Альтернативности вариантов действий».

Альтернативность вариантов поведения также является необходимым свойством обоснованности риска, т. к., имея соответствующий выбор, субъект может причинить больший или меньший вред общественным отношениям либо не причинить и вовсе.

Данные варианты поведения должны быть подготовленными и соответствовать, как отмечают отечественные и зарубежные ученые, современным знаниям и опыту, характерным для соответствующей области.

Также отмечается, что свойство альтернативности является составляющим структуры свободы воли человека.

Названные выше обстоятельства представляют собой субъективную характеристику «рискованной ситуации», представляющую собой оценку лицом своих возможностей достижения поставленной цели.

При всем этом лицо, оценив свои возможности и потенциальную возможность достижения цели также имеет вариант отказаться от рискованных действий. Такой вариант действий при оценке объективно сложившейся ситуации лицом также может быть расценен, как «рискованное действие».

1.4. «Вынужденность действовать».

Свойство (признак) «вынужденности действий» больше характерен крайней необходимости и на практике препятствует правильной квалификации деяния, совершенного при обоснованном риске.

Таким образом, свойство «вынужденности действовать» выражает моральную сторону психического состояния лица.

Так, у лица может и не быть времени оценить другие варианты поведения. Например, в ситуации, «спасения человека, упавшего на рельсы, и нога которого оказалось зажатой между рельсами, у рискующего нет объективно времени оценивать какие-либо другие варианты поведения, кроме как рисковать собственной жизнью».

Данное свойство (признак) также может иметь место при наличии предыдущего признака альтернативности действий.

1.5. «Неопределенности достижения общественно полезной цели и причинения вреда».

Названное свойство, в отличие от свойства альтернативности, которое выражает степень осознания рискующим своих действий и возможных последствий, основывается на обстоятельствах, которые не зависят от воли и желания лица.

Таким образом, когда субъект выбирает определенный вариант поведения, предполагается что он предвидит вероятность причинения вреда объектам уголовно-правовой охраны и в связи с этим предпринимает определенные меры предосторожности, но, независимо от этих действий, негативные последствия наступают.

В связи с этим объективной причиной такого развития событий может быть недостаток информации у субъекта, а также присутствие таких факторов, как случайности и вероятности при данном поведении.

Так, вследствие отсутствия полной информации об «объекте риска» достижение цели становится вероятным, а негативные последствия делом случая, объективно независящего от субъекта.

Хотя при данных условиях и сохраняется возможность выбора, но у такого риска высока степень неопределенности, в связи с чем есть вероятность негатив-

ного результата. Риск с таким исходом подлежит правовой оценке на предмет его обоснованности, а также правомерности причиненного при этом вреда.

Подготовившись к риску, субъект начинает действовать, что характеризуется следующими признаками.

2. Свойства (признаки), относящиеся к деянию, связанному с риском:

2.1. «Социальной допустимости».

Первое из названной группы свойство социальной допустимости действий «пересекается» с признаком первой группы общественно полезной направленности в связи с этим отметим несколько моментов.

Во-первых, если действие имеет направленность на общественные отношения, то, соответственно, оно является и допустимым со стороны социума.

Во-вторых, если риск имеет целью социально полезный результат, то его допускает и уголовное законодательство в качестве специфического поведения человека, являющегося при соответствующих обстоятельствах «добровольным источником опасности» причинения вреда общественным отношениям. По вопросу о происхождении опасности существуют споры в научной среде.

Так, одни ученые считают, что лицо, как было отмечено выше, добровольно изъявляет желание стать источником опасности в силу достижения общественно полезной цели.

Вторые отмечают, что лицо уже вступает в сложившуюся опасную ситуацию с характерной возможностью негативного исхода для общественных отношений, охраняемых уголовным законом.

2.2. «Подготовленности действия».

Допустив, таким образом, возможность причинения вреда общественным отношениям, законодатель указал, что лицо при риске должно предпринять «достаточные меры для предотвращения вреда»[1], характеризовав на законодательном уровне действия, как подготовленные.

Акцент законодателя на мерах, которые должно предпринять лицо, свойственно только обоснованному риску, в отличие от других обстоятельств, исключающих преступность деяния, предусмотренных главой 8 УК РФ.

В силу этого положения действия, кроме их субъективной осознанности, должны быть лицом объективно подготовленными, что, в свою очередь, предполагает тщательно спланированный и подготовленный лицом весь процесс риска с целью наименьшего причинения вреда общественным отношениям.

В целом складывается ситуация, как было отмечено, когда прошлые образы действий уже не подходят для новых жизненных условий, к которым приходится

[1] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.07.2018) [Электронный ресурс] // СПС «Консультант плюс».

адаптироваться социуму. В связи с этим и возникают ситуации, в которых лицо идет на риск.

При этом содержание такого риска характеризуется лишь возможным достижением цели в момент принятия лицом решения о риске или отказе от такового, причинение вреда является неопределенным при принятых лицом достаточных мерах, вопрос о которых также вызывает дискуссии в научной среде.

2.3. Специфическое и не характерное для обоснованного риска как социально полезного действия свойство «вредоносности» также выделяется при анализе рискованных действий. Оно заключается в «природной неопределенности» развития «общественно рискованных ситуаций», где есть возможность причинения вреда общественным отношениям.

2.4. «Обоснованности (правомерности)».

Специфичным именно для уголовного права является то, что риск должен быть обоснованным, в связи с чем деяние не должно быть признано преступным. Были предложены отечественными учеными другие наименования данного свойства, такие как «оправданный» или «правомерный».

При наличии свойства (признака) обоснованности можно говорить о наличии сознательной со стороны рискующего оценки развития рискованной ситуации. Также в такой ситуации можно заключить, что лицо идет на риск осознанно с максимальным использованием имеющихся знаний и опыта в той сфере деятельности, в которой он рискует. Наличие данного свойства обоснованности, а также свойственного ему правомерности позволяет в целом оценить причинение вреда как правомерное с соблюдением соответствующих условий или противоправное при их превышении.

В этой связи необходимо отметить, что если рассматривать риск как объективно-субъективную ситуацию, то необходимо, по нашему мнению, выделять еще свойства (признаки) рискованных последствий, т. к. именно от них в какой-то части зависит и решение вопроса о наступлении уголовной ответственности лица или ее исключении.

Таким образом, в социуме (обществе) появляется все больше социальных ситуаций, которым необходим или свойственен риск.

Например, обоснованный риск в медицинской сфере А. В. Серова характеризует следующим образом: «профессиональный риск медицинских работников сочетает в себе признаки тех обстоятельств, которые по юридической природе относятся к осуществлению права» [7]. Соответственно, осуществление законного права в виде одного из обстоятельств, исключающих преступность деяния, главой 8 УК РФ не предусмотрено.

Высказанное мнение о наличии риска в медицине подтверждается и другим фактом.

Некоторые ученые, обосновывая необходимость применения института, обоснованного риска, отмечают что «потребность в нем применительно к медицинской сфере ощущалась остро, так как медицинская наука находится в непрерывном развитии, идет постоянный поиск новейших способов диагностики и лечения, проводятся научные эксперименты» и т. д. [5].

Соответственно, для медицинского риска, как одного из видов обоснованного риска, характерны свои свойства (признаки). Но по нашему мнению, будь то медицинский риск или риск в деятельности правоохранительных органов при применении ими специальных средств и оружия, повлекших причинение вреда, на котором акцентируют особое внимание С. Ф. Милюков и А. И. Каплунов[3].

По нашему мнению, в целом обоснованному риску, как обстоятельству, исключающему преступность деяния, свойственны три группы свойств (признаков):

Первая группа характеризует положительную направленность действий, а именно такое свойство (признак), как достижение «общественно полезной цели».

Вторая группа: признаки, характеризующие обоснованность действий: «если указанная цель не могла быть достигнута не связанными с риском действиями (бездействием), и лицо ...предприняло достаточные меры для предотвращения вреда».

Третья группа свойств (признаков) характеризует необоснованность риска: «если он заведомо был сопряжен с угрозой для жизни многих людей, с угрозой экологической катастрофы или общественного бедствия».

В целом обоснованный риск является обстоятельством, исключающим именно признак преступности деяния, который необходим для признания действий преступными и уголовно-наказуемыми, в связи с чем влекущими уголовно-правовую ответственность.

В соответствии с законом, в данном случае уголовным, в котором правомерность и противоправность деяния определяются на основе регламентации и установления именно свойств (признаков), характерных для них.

В связи с этим непреложным обстоятельством (законом) ст. 41 УК РФ должна содержать свойства (признаки), характеризующие именно правомерность и неправомерность рикованных действий, а также в целом определения риска именно как правомерного деяния, исключающего наступление уголовной ответственности при установлении характеризующих его свойств (признаков).

Таким образом, по нашему мнению и с учетом предложенных в науке классификаций признаков, обоснованный риск с уголовно-правовой точки зрения характеризуется следующими свойствами (признаками) имеющими уголовно-правовой статус, и значение для рискующего в части наступления уголовной ответственности или ее смягчения:

1. Осознанность действий.

Свойство (признак) осознанности действий включает в себя весь комплекс субъективных признаков, что позволяет в целом говорить об осознанности субъектом всего рискованного процесса. Также предполагает заключить, что лицо рисковало, исходя не из собственной корыстной цели, а для достижения общественно полезной цели. Наличие такого свойства должно исключать преступность деяния и применение мер уголовно-правового воздействия.

2. Общественная полезность действий лица.

Данное свойство (признак) характеризуется тем, что тот результат, к которому стремится лицо, будет иметь значение для всего общества в положительном плане. Это характерно, например, для научной, медицинской и правоохранительной сферы.

3. Направленность действий на сохранение или изменение общественного блага посредством рискованных действий.

Свойство (признак) сохранности общественного блага при рискованных действиях его изменить предполагает, что рискующий при любом развитии ситуации риска не должен утратить данное благо, которое он сознательно подвергает риску. Сохранность или изменение благ с помощью не апробированных средств и методов, а именно осознание этого лицом также предполагает, что в будущем им не должен быть причинен вред, при наличии которого они будут утрачены, а именно в случаи неблагоприятного исхода рискованной деятельности. При наличии соответствующего свойства (признака) должны исключаться преступность деяния и применение мер уголовно-правового воздействия.

4. Неперерастание в действие по умышленному причинению вреда, т. е. в преступление;

Наличие свойства (признака) «неперерастания» благих действий в преступные предполагает, что лицо не имело цели и желания причинения вреда общественным отношениям, что также должно влечь за собой исключение преступности деяния и применения мер уголовно-правового воздействия.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Бабурин В. В., Хоменко А. Н.* Уголовно-правовая оценка рискованных действий по освобождению заложника / В. В. Бабурин, А. Н. Хоменко // Вестн. Сиб. ин-та бизнеса и информ. Технологий. 2016. № 1 (17). С. 105—111.

2. *Захарова С. С.* Обоснованный риск в уголовном праве Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / С. С. Захарова. М., 2005. 237 с.

3. *Каплунов А. И., Милюков С. Ф.* Применение и использование боевого ручного стрелкового, служебного и гражданского огнестрельного оружия. СПб, 2003. 363 с.

4. *Козаев Н. Ш.* Обоснованный риск как обстоятельство, исключающее преступность деяния: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Н. Ш. Козаев. М., 2000. 176 с.

5. *Павлова Н. В.* Уголовно-правовое регулирование медицинской деятельности: автореф. ... дис. канд. юрид. наук: 12.00.08 / Н. В. Павлова. М., 2006. 20 с.

6. *Савенок А. Л.* Риск в уголовном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / А. Л. Савенок. Минск,1997. 21 с.

7. *Серова А. В.* Профессиональный риск медицинских работников как вид обоснованного риска: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 1999. 22 с.

8. *Шумков А. С.* Обоснованный риск как обстоятельство, исключающее преступность деяния: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 174 с.

9. *Шурдумов А. Ю.* Обоснованный риск как обстоятельство, исключающее преступность деяния: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. 190 с.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

1. Baburin V. V., Khomenko A. N. Criminal legal assessment of risk-taking, hostage release / V. V. Ivanov, A. N. Khomenko // Bulletin of the Siberian Institute of business and information technology in 2016. № 1 (17).

2. Zakharova S. S. Reasonable risk in criminal law of the Russian Federation: dis. ... Cand. the faculty of law. Sciences: 12.00.08 / S. S. Zakharova. M., 2005. 237 p.

3. Kaplunov A. I., Milyukov S. F. Application and use of military manual small arms, service and civil firearms. SPb. 2003. 363 p.

4. Kozaev N. S. Reasonable risk as a circumstance precluding the criminality of the act: dis. ... Cand. the faculty of law. sciences: 12.00.08 / N. S. Kozaev. M., 2000. 176 p.

5. Pavlova N. V. Criminal legal regulation of medical activity: autoref. ... dis. Cand. the faculty of law. Sciences: 12.00.08 / N. V. Pavlov. M., 2006. 20 p.

6. Savenok A. L., risk in criminal law: author. dis. ... Cand. the faculty of law. Sciences: 12.00.08 / A. L. Savenok. Minsk,1997. 21 p.

7. Serov V. A. occupational hazard of health workers as a form of reasonable risk: author. dis. ... Cand. the faculty of law. sciences. Yekaterinburg., 1999. 22 p

8. Shumkov A. S. Reasonable risk as a circumstance precluding the criminality of the act: Dis.... Cand. the faculty of law. sciences. M., 2007. 174 p.

9. Shurdumov A. Y. Reasonable risk as the circumstance excluding criminality of act: dis. kand. the faculty of law. sciences. M., 2003. 190 p.

УДК: 343.3
DOI: 10.24411/2312-3184-2019-00028

Хоменко Анатолий Николаевич
доцент факультета очного обучения
Сибирского института бизнеса
и информационных технологий
(г. Омск)
кандидат юридических наук
доцент
E-mail: an.homenko65@mail.ru

Черемнова Наталья Александровна
старший преподаватель кафедры
уголовного права
Омской академии МВД России
кандидат юридических наук
E-mail: zeremnowa@list.ru

Khomenko Anatoliy Nikolaevich
associate professor of the Faculty of full-time
education Siberian Institute of business
and information technologies
(Omsk)
candidate of law
associate professor,
E-mail: an.homenko65@mail.ru

Cheremnova Natalya Aleksandrovna
senior lecturer
Department of Criminal Law
Omsk Academy of the Ministry of Internal
Affairs of the Russian Federation
candidate of law
E-mail: zeremnowa@list.ru

ОТГРАНИЧЕНИЕ ЭКСТРЕМИСТСКИХ ПРОЯВЛЕНИЙ ОТ ПРАВОМЕРНОГО ПОВЕДЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ СТ.СТ. 20.3, 20.3.1 КоАП РФ И СТ.СТ. 280, 282 УК РФ

Введение: в статье исследуются вопросы соблюдения гарантированных Конституцией РФ прав и свобод человека и гражданина: проводится разграничение правомерного поведения и экстремистских проявлений.

Отмечается распространенность случаев незаконного привлечения лиц к ответственности за совершение посягательств экстремистского характера.

Материалы и методы: нормативную основу исследования образуют Конституция РФ, общепризнанные принципы и нормы международного права, нормативно-правовые акты, регламентирующие вопросы применения законодательства в сфере борьбы с экстремизмом.

Методологической основой исследования послужил общий диалектический метод научного познания, носящий универсальный характер, методы логической дедукции, индукции, познавательные методы, сравнения, анализа, обобщения и описания.

Результаты исследования позволили сформировать критерии, облегчающие разграничение правомерного поведения и экстремистских проявлений. Рассуждения подкрепляются актуальными примерами из практической деятельности, рекомендациями,

которые могут быть использованы в процессе изучения административного, уголовного законодательства, в правоприменительной деятельности.

Выводы и заключения: на основе анализа нормативно-правовых актов, регулирующих вопросы применения уголовного законодательства в сфере борьбы с экстремизмом, отмечается отсутствие единого понимания терминов диспозиций ст.ст. 20.3, 20.3.1 КоАП РФ и ст.ст. 280, 282 УК РФ.

Ключевые слова: экстремизм; пропаганда либо публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики; возбуждение ненависти либо вражды; свастичные символы.

DELIMITATION OF EXTREMISM FROM LAWFUL BEHAVIOR IN THE CONTEXT OF ART. 20.3, 20.3.1 OF THE ADMINISTRATIVE CODE AND ART. 280, 282 OF THE CRIMINAL CODE

Introduction: the article examines the observance of human and civil rights and freedoms guaranteed by the Constitution of the Russian Federation: a distinction is made between lawful behavior and extremist manifestations.

The prevalence of cases of unlawful bringing of persons to justice for the commission of extremist offenses is noted.

Materials and methods: the regulatory framework of the study is formed by the Constitution of the Russian Federation, generally accepted principles and norms of international law, normative legal acts governing the application of legislation in the fight against extremism.

The methodological basis of the study was the general dialectical method of scientific knowledge, which is universal in nature, the methods of logical deduction, induction, cognitive methods, comparison, analysis, synthesis and description.

Results allowed to form criteria that facilitate the distinction between legitimate behavior and extremist manifestations. Reasonings are supported by actual examples from practical activities, recommendations that can be used in the process of studying administrative, criminal law, in law enforcement.

Summary and conclusions: analyzing the legal acts regulating the application of criminal law in the fight against extremism, there is a lack of common understanding of the terms of dispositions of Art. 20.3, 20.3.1 of the Administrative Code and Art. 280, 282 of the Criminal Code.

Keywords: extremism, propaganda or public demonstration of Nazi paraphernalia or symbols, incitement of hatred or enmity, swastika's symbols.

Конституция Российской Федерации гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина, запрещает любые формы ограничения прав граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности (ст. 19). Вместе с тем, гарантируя свободу мысли и слова, основной закон запрещает какое-либо воздействие, возбуждающее ненависть или вражду по принципу превосходства одной группы над другой (ст. 29).

В интересах реализации названных конституционных запретов и выполнения международных обязательств в российском законодательстве предусмотрена ответственность за совершение посягательств экстремистской направленности.

Инструментами реализации указанных конституционных норм являются положения Федерального закона Российской Федерации от 25.07.2002 № 114-ФЗ (ред. от 23.11.2015) «О противодействии экстремистской деятельности», ст. 20.3 КоАП РФ «Пропаганда либо публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики экстремистских организаций, либо иных атрибутики или символики, пропаганда либо публичное демонстрирование которых запрещены федеральными законами», ст. 20.3.1 КоАП РФ «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства», а также ст. 280 «Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности» и ст. 282 УК РФ «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства» и другие нормы. Данные нормы призваны регламентировать борьбу с различными проявлениями экстремизма.

Положения, помогающие дать правовую оценку перечисленным действиям, содержатся в Постановлении Пленума Верховного суда Российской Федерации от 28.06.2011 № 11 (в ред. от 20.09.2018) «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности».

В ст. 1 Федерального закона Российской Федерации от 25.07.2002 № 114-ФЗ содержится довольно обширное понятие экстремистской деятельности (экстремизма), в которое включается множество признаков.

Сам термин «экстремизм» происходит от французского extremism и от латинского слова extremius — «крайний». Слово «крайний» означает предельную, последнюю степень чего-либо [1, с. 382].

В современном русском литературном языке экстремизм определяется как «приверженность к крайним взглядам, мерам (обычно в политике)» [2].

Очевидно, что указанные определения не в полной мере раскрывают содержание и характеристики такого явления, как экстремизм. После их изучения все же остается вопрос о том, какие взгляды, идеологию следует признавать «крайними», а какие — нет.

В социологии экстремизм — это «девиантное поведение, осознанное и идеологически обоснованное, выражающееся в действиях, направленных на полное или частичное отрицание сложившегося общественного устройства... а также в призывах к осуществлению таких действий» [3, с. 284].

По мнению С. А. Ищенко «экстремизм — это особая форма политического насилия, отличающаяся жестокостью, целеустремленностью и эффективностью» [4, с. 18].

В целом можно отметить, что для экстремизма характерны насильственные методы достижения определенных целей. Уголовное право, охраняя важные и ценные общественные отношения, обеспечивающие интересы личности, общества и государства, представляет наиболее серьезную форму юридического воздействия на социальные процессы [5, с. 14].

Действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства, обладают достаточно высокими характером и степенью общественной опасности, которая заключаются в публичном распространении идей и взглядов, подрывающих доверие к лицам определенного пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности лиц к какой-либо социальной группе, вызывают крайне враждебное отношение к ним, значительно унижают человеческое достоинство.

Пропаганда исключительности, превосходства или неполноценности граждан по указанным признакам насаждает в обществе идеи нетерпимости по отношению к определенным социальным группам по признакам расы, национальности, отношению к религии и т. д. [6, с. 54].

Общественная вредность пропаганды либо публичного демонстрирования нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики экстремистских организаций, либо иных атрибутики или символики, пропаганда либо публичное демонстрирование которых запрещены федеральными законами, заключается в том, что эти действия означают неуважительное отношение к подвигу нашего народа в период Великой Отечественной войны.

Таким образом, в результате совершения посягательств экстремистской направленности создается угроза внутренней целостности и социальному согласию в России, а также формируется негативный образ нашей страны в мировом сообществе, что вызывает ослабление внутренних и внешних позиций Российской Федерации [7, с. 32, 36].

Появление указанных норм в российском законодательстве обусловлено распространившимися в последнее время движениями националистического и освободительного от экспансии характера. Формулировка исследуемых норм дает правоприменителю огромные возможности для их расширительного толкования, что создает почву для нарушения указанных выше конституционных прав уже тех лиц, которые привлекаются к ответственности.

Провести же грань между экстремизмом и допустимыми формами общественно-политической и культурной жизни людей — достаточно сложная задача. Ситуация осложнена наличием обширного, причем открытого перечня признаков, в связи с которыми проявляются либо возбуждаются ненависть или вражда, а также видов преступлений экстремистской направленности. Законодательное определение экстремизма основано на оценочных понятиях, таких как «рознь», «ненависть», «превосходство», «неполноценность», «социальная группа» и т. д.

Таким образом, закрепив в официальном определении экстремизма субъективно воспринимаемые оценочные признаки, законодатель заложил тем самым предпосылки для произвольного правоприменения, полагая, что на практике будет найдена оптималь-

ная их трактовка. Однако лучшая трактовка оценочных признаков в правоприменительной практике до сих пор не найдена и требует многолетней кропотливой работы [8, с. 13].

Опасность сложившейся ситуации состоит в том, что порой правоприменитель может исходить из сугубо личных представлений о содержании диспозиции обозначенных выше норм и быть предвзятым к конкретным ситуациям.

Как верно отмечает исследователь Н. В. Иванцова, происходящие случаи незаконного привлечения лиц к административной и уголовной ответственности по указанным нормам объясняются порой именно несовершенством правоприменительной практики [9, с. 55].

В юриспруденции существует ряд исследований, посвященных проблемам ответственности за совершение деяний экстремистской направленности. Так, в научных работах С. В. Борисова, А. В. Жеребченко, Н. И. Ветрова, А. Г. Хлебушкина, Г. В. Дашкова, Ю. М. Антоняна и других авторов рассмотрен ряд вопросов, возникающих в связи с совершением посягательств экстремистского характера.

Не подвергая сомнению и не умаляя научных выводов и положений, отображенных в указанных работах, полагаем целесообразным отметить, что в данных трудах анализируются многие проблемы, связанные с применением на практике законодательства об ответственности за экстремистские проявления, однако авторами не исследовались современные проблемы квалификации соответствующих деяний, а также не учтены некоторые исторические особенности населения России.

Нормативную основу исследования образуют Конституция Российской Федерации, общепризнанные принципы и нормы международного права, нормативно-правовые акты, регламентирующие вопросы применения законодательства в сфере борьбы с экстремизмом.

Эмпирической базой исследования послужили данные, полученные в процессе анализа и обобщения решений разного уровня судебных инстанций, а также публицистические материалы, полученные из интернет-источников, о фактах посягательств, предусмотренных ст.ст. 20.3, 20.3.1 КоАП РФ и ст.ст. 280, 282 УК РФ.

Методологической основой исследования послужил общий диалектичес-кий метод научного познания, носящий универсальный характер, методы логической дедукции, индукции, познавательные методы, сравнения, анализа, обобщения и описания.

Одним из малоисследованных вопросов в настоящее время остаются случаи использования группами людей для разных целей символики, исторически идентифицирующей славянский этнос.

Помимо лиц, реально преследующих цели возбуждения ненависти либо вражды, а также унижения достоинства человека или группы лиц, а также пропаганды либо публичного демонстрирования нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики экстремистских организаций, либо иных атрибутики или символики, пропаганда либо публичное демонстрирование которых запрещены федеральными законами, к ответственности по ст.ст. 20.3 и 20.3.1 КоАП РФ, а также по ст.ст. 280 и 282 УК РФ могут быть привлечены также лица, возрождающие русскую культуру, при

этом использующие определенную символику (например, в народных костюмах либо размещающих на страницах в социальных сетях соответствующую информацию, которая не умаляет прав других национальностей и этносов, а призвана служить возрождению славянской культуры).

Таким образом, отсутствие в исследуемом законодательстве четких критериев отнесения запрещенных действий к экстремистским передает решение вопроса об ответственности на усмотрение правоприменителя.

Разъяснения, данные в Постановлении Пленума Верховного суда Российской Федерации от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» не всегда учитываются при решении вопроса о привлечении к ответственности, в связи с чем в Российской Федерации правоприменительная практика в ряде случаев становится дискриминационной по отношению к славянскому этносу либо любому человеку, призывающему сохранить ресурсы страны.

За последние годы накоплен значительный объем практики применения законодательства о противодействии экстремизму, когда меры уголовной ответственности применялись даже за деяния, не воспринимаемые значительной частью общества в качестве опасных. Зачастую создается впечатление несоразмерности совершенных деяний и применяемых мер государственного принуждения.

В практической деятельности известны случаи необоснованного задержания и привлечения к ответственности лиц, которые в своем национальном костюме использовали солярные символы и при этом не преследовали цели возбуждения ненависти или вражды.

Так, 4 ноября 2016 г. в г. Тольятти по обвинению в демонстрации нацистской символики прямо на концерте был задержан музыкант, фольклорист и этнограф Светозар из группы «Аурамира», который в своем костюме использовал свастичные символы и орнаменты[1].

Как указывалось ранее правоприменитель вынужден руководствоваться оценочными понятиями и собственным представлением о тех или иных событиях. Порой отсутствие понимания полной истории и культуры народов России и особенностей развития славянских народов создает случаи необоснованного привлечения лиц к ответственности.

В контексте проводимого анализа следует пояснить, что в нашей стране сложилась ситуация, при которой исторически обоснованные символы были использованы в противоправных целях. Лидерами нацистской Германии применен прием подмены смыслов, когда на значимые и несущие определенные эмоциональные реакции символы, посредством их частичного видоизменения, был наложен другой смысл. Это произошло на примере основного солярного символа.

[1] Новости Тольятти. Скандал: в Тольятти за нацистскую символику арестован Светозар (Аурамира) [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://tltgorod.ru/news/?news=70412 (дата обращения: 21.04.2019).

Так, «первоначальный равноконечный крест» есть изначальная свастика — древнейший и священнейший символ человечества. Слово «свастика» — составное из двух санскритских корней: «су» — добро, благо и «асти» — жизнь, существование, т. е. благосостояние или благополучие. Знак свастики считается более древним, чем сам крест. Его происхождение датируется в разных местах по-разному — 486—465 гг. до н. э. или II в. до н. э.[1].

Видоизменив отдельные элементы символа, нацисты использовали его для реализации своего преступного замысла: обоснования превосходства одной расы над всеми остальными и, как следствие, их жестокого уничтожения. Знакомые и важные для славянского этноса образы были использованы в иных смыслах, что стало причиной нарушения баланса в системе ценностей народа.

Так называемая подмена понятий, как способ влияния на сознание, является психологическим приемом социального программирования человека и общества в целом.
В психологии существует такие понятия, как «импринтинг» и «реимпринтинг». Импринтинг (от англ. imprint — оставлять след, запечатлевать, отмечать) — это закрепление в памяти признаков объектов при формировании или коррекции врождённых поведенческих актов[2].

Это серьезный психофизиологический механизм усвоения образов, сценариев поведения, воспринятых в определенный критический период развития индивидуума. В данные периоды так называемой импринтной уязвимости личность находится в состоянии, когда образы, связанные с определенным паттерном поведения, воспринимаются в большей мере бессознательно и прочно запечатлеваются в мозге, превращаясь в устойчивую поведенческую программу.

Поэтому у представителей славянского этноса исторически сформиро-вались определенные образы поведения относительно культурных традиций и особенностей самовыражения через быт, творчество, письменность, символику.

Глобальные негативные последствия действий военных лидеров нацистской Германии повлекли за собой отрицание всего, что связано с их деятельностью, а используемые нацистами символы стали ассоциироваться с отрицательными фактами.

В силу этого сложилась ситуация, при которой любое использование свастики в славянском контексте (в силу отсутствия четких критериев, указанных в законе) порой рассматривается правоприменителями как противоправное.

В итоге люди, представляющие русский этнос, по сути, ограничены в правах, т. к. не могут в полном объеме проявить национальное самоопределение и позиционирование, использовать культурные и исторические коды, заложенные в самой основе славянских народов. В результате происходит дискриминация людей, представляющих славян-

[1] Свастика — солярный знак // Народы мира: больше, чем блог [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://narodworld.ru/novosti/svastika-solyarnyj-znak.html (дата обращения: 21.04.2019).

[2] Импринтинг // Интересные факты. Всё самое интересное [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://interesnyefakty.org/imprinting/ (дата обращения: 21.04.2019).

ский этнос и составляющих национальное большинство на территории Российской Федерации.

При изучении материалов практики нами обнаружено еще несколько случаев, в которых были явные ошибки при принятии решений.

Так, в Постановлении Верховного суда РФ от 11.12.2018 № 24-АД18-6 «Об отмене актов о привлечении к ответственности, предусмотренной ч. 1 ст. 20.3 КоАП РФ, за публичное демонстрирование символики, сходной с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения в отношении Бабича А. С.» явно прослеживается некорректное обоснование решения, сделанное Верховным Судом Республики Адыгея.

Основанием для привлечения Бабича А. С. к административной ответственности послужили выводы о выявлении факта размещения им в открытом доступе в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» на странице в социальной сети «Одноклассники» материалов, публично демонстрирующих символику, сходную с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения, пропаганда либо публичное демонстрирование которой запрещено Федеральным законом от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности».

Бабичем А. С. была изображена «сложная изобразительная композиция», содержащая в призыв к подчинению оккупационным силам и угрозу неподчинения. На груди у мужчины находился медальон с символом «Колядник».

В результате проведенного культурологического исследования специалистом было установлено, что представленный скриншот странички содержит изображение древнеславянского свастического символа «Колядник», который представляет собой рисунок восьмилучевой, белой двойной свастики, сходной с нацистской атрибутикой и символикой до степени смешения.

Повторно проведенная экспертиза установила ,что указанный символ не относится к нацистской атрибутике или символике либо атрибутике или символике, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения. Вместе с тем эксперт отметил, что данный символ используется одним из религиозных движений неоязыческого толка, некоторые организации которого признаны экстремистскими.

В мотивировочной части постановления также указано, что данный символ опубликован в изданиях, внесенных в Федеральный список экстремистских материалов, размещенный на официальном сайте Министерства юстиции Российской Федерации (№ 3353).

Судья Верховного Суда Российской Федерации отмечает, что Верховным Судом республики Адыгея было принято верное решение о том, что Бабич А. С. совершил публичное демонстрирование символики, сходной с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения, поскольку в указанный список внесено «изображение фигуры человека, правая рука которого вытянута в традиционном нацистском приветствии, с наличием изображения, сходного с нацистской символикой до степени смешения (коловрат), и кельтского креста».

Однако поскольку данное нарушение гражданину при возбуждении дела об административном правонарушении не вменялось Верховным судом Российской Федерации было принято решение об исключении из его мотивировочной части вывода о том, что

Бабичем А. С. совершено публичное демонстрирование символики экстремистских организаций[1].

При изучении материалов прослеживается неоднозначная трактовка понятия «символики, сходной с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения». Сделанные выводы говорят о том, что в принципе любая славянская символика обладает данными признаками. Более того, использование древнеславянской символики в материалах, которые включены в список экстремистских, не может служить основанием для признания данной символики экстремистской, т. к. это противоречит логике.

Распространенность большого количества необоснованно привлеченных к ответственности лиц по исследуемым статьям побудила Верховный суд Российской Федерации в 2018 г. внести дополнения в указанное Постановление от 28.06.2011 № 11. Дополнения касаются ст.ст. 280 и 282 УК РФ, однако рекомендации следует применять ко всем исследуемым в этой статье случаям.

В п. 2.1. Пленум рекомендовал обратить внимание судов на то, что размещение лицом в сети «Интернет» определенного материала может быть квалифицировано по ст. 282 УК РФ только в случаях, когда установлено, что лицо осознавало направленность деяния на нарушение основ конституционного строя, а также намеревалось возбудить ненависть или вражду либо унизить достоинство человека или группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии либо принадлежности к какой-либо социальной группе.

В п. 8 Пленум указал на то, что при квалификации действий лица суду следует исходить из совокупности всех обстоятельств содеянного и учитывать форму и содержание размещенной информации, ее контекст, наличие и содержание комментариев данного лица или иного выражения отношения к ней, содержание всей страницы данного лица, сведения о его деятельности до и после размещения информации, данные о его личности, частоту и продолжительность размещения информации, интенсивность обновлений

В приведенном выше примере видно, что Бабич А. С. разместил изображение, которое в целом призывает к насильственным действиям.

Проанализируем еще одну ситуацию из практики. Пленум отмечает, что не является преступлением, предусмотренным ст. 282 УК РФ, высказывание суждений, использующих факты межнациональных, межконфессиональных или иных социальных отношений в научных или политических дискуссиях и текстах и не преследующих цели возбудить ненависть либо вражду, а равно унизить достоинство человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, принадлежности к какой-либо социальной группе.

Так, студент Крузе А. был приговорен к двум с половиной годам в колонии-поселении. Следствие сочло экстремистскими четыре фотографии на странице Крузе в соцсети «ВКонтакте». По словам самого Крузе, который учился на юридическом фа-

[1] Постановление Верховного Суда Российской Федерации от 11.12.18. № 24-АД18-6. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант плюс».

культете Воронежского экономико-правового института, он опубликовал изображения для проведения опроса в рамках дипломной работы, посвященной экстремизму[1].

В контексте нашего исследования также интересны случаи, когда к ответственности по ст.ст. 280, 282 УК РФ могут быть привлечены любые лица, пытающиеся привлечь общественность и руководство страны к решению возникающих проблем.

Согласно ст. 1 Всеобщей декларации прав человека все люди рождаются свободными и равными в правах, каждый человек с рождения обладает неотъемлемым, безусловно признаваемым достоинством. В связи с этим, на государство возложена обязанность обеспечивать каждому возможность всестороннего развития. Одновременно с этим государство обязано охранять достоинство каждого во всех сферах, и никто не может быть ограничен в защите своего достоинства.

Так, в последнее время в сети «Интернет» актуализировалась волна возмущения населения на так называемую экспансию со стороны других государств, попытку завладеть ресурсами нашего государства. На просторах Интернета можно встретить множество видеоматериалов и статей, например, на тему вырубки леса китайцами, содержащих призывы к населению и руководству страны к решению ситуации.

Остро обсуждаемыми в настоящее время являются вопросы постройки в г. Омске нефтеперерабатывающего завода и поселка для китайских рабочих[2].

Поскольку государство заинтересовано в стабильности в стране и высоком уровне жизни населения, то это обосновывает необходимость более внимательного исследования причин экстремистских проявлений и соответствующей регламентации на законодательном уровне. На эту тему высказался Президент России Владимир Путин, призвав борьбу с экстремизмом «не доводить до абсурда»[3].

Согласно п. 7 Постановления критика в средствах массовой информации должностных лиц, их действий и убеждений не должна рассматриваться во всех случаях как действие, направленное на унижение достоинства человека или группы лиц, поскольку в отношении указанных лиц пределы допустимой критики шире, чем в отношении частных лиц.

При решении вопроса о разграничении правомерного поведения и экстремистских посягательств целесообразно учитывать реальную опасность действий лица для граждан, общества и государства.

---

[1] Несвободный интернет: кого судили за посты в социальных сетях [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.rbc.ru/photoreport/15/08/2018/ 5b74177e9a7947 fd21d084d0? from =right_1 (дата обращения: 21.04.2019).

[2] Под Омском прошел народный сход против строительства китайского городка // Тайга.инфо [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://tayga.info/142874 (дата обращения: 21.04.2019); Городок для китайцев под Омском: полная история конфликта // Город55 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://gorod55.ru/news/society/14-12-2018/gorodok-dlya-kitaytsev-pod-omskom-polnaya-istoriya-konflikta (дата обращения: 21.04.2019).

[3] Официальный сайт Президента России [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.kremlin.ru/events/president/news/57692 (дата обращения: 21.04.2019).

В связи с этим полагаем, что необходимо в определении экстремизма соответствующие действия связывать с насилием или публичным выражением угрозы, поскольку именно этот признак и делает экстремизм общественно опасным явлением [10, с. 35].

По фактам использования солярной символики правоприменителям рекомендуем обязательно учитывать заключение соответствующих экспертиз, разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации, мотивы и цели поведения лица, а также их проявленность во внешней действительности.

Рекомендуется устанавливать следующие факторы: какая именно символика используется; какова цель поведения лица; как лицо проявляется в объективной реальности [11, с. 12] и какие последствия его действий можно обнаружить (активное ведение соцстранички, массовые «репосты» изображения либо отсутствие таковых); характеристика личности лица в целом, особенности информации, присутствующей на страничке в соцсетях [12, с. 189].

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

1. Когда нацистская атрибутика или символика, либо атрибутика или символика, сходные с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения, либо атрибутика или символика экстремистских организаций, либо иные атрибутика или символика, пропаганда либо публичное демонстрирование которых запрещены федеральными законами, используются в научных, культурных и иных исследовательских целях, действия лиц не образуют противоправного посягательства.

Если целью указанных действий является пропаганда насилия либо превосходство одной расы над другой, то виновных следует привлекать к ответственности по соответствующим статьям КоАП РФ или УК РФ.

2. Когда лицами используется солярная символика в научных, культурных и иных исследовательских целях, с целью возрождения славянских традиций и при этом не умаляются права других национальностей, рас либо групп населения, то действия лиц также не образуют противоправного посягательства.

Если же лица, прикрываясь целью возрождения традиционной культуры, пропагандируют идеи насилия либо превосходства одной расы над другой, то в их действиях содержатся признаки соответствующего противоправного посягательства.

В случаях защиты лицом собственных прав от различного рода социальных, политических и иных изменений в реальности следует также исходить из поведения лица, его целей и мотивов и характеристики личности.

Подводя итог, еще раз отметим, что принятие в 2002 г. Федерального закона Российской Федерации «О противодействии экстремистской деятельности» и формирование на его основе всей системы антиэкстремистского законодательства сыграли положительную роль в обеспечении устойчивого развития российского общества и государства, позволило избежать многих угроз национальной безопасности. Однако с учетом наработанной практики, изменений в жизни общества, развитием средств массовой коммуникации требуется тщательный анализ причин и условий, вызвавших соответствующие последствия, пересмотр многих положений антиэкстремистского законодательства и разработка более эффективных средств и методов противодействия этому явлению.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: В 4-х т. / Пер. с нем. 2-е изд., стер. М.: Прогресс, 1986. Т. 2. 672 с.

2. Современный толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.; М., 2008. 960 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://gufo.me/dict/ kuznetsov?page=3&letter=%D1%8D.

3. *Вехов И. В.* Экстремизм как объект социологического исследования // Изв. РПГУ им. А. И. Герцена. 2009. № 3. С. 284—290.

4. *Ищенко С. А.* Административно-правовые и другие аспекты экстремизма в современном обществе (история, становление и развитие) // Адм. право и процесс. 2018. № 5. С. 13—22.

5. Курс российского уголовного права. Общая часть / Под ред. В. Н. Кудрявцева, А. В. Наумова. М., 2001. 767 с.

6. *Иванцова Н. В.* Несовершенство закона или правоприменительной практики? // Рос. судья. 2019. № 1. С. 54—58.

7. *Борисов С. В., Жеребченко А. В.* Возбуждение ненависти, вражды, унижение человеческого достоинства: проблемы установления и реализации уголовной ответственности: моногр. / Отв. ред. С. В. Борисов. М.: Юриспруденция, 2015. 264 с.

8. *Бурковская В.* Новая редакция ст. 282 УК РФ «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства»: старые проблемы // Уголовное право. 2004. № 2. С. 12—14.

9. *Иванцова Н. В.* Несовершенство закона или правоприменительной практики? // Там же. С. 54—58.

10. *Сигарев А. В., Смирнова М. С.* Законодательство о противодействии экстремизму: время осмысления и реформирования // Рос. юст. 2018. № 11. С. 35—38.

11. *Николаев К. Д.* Соотношение содержания понятий «преступление» и «состав преступления» // Научный вестник Омской академии МВД России. 2018. № 4 (71). С. 9—16.

12. *Озерова Е. Г., Симоненко Е. И.* Взаимодействие правоохранительных органов при выявлении признаков составов преступлений, связанных с осуществлением экстремистской деятельности // Белгородские криминалистические чтения сб. науч. тр. Белгородский юридический институт МВД России имени И. Д. Путилина. 2018. С. 189—194.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Fasmer M. Etymological dictionary of the Russian language: In 4 parts. / M .: Progress, 1986. V. 2. 672 p.

2. Modern explanatory dictionary of the Russian language / Ch. ed. S.A. Kuznetsov. SPb.; M., 2008. 960 p.

3. Vekhov I. V. Extremism as an object of sociological research // Izvestiya of RPSU named after A. I. Herzen 2009. № 3. P. 284—290.

4. Ischenko S. A. Administrative law and other aspects of extremism in modern society (history, formation and development) // Administrative law and process. 2018. No. 5. P. 13—22.

5. The course of Russian criminal law. General part / Ed. V. N. Kudryavtseva, A. V. Naumov. M., 2001. 767 p.

6. Ivantsova N. V. Imperfection of the law or law enforcement? // Russian judge. 2019. № 1. P. 54—58.

7. Borisov S. V., Zherebchenko A. V. Excitement of hatred, hostility, humiliation of human dignity. Problems of establishing and implementing criminal liability: monograph. Ch. Ed. S. V. Borisov. 2015. 264 p.

8. Burkovskaya V. New edition of Art. 282 of the Criminal Code "Incitement of hatred or enmity, as well as the humiliation of human dignity": old problems // Criminal Law. 2004. № 2. P. 12—13.

9. Ivantsova N. V. Imperfection of the law or law enforcement? // Russian judge. 2019. № 1. C. 54—58.

10. Sigarev A. V., Smirnova M. S. Legislation on countering extremism: a time of reflection and reform // Russian justice. 2018. № 11. P. 35—38.

11. Nikolaev K. D. The ratio of the content of the concepts "crime" and "crime composition" // Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. № 4. P. 9—16.

УДК: 343.985.7
DOI: 10.24411/2312-3184-2019-00029

Плешакова Оксана Владимировна
начальник отдела правового контроля Правового управления ГУ МВД России по Волгоградской области, подполковник внутренней службы,
e-mail: okspleshakova1980@yandex.ru

Pleshakova Oksana Vladimirovna
Chief of the Legal Control Department of the Legal Division of theHead Department of the Interior Ministry of the Russian Federationin the Volgograd region, lieutenant colonel of the internal police service
e-mail: okspleshakova1980@yandex.ru

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И СПЕЦИФИКА ПРЕСТУПНЫХ ПОСЯГАТЕЛЬСТВ В ОТНОШЕНИИ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Введение: В статье проводится количественный и качественный анализ преступлений в отношении сотрудников органов внутренних дел с целью определения предмета типичной криминалистической методики расследования указанных преступных посягательств. Отмечается, что в связи с незначительным количеством совершенных преступлений в отношении следователей ОВД по ст.ст. 294, 295 и 296 УК РФ и наблюдающейся устойчивой тенденцией по их снижению, нельзя выделить достоверные закономерности раскрытия и расследования данных преступлений для включения их в методику расследования преступных посягательств в отношении сотрудников ОВД.

Материалы и методы: В процессе исследования по специально разработанной программе были изучены и проанализированы 572 уголовных дела (604 эпизода), возбужденных и оконченных производством по ст.ст. 294—296, 317—319 УК РФ за последние 10 лет в различных регионах России. Эмпирическую базу также составили статистические данные о преступлениях рассматриваемой категории за период 2010—2018 гг., в структуре которых отдельно исследованы статистические данные о преступлениях, совершаемых на территории Северо-Кавказского региона.

Решение познавательных задач проведенного исследования достигалось применением общего диалектического метода научного познания, а также методов наблюдения, описания, обобщения, сравнения, анализа и синтеза.

Результаты исследования позволили автору определить, что при расследовании посягательств на жизнь сотрудников полиции в форме актов терроризма (совершаемых, как правило, в СКФО), а также посягательств на жизнь сотрудников ОВД, завуалированных под иные преступления, должны применяться частные криминалистические методики расследования преступлений террористического характера, преступлений, совер-

шаемых преступными сообществами (преступными организациями), а также преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства.

Выводы и заключения: автором обосновывается вывод о том, что частной криминалистической методикой расследования преступных посягательств на сотрудников ОВД охватываются закономерности раскрытия и расследования преступлений, предусмотренных ст.ст. 317, 318, 319 УК РФ, являющихся, как правило, стадиями единого механизма преступных посягательств, совершенных на территории Российской Федерации, за исключением СКФО, в отношении действующих сотрудников ОВД и вневедомственной охраны войск национальной гвардии при выполнении служебных обязанностей.

Ключевые слова: преступления против сотрудников органов внутренних дел; криминалистическая методика; закономерности расследования преступлений; инсценировка насильственных тяжких преступлений.

MODERN TENDENCIESAND SPECIFIC FEATURES OF CRIMINAL OFFENCES COMMITTED AGAINST POLICE OFFICERS

Introduction: the author of the article carries out a quantitative and qualitative analysis of the crimes committed against police officers to determine the subject of a typical criminalistics method of investigating these criminal offenses. The author notes that due to a not great number of crimes committed against the investigators of the Department of Internal Affairs under Art. 294, 295 and 296 of the Criminal Code of the Russian Federation as well as a current steady tendency of their reducing it is impossible to identify reliable features of disclosing and investigating such crimes to include them into the methodology to investigate criminal offenses committed against police officers.

Materials and methods: While conducting the study which is based on a specially developed program, 572 criminal cases (604 scenes) initiated and completed under Art. 294-296, 317-319 of the Criminal Code of the Russian Federation for over the past 10 years in various regions of Russia were examined. The empirical base was composed of the statistical data on mentioned crimes for 2010—2018 time period, in the structure of which the statistical data on crimes committed in the North Caucasus region were separately examined.

The solution of the cognitive tasks of the research was achieved by applying a general dialectical method of scientific knowledge as well as the methods of observation, description, synthesis, comparison, analysis and synthesis.

Results allowed the author to determine that while investigating cases related to offences committed against life of police officers in the form of terrorism acts (committed, as a rule, in the North Caucasus Federal Region) as well as offences committed against life of police officers veiled under other crimes, private criminalistics methods of investigating terrorism related crimes committed by criminal communities (criminal organizations) as well as crimes com-

mitted against the foundations of the constitutional system and the security of the state should be used.

Summary and conclusions: the private criminalistics method of investigating criminal offenses committed against police officers covers the rules of disclosing and investigating crimes under Art. 317, 318, 319 of the Criminal Code of the Russian Federation, which, as a rule, are the stages of a single mechanism of criminal offences committed on the territory of the Russian Federation except the North Caucasus Federal Region in relation to current police officers and private security of the National Guard when performing their duties.

Keywords: offences committed against police officers, criminalistics method, features of investigating crimes, staging of violent serious crimes.

Коррупция, отсутствие работы, несоответствие минимальной оплаты труда прожиточному минимуму, увеличение налоговой нагрузки на население, высокие банковские проценты, постоянно увеличивающиеся тарифы жилищно-коммунальных служб и многие другие негативные явления в жизни современного российского общества значительно ограничивают возможности благонамеренного человека, делая экономически выгодной противоправную деятельность. Социальная несправедливость, порождаемая непоследовательными решениями представителей публичной власти, подрывает доверие к государству как главному источнику безопасности и справедливости, низводя его роль к исключительно экономическим функциям собирания налогов и распределения бюджета [1, с. 41]. Подобное отношение к государственной власти незамедлительно сказывается на ее представителях — в первую очередь на самой многочисленной ее части — сотрудниках органов внутренних дел (далее — ОВД).

Усложненные современные политические, социальные и экономические условия жизни порождают новые количественные и качественные характеристики изначально однородных преступлений, что, в свою очередь, требует применения разнообразных криминалистических методик и тактических приемов их расследования [2].

Поскольку криминалистическая методика представляет собой процесс систематизации знаний о преступлениях, нам необходимо выделить пространство научного анализа и юридической практики, подлежащие такой систематизации.

Необходимо признать, что методика расследования преступлений в отношении сотрудников ОВД в отечественной криминалистике разработана недостаточно. На фоне резкого подъема преступности в постсоветский период отечественной истории за последние пятнадцать лет были защищены только четыре кандидатских диссертационных исследования по криминалистике, посвященные посягательствам в отношении сотрудников правоохранительных органов в связи с выполнением ими служебных обязанностей.

Указанные работы отражают сведения о совершении и расследовании преступлений в отношении определенной категории лиц (работа В. О. Лапина) [3], в определенной местности (работа С. А. Галимова) [4], на определенной стадии расследования (работа А. А. Татаурова) [5], в отношении определенного объекта уголовно-правовой охраны (работа С. В. Пахомова) [6], что говорит о разнообразности преступлений, со-

вершаемых в отношении сотрудников правоохранительных органов и необходимости выделения отдельных частных методик их расследования.

Помимо криминалистики, закономерности преступного поведения изучаются еще в ряде юридических наук, что позволяет нам расширить количество источников получения информации о преступных посягательствах в отношении сотрудников ОВД, научными работами в области криминологии, уголовного процесса и уголовного права, где рассматриваемая нами тема исследовалась очень активно. В области перечисленных наук, по нашим сведениям, насчитывается более 35 работ, что вкупе с работами по криминалистике создает серьезную эмпирическую базу для исследования закономерностей рассматриваемого вида преступлений путем сравнения аналитических выводов авторов, статистических данных за разные годы и в разных местностях.

Преступления против сотрудников ОВД изначально представляют собой сложное криминальное явление и нормативно группируются по нескольким основаниям:

— по объекту посягательства (честь, достоинство, жизнь, здоровье, имущество сотрудника и его близких);

— по способу преступных посягательств (насилие, оскорбление, убийство);

— по правовому статусу сотрудника ОВД как объекта уголовно-правовой охраны (преступления против лиц, осуществляющих предварительное расследование, посягательства на сотрудников правоохранительных органов, обеспечивающих общественный порядок и общественную безопасность).

Чтобы определиться с содержанием массива данных для научного анализа методики расследования преступных посягательств на сотрудников ОВД, перейдем к современной статистике и судебно-следственной практике. Преступные посягательства в отношении сотрудников ОВД предусмотрены рядом уголовно-правовых норм: ст.ст. 294—296, 317—319 УК РФ.

С уголовно-правовой стороны обозначенные составы преступлений объединяет единый основной объект посягательства — порядок управления, в то время как жизнь, здоровье, честь и достоинство сотрудников ОВД являются дополнительным объектом уголовно-правовой охраны. Однако криминалистика изучает не законодательные модели, а закономерности механизма совершения преступлений и особенности их расследования, поэтому в начале работы необходимо определить, какие из перечисленных составов преступления наиболее распространены в практике.

Полученные нами эмпирические данные свидетельствуют о том, что ст. 294 УК РФ почти не применяется в судебно-следственной практике. В некоторых регионах вообще не зарегистрировано уголовных дел, возбужденных по фактам совершения преступлений против правосудия и предварительного следствия. Низкое количество регистрируемых преступлений и еще более низкое количество дел, направленных в суд, не позволяет выявить устойчивые криминалистические закономерности данного преступления и его расследования. К тому же в большинстве случаев уголовные дела по ст. 294 УК РФ возбуждаются в случаях воспрепятствования деятельности судьи. Относительно воспрепятствования деятельности следователей дела возбуждались лишь в случае утраты доказательств по иному уголовному делу, как в следующем случае.

Следователь С., находясь в следственном кабинете следственного изолятора, предоставил обвиняемому Т. и его защитнику К. материалы уголовного дела в подшитом и пронумерованном виде в 2-х томах. Реализуя преступный умысел на воспрепятствование производству предварительного расследования по данному уголовному делу, Т. в тот момент, когда материалы уголовного дела находились в его руках, вырвал из тома № 1 указанного уголовного дела листы, на которых находились протокол допроса подозреваемого Т., уведомление обвиняемого о дате предъявления обвинения и постановление о привлечении в качестве обвиняемого Т., протокол допроса обвиняемого Т., а затем разорвал оказавшиеся в его руках листы на мелкие части, фактически уничтожив их [7].

Незначительная практика применения данной правовой нормы не говорит об отсутствии попыток воспрепятствования повседневной служебной деятельности следователей и дознавателей ОВД.

Согласно исследованию, проведенному А. И. Скакуном, указанная группа преступлений имеет большую латентность; им выявлены основные причины, по которым судьи, прокуроры и работники следствия не попытались привлечь к уголовной ответственности тех, кто оказывал на них воздействие:

— 27 % не рассматривали эти действия как общественно опасные;

— 23 % посчитали, что это оторвет время от выполнения собственной работы, сомневались в перспективах привлечения виновных к ответственности;

— 15 % опасались неблагоприятных последствий для себя и своих близких;

— 11 % не верили в принятие эффективных мер по защите их нормальной деятельности;

— 8 % заявили, что воздействие на них пытались оказать ранее известные им люди, и у них даже не возникло мысли о привлечении «просителей» к уголовной ответственности;

— 13 % полагали, что инициирование вопроса о привлечении вмешивающихся к ответственности усложнит рассмотрение дела или назвали другие причины [8, с. 15].

Как свидетельствует статистика, правовая норма, предусматривающая ответственность за посягательства на жизнь лица, осуществляющего предварительное расследование — следователя и дознавателя ОВД — используется еще реже, чем предыдущая, и имеет тенденцию к снижению их количества в последние годы. Так, в 2018 г. в России было зарегистрировано всего 4 преступления.

По ст. 296 УК РФ «Угроза или насильственные действия в связи с осуществлением правосудия или производством предварительного расследования» в России регистрируется в последние годы чуть более 100 преступлений. Большинство дел по данной статье возбуждены в связи с угрозами и насильственными действиями в отношении судей, прокуроров и судебных приставов, совершаемыми, как правило, в ходе судебных заседаний.

Согласно исследованиям, проведенным М. Ф. Костюком и А. Ф. Имамутдиновым в 2008 г. [9, с. 30] применительно к ч. 2 ст. 296 УК, следователи и дознаватели являются потерпевшими по данной категории дел в 15,1 и 14 % дел, соответственно. Ис-

следовав более 100 приговоров судов по уголовным делам по ст. 296 УК РФ за разные годы, мы нашли только пять решений судов применения указанной нормы — при посягательствах на следователей военного следственного отдела, Следственного комитета РФ и следователей ОВД.

Совершение данных преступлений обычно связано с конфликтными ситуациями, например, с:

— вынесением решения об аресте, приводе, проведением обыска (как в следующем случае): с*ледователь (потерпевший № 1) в присутствии понятых, а также сотрудника полиции (потерпевший № 2), предъявил свое служебное удостоверение и постановление Рузаевского районного суда Республики Мордовия о разрешении в рамках расследования находящегося в его производстве уголовного дела проведения обыска в жилище по указанному адресу; ознакомившись с данным постановлением суда, М., который был недоволен правомерными действиями следователя, находясь в состоянии алкогольного опьянения, публично высказал в адрес следователя угрозы убийством и причинением вреда здоровью* [10]*;*

— состоянием сильного душевного волнения виновных, обусловленным близким родством с подследственными; *как следует из показаний потерпевшего И., в связи с расследованием уголовного дела в отношении сыновей М. и продлении в отношении них срока содержания под стражей, в здании суда, а затем возле здания суда, М. словесно угрожал ему убийством и нанесением тяжких телесных повреждений; в подтверждение своих слов М. размахивал руками и стал приближаться к нему; он угрозы М. воспринял реально и, чтобы избежать столкновения, уехал с места инцидента* [11]*;*

— особым статусом лица, совершающего преступление (пенсионер ОВД); *так, из показаний потерпевшего К. следует, что он работал старшим следователем следственного отдела. В тот период времени в его производстве находилось уголовное дело по обвинению П. В рамках расследуемого уголовного дела он предъявлял последнему обвинение. В вечернее время ему на мобильный телефон неоднократно звонил П. и угрожал ему, а также членам его семьи, физической расправой. Помощник дежурного позднее по телефону ему сообщил, что П. приезжал с двумя молодыми людьми в отдел и пытался выяснить домашний адрес К., нецензурно высказываясь при этом о К., угрожая физической расправой. В этот же день в социальной сети П. в сообщениях его матери повторил свои угрозы. Учитывая личность П., являющегося пенсионером МВД, он полагает, что П. способен реализовать высказанные угрозы, поэтому он реально воспринимает их, опасаясь осуществления* [12].

Как правило, угрозы поступают в адрес следователя, однако имеются случаи угрозы уничтожения имущества. *Так, в ходе расследования незаконного оборота наркотиков в Свердловской области, при проведении очной ставки с несовершеннолетним подозреваемым были получены доказательства причастности молодого человека к незаконному обороту наркотиков. Присутствующий в качестве законного представителя 18-летний старший брат подозреваемого в присутствии посторонних нецензурно оскорбил следователя и пригрозил сжечь его самого вместе с автомобилем* [13].

Как видно из официальной статистики и следственно-судебной практики, в стране совершается относительно незначительное количество преступлений против следователей и дознавателей МВД России, и основной причиной этого является, на наш взгляд, не только латентность данных преступлений (хотя она, несомненно, имеет место быть), но и такие факторы, как:

1) преимущественное нахождение следователя на рабочем месте — т. е. территории повышенного внимания к правопорядку;

2) предпринимаемые руководством страны и Министерством внутренних дел меры по обеспечению безопасности представителей власти (принятие нормативно-правовых актов, содержащих реальные правовые гарантии безопасности, организация специального подразделения по обеспечению безопасности и т. п.);

3) высокий уровень профессиональных знаний следователей в области общественных наук, позволяющий избегать конфликтных ситуаций либо разрешать их, не провоцируя противоправных действий против себя.

В связи с незначительным количеством совершенных преступлений в отношении следователей ОВД по ст.ст. 294, 295 и 296 УК РФ (около 100 преступлений в год в России по каждой статье в отношении всех категорий потерпевших — судей, прокуроров, судебных приставов и иных участников судебного процесса и предварительного расследования) и наблюдающейся устойчивой тенденцией по их снижению, на наш взгляд, нельзя выделить достоверные закономерности раскрытия и расследования данных преступлений для включения их в методику расследования преступных посягательств на сотрудников ОВД.

В отличие от ранее рассмотренных составов преступления, следственно-судебная практика применения ст.ст. 317, 318 и 319 УК РФ более обширна. За последние 10 лет в год по всей стране регистрировалось от 10 тыс. 733 до 14 тыс. 791 оскорблений представителей власти, от 7 тыс. 553 до 10 тыс. 711 применений или угроз применения насилия в отношении сотрудников правоохранительных органов и от 165 до 629 посягательств на их жизнь.

С позиций криминалистической методики, посягательства на сотрудников ОВД, предусмотренные ст.ст. 317—319 УК РФ, могут выступать этапами реализации единого криминального механизма посягательства на сотрудника ОВД, которое начинается с воспрепятствования его деятельности (если сотрудник полиции не обладает особым статусом следователя или дознавателя, то воспрепятствование его действиям, как правило, охватывается составом административного правонарушения, предусмотренного ст. 19.3 КоАП РФ), затем перерастает в оскорбление, угрозу насильственных действий и может завершиться посягательством на жизнь правоохранителя.

Из 572 исследованных нами уголовных дел и приговоров суда в 15 % случаев лицо было привлечено к ответственности как за оскорбление, так и за применение насилия в отношении сотрудника полиции.

Если обращаться к общероссийской статистике, то количество преступлений, зарегистрированных по ст. 319 УК РФ, как правило, превышает количество преступлений, предусмотренных ст. 318 УК РФ, разница составляет от 2 тыс. 539 до 4 тыс. 574 единиц

в зависимости от года (за период 2010—2016 гг.), или от 21 до 35,5 %. Таким образом, можно утверждать, что преступные посягательства в отношении сотрудников правоохранительных органов в 21—35,5 % случаев ограничиваются оскорблением, в 15 % случаев оскорбления перерастают в применение насилия в отношении правоохранителя.

Количество посягательств на жизнь (ст. 317 УК РФ) в структуре преступных посягательств на сотрудников правоохранительных органов составляет от 0,7 до 2,9 % и имеет стабильную тенденцию к снижению более чем в три раза за последние десять лет.

Согласно статистике, наиболее неблагополучным регионом с точки зрения посягательств на жизнь сотрудников правоохранительных органов является Северо-Кавказский федеральный округ (далее — СКФО), где зарегистрировано наибольшее количество преступлений, квалифицированных по ст. 317 УК РФ, причем оно неизмеримо больше, чем в других федеральных округах — в 40—50 раз. В среднем, по имеющимся у нас эмпирическим данным, 78 % посягательств на жизнь сотрудников полиции совершается на территории СКФО.

Согласно исследованиям Р. А. Такеева, закономерности расследования преступлений на данной территории и основные тенденции в развитии следственной практики коренным образом расходятся с закономерностями и тенденциями совершения и расследования данных преступлений в остальных федеральных округах. В частности:

— на территории СКФО совершается в 40—50 раз больше посягательств на жизнь сотрудников правоохранительных органов, чем в других федеральных округах;

— средний процент удельного веса направленных в суд уголовных дел по ст. 317 УК РФ в СКФО в общем количестве предварительно расследованных преступлений не набирает и 10 %, для сравнения: в ЦФО (округ на втором месте по числу зарегистрированных преступлений) этот показатель составляет около 80 %. В этой связи достаточно низкие показатели количества направленных в суд уголовных дел с обвинительным заключением практически в каждом субъекте РФ, входящем в состав СКФО;

— дела о преступлениях по ст. 317 УК РФ, совершенных на территории СКФО, по которым предварительное следствие приостановлено, в процентном отношении в общем количестве предварительно расследованных дел составляют от 37 до 111 % (с учетом уголовных дел прошлых лет), из них ввиду неустановления лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого, было приостановлено от 40,3 до 87 %, в то время как согласно общероссийской статистике посягательство на жизнь сотрудника ОВД — это очевидное преступление, т. е. практически по 100 % таких преступлений, совершенных в России, лицо, их совершившее, установлено [14].

Посягательства на жизнь сотрудников правоохранительных органов в СКФО имеют свою криминалистическую специфику, подробно исследованную и раскрытую С. А. Галимовым [15, с. 34—56].Для большинства российских регионов посягательства на жизнь сотрудников полиции в той форме, в какой они совершаются в СКФО, не являются распространенными и типичными, это качественно иной вид преступлений, который, по нашему мнению, должен быть изучен особой частной криминалистической методикой, включающей элементы расследования преступлений против терроризма,

конституционного строя и безопасности государства, преступлений, совершенных в условиях чрезвычайных режимов (контртеррористическая операция, восстановление конституционного строя и т. п.).

Приведем пример. *За последние годы одним из наиболее резонансных случаев посягательства на жизнь и здоровье сотрудников правоохранительных органов стало убийство Нурбагандова М. Н. в Сергокалинском районе Дагестана местными боевиками. Боевики, причастные к совершению террористических актов, застрелили юрисконсульта местного отдела вневедомственной охраны за то, что он отказался призвать сотрудников полиции увольняться из ОВД.*

Деятельность потерпевшего, юрисконсульта, никак в прошлом лично не затрагивала преступников и не создавала им никаких угроз в настоящем. В данной ситуации целью преступления было изменение порядка управления и осуществления правосудия в будущем путем отказа граждан от работы в правоохранительных органах, и оно было совершено в интересах неопределенного круга — последователей радикальных учений.

Хотя уголовные дела были возбуждены по статьям «Убийство» и «Посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа», несомненно, что целью данного преступления являлась, как минимум, дестабилизация органов власти путем отказа граждан от работы в правоохранительных органах, а, следовательно, формально наличествуют признаки террористического акта.

По нашему убеждению, воспрепятствование настоящей, будущей и месть за прошлую профессиональную деятельность сотрудника ОВД в интересах неопределенного круга лиц является не столько преступлением против порядка управления или общественной безопасности (если квалифицировать данное деяние как террористический акт), сколько деянием, направленным против основ конституционного строя и безопасности государства. Служба в ОВД является одним из внешних проявлений функций государства. Совершение преступления в отношении тех, кто воплощает государство в реальном мире, с целью отказа от государственной деятельности является попыткой пересмотреть общественный консенсус о государственной форме сосуществования народов Российской Федерации, закрепленной в Конституции РФ.

Такого же мнения придерживаются практики, указывающие, что возбуждением уголовных дел по ст. 317 УК в СКФО укрываются более серьезные преступления, предусмотренные ст.ст. 205, 208 УК РФ и др. [16].

В связи с изложенным, закономерности преступного механизма и расследования таких преступлений не охватывается типичной методикой расследования преступных посягательств в отношении сотрудников ОВД в связи с выполнением ими служебных обязанностей.

В последние годы в практике расследования тяжких преступлений появилась особая разновидность преступного механизма посягательства на сотрудников ОВД, находящаяся «за пределами» традиционной криминалистической методики расследования преступных посягательств на сотрудников правоохранительных органов в связи с их профессиональной деятельностью — это инсценировка насильственных тяжких пре-

ступлений с целью завуалировать посягательство на жизнь и здоровье правоохранителей и их близких. Данные преступления зачастую не отражаются в официальной статистике преступных посягательств на жизнь сотрудников ОВД, а квалифицируются как иные преступления [17].

Расследование таких завуалированных преступлений, на наш взгляд, должно опираться на научные разработки методики расследования преступлений, совершенных организованными преступными группами, и методики расследования посягательств на жизнь государственного или общественного деятеля, совершенных в целях прекращения его государственной или иной политической деятельности либо из мести за такую деятельность (ст. 277 главы 29 «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства» УК РФ).

Закон и сложившаяся судебная практика в качестве цели преступления требуют противодействие конкретной деятельности сотрудника полиции, в этой связи в типичную криминалистическую методику расследования рассматриваемых нами преступлений, по нашему мнению, не должны включаться посягательства на сотрудников ОВД за их профессиональную деятельность в целом (это ранее перечисленные посягательства на жизнь сотрудников полиции в СКФО и совершенные как акты терроризма на остальной территории России), посягательства на сотрудников ОВД, завуалированные под иные, менее тяжкие преступления (ст. 105 УК РФ). Расследование перечисленных категорий преступлений должно раскрываться в частных криминалистических методиках, посвященных расследованию преступлений, связанных с терроризмом, преступлений, совершаемых преступными сообществами, и преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства.

Необходимо отметить, что после образования войск национальной гвардии Российской Федерации к сотрудникам ОВД больше не относятся сотрудники СОБРа, ОМОНа, посягательства на которых совершались в нетипичной для нашей методики чрезвычайной обстановке (массовые беспорядки, контртеррористическая операция и т. п.), согласно проведенным нами исследованиям число посягательств на них весьма незначительно — 4 случая из 572, или 0,7 %. В то же время преступные посягательства на сотрудников вневедомственной охраны из-за продолжающегося тесного взаимодействия с сотрудниками полиции (единой системы оповещения о правонарушениях, выполнение однотипных функций по охране общественного порядка и т. п.) охватываются типичной методикой расследования преступных посягательств на сотрудников ОВД, в частности, сотрудники вневедомственной охраны являлись потерпевшими в 11 % исследованных нами уголовных дел и приговоров суда.

Таким образом, криминалистической методикой расследования преступных посягательств на сотрудников ОВД охватываются преступления, предусмотренные ст.ст. 317, 318, 319 УК РФ, являющиеся, как правило, стадиями единого преступного механизма, совершенные на территории Российской Федерации, за исключением СКФО, в отношении действующих сотрудников ОВД.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Чиненов А. В.* Актуальные вопросы противодействия преступлениям, совершаемым при ликвидации юридического лица // Рос. следователь. 2013. № 2. С. 41—42.

2. *Чиненов Е. В., Щукин В. И.* Криминалистический аспект содержания процесса преступной деятельности в сфере экономики железнодорожного транспорта: Сб. матер. криминалист. чтений. 2018. № 15. С. 93—95.

3. *Лапин В. О.* Методика расследования преступных посягательств на жизнь, здоровье, честь, достоинство и имущество лиц, выявляющих и расследующих налоговые правонарушения: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 250 с.

4. *Галимов С. А.* Расследование посягательств на жизнь сотрудника милиции: по материалам Республики Дагестан: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. 214 с.

5. *Пахомов С. В.* Проблемы методики расследования посягательства на жизнь сотрудника правоохранительного органа: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2003. 204 с.

6. *Татауров А. А.* Проблемы первоначального этапа расследования насильственных преступлений в отношении сотрудников милиции: дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2006. 185 с.

7. *Приговор* Калининского районного суда г. Челябинска по делу № 1-126/2017 от 23.03.2017 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://sudact.ru/ regular/ doc/ sfRQo06eX4NH/ (дата обращения: 02.02.2019).

8. *Скакун А. И.* Уголовная ответственность за воспрепятствование осуществлению правосудия и производству предварительного расследования: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2008. 178 с.

9. *Методические рекомендации* по уголовно-правовому анализу угрозы или насильственных действий в связи с осуществлением правосудия или производством предварительного расследования: метод. рек. Уфа: УЮИ МВД РФ, 2008. 56 с.

10. *Приговор* Рузаевского районного суда (Республика Мордовия) № 1-55/2017 от 27.03.2017 по делу № 1-55/2017/ [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://sudact.ru/regular/doc/K33pd5JuaTT/ (дата обращения: 02.02.2019).

11. *Апелляционное постановление* Верховного Суда Республики Башкортостан по делу 22-4825/2017 от 12.06.2017 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://sudact.ru/regular/doc/10N9m5KpcVNO/ (дата обращения: 02.02.2019).

12. *Апелляционное постановление* Тюменского областного суда по делу 22-2874/2016 от 01.11.2016/ [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://rospravosudie.com/court-tyumenskij-oblastnoj-sud-tyumenskaya-oblast-s/act-536174555/ (дата обращения: 02.02.2019).

13. *Уральский студент* получил два года колонии за угрозу сжечь следователя [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://lenta.ru/news/2016/11/22/student/ (дата обращения: 02.02.2019).

14. *Такеев Р. А.* Уровень и динамика посягательств на жизнь сотрудников правоохранительных органов (ст. 317 УК РФ) // Рос. следователь. 2016. № 16. // СПС «Консультант плюс» (дата обращения: 02.02.2019).

15. *Галимов С. А.* Там же.

16. *Паненко А. А.* Некоторые пути оптимизации борьбы с организованной преступностью, в том числе терроризмом и его финансированием, посягательством на жизнь сотрудников правоохранительных органов, военнослужащих в СКФО (по материалам Республики Ингушетия) // Воен.-юрид. журн. 2013. № 5. // СПС «Консультант плюс» (дата обращения: 02.02.2019).

17. *Плешакова О. В.* Инсценировка насильственных тяжких преступлений в отношении сотрудников полиции, замещающих должности руководителей территориальных органов внутренних дел // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2018. № 2 (45). С. 118—124.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES:

1. Chinenov A. V. Topical issues of combating crimes committed in the liquidation of a legal entity // Russian investigator. 2013. No. 2. P. 41—42.

2. Chinenov E. V., Shchukin V. I. Criminalistic aspect of the content of the process of criminal activity in the sphere of economy of railway transport // Collection of materials of criminalistic readings. 2018. №. 15. P. 93—95.

3. Lapin V. O. Methodology of investigation of offences committed against life, health, honor, dignity and property of persons who identify and investigate tax crimes: cand. jurid. sci.diss. M., 2005. 250 p.

4. Galimov S. A. Investigation of offences committed against life of a militia officer: according to the materials of the Republic of Dagestan: dis. … of cand. of judicial sciences: M., 2010. 214 p.

5. Pakhomov S. V. Problems of methodology of investigation of offences committed against life of a police officer: cand. jurid. sci.diss. Krasnodar, 2003. 204 p.

6. Tataurov A. A. Problems of the initial stage of investigation of violent crimes committed against police officers: cand. jurid. sci.diss. Vladivostok, 2006. 185 p.

7. The verdict of the Kalininsky District Court of Chelyabinsk on case №. 1-126/ 2017 of 03/03/2017 [Electronic resource]. URL: http://sudact.ru/ regular/doc/ sfRQo06eX4NH/ (Date of access: 02/02/2019).

8. Skakun A. I. Criminal liability for obstruction of justice and preliminary investigation: cand. jurid. sci.diss. Omsk, 2008. 178 p.

9. Methodical recommendations on the criminal law analysis of threat or violence related to administering justice or conducting preliminary investigation: methodical recommendations. Ufa: Law University of Ufa of the Ministry of the Interior of Russia, 2008. 56 p.

10. The verdict of the Ruzayevsky District Court (The Republic of Mordovia) No. 1—55 / 2017 dated 03/27/2017 on case №. 1—55 / 2017 / [Electronic resource]. URL: http://sudact.ru/regular/doc/K33pd5JuaTT/ (Date of acccess: 02.02.2019).

11. The appeal of the Supreme Court of the Republic of Bashkortostan on case No. 22-4825/2017 of 12/06/2017 [Electronic resource]. URL: http://sudact.ru/ regular/doc/ 10N9m5 KpcVNO/ (Date of acccess: 02.02.2019).

12. The appeal decision of the Tyumen regional court on case No. 22-2874 / 2016 of 01.11.2016 / [Electronic resource]. URL: https://rospravosudie.com/court-tyumenskij-oblastnoj-sud-tyumenskaya-oblast-s/act-536174555 (Date of acccess: 02/02/2019).

13. A Ural student was sentenced for two years for threatening to burn an investigator [Electronic resource]. URL: https://lenta.ru/news/2016/11/22/student/ (Date of acccess: 02.02.2019).

14. Takeyev R. A. Level and dynamics of offences against life of police officers (Art. 317 of the Criminal Code of the Russian Federation) // Ros. Investigator. 2016. № 16. // Access: Legal-Reference System "Consultant Plus" (Date of acccess: 02/02/2019)

15. Galimov S. A. see above.

16. Panenkov A. A. Some ways to optimize fight against organized crime, including terrorism and its financing, attacks on life of police officers, military personnel in the North Caucasus Federal Region (according to the criminal materials of the Republic of Ingushetia) // Military Law Journal. 2013. № 5. // Access: Legal-Reference System "Consultant Plus" (Date of acccess: 02.02.2019).

17. Pleshakova O. V. Staging of violent crimes committed against police officers who sit in for the heads of the territorial internal affairs agencies // Vestnik of the Volgograd Academy of the Ministry of Interior of Russia. 2018. № 2 (45). P. 118—124.

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

УДК: 343.132
DOI: 10.24411/2312-3184-2019-00030

Смолькова Ираида Вячеславовна
профессор кафедры уголовного процесса Восточно-Сибирского института МВД России, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации
E-mail: smolkovaiv@mail.ru

Smolkova Iraida Vyacheslavovna
chair of departments of Criminal proceedings, East-Siberian Institute of the Ministry of the Interior of Russia. Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation
E-mail: smolkovaiv@mail.ru

НУЖНА ЛИ ФИГУРА «ЗАПОДОЗРЕННОГО» В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ?

Введение: статья посвящена одной из дискуссионных проблем отечественной уголовно-процессуальной науки — проблеме целесообразности включения в УПК РФ нового участника уголовного судопроизводства — «заподозренного» и, соответственно, наделения его самостоятельным процессуальным статусом, отличным от статуса подозреваемого.

Материалы и методы: методологическую основу исследования составляет общий диалектический метод познания. Использованы логический, системный, структурно-функциональный методы исследования, а также методы анализа, описания, обобщения.

Результаты исследования: на основе анализа нормативных и специальных литературных источников сформулированы аргументы, обосновывающие нецелесообразность формирования специального правового статуса заподозренного как самостоятельного участника уголовного судопроизводства.

Выводы и заключения: делается вывод, что введение «заподозренного» как нового участника уголовного судопроизводства в УПК РФ не представляется необходимым и целесообразным, поскольку, следуя логике авторов, инициирующих его легализацию, можно до бесконечности расширять круг участников уголовного судопроизводства, в отношении которых проводится деятельность, связанная с проверкой их причастности к совершению преступления.

Ключевые слова: предварительная проверка сообщения о преступлении, участник уголовного судопроизводства, уголовное преследование, подозрение, подозреваемый, заподозренный, причастность к преступлению, фактическое задержание, задержанный, адвокат, защитник.

IS THE FIGURE "SUSPECTED" IN CRIMINAL PROCEEDINGS NEEDED?

Introduction: the article is devoted to one of the debatable problems of domestic criminal procedural science — the problem of the advisability of including in the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation a new participant in criminal proceedings — "suspected" and, accordingly, endowing him with an independent procedural status that is different from the status of a suspect.

Materials and methods: the methodological basis of the study is the general dialectical method of cognition. The logical, systemic, structural and functional research methods are used, as well as methods of analysis, description and generalization.

Results of the study: based on an analysis of normative and special literary sources, the author formulated some arguments that justify the inappropriateness of forming a special legal status of a suspected as an independent participant in criminal proceedings.

Conclusions and results: it is concluded that the introduction of the "suspected" as a new participant in criminal proceedings in the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation does not seem necessary and advisable, because, following the logic of the authors initiating his legalization, it is possible to expand the circle of participants in criminal proceedings in relation to whom the activities connected with their involvement in the commission of crime are carried out.

Keywords: preliminary verification of a crime report, participant in criminal proceedings, criminal prosecution, suspicion, suspect, suspected, involvement in a crime, actual detention, detainee, lawyer, defender.

На протяжении многих лет в отечественной уголовно-процессуальной науке ведется дискуссия о процессуальном положении лица, в отношении которого проводится предварительная проверка сведений, позволяющих предполагать его причастность к совершенному преступлению, до возбуждения уголовного дела. В целях такой проверки закон разрешает производить следующие действия: получение объяснений, получение образцов для сравнительного исследования, истребование и изъятие документов и предметов, назначение и производство судебной экспертизы, осмотр места происшествия, документов, предметов, трупов, освидетельствование, производство документальных проверок, ревизий, исследование документов, предметов, трупов, дача поручений органу дознания о проведении оперативно-розыскных мероприятий (ч. 1 ст. 144 УПК РФ). Многие из перечисленных действий носят характер действий, выражающих подозрение в совершении преступления против конкретного лица, и, соответственно, свидетельствующих о начале уголовного преследования. Кроме этого в отношении лица, подозреваемого в совершении преступления, может быть произведено фактическое задержание (физический захват и доставление в орган дознания или к следователю), которое осуществляют органы полиции, ФСБ, Росгвардии и др.). В этой связи, естественно, возникает вопрос о том, каков же процессуальный статус такого лица. И в литературе ответы на этот вопрос существенно различаются.

Лицо, в отношении которого проводится предварительная проверка на предмет его причастности к совершенному преступлению, называют по-разному: «условным по-

дозреваемым» [11, с. 86], «фактическим подозреваемым» [15, с. 17], «потенциальным подозреваемым» [14, с. 4], «скрытым подозреваемым» [13, с. 89], «потенциально преследуемым лицом» [6, с. 108], «преследуемым» [3, с. 46], «подозреваемым свидетелем» [7, с. 56—58] и, наконец, «заподозренным» [18, с. 2568].

Одной из первых в отечественной уголовно-процессуальной науке суждение именовать лицо, подозреваемое в совершении преступления, «заподозренным» высказала Л. М. Карнеева. По ее мнению, пока подозрение является только субъективной точкой зрения следователя, не нашедшей своего выражения в соответствующем процессуальном документе (протоколе задержания или постановлении об избрании меры пресечения), нельзя ставить вопрос о признании лица подозреваемым и наделении его определенными процессуальными правами и, следовательно, он должен именоваться по-другому, как «заподозренный» [8, с. 36].

Данное суждение не только поддерживается некоторыми современными учеными-процессуалистами, но и с целью его дальнейшего развития предлагается ввести в УПК РФ нового участника уголовного судопроизводства — «заподозренного», под которым понимают лицо, в отношении которого выдвинуто предположение о его причастности к совершенному преступлению, и наделить его процессуальным статусом путем вынесения отдельного постановления о привлечении лица в качестве заподозренного [1, с. 13; 12, с. 9; 15, с. 17].

Авторы, предлагающие ввести в уголовное судопроизводство самостоятельную фигуру «заподозренного», исходят из того, что лицо таковым становится с момента, когда у должностного лица или органа, осуществляющего уголовное преследование или оперативно-розыскную деятельность, появляются данные, позволяющие предполагать возможную причастность этого лица к преступлению, но недостаточные для его признания подозреваемым. Аргументируется данная позиция таким образом: данное лицо психологически ощущает себя заподозренным в преступлении, а следователь (дознаватель), проводя эту проверку, неприкрыто выражает лицу подозрение, чем нарушает его права и свободы. Далее отмечается, что у лица, в отношении которого проводится предварительная проверка, имеются некоторые процессуальные права: право на участие в проводимых действиях, на обжалование действий и решений должностных лиц и право на защиту, что дает основание для вывода о фактическом существовании лица, в отношении которого реализуется подозрение, предшествующего появлению подозреваемого.

В значительной степени основанием для таких выводов стала позиция Конституционного суда Российской Федерации, выраженная им в Постановлении от 27 июня 2000 г. № 11-П[1], в котором он указал, что в целях реализации конституционного права на помощь адвоката необходимо учитывать «не только формальное процессуальное, но и фактическое положение лица, в отношении которого осуществляется публичное уголовное преследование. При этом фактическое уголовное преследование и, следовательно, направленная против конкретного лица обвинительная деятельность могут под-

[1] *По делу* о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В. И. Маслова // СЗ РФ. 2000. № 27. Ст. 2882.

> твердаться ... мерами, предпринимаемыми в целях его изобличения или свидетельствующими о наличии подозрений против него». Несмотря на оценку Конституционным судом РФ положений статей УПК РСФСР, данное Постановление действует и в настоящее время и является правовой основой для обоснования различных предложений о необходимости легализовать статус лиц, в отношении которых осуществляется фактическое подозрение.

Е. В. Сопнева первой из современных ученых-процессуалистов сформулировала концепцию, обосновывающую необходимость установления «заподозренного» как нового участника уголовного судопроизводства, в подтверждение которой она ссылается на международные акты, зарубежный опыт уголовного судопроизводства, российские исторические традиции, основывавшихся на формулировании первоначального подозрения в отношении «заподозренного», а затем уже на его основе появления статуса подозреваемого, при этом автор исходит из идеи о заподозренном лице как первоначальной форме реализации подозрения, возникающем в ходе различных видов деятельности: уголовно-процессуальной, оперативно-розыскной и иной. С ее точки зрения, статус подозреваемого не тождествен статусу «заподозренного» и не позволяет выполнить «процессуальные запросы» последнего, поскольку предположение о подозрении формируется на основе достаточной степени первичной информации, позволяющей высказать тезис о том, что лицо может иметь отношение к преступлению, а фактическая реализация права лица на квалифицированную юридическую помощь вне процессуального положения подозреваемого, влечет необходимость создания статуса «заподозренного» [18, с. 2568, 2569, 2570].

На основе этой концепции как бы достаточно логично выстраивается последовательный ряд участников уголовного судопроизводства, демонстрирующих эволюцию уголовного преследования в отношении конкретного лица: заподозренный, подозреваемый, обвиняемый, подсудимый, осужденный. Однако в этот ряд можно добавить и множество других лиц.

За исходную точку в определении статуса «заподозренного» Е. В. Сопнева предлагает взять понятие «лицо, совершившее преступление», полагая, что именно это понятие позволит установить необходимые признаки лица как заподозренного в определенный момент проводимой в отношении него деятельности и придать ему соответствующий процессуальный статус. Представляется, однако, что использование понятия «лицо, совершившее преступление», на этапе доследственной проверки информации о преступлении противоречит принципу презумпции невиновности, ибо на этом этапе требуется произвести ряд процессуальных действий, чтобы определить, имело ли место преступление в действительности, а конечный вывод о том, что конкретное лицо совершило преступление, будет сделан судом в обвинительном приговоре, вступившем в законную силу.

В качестве примера появления «заподозренного» в уголовном судопроизводстве Е. В. Сопнева приводит следующий казус: некий гр-н Н. поднял с земли и положил в свой карман выпавший из одежды гр-ки М. ее сотовый телефон, последняя «сформулировала» в отношении него подозрение в совершении преступления и высказала его проходящим мимо сотрудникам полиции. Обнаружение в кармане гр. Н. сотового теле-

фона, принадлежащего гр-ке М., в свою очередь, позволило «сформулировать» сотрудникам полиции предположение о совершении грабежа гр-ном Н. и применить к нему задержание по подозрению в совершении преступления [18, с. 2571].

Приведенный пример свидетельствует о принципиальных ошибках, допущенных автором. Первая — никакой гражданин, даже пострадавший от преступления, не может «сформулировать» подозрение, это обязанность должностных лиц, осуществляющих уголовное преследование и наделенных в этих целях уголовно-процессуальными полномочиями. Вторая — сотрудники полиции, оказавшиеся на месте предполагаемого преступления, также не могут ни сформулировать подозрение, ни произвести процессуальное задержание, в их компетенции — только осуществить захват и доставить гр-на Н. в орган дознания или к следователю, не больше. Третья — непонятно как сотрудники полиции обнаружили в кармане Н. сотовый телефон если это сделано в результате личного обыска, то они нарушили закон, поскольку личный обыск, может быть произведен после возбуждения уголовного дела.

Солидаризируясь с концепцией Е. В. Сопневой, А. А. Давлетов полагает, что на этапе подозрения уголовно-преследуемое лицо выступает в двух качествах: 1) заподозренного (до получения им статуса подозреваемого) и 2) подозреваемого (на стадии предварительного расследования). По его мнению, при определении содержательных признаков «заподозренного», «без понятий, имеющих один корень со словом «подозрение», не обойтись, поскольку уголовно-преследуемое лицо в стадии возбуждения уголовного дела есть лицо, оказавшееся под подозрением в совершении преступления, соответственно, в ст. 46 УПК РФ необходимо ввести двух самостоятельных участников: заподозренного и подозреваемого, изменив ее название на «лицо, подозреваемое в совершении преступления» [4, с. 62, 65].

А. Н. Заливин же, наоборот, считает необходимым заменить термин «лицо, подозреваемое в совершении преступления», на «заподозренный», замечая, что именно последний термин отражает начало подозрения и потому более точно отражает процессуальный статус лица, в отношении которого производятся официально изобличающие его действия, ущемляющие его права и свободы [5, с. 888].

М. Н. Клепов исходит из противоположного, полагая, что «заподозренный» переходит в новое качество — «лицо, подозреваемое в совершении преступления» в момент получения следствием или дознанием информации о преступлении, позволяющих его задержать или применить к нему одну из мер пресечения до предъявления обвинения [10, с. 70—71]. Несмотря на разные подходы, и А. Н. Заливин, и М. Н. Клепов поддерживают идею установления самостоятельного участника уголовного судопроизводства — «заподозренного».

Развивая анализируемую концепцию, Е. С. Березина даже предлагает предусмотреть в УПК РФ самостоятельную меру процессуального принуждения для «заподозренного» — «задержание заподозренного», которая, по ее мнению, должна состоять в захвате и доставлении «заподозренного» в правоохранительные органы в целях пресечения преступления и принятия последующего решения о задержании подозреваемого [2, с. 6—7]. Следует, однако, заметить, что в период так называемого «задержания заподозренного», нет уголовно-процессуальных отношений, поскольку они не могут возникнуть

без соответствующего субъекта — должностного лица, наделенного процессуальными полномочиями, поэтому применить меру процессуального принуждения в этот момент просто невозможно. Кроме того, неясно, в каком соотношении будут находиться «задержание заподозренного», «фактическое задержание» и «процессуальное задержание».

В литературе имеются и другие мнения по рассматриваемой проблеме. Так, А. В. Карцев считает, что обоснование появления таких участников уголовного процесса, как «заподозренный», «лицо, подозреваемое в совершении преступления», связано с принципиально неверным включением подозрения в уголовное судопроизводство, как этапа привлечения лица к уголовной ответственности. С его точки зрения, термин «заподозренный» следует использовать применительно к оперативно-розыскной деятельности, а «лицо, подозреваемое в совершении преступления» — к деятельности органов, осуществляющих уголовное преследование» [9, с. 18].

Если следовать логике авторов, выступающих за установление «заподозренного», то можно ввести в уголовное судопроизводство и многих других участников в зависимости от тех действий, которые в отношении конкретного лица производятся, например, захват — захваченный, доставление — доставляемый, доставленный, розыск — разыскиваемый; освидетельствование — освидетельствуемый, документальная проверка — проверяемый, ревизия — ревизируемый, и даже таких, как: подозрительный, изобличаемый, причастный, преследуемый, скрывающийся и т. д.

И предложения подобного рода уже имеют место в литературе. Так, В. И. Руднев считает необходимым закрепить в УПК РФ статус «задержанного», как самостоятельного участника уголовного судопроизводства, определяя его как лицо, принудительно доставленное органам власти в связи с обоснованно предполагаемой причастностью к совершению преступления [16, с. 130—132]. Речь идет о лице, подвергнутом фактическому задержанию.

Представляется, совершенно прав в этом плане В. Н. Григорьев, замечая, что совершенно нет необходимости вводить новых участников уголовного судопроизводства, поскольку УПК РФ предоставил лицам, в отношении которых производится предварительная проверка, возможность пользоваться услугами адвоката, не приобретая какого-либо формального статуса, и данный правовой механизм гораздо эффективнее обеспечивает их права [3, с. 46]. Поэтому необходимо всех лиц, в отношении которых проводится деятельность, направленная на выяснение их причастности к совершенному преступлению, просто обеспечить правом на помощь адвоката. Отсутствие в законе положений, определяющих правомочия участников уголовного судопроизводства, чьи интересы существенным образом затрагиваются совершаемыми процессуальными действиями и принимаемыми решениями, не может служить основанием для ограничения их права защищать свои права и законные интересы с помощью адвоката.

Думается, что введение новых участников приведет к ненужному нагромождению определений в принципе одного и того же участника и, более того, наделению их каким-то особым статусом. Главное заключается не в том, как лицо назвать, а в том, чтобы предоставить ему права, которые позволят ему реализовать свое право на защиту.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Белкин А. Р.* Задержание по подозрению в совершении преступления: спорные вопросы и возможные пути разрешения проблем // Уголовное судопроизводство. 2011. № 4. С. 13—19.

2. *Березина Е. С.* Задержание подозреваемого как институт уголовного судопроизводства: автореф. дис. ... канд. юрид наук. М., 2009. 22 с.

3. *Григорьев В. Н.* Обретение лицом уголовно-процессуального статуса подозреваемого: в чем проблемы? // Вестник Моск. ун-та МВД России. 2016. № 4. С. 41—46.

4. *Давлетов А. А.* Проблема статуса уголовно-преследуемого лица в стадии возбуждения уголовного дела // Рос. юрид. журн. 2015. № 4. С. 61—66.

5. *Заливин А. Н.* «Лицо, подозреваемое в совершении преступления» или «подозреваемый»: соотношение понятий // Науч. тр. Рос. Акад. юрид. наук (РАЮН). Вып. 9. В 3 т. Т. 3. 2009. С. 884—888.

6. *Кальницкий В., Булатов Б.* Привлечение лица к уголовному преследованию в качестве подозреваемого // Уголовное право. 2010. № 2. С. 107—111.

7. *Карибов К. Ф.* Подозреваемый, свидетель или «подозреваемый свидетель»? // Следователь. 2000. № 9. С. 52—64.

8. *Карнеева Л. М.* Подозреваемый в советском уголовном процессе // Социалистическая законность. 1959. № 4. С. 35—38.

9. *Карцев А. В.* К вопросу о необходимости использования материального основания для признания лица подозреваемым // Уголовное судопроизводство. 2007. № 2. С. 14—18.

10. *Клепов М. Н.* Теория и практика становления процессуального статуса подозреваемого в российском уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. 198 с.

11. *Котровский В. В.* Понятие подозреваемого по новому УПК РСФСР // Изв. вузов. Правоведение. 1963. № 3. С. 85—88.

12. *Мельников В. Ю.* К вопросу о задержании заподозренного лица в уголовном процессе // Адвокатская практика. 2012. № 1. С. 9—12.

13. *Метелкин А. В.* К вопросу о правовом статусе «скрытого» подозреваемого // Правовые проблемы укрепления российской государственности: сб. ст. Ч. 63. Томск, 2014. С. 89—94.

14. *Николюк В. В., Марфицин П. Г.* Участие адвоката на первоначальной стадии уголовного процесса // Рос. следователь. 2016. № 9. С. 3—5.

15. *Обидина Л. Б.* Некоторые вопросы обеспечения прав участников доследственной проверки // Рос. следователь. 2016. № 1. С. 17—21.

16. *Руднев В. И.* О введении в уголовно-процессуальное законодательство понятия «задержанный» // Адвокат. 2011. № 10. С. 7—11.

17. *Сопнева Е. В.* Заподозренный как способ выражения подозрения // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 7 (44). С. 1474—1480.

18. *Сопнева Е. В.* Развитие представлений о заподозренном лице // Актуальные проблемы уголовного процесса. 2014. № 11 (48). С. 2568—2573.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

1. Belkin A. R. Detention on suspicion of committing a crime: controversial issues and possible ways to solve problems / / Criminal proceedings. 2011. No. 4. Pp. 13—19.

2. Berezina E. S. Detention of a suspect as an institution of criminal proceedings: auto-ref. dis. kand. law Sciences. M., 2009. 22 p.

3. Grigoriev V. N. Acquisition by the person of the criminal procedural status of the suspect: what are the problems? // Bulletin Mosk. University of MIA of Russia. 2016. No. 4. S. 41—46.

4. Davletov A. A. The problem of the status of a criminally prosecuted person at the stage of initiation of a criminal case / / Russian legal journal. 2015. No. 4. P. 61—66.

5. Zalivin A. N. "The person suspected of Commission of crime" or "the suspect": correlation of concepts / / Scientific works of the Russian Academy of legal Sciences (RAYUN). Vol. 9. In 3 vols. 2009. P. 884—888.

6. Kalnitsky V., Bulatov B. Bringing a person to criminal prosecution as a suspect / / Criminal law. 2010. No. 2. P. 107—111.

7. In the Caribbean C. F. a Suspect, witness or a "suspect witness"? // Investigator. 2000. No. 9. P. 52—64.

8. Karneeva L. M. Suspect in the Soviet criminal process / / socialist legality. 1959. No. 4. P. 35—38.

9. Kartsev A. V. On the need to use the material basis for the recognition of a person as a suspect / / Criminal proceedings. 2007. No. 2. P. 14—18.

10. Klepov M. N. Theory and practice of formation of the procedural status of the suspect in the Russian criminal proceedings: dis. kand. the faculty of law. sciences'. M., 2002. 198 p.

11. Kutrovsky V. V. the Concept of the suspect in the new criminal procedure code of the RSFSR // Izvestiya vuzov. Jurisprudence. 1963. No. 3. P. 85—88.

12. Melnikov V. Yu. To the question of the detention of a suspected person in the criminal process / / Law practice. 2012. No. 1. P. 9—12.

13. Metelkin A. V. To the question of the legal status of "hidden" suspect // Legal problems of strengthening Russian statehood: SB. St. H. 63. Tomsk, 2014. P. 89—94.

14. Nikolyuk V. V., Marfitsin P. G. participation of a lawyer at the initial stage of the criminal process / / Russian investigator. 2016. No. 9. P. 3—5.

15. Obidina L. B. Some questions of ensuring the rights of participants of pre-investigation check / / Russian investigator. 2016. No. 1. P. 17—21.

16. Rudnev V. I. introduction to criminal procedure legislation of the term "detainee" // Lawyer. 2011. No. 10. P. 7—11.

17. Apnea E. V. is Suspected as a way of expressing suspicions // Actual problems of Russian law. 2014. No. 7 (44). P. 1474—1480.

18. Apnea E. V. Development of ideas on the suspected person // Actual problems of the criminal process. 2014. No. 11 (48). P. 2568—2573.

УДК: 343.1
DOI: 10.24411/2312-3184-2019-00031

Безруков Сергей Сергеевич
начальник отдела Научно-исследовательского
центра по исследованию проблем
расследования преступлений
Всероссийского научно-исследовательского института
МВД России
доктор юридических наук, доцент
E-mail: bezrukovsergeyperm@rambler.ru

Bezrukov Sergey Sergeevich
head of the division of Scientific-Research
Center of Investigation of Crime Detection
Issues, All-Russian Scientific-Research Institute of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation doctor of sciences
(Law), associate professor
E-mail: bezrukovsergeyperm@rambler.ru

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ РЕШЕНИЙ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Введение: в статье рассматриваются отдельные проблемы реализации решений Конституционного Суда Российской Федерации в уголовно-процессуальном законодательстве, обозначаются недостатки закрепленных в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации норм о новом участнике уголовного судопроизводства — лице, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве.

Материалы и методы: в качестве материалов исследования выступают нормы действующего уголовно-процессуального законодательства, отдельные решения Конституционного Суда Российской Федерации, труды ученых-процессуалистов, относящиеся к порядку вовлечения в производство процессуальных действий лиц, в отношении которых уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением досудебного соглашения о сотрудничестве. Методологической основой исследования явился диалектический метод научного познания, также использовались общенаучные методы (анализ, синтез, дедукция), методы научного обобщения, формально-юридический, сравнительно-правовой и др.

Результаты исследования: выделены проблемы и противоречия в правовой регламентации процессуального статуса лица, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве.

Выводы и заключения: внесены предложения по оптимизации положений отечественного уголовно-процессуального законодательства. С этой целью по меньшей мере необходимо отнести рассматриваемого участника уголовного судопроизводства к стороне обвинения; изменить его наименование; более четко обозначить признаки, отличающие его от иных лиц; сформулировать полноценный процессуальный статус, исключив

постоянные отсылки к статусу свидетеля; дополнить перечень источников доказательств.

Ключевые слова: досудебное соглашение о сотрудничестве; подозреваемый; обвиняемый; свидетель; соучастники преступления; лицо, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве.

PROBLEMS OF IMPLEMENTING DECISIONS OF THE CONSTITUTIONAL COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Introduction: the article deals with some problems of implementing decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation in the criminal procedure legislation, identifies the shortcomings of the norms enshrined in the Criminal procedure code of the Russian Federation on a new participant in criminal proceedings — a person in respect of whom a criminal case is severed in connection with making a pre-trial cooperation agreement.

Materials and methods: the materials of the research are the norms of the current criminal procedure legislation, individual decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation, the works of procedural scientists relating to the order of involvement in the proceedings of persons in respect of whom a criminal case is severed in connection with making a pre-trial agreement on cooperation. The methodological basis of the research was the dialectical method of scientific cognition, general scientific methods (analysis, synthesis, deduction), methods of scientific generalization, formal legal, comparative legal and other methods were also used.

Results: the problems and contradictions in the legal regulation of the procedural status of a person in respect of whom a criminal case is severed in connection with making a pre-trial cooperation agreement are highlighted.

Summary and conclusions: proposals have been made to optimize the provisions of the domestic criminal procedure legislation. For this purpose, at least, it is necessary to refer the considered participant of criminal proceedings to the party of charge; to change his name; to designate the signs distinguishing him from other persons more accurately; to formulate the full procedural status, having excluded constant references to the status of the witness; to add the list of sources of proofs.

Keywords: pre-trial agreement on cooperation, suspect, accused, witness, accomplices in crime, person in respect of whom the criminal case is severed in connection with the conclusion of a pre-trial agreement on cooperation.

В поле зрения Конституционного Суда Российской Федерации традиционно попадают чрезвычайно сложные проблемы уголовного судопроизводства. Разрешая их, разъясняя конституционно-правовой смысл тех или иных норм и институтов уголовно-процессуального права, корректируя устоявшуюся правоприменительную практику, высший орган конституционного правосудия зачастую ставит перед федеральным законодателем не менее трудные задачи по существенному изменению устоявшегося поряд-

ка производства по уголовным делам. Одной из подобных проблем, к которой вынужден был обратиться Конституционный Суд Российской Федерации, оказался порядок дачи показаний в отношении соучастников преступления лицом, заключившим досудебное соглашение о сотрудничестве.

Освещая предысторию вопроса, следует отметить, что Федеральным законом от 29.06.2009 № 141-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее — УПК РФ) была введена глава 40^1 «Особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве». Целесообразность заключения таких соглашений, а равно самого сотрудничества между лицами, привлекаемыми к уголовной ответственности, и органами, изобличающими их в совершении преступлений, традиционно объясняется насущной потребностью повышения эффективности противодействия организованной преступности. Именно в целях раскрытия «заказных» убийств, преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств, бандитизма и т. п., правоохранительные органы и привлекают к сотрудничеству отдельных участников организованных преступных групп [13, с. 366].

Сконструированный законодателем порядок участия лиц, с которыми заключается досудебное соглашение о сотрудничестве, в доказывании виновности соучастников преступной деятельности достаточно быстро привлек к себе самое пристальное внимание со стороны подозреваемых и обвиняемых, изобличаемых в совершении преступлений, а также их защитников. Абсолютно очевидно, что объем сведений о преступном деянии и лицах, его подготавливавших и совершивших, которыми обладает лицо, принимавшее самое непосредственное участие в преступлении, в подавляющем большинстве случаев не сопоставим с данными, известными потерпевшим или очевидцам преступного события. А следовательно, соучастник преступления, согласившийся сотрудничать с органами предварительного следствия, располагающий обширными сведениями, которые могут быть использованы в доказывании, представляет для изобличаемых в совершении преступления лиц серьезную опасность. В силу указанных причин не вызывают никакого удивления попытки подозреваемых (обвиняемых) и их защитников выявить недостатки и противоречия уголовно-процессуального закона, несоответствие норм главы 40^1 УПК РФ положениям Конституции России[1], чтобы в дальнейшем поставить перед судом вопрос о признании показаний лиц, заключивших досудебное соглашение о сотрудничестве, недопустимым доказательством, лишить сторону обвинения возможности использовать их в доказывании.

Так, с жалобой в Конституционный Суд Российской Федерации обратился Д. В. Усенко, привлеченный к уголовной ответственности за незаконный сбыт и покушение на незаконный сбыт наркотических средств в крупном размере и в составе организованной группы (п. «а» ч. 4 ст. 228^1, ч. 3 ст. 30, п.п. «а», «г» ч. 4 ст. 228^1 УК РФ). По его мнению, положения УПК РФ, позволяющие не предупреждать лицо, уголовное

[1] См., напр.: *Об отказе* в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Караваева Александра Геннадьевича на нарушение его конституционных прав положениями статей 47, 56, 278 и 281 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Констит. суда Рос. Федерации от 23 дек. 2014 г. № 2951-О // СПС «Консультант плюс».

дело в отношении которого выделено в отдельное производство в связи с заключением досудебного соглашения о сотрудничестве, перед началом его допроса в качестве свидетеля об уголовной ответственности за отказ от дачи показаний и дачу заведомо ложных показаний при производстве по уголовному делу в отношении соучастника совершенного им преступления, противоречат ч. 1 ст. 49 и ч. 2 ст. 50 Конституции Российской Федерации, ограничивают гарантии презумпции невиновности лица, против которого даются эти показания, нарушают запрет на использование недопустимых доказательств[1].

Конституционность ч.ч. 2 и 8 ст. 56, ч. 2 ст. 278 и в целом главы 40^1 УПК РФ была проверена Конституционным Судом Российской Федерации. Разъяснив конституционно-правовой смысл оспариваемых предписаний, он признал их не противоречащими Основному закону нашей страны. Но при этом, выявив в анализируемых законоположениях ряд недостатков и проблем, орган конституционного контроля возложил на федерального законодателя обязанность по внесению в УПК РФ изменений, детализирующих порядок участия обвиняемого, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением досудебного соглашения о сотрудничестве, в судебном разбирательстве по основному делу в целях дачи показаний в отношении лиц, обвиняемых в том же преступлении в соучастии с ним[2].

Одновременно Конституционный Суд Российской Федерации обозначил несколько принципиально важных моментов, которые законодателю надлежало учесть при конкретизации порядка участия лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, в уголовном деле по обвинению соучастников преступления. Прежде всего, было отмечено, что выделение в отдельное производство уголовного дела в отношении лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, а также отдельное судебное рассмотрение этого уголовного дела означают, что процессуальный статус обвиняемого данное лицо приобретает в выделенном уголовном деле. В основном уголовном деле (уголовное преследование в котором изначально осуществлялось в отношении всех соучастников преступления) его уголовное преследование более не ведется, процессуальный статус обвиняемого лицом утрачивается, что исключает участие такого лица в качестве подсудимого в судебном заседании.

При этом лицо, заключившее соглашение о сотрудничестве, изобличающее соучастников преступления, не может в полной мере отождествляться и со свидетелем. Конституционный Суд Российской Федерации абсолютно правильно указал, что такое лицо, несомненно, имеет собственный интерес в уголовном деле, в то время как для позиции свидетеля характерна процессуальная нейтральность.

Закономерным итогом сравнения правового положения лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, со статусами обозначенных участников уголовного судопроизводства, явился вывод о том, что оно «приобретает в процессе по основному делу особый статус, который не может быть соотнесен в полной мере ни с правовым

[1] *По делу* о проверке конституционности положений частей второй и восьмой статьи 56, части второй статьи 278 и главы 40^1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Д. В. Усенко: пост. Констит. суда Рос. Федерации от 20 июля 2016 г. № 17-П // Рос. газ. № 171. 04.08.2016.

[2] Там же.

положением свидетеля, ни с правовым положением подсудимого»[1].

В октябре 2018 г. в УПК РФ введена[2] статья 56[1] — «Лицо, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве». В этой статье законодатель попытался сформулировать понятие нового участника уголовного судопроизводства, а также исчерпывающим образом определить его процессуальный статус, для чего потребовалось включить в нее восемь частей. В юридической периодике уже появились некоторые (в том числе и весьма категоричные) оценки усилий законодателя по разрешению проблемных вопросов. Так, В. А. Лазарева, называя обоснованным и оправданным стремление законодателя разрешить вопрос о процессуальном статусе лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, при его вовлечении в уголовное дело в отношении соучастников, совсем иначе оценивает избранный законодателем способ решения данного вопроса [9, с. 19]. В появлении нового участника уголовного процесса О. Л. Васильев и вовсе усматривает видимость совершенствования уголовно-процессуального законодательства [5, с. 37—41]. Действительно, игнорировать тот факт, что статья 56[1] УПК РФ не содержит однозначных ответов на массу вопросов, так или иначе связанных с участием указанного лица в основном уголовном деле, попросту невозможно.

Обзор недостатков, свойственных правовой регламентации статуса нового участника уголовного судопроизводства, целесообразно начать с констатации того, что статья о нем помещена в главу 8 УПК РФ — «Иные участники уголовного судопроизводства». Неоднократные упоминания Конституционного Суда Российской Федерации, подчеркивавшего в своем постановлении, что процессуальное положение данного лица не совпадает в полной мере ни с положением свидетеля, ни с положением обвиняемого, а дача им показаний в отношении соучастников преступления не может быть полностью идентична порядку получения показаний от обычного свидетеля, по сути, проигнорированы. Присутствие статьи о лице, заключившем досудебное соглашение о сотрудничестве, среди иных участников уголовного судопроизводства, обычно не имеющих личного интереса в уголовном деле, сложно назвать оптимальным решением рассматриваемой проблемы. Не приняты во внимание и подходы ученых-процессуалистов, высказывавших самые разнообразные суждения о том, в каком процессуальном статусе надлежит допрашивать лицо, заключившее досудебное соглашение о сотрудничестве [3, с. 63—66; 6, с. 37—42; 8, с. 9; 10, с. 51; 12, с. 92—93].

Крайне неудачным является и наименование нового участника уголовного судопроизводства. Прежде всего, следует отметить, что участников со столь длинным названием в уголовном процессе никогда не было. Предложенный законодателем вариант кардинально выбивается из ряда привычных, лаконичных, но емких терминов, обозначающих участников уголовного судопроизводства, смысл вовлечения которых в производство по уголовному делу вполне понятен без каких-либо сопутствующих пояснений даже обывателю. О. Л. Васильев не без оснований обращает внимание на Федеральный

[1] Там же.

[2] *О внесении изменений* в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 30 окт. 2018 г. № 376-ФЗ // СПС «Консультант плюс».

закон от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ, благодаря принятию которого в нормах УПК РФ появились упоминания о *лицах, участвующих в процессуальных действиях при проверке сообщения о преступлении* (ч. 1^1 ст. 144 УПК РФ), а также о *лице, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении в порядке, предусмотренном ст. 144 УПК РФ* (п. 6 ч. 3 ст. 49 УПК РФ) [5, с. 37—41]. Как представляется, в обозначенных случаях законодатель, воспользовавшись отсылками к процессуальной аналогии, приложил максимум усилий к тому, чтобы уйти от всестороннего решения застарелой проблемы урегулирования статусов лиц, вовлекаемых в процессуальную деятельность на этапе предварительной проверки заявлений и сообщений о преступлениях. Принятыми мерами удалось восполнить лишь некоторые из существующих пробелов, но не устранить все имеющиеся недочеты. Используя такой упрощенный подход, законодатель и не намеревался исчерпывающим образом урегулировать особенности вовлечения тех или иных лиц в предварительную проверку сообщений о преступлениях, предоставив им полномочия полноценных участников уголовного судопроизводства.

Закрепленное в ч. 1 ст. 56^1 УПК РФ определение лица, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве, не содержит важнейших признаков, которые позволяли бы отличать его, например, от подозреваемого (обвиняемого), изобличающего соучастников. В целом же предложенное определение является слишком простым. В нем указывается, что данное лицо — участник уголовного судопроизводства, привлекаемый к участию в процессуальных действиях по уголовному делу в отношении соучастников преступления. Получается, что это некий «эпизодический» участник уголовного судопроизводства, появляющийся лишь на период производства с ним процессуальных действий. Моменты начала и прекращения действия данного статуса законом не определены.

Ученые-процессуалисты уже вносили ряд предложений, касающихся оптимального наименования данного участника уголовного судопроизводства. М. Т. Аширбекова, например, считает правильным название для такого лица — «заинтересованный осужденный» [2, с. 16—19]. По мнению В. А. Лазаревой, ст. 56^1 УПК РФ позволяет вести речь о «заинтересованном свидетеле», именно в таком статусе лицо дает показания [9, с. 19]. Однако указание на заинтересованность данного участника уголовного судопроизводства не способно в полной мере раскрыть его роль в расследовании и разрешении уголовного дела. В благополучном исходе заинтересовано фактически любое лицо, подвергаемое уголовному преследованию, а заинтересованность свидетеля может предопределяться отнюдь не только заключением досудебного соглашения о сотрудничестве. В силу обозначенных причин ст. 56^1 УПК РФ следовало озаглавить «Свидетель по соглашению». При этом анализируемая статья более органично смотрелась бы в главе 6 УПК РФ среди участников, выступающих на стороне обвинения (хотя и такой подход не будет идеальным).

Законодатель не счел необходимым детализировать права лица, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве. Вместо этого ч. 2 ст. 56^1 УПК РФ устанавли-

вает, что данное лицо наделяется правами, предусмотренными ч. 4 ст. 56 УПК РФ, но с отдельными изъятиями. Таким образом, основу процессуального статуса самостоятельного участника уголовного судопроизводства составляют полномочия свидетеля [1, с. 42—44].

Согласиться со столь упрощенным подходом к конструированию правового положения самостоятельного участника уголовного судопроизводства крайне сложно, поскольку в данном случае не принимается во внимание то обстоятельство, что после заключения досудебного соглашения о сотрудничестве изменяется процессуальный статус лица, ранее принимавшего участие в этом деле в ином качестве. По этой причине вопросы, связанные с отказом от дачи показаний против себя самого, супруга (супруги) и других близких родственников, разъяснением доказательственного значения полученных показаний, а равно касающиеся права давать показания на родном языке, бесплатного использования помощи переводчика, заявления отвода переводчику (п.п. 1—4 ч. 4 ст. 56 УПК РФ) должны быть разрешены до привлечения лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, к участию в процессуальных действиях.

Устанавливая права и обязанности нового участника уголовного судопроизводства, законодатель повышенное внимание уделил проблемам неразглашения данных предварительного расследования и невыполнения условий заключенного соглашения. Так, недопустимость разглашения данных предварительного расследования оговорена в п. 2 ч. 5 ст. 56^1 УПК РФ, а в ч. 8 данной статьи содержится упоминание о том, что в случае разглашения таких сведений лицо привлекается к уголовной ответственности по ст. 310 УК РФ.

Все особенности участия лица, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство, в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве, фактически предусмотрены ч. 7 ст. 56^1 УПК РФ, устанавливающей правило о том, что данный участник процесса не предупреждается об ответственности за дачу заведомо ложных показаний либо отказ от дачи показаний в соответствии со статьями 307 и 308 УК РФ. В анализируемой статье обозначены и последствия отказа от дачи показаний, уклонения от явки по вызовам органов расследования и суда, хотя невыполнение обязательств, предусмотренных досудебным соглашением о сотрудничестве, влечет вынесение прокурором постановления о прекращении действия досудебного соглашения о сотрудничестве, после чего производство по уголовному делу осуществляется в общем порядке.

Не вполне уместной является и отсылка законодателя к праву свидетеля являться на допрос с адвокатом (п. 6 ч. 4 ст. 56 УПК РФ). В ч. 1 ст. 317^1 УПК РФ содержится однозначное предписание заключать досудебное соглашение о сотрудничестве только с участием защитника. Логично предположить, что участие защитника не может ограничиваться консультированием подозреваемого, обвиняемого по вопросам, актуальным для него на данный момент. Заслуживает внимания позиция авторов, полагающих, что заключение досудебного соглашения о сотрудничестве влечет за собой обязательное участие защитника в уголовном деле, и даже настаивающих на дополнении ч. 1 ст. 51 УПК РФ [4, с. 688; 11, с. 18—21]. Поскольку уголовно-процессуальное законодательство

допускает возможность изменения или прекращения заключенного с подозреваемым (обвиняемым) досудебного соглашения о сотрудничестве, если им не выполняются принятые обязательства, интересы данного лица и в выделенном и в основном уголовном деле должен представлять именно защитник.

Помимо того законодателю не удалось выразить общую цель появления и участия в уголовном судопроизводстве нового лица, которая теряется за словосочетаниями о «выделении уголовного дела в отдельное производство» и «заключении досудебного соглашения о сотрудничестве», хотя необходимость введения в уголовный процесс еще одного участника продиктована исключительно спецификой получения и оценки его показаний, изобличающих соучастников преступления. На особенности оценки показаний сообщников, чье положение отличается от положения обычных свидетелей, со ссылкой на практику Европейского Суда по правам человека обращал внимание Конституционный Суд Российской Федерации[1]. Но, к сожалению, внесенные в УПК РФ дополнения не оговаривают ровным счетом никакой специфики, получения и оценки показаний лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве. Более того, положения УПК РФ устанавливают, что допрос такого лица в ходе предварительного следствия и судебного разбирательства осуществляется преимущественно по общим правилам допроса свидетеля.

В связи с этим уже не вызывает удивления то обстоятельство, что появление нового участника уголовного судопроизводства не повлекло за собой дополнения ч. 2 ст. 74 УПК РФ: перечень видов доказательств не претерпел абсолютно никаких изменений. Несмотря на то, что процессуальное положение и порядок допроса лица, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве, предельно приближены к статусу и порядку допроса свидетеля, полностью отождествлять показания нового участника уголовного процесса с показаниями свидетеля — недопустимо. А потому, заслуживают поддержки предложения процессуалистов, настаивающих на дополнении п. 2 ч. 2 ст. 74 УПК РФ новым источником доказательств [7, с. 42—46].

Таким образом, закрепленная в УПК РФ правовая регламентация процессуального положения лица, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве, обладает весьма серьезными недостатками. Появление нового участника уголовного судопроизводства не способно одномоментно разрешить все проблемы, возникающие в правоприменительной практике в связи с наделением особым статусом лица, изобличающего соучастников преступления. В очередной раз приходится констатировать, что новейшие нормы УПК РФ не оптимальны и изначально нуждаются в совершенствовании.

[1] *По делу* о проверке конституционности положений частей второй и восьмой статьи 56, части второй статьи 278 и главы 40[1] Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Д. В. Усенко: пост. Констит. суда Рос. Федерации от 20 июля 2016 г. № 17-П // Рос. газ. № 171. 04.08.2016.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Авдеев В. Н., Воскобойник И. О.* Некоторые размышления относительно регламентации в ст. 56^1 УПК РФ процессуального статуса нового участника уголовного процесса // Рос. юст. 2019. № 2. С. 42—44.

2. *Аширбекова М. Т.* Процессуальный кентавр: «заинтересованный осужденный» // Уголовное судопроизводство. 2018. № 1. С. 16—19.

3. *Баранова М. А., Григорян В. Л.* Признательные показания обвиняемого: «новый прыжок на старые грабли» // Рос. юст. 2017. № 9. С. 63—66.

4. *Безлепкин Б. Т.* Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). Комментарий к статье 317^1. 9-е изд., перераб. и доп. М.: Кно-Рус, 2010. 688 с.

5. *Васильев О. Л.* Новый участник уголовного процесса или видимость совершенствования Уголовно-процессуального кодекса РФ // Уголовное судопроизводство. 2019. № 1. С. 37—41.

6. *Волосова Н. Ю.* О дискуссионных вопросах допроса соучастников преступления и определении их процессуального статуса // Пробелы в российском законодательстве. 2016. № 4. С. 37—42.

7. *Головинская И. В., Крестинский М. В., Савельев И. И.* Отдельные проблемы реализации конституционных и уголовно-процессуальных гарантий прав лиц в ходе производства по уголовным делам // Совр. право. 2019. № 3. С. 42—46.

8. *Калиновский К. Б.* Правила допроса соучастников преступлений // Уголовный процесс. 2015. № 3. С. 9.

9. *Лазарева В. А.* Лицо, в отношении которого... // Мировой судья. 2019. № 2. С. 15—19.

10. *Литвинцева Н. Ю.* Свидетельский иммунитет в российском уголовном судопроизводстве. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2014. С. 71.

11. *Саркисянц Р. Р.* К вопросу о правах и обязанностях стороны защиты в досудебном соглашении о сотрудничестве // Рос. следователь. 2012. № 5. С. 18—21.

12. *Сидорова Н. В.* Привилегия против самообвинения и доказательственное значение показаний, полученных в результате соглашения о сотрудничестве // Юрид. наука и правоохр. практика. 2010. № 2. С. 92—93.

13. Уголовно-процессуальное право. Актуальные проблемы теории и практики: учебник для магистров / под ред. В. А. Лазаревой, А. А. Тарасова. М.: Изд-во «Юрайт», 2012. 476 с.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Avdeev V. N. Some reflections on the regulation of the procedural status of a new participant in the criminal process in article 56^1 of the code of criminal procedure // Russian justice. 2019. No. 2. P. 42—44.

2. Ashirbekova M. T. Procedural centaur: “interested convict” // Criminal proceedings. 2018. No. 1. P. 16—19.

3. Baranova M. A., Grigoryan V. L. Confessions of the accused: “a new jump on the old rake” // Russian justice. 2017. No. 9. P. 63—66.

4. Bezlepkin B. T. Comment to the Criminal procedure code of the Russian Federation (article). Comment to article 317^1. 9-th edition, revised and supplemented. M.: KnoRus, 2010. 688 p.

5. Vasilyev O. L. New participant in criminal proceedings or the appearance of improvement of the Criminal procedure code of the Russian Federation // Criminal proceedings. 2019. No. 1. P. 37—41.

6. Volosova N. Yu. On debatable questions of interrogation of accomplices of crime and determination of their procedural status // Gaps in the Russian legislation. 2016. No. 4. P. 37—42.

7. Golovinskaya I. V., Krestinsky M. V., Savelyev I. I. Some problems of implementation of constitutional and criminal procedural guarantees of the rights of persons in the course of criminal proceedings // Modern law. 2019. No. 3. P. 42—46.

8. Kalinovsky K. B. Rules of interrogation of accomplices of crimes // Criminal process. 2015. No. 3. P. 9.

9. Lazareva V. A. The person in respect of whom a... // The magistrate. 2019. No. 2. P. 15—19.

10. Litvintseva N. Yu. Witness immunity in the Russian criminal proceedings. Irkutsk: Publishing House of BSUEL, 2014. 71 p.

11. Sarkisyants R. R. On the issue of the rights and obligations of the defense in the pretrial agreement on cooperation // The Russian investigator. 2012. No. 5. P. 18—21.

12. Sidorova N. V. Privilege against self-incrimination and evidentiary value of evidence obtained as a result of the cooperation agreement // Legal science and law enforcement practice. 2010. No. 2. P. 92—93.

13. Criminal procedure law. Actual problems of theory and practice: textbook for masters / ed. V. A. Lazareva, A. A. Tarasov. M.: Yurayt Publishing House, 2012. 476 p.

1 марта 2019 года свой 100-летний юбилей отметила Экспертно-криминалистическая служба МВД России. В настоящее время в ЭКЦ работает порядка 17 тыс. высококвалифицированных специалистов многочисленных экспертных специальностей, ежегодно выполняющих свыше 2 млн различных экспертиз и исследований.

Мы выражаем огромную благодарность за их ежедневный труд и поздравляем со 100-летием службы, открывая раздел «Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность» статьей начальника управления научных исследований ЭКЦ МВД России, кандидата юридических наук.

DOI: 10.24411/2312-3184-2019-00032

Жанна Анатольевна Полянова
начальник управления научных исследований ЭКЦ МВД России,
кандидат юридических наук

Zhanna Anatolyevna Polyanova
head of research Department
Ekts Ministry of internal Affairs of Russia,
PhD in law

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ НАУЧНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКСПЕРТНО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

MAIN DIRECTION IMPROVEMENT OF SCIENTIFIC SUPPORT FORENSIC ACTIVITIES AT PRESENT STAGE

За столетнюю историю экспертно-криминалистическая служба МВД России прошла непростой путь, сохранив при этом все лучшее, что было накоплено предыдущими поколениями. Благодаря слаженной работе ее многотысячного коллектива, представляющего различные отрасли специальных знаний, органами внутренних дел Российской Федерации достигнуты существенные результаты в раскрытии и расследовании преступлений. В настоящее время без всяких преувеличений можно сказать, что это одна из ведущих служб МВД России, оснащенная современными технико-криминалистическими средствами, играющая основную роль в противодействии преступности[1].

[1] *Грибунов О. П.* 100-летие экспертно-криминалистической службы МВД России: вехи истории // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2019. № 2 (89). С. 155—162.

Так, за прошедшие годы реализован комплекс мер по оптимизации штатного построения и материально-технического оснащения экспертных подразделений; развитию новых и совершенствованию имеющихся видов судебных экспертиз; обеспечению единства методических подходов к выполнению исследований; формированию и ведению экспертно-криминалистических учетов; повышению требований к уровню квалификации судебных экспертов; эффективному взаимодействию с органами предварительного расследования и уголовного розыска; правовому и научному сопровождению, а также укреплению международного сотрудничества в области экспертно-криминалистической деятельности.

Весь период становления экспертно-криминалистических подразделений системы МВД России[1] свидетельствует о том, что залогом успеха их деятельности является сочетание науки и практики.

Отправной точкой в развитии научного обеспечения экспертно-криминалистической деятельности стало создание в 1945 г. первого в стране научно-исследовательского института криминалистики[2] в составе Научно-технического отдела[3] Главного управления милиции МВД СССР[4].

В декабре 1991 г. был образован Экспертно-криминалистический центр МВД СССР, переименованный в феврале 1992 г. в Экспертно-криминалистический центр МВД России[5]. Для организации научных исследований по проблемам применения криминалистических средств и методов в целях обнаружения, фиксации, изъятия и исследования доказательств; разработки методик исследования новых и редко встречаемых вещественных доказательств; подготовки научно-методических материалов по различным вопросам криминалистической техники в ЭКЦ МВД России была создана научно-исследовательская лаборатория. Ее первым руководителем стал Александр Михайлович Зинин, в настоящее время заслуженный юрист Российской Федерации, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор. За прошедший период в Центре проведено около 400 научно-исследовательских работ[6], при этом основная их часть — в первые годы его существования.

---

[1] Далее — «ЭКП».

[2] Далее — «НИИК».

[3] Далее — «НТО».

[4] В задачи НТО и НИИК входило внедрение научно-технических средств в работу милиции по борьбе с преступностью; ведение научно-исследовательских работ (далее — НИР) в целях создания новых и совершенствования имеющихся методов обнаружения и исследования вещественных доказательств; разработка аппаратуры, оперативной техники для органов милиции; производство экспертиз для управлений и отделов МВД СССР, повторных и сложных экспертиз для территориальных органов МВД СССР; собирание и систематизация материалов о работе милиции по борьбе с уголовной преступностью; выпуск альбомов по раскрытым преступлениям, пособий, учебников и руководств по криминалистике и производству криминалистических экспертиз; перевод иностранной литературы, посвященной вопросам криминалистки, и т. д. // См.: *Миронов А. И.* К возникновению и развитию научно-технической деятельности в органах внутренних дел (исторический очерк) // 50 лет НИИ криминалистики: сб. науч. тр. М.: ЭКЦ МВД России, 1995.

[5] Далее — «ЭКЦ МВД России» или «Центр».

[6] Далее — «НИР».

Следует отметить, что с 1991 по 2000 г. в ходе научных исследований был успешно разработан ряд базовых методик по направлениям экспертизы материалов, веществ и изделий, технико-криминалистической экспертизы документов, баллистической, биологической, видеотехнической, фоноскопической, фототехнической экспертиз, заложены организационные основы ведения и использования экспертно-криминалистических учетов, а также осмотра места происшествия.

С 2001 по 2010 г. вектор научных исследований был направлен на выработку правовых и методических предпосылок создания автоматизированных информационных и поисковых систем, формирование основ лингвистической и экономической экспертиз. Разрабатывались и внедрялись средства и методы криминалистического исследования взрывных устройств, огнестрельного оружия, а также следов их применения, наркотических средств и психотропных веществ, фонограмм голоса «телефонных террористов», ДНК человека, фальсифицированной алкогольной и табачной продукции, компьютерных программ, измененных маркировочных обозначений автотранспорта.

Благодаря научным исследованиям, выполненным в 2011—2017 гг., существенно расширились возможности дактилоскопических, пожарно-технических, автороведческих и иных видов экспертиз. Разрабатывались организационно-методические основы производства радиотехнических и строительно-технических экспертиз. Осуществлялось научное сопровождение по линии взаимодействия органов предварительного расследования, розыска и ЭКП при проведении следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий.

С 2005 г. в системе МВД России Центр является головной научно-технической организацией в сфере совершенствования технико-криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений. В число его основных функций[1] входят непосредственное проведение прикладных научных исследований в области экспертно-криминалистической деятельности, а также научно-методическое обеспечение производства экспертиз и исследований в ЭКП.

Тематика НИР определяется на основе заявок подразделений центрального аппарата МВД России и территориальных органов МВД России, отражающих их потребности в совершенствовании форм и методов экспертно-криминалистической деятельности, а также инициативных предложений авторских коллективов Центра, сформированных с учетом перспектив востребованности научных разработок.

В условиях изменения характера преступности, развития науки, внедрения новой криминалистической техники и технологий в органах внутренних дел активно совершенствуются имеющиеся и появляются новые виды экспертиз: биологические, финансово-аналитические, бухгалтерские, строительно-технические, компьютерные, радиотехнические, фоноскопические, автороведческие и лингвистические, психофизиологическое исследование в отношении лица с применением полиграфа.

Так, в настоящее время в МВД России создана мощная лабораторная база учета геномной информации. Ежегодно в ЭКП проводится около 100 тыс. исследований ДНК. Более 80 % из них способствуют раскрытию преступлений и наказанию виновных. Развиваются научные основы производства биологических экспертиз. В 2018 г. в ЭКЦ МВД России подготовлены методические рекомендации «Экспертная оценка результатов ис-

[1] *Приказ* МВД России от 16.06.2010 № 437 «Об утверждении Устава федерального государственного казенного учреждения «Экспертно-криминалистический центр Министерства внутренних дел Российской Федерации».

следования биологических следов, содержащих ДНК двух или более лиц». Актуальность выполненной НИР была обусловлена тем, что в экспертной практике нередки случаи, когда исследуемый объект представляет собой «смесь» биологических следов разных лиц, в связи с чем повышается вероятность экспертных ошибок, усугубляемых различиями в подходе к анализу таких объектов. Предложенная авторским коллективом методика содержит параметры анализа «смешанных» объектов и алгоритм их применения при оценке результатов исследования.

В текущем году планируется изучить, систематизировать и обобщить сведения о различных молекулярно-генетических методах определения видовой принадлежности животных. Полученные знания могут быть использованы для решения экспертных задач при обнаружении следов тканей и выделений животного происхождения (по фактам браконьерства, фальсификации ценных пород рыб и т. д.).

С 2018 г. в территориальных органах МВД России начали функционировать лаборатории психофизиологического исследования в отношении лица с применением полиграфа. На сегодняшний день проведено более 400 соответствующих исследований по уголовным делам, возбужденным по признакам преступлений различной степени тяжести, в том числе против личности, общественной безопасности и общественного порядка, в сфере экономики.

Важным этапом в становлении указанного направления стала разработка специалистами-полиграфологами экспертных подразделений Центра, ЭКЦ МВД по Республике Татарстан, ГУ МВД России по г. Москве, ФСБ России, СК России, МГЮА имени О. Е. Кутафина методических рекомендаций. Закрепленный алгоритм действий специалистов при производстве психофизиологических исследований повысит достоверность их результатов, а также предотвратит использование научно не обоснованных и неапробированных методов.

Совершенствуется судебная компьютерная экспертиза. Электронные устройства все чаще используются в качестве орудия совершения таких преступлений, как кража денежных средств с помощью поддельных платежных карт, изготовление фальшивых денежных билетов и ценных бумаг, организация нелегальных азартных игр, распространение информации запрещенного содержания (экстремизм, терроризм, детская порнография и т. д.). С появлением новых видов компьютерной техники пополняется перечень потенциальных объектов компьютерной экспертизы. В 2019 г. планируется подготовить методические материалы о возможностях компьютерной экспертизы в рамках экспертного сопровождения расследования и раскрытия преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ.

Динамично развивается радиотехническая экспертиза. Радиоэлектронные устройства прочно вошли во все сферы человеческой деятельности, в том числе имеющие криминальную направленность. Так, в ходе проведенных сотрудниками ЭКП экспертиз электронных блоков управления автомобилей удалось установить обстоятельства ряда дорожно-транспортных происшествий, которые традиционными методами не определяются. Большое внимание уделяется также исследованию электронных устройств (грабберов), используемых при совершении угона автотранспортных средств. В текущем году сотрудниками Центра будет разработана методика исследования объектов радиотехнической экспертизы.

В области финансово-аналитических экспертиз осуществлены мероприятия по повышению эффективности экспертного обеспечения расследования криминальных банкротств коммерческих банков и сопряженных с ними экономических преступлений.

Анализ материалов следственной практики позволил выявить проблемы методического характера, лежащие в плоскости взаимодействия ЭКП с органами предварительного следствия системы МВД России при назначении и производстве экономических экспертиз. Данные проблемы рассматривались на межведомственном научно-практическом семинаре на базе ЭКЦ МВД России, по итогам которого были подготовлены и направлены в Следственный департамент и территориальные органы МВД России соответствующие информационно-аналитические материалы. Сведения из них учтены при выполнении НИР «Разработка методики экспертного исследования финансового состояния коммерческого банка и операций, повлекших его ухудшение».

Дальнейшее научно-методическое сопровождение в этой сфере касается выявления противоправных признаков в деятельности организаций финансового рынка, имеющих признаки «финансовых пирамид», а также негосударственных пенсионных фондов в стадии банкротства.

Разработана организационно-методическая основа производства судебных строительно-технических экспертиз в системе МВД России. Последующие изыскания ориентированы на подготовку практических рекомендаций по производству строительно-технической экспертизы в зависимости от вида преступлений, совершаемых в процессе строительства многоквартирных домов с привлечением денежных средств участников долевого строительства, а также связанных с недостоверно определенной сметной стоимостью строительства, финансируемого с привлечением бюджетных средств.

В последние 10—15 лет широкое распространение получили технические средства для осуществления дистанционной коммуникации, в том числе на основе интернет-платформ. Достижения науки и техники в области алгоритмов устной речи позволяют добиваться реалистичной имитации голоса, что может быть использовано при совершении ряда преступлений (мошенничество, вымогательство, шантаж, похищение детей и др.). С учетом данного обстоятельства в ЭКЦ МВД России проводятся экспериментальные исследования признаков синтезированной речи, полученных с помощью соответствующих автоматизированных систем. Данные системы преобразуют письменный текст в звучащую речь. В рамках реализации государственной программы Российской Федерации «Обеспечение общественного порядка и противодействия преступности» планируется подготовить рекомендации по исследованию материалов с маскировкой признаков говорящего и (или) пишущего лица, в том числе осуществляемой с использованием синтезированной речи.

Выполняется НИР по изучению возможности исследования переписки в социальных сетях и мессенджерах в целях решения задач диагностики или идентификации автора текста. Необходимость данной работы назрела давно, поскольку посредством такой переписки в мессенджерах и социальных сетях обсуждаются, планируются и совершаются многочисленные преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов. Работа позволит объективно оценить возможности экспертной диагностики или идентификации авторов текстов.

Развитие отмеченных, а также многих других видов экспертиз, разработка и внедрение в деятельность органов внутренних дел Российской Федерации новых криминалистических средств и методов, достижений инновационного характера, совершенствование ведомственного нормативного правового и научно-методического обеспечения ЭКП, несомненно, послужат основой эффективного решения задач, стоящих перед экспертно-криминалистической службой Министерства на современном этапе.

УДК: 343.98
DOI: 10.24411/2312-3184-2019-00033

Андреев Александр Сергеевич
профессор кафедры криминалистики
и оперативно-разыскной деятельности
Ростовского юридического института
МВД России
кандидат юридических наук, доцент
E-mail: modusoperandi@yandex.ru

Andreev Alexandr Sergeevich
professor of the chair of criminalistics
and operative-search activity Rostov law
Institute of the Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation
Candidate of Law Sciences
E-mail: modusoperandi@yandex.ru

ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ПОВЕДЕНИЯ В КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ НАУКЕ, НАПРАВЛЕНИЯ ЕЕ РАЗРЕШЕНИЯ ПРИ ФОРМИРОВАНИИ КОНЦЕПЦИИ ПОЗНАНИЯ ПОСТКРИМИНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Введение: в статье поставлена научно-познавательная проблема соотношения науковедческих категорий деятельности и поведения в криминалистической науке, осуществлена попытка на основе традиционного понимания объектно-предметной организации науки криминалистики, а также познания посткриминальной деятельности и поведения лиц разрешить указанную проблему. На основе анализа теоретико-прикладных аспектов познания посткриминальной действительности выделены признаки действий и поступков как элементы, составляющие посткриминальную действительность. Объектом статьи выступили науковедческие категории «деятельность» и «поведение», а также проблемы их интегрирования в научный аппарат криминалистики. Предмет статьи — закономерности развития криминалистической науки, а также закономерности преступной деятельности, закономерности посткриминальной деятельности и поведения, закономерности раскрытия, расследования преступлений и судебного разбирательства. Цель статьи — раскрыть содержание и рассмотреть признаки деятельности и поведения (применительно к вопросам объекта и предмета криминалистики).

Материалы и методы: нормативно-правовую базу исследования составили Конституция РФ, уголовное законодательство, уголовно-процессуальное законодательство регламентирующее посткриминальную деятельность лиц, связанных с событием преступления, данные официальной статистики за последние пятнадцать лет. Результаты изучения 382 уголовных дел о тяжких и особо тяжких преступлениях, анализа опроса 297 оперуполномоченных, дознавателей и следователей, опрос 500 очевидцев и жертв. Основой мировоззренческой позиции выступил диалектический метод, а также сочетание деятельностного и ситуационного подходов и криминалистическая систематика.

Результаты исследования: для криминалистики представлены как соотношение, признаки, так и понятия деятельности и поведения.

Выводы и заключения: «деятельность» и «поведение» в криминалистике содержательно пересекаются и имеют признаки синонимичности, выражают отличительные особенности в своих целях и внешних проявлениях к ситуациям, изучаемым криминалистической наукой. Считаем, что полученные выводы являются достаточно дискуссионными, требуют проверки и представлены научной криминалистической общественности для обсуждения.

Рассмотренное криминалистическое соотношение деятельности и поведения в таком аспекте позволит продолжить познание посткриминальной деятельности, уточнить объект и предмет криминалистики, разработать концепцию познания посткриминальной деятельности, сформировать криминалистическую теорию о посткриминальной деятельности, оптимизировать криминалистические методы воздействия на посткриминальную деятельность.

Ключевые слова: криминалистика, общая теория криминалистики, концепция познания посткриминальной деятельности, криминалистическая техника, криминалистическая тактика, криминалистическая методика, преступная деятельность, посткриминальная деятельность, деятельность по раскрытию и расследованию преступлений, действие, поступок, криминалистические средства и методы.

THE PROBLEM OF CORRELATION BETWEEN ACTIVITY AND BEHAVIOR IN FORENSIC SCIENCE, DIRECTIONS OF ITS RESOLUTION IN THE FORMATION OF THE CONCEPT OF KNOWLEDGE OF POST-ACTIVITIES

Introduction: the article deals with the scientific and cognitive problem of the correlation of scientific categories of activity and behavior in forensic science, an attempt to solve this problem on the basis of the traditional understanding of the object-subject organization of the science of criminalistic, as well as knowledge of post-criminal activity and behavior of persons. On the basis of the analysis of theoretical and applied aspects of knowledge of post-criminal reality, the signs of actions and actions as elements that make up post-criminal reality are highlighted. The object of the article are the categories of “activity” and “behavior” and the problems of their integration into the scientific apparatus of criminalistics. The subject of the article is the laws of the development of forensic science, as well as the laws of criminal activity, the laws of post-criminal activity and behavior, the laws of disclosure, crime investigation and trial. The purpose of the article is to reveal the contents and to consider the evidence of the activities and behavior (with regard to the object and subject of criminalistics).

Materials and methods: the legal framework of the study was the Constitution of the Russian Federation, criminal legislation, criminal procedure legislation regulating the post-criminal activity of persons associated with the event of the crime, the official statistics for the last fifteen years. The results of the study of 382 criminal cases of serious and especially serious crimes, the analysis of the survey of 297 operatives, investigators and investigators, the survey

of 500 witnesses and victims. The basis of the ideological position was the dialectical method, as well as a combination of activity and situational approaches and criminalistics systematics.

Results: for criminalistic presented as the ratio, characteristics, and the concept of activity and behavior.

Summary and conclusion: "the activities" and "behavior" in criminalistics meaningful overlap and have signs of synonymical the distinctive features in purpose and appearance to the situations studied forensic science. We believe that the findings are quite controversial, require verification and presented to the scientific forensic community for discussion.

The considered criminalistic relation of activity and behavior in this aspect will allow to continue knowledge of post-criminal activity, to specify object and a subject of criminalistics, to develop the concept of knowledge of post-criminal activity, to form the criminalistic theory about post-criminal activity, to optimize criminalistic methods of influence on post-criminal activity.

Keywords: criminalistic, the General theory of criminalistic, the concept of knowledge of post-criminal activity, forensic technology, forensic tactics, forensic techniques, criminal activity, post-criminal activity, activities for the disclosure and investigation of crimes, action, act, forensic tools and methods.

Борьба с преступностью, как основная задача криминалистической науки, разрешается с помощью различных методов и походов. Базисным на современном этапе развития криминалистической науки является деятельностный подход к познанию как закономерностей преступной деятельности, посткриминальной деятельности и поведения, закономерностей раскрытия и расследования преступлений, так и закономерностей развития самой науки. Проблемы деятельности (поведения) и закономерностей их внешнего проявления для криминалистической науки априорно значимы и актуальны для большинства исследований.

В криминалистике ученые, как правило, ставят знак равенства между деятельностью и поведением, не рассматривая данное соотношение.

В «Криминалистической энциклопедии» Р. С. Белкин (1997), помимо традиционного понимания объекта криминалистики, как преступной деятельности и деятельности по раскрытию и расследованию преступлений, указывает, что преступное поведение является объектом изучения криминалистики и судебной психологии [4, с. 59, 164]. В. А. Образцов, рассматривая объект науки криминалистики, также ставит знак равенства между преступной деятельностью и поведением [11, с. 12]. В юридической литературе появился ряд статей, в которых используется термин преступное поведение, без указания на деятельность [12, с. 4—5].

Необходимо остановиться также на следующем важном вопросе данной проблематики. Р. С. Белкин, критикуя В. Я. Колдина и Н. П. Яблокова в том, что «криминалистика исследует закономерности преступного поведения» (1995), подчеркивает: «криминалистика не ставит цель изучения закономерностей преступного поведения. Это область криминологии и юридической психологии» [4, с. 114]. Мы согласны с мнением Р. С. Белкина о недопустимости заимствования содержания понятия «преступное поведение» из криминологии или юридической психологии и применения такого конструкта

в криминалистике. Но при этом основоположник отечественной криминалистики допускает возможность того, что «поведенческие моменты участников события преступления становятся предметом криминалистики лишь в аспекте механизма преступления, а не сами по себе» [4, с. 114]. Итак, поведенческие моменты участников события преступления выступают предметом только в аспекте механизма преступления.

В этом случае возникает вопрос: допустим и возможен ли выход проблемы поведенческих моментов участников события преступления за пределы конструкта «механизм преступления»? Проведенное исследование посткриминальной деятельности как объекта познания в криминалистике (анализ данных официальной статистики за последние 25 лет, изучение монографий, статей, пособий, научно-тематический анализ более 200 диссертаций, изучение 382 уголовных дел, опрос 500 очевидцев и жертв, интервьюирование субъектов раскрытия и расследования преступлений, опрос осужденных и ряд других теоретических и эмпирических данных) показало, что данный вопрос решался и должен быть решен положительно с рядом обязательных условий. Поскольку криминалистика продолжительное время изучает посткриминальные действия вне механизма преступления (улики поведения, самостоятельные способы сокрытия преступлений, противодействие расследованию, явка с повинной, деятельное раскаяние), постольку и вряд ли можно утверждать, что такие способы, приемы могут быть рассмотрены в аспекте механизма преступления, при этом нельзя исключать наличия связи с таким механизмом, а на наш взгляд, более точно — связи с событием преступления и его последствиями.

Термины «деятельность» и «поведение» более 20 лет входят в криминалистические энциклопедии и словари для характеристики объекта криминалистики, однако криминалистическое соотношение «деятельности» и «поведения» практически не рассматривалось. Ученые-криминалисты не рассматривали соотношение данных категорий или пытались заимствовать положения науковедения, психологии или других наук [21, с. 52—53]. По этим и многим другим причинам считаем возможным рассмотреть соотношение «деятельности» и «поведения» в криминалистическом аспекте.

Термины «деятельность» и «поведение» являются общенаучными и используются в России и за рубежом с конца XIX в. В ходе изучения и анализа криминалистической литературы выявлен сложный и достаточно противоречивый вопрос криминалистического соотношения понятий деятельности и поведения.

Считаем, что каждая из наук, изучающая деятельность и поведение, сталкивается с такой проблемой.

При этом следует иметь ввиду, что, как отмечал известный методолог отечественной психологии Б. Ф. Ломов, «часто происходит подмена психологических аспектов анализа деятельности философскими, социологическими, экономическими и т. д., и наоборот». В психологии в термин «деятельность» вкладывается различное содержание, иногда он «приклеивается» к разным психическим явлениям, или им просто манипулируют, механически переносят из одной концепции в другую. Кроме этого весьма важным выводом, в том числе и для криминалистов, по нашему мнению, является то, что «использование категории „деятельности“ ...без понимания ее сути ничего иного, кроме путаницы и схоластики, дать не может» [13, с. 191—193]. В международном и историче-

ском аспектах «поведение и деятельность — это два подхода, два мировоззрения, за одним из которых стоит мир бихевиоризма (США, Европа и другие страны), а за другим — мир, порожденный разработкой деятельностного подхода в науках СССР и России. В научной и учебной литературе имеется достаточно развернутая и обоснованная критика относительно бихевиоризма научных исследований [20, с. 5].

Такая познавательная ситуация в психологической науке требует от исследователя-криминалиста вдумчивого и аккуратного заимствования и использования тех или иных понятий, терминов, либо содержательного и формального наполнения вводимых терминов собственным криминалистическим смыслом и значением, тем более, что с момента зарождения криминалистики такие разработки осуществлялись [22].

Криминалистический аспект решения данного вопроса должен быть направлен, по нашему мнению, на анализ предметности явлений, процессов, ситуаций, изучаемых криминалистикой (категориальное определение объективной действительности), и построение соответствующей структуры.

Содержание основных компонентов человеческой деятельности в полной мере распространяется на ее специфическую разновидность — преступную деятельность, посткриминальную деятельность и поведение лиц.

В целом категории «деятельность» и «поведение» для криминалистической науки носят синонимичный характер, при этом, по нашему мнению, первая категория шире второй, различия или сходства проявляются в тех или иных признаках.

Развивая данный подход, необходимо учесть ряд важных криминалистически значимых признаков, имеющих существенное значение для дальнейших исследований, направленных на повышение качества антикриминальной деятельности в РФ, позволяющих их отличать, поскольку подобные термины ранее не рассматривались. В связи с чем следует выделить признаки и соотношение действий, поступков и реакций.

По этой причине, используя в разграничении как деятельностный, так и ситуационный подходы, автор пришел к выводу о том, что в криминалистическом аспекте приоритетно не то, какая психологическая, социологическая, науковедческая теория или концепция «деятельности (поведения)» внешне ближе к криминалистике и поэтому может применяться, а следующие вопросы:

а) заложены ли в методологическую основу криминалистического познания положения материалистического диалектизма;

б) концепция какой научной-криминалистической школы в понимании объекта и предмета криминалистики используется для познания закономерностей преступной и посткриминальной действительности;

в) каково место теории отражения;

г) какие признаки и элементы составляют основу криминалистического содержания «деятельности» и «поведения»;

д) с какой целью они связаны с ситуациями криминальными, посткриминальными, а также ситуациями уголовно-процессуальной и криминалистической деятельности.

С учетом темы статьи остановимся на некоторых аспектах озвученной нами проблемы.

Основными криминалистическими признаками и элементами, характеризующими деятельность и поведение, являются следующие.

1. Деятельность и поведение существуют и отражаются в социальной действительности. «Каждое действие и деятельность человека в целом — это, прежде всего, воздействие, изменение действительности» [17, с. 404].

2. Как и всякая деятельность и поведение человека, криминальная и посткриминальная деятельность и поведение обладают определенными признаками. Л. Я. Драпкин и В. Н. Карагодин указывают на то, что «для правильной оценки характера расследуемого события необходимо знать признаки как криминальной деятельности, так и поведения, не являющегося преступным» [10, с. 3—4].

3. В деятельности составляют основу (содержатся как единицы или элементы) только умышленные действия, тогда как в поведении наличествуют не только действия (умышленные и не умышленные), но и поступки [16, с. 9], и ответные психофизиологические реакции [6, с. 76] (к таким реакциям относятся посткриминальные переживания [19, с. 5] после совершения тяжкого преступления, «проговорки или заученность фраз» при допросе и др.). Данное положение наиболее разработано в работах А. В. Варданяна [7, с. 41], [8, с. 745], [9, с. 170].

Поведение человека включает в себя систему действий и поступков и не сводится к совокупности реакции, но при этом не исключает их существования. Действие отличается от реакции отношением к объекту. Проведенное исследование подтвердило гипотезу о существовании следующей закономерности: умышленные и неосторожные убийства «выражают диаметрально противоположные содержания» не только во внутренних психологических процессах, но и во внешних приемах, средствах противодействия, содействия, уликового поведения. Тогда как смерть человека при неумышленном убийстве приводит к отрицательным субъективным переживаниям, которые проявляются в виде крика, прикусывания губ, бесцельного брожения, употребления спиртного и др.

Превращение действий в поступки происходит по мере их регулирования различными нормами (правовыми, социальными), традициями и общественными отношениями [19, с. 32] (линия поведения следователя или тактическая комбинация «предъявление доказательств»). В этом смысле достаточно интересны новеллы законодателя, которые разграничивают деятельность и поведение (например, требование о необходимости надлежащего поведения в ст. 102 УПК или запрет определенных действий в ст. 105.1 УПК РФ).

Степень умысла посткриминальной деятельности и поведения зависит от субъекта. Как показал проведенный нами опрос, по степени умысла посткриминальная деятельность и поведение:

— виновных: носит умышленный характер в большинстве случаев: да — 291 чел. (97,9 %), нет — 6 чел. (2,1 %).

— жертв: носит умышленный характер в большинстве случаев: да — 232 чел. (78,1 %), нет — 65 чел. (21,9 %);

— очевидцев и иных лиц: носит умышленный характер в большинстве случаев: да — 288 чел. (96,9 %), нет — 9 чел. (3,1 %).

По результатам нашего исследования, количество неумышленных посткриминальных поступков и реакций жертвы в 7—10 раз выше, чем у очевидцев. Существуют различия в обосновании дальнейшей посткриминальной деятельности в зависимости от субъектов. Виновный и связанные с ним лица от 14 до 100 % обосновывают свою посткриминальную деятельность (14 % — это, как правило, неумышленные преступления небольшой и средней тяжести, а 100 % — проявления организованной преступной деятельности). Интересными являются особенности обоснования своей посткриминальной деятельности с помощью средств массовой информации. Автором неоднократно в работах отмечалось, что в малых и крупных городах юга России имеет место в ряде случаев распространение слухов, информации, дискредитирующей сотрудников правоприменительной системы, «заказные» статьи, в том числе и черный PR (0,3 сообщения на один факт коррупционного преступления) [1, с. 80].

Мы согласны с Jacqueline B. Helfgott, что «технология средств массовой информации формирует у виновных modus operandi (здесь: способ преступления), усугубляет некоторые виды правонарушений и создает новые мотивационные влияния и категории преступного и дальнейшего поведения» [23, с. 46], в том числе, на наш взгляд, и в посткриминальный период.

4. Поступок как единица поведения в криминалистическом отношении всегда выражает отношения субъекта такого поведения к событию преступления, к другим людям, и (либо) характеризует нравственную сторону деятельности [5, с. 10]. Например, нами неоднократно отмечалось, что одним из поступков посткриминального периода является посткриминальный суицид [15]. По форме суицидальный поступок для лиц, связанных с преступной деятельностью, выступает как часть способа преступления, способ сокрытия, противодействия расследованию, уликовое поведение, противоречивое, иное. Суицидальные поступки, приведшие к смерти, обнаружены в 90,1 % случаев, а в остальных была осуществлена только попытка суицида, которая к смерти не привела. По медицинской статистике, суицидные попытки фиксируются в шесть раз чаще, чем оконченный суицид, поэтому мы считаем, что в силу латентности таких поступков и специфики деятельности СМИ они не отражены в полном объеме. Суицидальные поступки наиболее характерны для дел о тяжких и особо тяжких преступлениях и классифицированы нами на: 1) непосредственно после совершения и на месте преступления — 45 % (39 случаев); 2) вне места преступления в первые сутки после совершения — 18 случаев (20 %); 3) после совершения более суток и до контакта с правоохранительными органами — 14 % (13 случаев); 4) в процессе расследования и в ходе судебного разбирательства — 19 случаев (21 %). Отметим, что в четырех из 19-ти случаев субъекты являлись свидетелями и потерпевшими. Более 65 % изученных нами суицидов совершены лицами после убийства. Объектом посткриминального суицида выступает жизнь и здоровье лиц, связанных с преступной деятельностью. Посткриминальные суициды возможны как до производства следственного действия, так и в процессе его производства [2, с. 98; 6, с. 75; 12].

5. Одни и те же движения могут означать различные действия и поступки, и, наоборот, различные движения могут выражать один и тот же поступок [3].

Поступок может выступать как в виде бездействия (неоказание помощи потерпевшему очевидцем, наблюдавшим преступное посягательство на расстоянии), так

и в виде неумышленных действий (негативные обстоятельства), имеющих значение для раскрытия и расследования преступлений (уборка места кражи потерпевшим до прибытия следственно-оперативной группы).

Ученый-психолог С. Л. Рубинштейн отмечает, что поведение включает в себя «систему действий и поступков и не сводится к совокупности реакций» [18, с. 32]. Поступок — это только то действие, которое имеет социальный смысл и значение.

Поддерживая идеи и методологические разработки о соотношении деятельности и поведения, с учетом ситуационного подхода, профессора А. В. Лубского, который в рамках многомерного методологического конструкта междисциплинарного научного исследования детально рассмотрел вопросы влияния матрицы и мобилизационно-модернизационного социотипа развития государственно-организованного общества на формирование ментальных программ социального поведения, а также особенности социального поведения в трансформирующемся российском обществе в эпоху глобализации [14].

Считаем принципиально значимым для разграничения деятельности и поведения то, что направленность деятельности и поведения по отношению к ситуациям до, во время и после события преступления и его последствий различна, и для деятельности эта связь проявляется в направленности на изменение таких ситуаций, а в поведении это, прежде всего, согласованность, соответствие обстановке (ситуации). В связи с чем для криминалистического аспекта понимания соотношения деятельности и поведения раскроем в авторском понимании их сходство и различие.

Для криминалистики деятельность субъекта представляет собой систему умышленных действий, направленных на преодоление или изменение криминальных и посткриминальных ситуаций (до, во время и после совершения преступления) и, тем самым, трансформацию объективной действительности и других ситуаций правоприменения. В свою очередь, поведение как часть деятельности — это совокупность умышленных и иных действий, поступков и психофизиологических реакций, осуществляемых в соответствии с требованием или условиями криминальных ситуаций, посткриминальных ситуаций, а также ситуаций уголовно-процессуальной и криминалистической деятельности и других ситуаций правоприменения.

При разрешении вопроса соотношения деятельности и поведения необходимо учитывать, что криминалистика:

1) имеет собственный, специфический аспект, обусловленный предметом, объектом и задачами науки;

2) не должна подпадать под абсолютное соподчинение и монополию других наук (например, социологию, психологию и другие);

3) обладает возможностями интеграции и дифференциации только лишь некоторых апробированных знаний из других наук;

4) обладает собственным языком;

5) располагает возможностями криминалистической систематики.

Таким образом, «деятельность» и «поведение» в криминалистике содержательно пересекаются и имеют признаки синонимичности, выражают отличительные особенности в своих целях и внешних проявлениях к ситуациям, изучаемым криминалистической наукой. Считаем, что полученные выводы являются достаточно дискуссионными, тре-

буют проверки и представлены научной криминалистической общественности для обсуждения.

Научная дискуссия представит возможность по-новому взглянуть на такие понятия и категории криминалистической науки, как способ преступления, преступная деятельность, механизм преступления, способ сокрытия, противодействие раскрытию и расследованию преступлений, посткриминальная деятельность, след, криминалистическая идентификация, криминалистическая характеристика преступлений, тактический прием, тактическая комбинация, тактическая операция, базовая методика расследования преступных посягательств, связанных с совершенными ранее преступлениями, и ряд других, а значит, практика получит эффективные системы криминалистических знаний, обеспечивающих надлежащую антикриминальную деятельность в РФ. Рассмотренное криминалистическое соотношение деятельности и поведения в таком аспекте позволит продолжить познание посткриминальной деятельности, уточнить объект и предмет криминалистики, разработать концепцию познания посткриминальной деятельности, сформировать криминалистическую теорию о посткриминальной деятельности, оптимизировать криминалистические методы воздействия на посткриминальную деятельность.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Андреев А. С.* Коррупция и борьба с ней: региональный аспект// Социальная политика и социология. 2016. Т. 15. № 2 (115). С. 79—87.

2. *Ардашев Р. Г.* Посткриминальный суицид убийцы как способ противодействия расследованию убийств // Закон и право. 2013. № 7. С. 98—100.

3. *Белкин Р. С.* Ленинская теория отражения. М., 1970. 130 с.

4. *Белкин Р. С.* Криминалистическая энциклопедия. М.: Изд-во БЕК, 1997. 342 с.

5. *Брушлинский А. В.* Программа курса лекций «Психология субъекта» для психологических факультетов. М.: ИП РАН, 1998. 272 с.

6. *Варданян А. В., Андреев А. С.* Эмоциональные переживания и суицидальные поступки как часть посткриминального поведения лиц и их значение для раскрытия и расследования убийств (криминалистические и психологические аспекты) // Философия права. 2016. № 2 (75). С. 74—77.

7. *Варданян А. В., Кулешов Р. В.* Генезис экстремизма и терроризма в России как ретроспективный аспект криминалистического научного познания // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2015. № 3 (31). С. 40—45.

8. *Варданян А. В., Казаков В. В.* Криминалистический анализ субъектов преступлений, связанных с воспрепятствованием законной предпринимательской или иной деятельности, как фактор повышения результативности расследования // Криминол. журн. Байк. гос. ун-та экономики и права. 2015. Т. 9. № 4. С. 745—754.

9. *Варданян А. В.* Криминалистическая превенция в системе государственных мер по предупреждению преступности // Вестн. Том. гос. ун-та. 2018. № 430. С. 169—173.

10. *Криминалистика*: учебник / Под ред. Л. Я. Драпкина и В. Н. Карагодина. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2011. 768 с.

11. *Криминалистика* / Под ред. д-ра юрид. наук, проф. В. А. Образцова. М.: Юристъ, 1997. 760 с.

12. *Лаврухин С. В*. Предмет, задачи, методы и система криминалистики: лекция. Саратов, 1997. 32 с.

13. *Ломов Б. Ф*. Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984. 444 с.

14. *Ментальные программы и модели социального поведения* в российском обществе: моногр. / отв. ред. А. В. Лубский. Ростов н/Д.: Фонд науки и образования, 2016. 392 с.

15. *По материалам портала донских новостей*. «В Ростове подозреваемый в убийстве во время обыска прыгнул с 9-го этажа». [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.donnews.ru/V-Rostove-podozrevaemyy-v-ubiystve-vo-vremya-obyska-prygnul-s-9-go-etazha_21775 (дата обращения: 18.05.2019).

16. *Рубинштейн С. Л.* Основы общей психологии: В 2 т. М.: Педагогика, 1989. 488 с.

17. *Рубинштейн С. Л.* Основы общей психологии. М.: Учпедгиз, 1946. 704 с.

18. *Суворова Г. А*. Психология деятельности: учеб. пособ. для студ. психол. и пед. вузов. М.: ПЕРСЭ, 2003. 173 с.

19. *Угрехелидзе М. Г.* Значение посткриминальных эмоциональных переживаний для дифференцирования форм вины. Актуальные проблемы уголовного права. М., 1988. С. 55—64.

20. *Фам М. Х*. Поведение и деятельность / Предисл. А. Г. Асмолова. М.: Смысл, 2003. 175 с.

21. *Челышева О. В*. Гносеологические основы отечественной криминалистики (Теоретико-прикладное исследование): дис. ... д-ра юрид. наук. СПб, 2003. 300 с.

22. GROSS, H. (1898). Criminalpsychologie. Graz, Leuschner & Lubensky's, XII, 721 p.

23. *Jacqueline B. Helfgott*. Criminal behavior and the copycat effect: Literature review and theoretical framework for empirical investigation, In Aggression and Violent Behavior, Volume 22, 2015, Pages 46—64.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Andreev A. S. Corruption and fight against it: regional aspect// Social policy and sociology. 2016. Vol. 15. № 2 (115). P. 79—87.

2. Ardashev R. G. Post-suicide killer as a way of dealing with homicide investigations, Law. 2013. № 7. P. 98—100.

3. Belkin R. S. Lenin's theory of reflection. M., 1970. 130 p.

4. Belkin R. S. Forensic encyclopedia. Moscow: Publishing house BEC, 1997. 342 p.

5. Brushlinsky A. V. Program of lectures "Psychology of the subject" for psychological faculties. Moscow: IP RAS, 1998. 272 p.

6. Vardanyan A. V., Andreev A. S. Emotional experiences and suicidal acts as part of the post-criminal behavior of persons and their importance for the disclosure and investigation of murders (forensic and psychological aspects) // Philosophy of law. 2016. № 2 (75). P. 74—77.

7. Vardanyan A. V., Kuleshov R. V. Genesis of extremism and terrorism in Russia as a retrospective aspect of forensic scientific knowledge // Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of internal Affairs of Russia. 2015. № 3 (31). P. 40—45.

8. Vardanyan A. V., Kazakov V. V. Forensic analysis of the subjects of crimes related to the obstruction of legitimate business or other activities as a factor in improving the effectiveness of the investigation // Criminological journal of the Baikal state University of Economics and law. 2015. Vol. 9. No. 4. P. 745—754.

9. Vardanyan A. V. Forensic prevention in the system of state measures for crime prevention // Bulletin of Tomsk state University. 2018. № 430. P. 169—173.

10. Criminalistics: textbook/ Under the editorship of L. J. Drapkina, V. and N. Karagodina. 2nd ed., pererab. I DOP. M.: Prospect, 2011. 768 p.

11. Criminalistics / Under the editorship of Dr. Jurid. Sciences, prof. V. A. Obraztsova. M.: Yurist, 1997. 760 p.

12. Lavrukhin S. V. Subject, tasks, methods and system of criminalistics: Lecture. Saratov, 1997. 32 p.

13. Lomov B. F. Methodological and theoretical problems of psychology. Moscow: Science, 1984. 444 p.

14. Mental programs and models of social behavior in Russian society: monograph / resp. ed. A. V. Lubsky. Rostov n/D.: Fund of science and education, 2016. 392 p.

15. According to the materials of the portal don news. "In Rostov the suspect in murder during a search jumped from the 9th floor". URL: http://www.donnews.ru/V-Rostove-podozrevaemyy-v-ubiystve-vo-vremya-obyska-prygnul-s-9-go-etazha_21775 (accessed 18.05.2009)

16. Rubinstein S. L. Fundamentals of General psychology: In 2 V. M.: Pedagogika, 1989. 488 p.

17. Rubinstein S. L. Fundamentals of General psychology. Moscow: Uchpedgiz, 1946. 704 p.

18. Suvorova G. A. Psychology of activity. Studies'. manual for students of psychological and pedagogical universities. Moscow: PERSE, 2003. 173 p.

19. Ugrekhelidze M. G. Value of post-criminal emotional experiences for differentiation of forms of guilt. Actual problems of criminal law. M., 1988. P. 55—64.

20. Fam M. H. Behavior and activity /Foreword by A. G. Asmolov. M.: Sense, 2003. 175 p.

21. Chelysheva O. V. Epistemological bases of domestic criminalistics (Theoretical and applied research): SPb, 2003. 300 p.

22. Gross. H. (1898). Criminalpsychologie. Graz, Leuschner & Lubensky's, XII, 721 p.

23. Jacqueline B. Helfgott, Criminal behavior and the copycat effect: Literature review and theoretical framework for Imperial investigation, In Aggression and Violent Behavior, Volume 22, 2015, Pages 46—64.

УДК: 614.841.2
DOI: 10.24411/2312-3184-2019-00034

Гераськин Михаил Юрьевич
старший преподаватель кафедры криминалистической техники УНК ЭКД Волгоградской академии МВД России
E-mail: a258a216@mail.ru

Geraskin Mikhail Yuryevich
senior lecturer of the Department of Criminalistic Techniques, Training and Scientific Complex of Forensic-Criminalistic Activities, Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation
E-mail: a258a216@mail.ru

Дашко Леонид Васильевич
заместитель начальника отдела научных исследований по специальным видам экспертиз и экспертно-криминалистического обеспечения противодействия наркопреступности УНИ ЭКЦ МВД России
кандидат химических наук
E-mail: suthomas@yandex.ru

Dashko Leonid Vasiljevich
deputy head of the Division of Scientific Research on Special Types of Examinations and Forensic-Criminalalistic Support for Countering Drug Crime, Training and Scientific Complex of Forensic-Criminalistic Activities, the Russian Interior Ministry
candidate of chemical sciences
E-mail: suthomas@yandex.ru

Довбня Андрей Владимирович
главный эксперт отдела взрыво- и пожарно-технических экспертиз ЭКЦ МВД России.
E-mail: suthomas@yandex.ru

Dovbnya Andrey Vladimirovich
chief expert of the Division of Explosives and Fire-Technical Expertise of the Ministry of the Interior of the Russian Federation
E-mail: suthomas@yandex.ru

Плотникова Галина Викторовна
доцент кафедры пожарно-технической экспертизы Восточно-Сибирского института МВД России
кандидат химических наук, доцент
E-mail: plotnikovagv@mail.ru

Plotnikova Galina Viktorovna
associate professor of the Department of Fire Technical Examination of the East-Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation
candidate of chemical sciences
E-mail: plotnikovagv@mail.ru

К ВОПРОСУ О СОЗДАНИИ УЧЕТА САМОДЕЛЬНЫХ ЗАЖИГАТЕЛЬНЫХ УСТРОЙСТВ В МВД РОССИИ

Введение: в статье рассматривается проблема расследования поджогов с использованием самодельных зажигающих устройств (СЗУ), раскрываемость которых остается на низком уровне, а также необходимость и целесообразность дополнения соответствующих документов статистического учета выявленных преступлений данной категории специальным реквизитом, характеризующим факт применения СЗУ или его попыткой. Данный реквизит послужит интегрирующим звеном, объединяющим статистические, централизованные и экспертно-криминалистические учеты. Поскольку в ряде случаев поджоги совершаются серийно на территории нескольких субъектов Российской Федерации, централизованный учет необходимо вести как на региональном, так и на федеральном уровне.

Материалы и методы: обобщение статистических данных по поджогам, осуществленным с помощью СЗУ (например, совершенным в пределах одного населенного пункта или региона в определенный период) в совокупности с результатами лабораторных комплексных исследований позволит выделить из относительно большого массива таких преступлений именно те, которые были совершены с помощью СЗУ одинаковой конструкции, т. е. выявить серийность в совершении поджогов. В этом случае объединение нескольких уголовных дел по поджогам позволит значительно оптимизировать процесс расследования серийных преступлений, т. к. существенно расширяется информационная база поиска.

Результаты исследования: анализ механизмов и способов совершения поджога с помощью СЗУ свидетельствует о необходимости формирования систематизированного информационного массива, отражающего соответствующую криминалистическую информацию — экспертно-криминалистического учета СЗУ. Результаты проведенного исследования показали, что представляется целесообразным формирование нового вида экспертно-криминалистического учета — учета СЗУ. Целью создания данного учета является формирование массива данных о фактах обнаружения или применения СЗУ при поджогах и об их конструктивных особенностях.

Выводы и заключения: на основе анализа отдельных аспектов практики раскрытия и расследования поджогов конечным результатом научной проработки обозначенного вопроса предлагается создание и ведение экспертно-криминалистического учета СЗУ на региональном и федеральном уровнях.

Ключевые слова: самодельное зажигательное устройство, пожар, поджог, криминалистический учет, пожарно-техническая экспертиза.

ON THE USE OF RECORD OF IMPROVISED EXPLOSIVE DEVICES IN THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA

Introduction: the article deals with the problem of investigation of arson using *improvised* explosive devices (IED) the detection of which remains at a low level. The need and desirability of additions of relevant documents of statistical registration of crimes of the given category by special requisites that characterize the use of IED or its attempt is considered. This requisite will serve as an integrating link, combining statistical, centralized, and forensic-criminal record. Since in some cases arson is serially committed in the territory of several constituent entities of the Russian Federation, centralized records must be maintained both at the regional and federal levels.

Materials and methods: generalization of statistical data on arson committed with the help of IED (for example, within one community or region in a certain period) in conjunction with the results of laboratory complex studies will allow to distinguish those that were done with the help of IED of the same design, that is, to identify seriality in the commission of arson. In this case, the combination of several criminal cases of arson will significantly optimize the process of investigation of serial crimes, as the information base of the search becomes significantly expanded.

Results: the analysis of the mechanisms and methods of arson with the use of IED indicates the need for the formation of a systematic information base reflecting the relevant criminal information — forensic-criminal record of IED. The results of the study showed that it is advisable to form a new type of forensic-criminal record — the registration of IED The purpose of this registration is to form a base of data on the facts of detection or use of IED in arsons and their design features.

Summary and conclusions: basing on the analysis of certain aspects of the practice of disclosure and investigation of arsons, the result of the scientific study of the identified issue is the creation and maintenance of forensic-criminal record of IED at the regional and federal levels.

Keywords: improvised explosive device, fire, arson, criminal record, fire investigation.

Раскрытие и расследование любого преступления, связанного с пожаром, представляет значительную сложность по сравнению с другими тяжкими и особо тяжкими преступлениями. Это обусловлено целым рядом причин. Одной из основных причин является уничтожение вещественных доказательств и материальных следов в процессе развития пожара. В связи с этим практически невозможно установить местоположение очагов пожара, их количество и взаимосвязь, динамику развития горения, т. е. не представляется возможным определить как обстоятельства возникновения горения, так и техническую причину его возникновения [1, с. 119—129].

В настоящее время расследование преступлений, связанных с пожарами в России, остается непростым. Так, анализ официальных статистических данных МЧС России по пожарам, произошедшим на территории Российской Федерации за последние шесть

лет, показал, что существенного снижения количества зарегистрированных пожаров, а также прямого материального ущерба от них не произошло.

Особую опасность представляют так называемые поджоги, которые занимают особое место среди преступлений, связанных с пожарами. Они могут осуществляться с применением преступником самых различных способов и средств. Это могут быть самые примитивные, например, простой розлив горючей жидкости на сгораемый материал и достаточно сложные, с использованием специально созданных для получения первоначального возгорания устройств.

Согласно статистическим данным в период с 2012 по 2017 г. число зарегистрированных поджогов остается на относительно высоком уровне: в 2012 г. — 13 тыс. 638, в 2013 г. — 13 тыс. 148, в 2014 г. — 13 тыс. 767, в 2015 г. — 13 тыс. 560, в 2016 г.— 15 тыс. 662, в 2017 г. — 14 тыс. 46 поджогов. Несмотря на то, что на поджоги приходится менее 1/8 части от всех пожаров, причиненный ими прямой материальный ущерб составляет в среднем пятую часть от общего материального ущерба, причиненного в результате всех пожаров[1].

Такое преступление, как поджог, представляет собой повышенную опасность. Эта опасность заключается в том, что преступник, создав специальные условия для возникновения и развития пожара, в дальнейшем не может остановить процесс горения или изменить его интенсивность. В отличие от него, злоумышленник, установивший самодельное взрывное устройство (СВУ) с дистанционным управлением, способен в любой момент отказаться от совершения взрыва [6, с. 5—6]. Иными словами, применение СЗУ может иметь значительно больший резонанс.

Во многих случаях целью поджога является уничтожение чужого имущества, в то же время достаточно часто поджоги осуществляются с целью совершения других тяжких и особо тяжких преступлений, например, таких как убийство, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, диверсия, террористический акт и т. д.

Преступники в большинстве случаев предпочитают поджигать вещную обстановку в самых разнообразных ситуациях и местах с целью сокрытия следов другого преступления, особенно часто таким преступлением является кража, совершенная с незаконным проникновением в помещение, хранилище или жилище. Раскрываемость поджогов до настоящего времени остается одной из самых низких. Так по уголовным делам, возбужденным по ст. 167, ч. 2 УК РФ (уничтожение чужого имущества общеопасным способом) доля установленных лиц не превышает 30 % [9, с. 79—87].

При осмотрах мест поджогов специалистам нередко приходится сталкиваться со следами применения самодельных зажигательных устройств (далее — СЗУ).

Первые упоминания о СЗУ появились в отечественной криминалистической литературе относительно давно [6, с. 102—105; 7, с. 88]. Так, С. И. Зернов называет их сложными поджигающими устройствами и характеризует их как «комбинацию различных приспособлений и материалов», предназначенную для умышленной инициации горения.

[1] Интернет-ресурс: Государственный доклад о состоянии защиты населения и территорий Российской Федерации о чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера в 2017 году [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https:// www.mchs.gov.ru /upload/ site1/document_file/hniVNLexTC.pdf (дата обращения: 12.05.2019).

До недавнего времени в отечественной криминалистической литературе отсутствовало общепринятое определение СЗУ. Авторами предлагается следующее определение: самодельное зажигательное устройство (СЗУ) — зажигательное устройство, конструкция которого не соответствует конструкторско-технологической документации на производство или сборку любого из зажигательных устройств промышленного изготовления. Из этого определения следует, что к СЗУ относят такие устройства, в которых хотя бы один из элементов изготовлен самодельным способом. А также устройства, окончательно подготовленные к зажиганию, конструкция которых не соответствует нормативным требованиям технических регламентов и условиям на монтаж и эксплуатацию, и осуществляется их нерегламентируемая сборка. [6, с. 4]. Нетрудно заметить, что данное определение выработано по аналогии с используемым достаточно давно в экспертно-криминалистической деятельности определением СВУ (самодельное взрывное устройство), которое используется при формировании экспертно-криминалистического учета СВУ [7, с. 5, 25—26; 8, с. 260—267].

Анализ экспертной практики показывает, что основными составными частями СЗУ в большинстве случаев являются:

— зажигательное вещество (ЗВ);
— корпус (если предусматривает конструкция);
— средство инициирования (СИ);
— устройство воспламенения (УВ);
— исполнительный механизм (если предусматривает конструкция).

Наиболее часто в качестве СЗУ используются бутылки с зажигательными смесями (БЗС), конструктивно представляющие собой емкости, выполненные, как правило, из хрупкого материала (стекла или пластмассы), наполненные зажигательной смесью и снабженные воспламенительным устройством. Такие СЗУ обладают рядом достоинств: они просты в изготовлении, малогабаритны, относительно безопасны в обращении (по сравнению с СВУ), а также удобны с точки зрения транспортабельности. В качестве конструкционных элементов БЗС чаще всего используются общедоступные вещества и материалы. Наиболее распространенное СЗУ данного типа представляет собой стеклянную бутылку из-под какого-либо напитка, легковоспламеняющуюся (ЛВЖ) или горючую (ГЖ) жидкость (чаще всего бензин) и простейшее воспламенительное устройство из куска ткани, пропитанного этой же ГЖ или ЛВЖ. В качестве зажигательной смеси применяются товарные нефтепродукты (бензин, дизельное топливо и т. п.) или органические растворители (ацетон и т. п.). Также могут использоваться и спиртосодержащие жидкости.

Особый интерес с криминалистической точки зрения представляют СЗУ более сложной конструкции, с использованием электрического способа воспламенения и технически сложных исполнительных механизмов. Анализ экспертной практики, проведенный в ЭКЦ МВД России, показал, что в качестве ультракоротких волн (УВ) анализируемых зажигательных устройств чаще всего используются различные таймеры, радиоприёмопередающие устройства и датчики цели натяжного действия. Исполнительные механизмы могут иметь сложную конструкцию, для изготовления которых необходимы по-

знания исполнителей в области радиотехники, электротехники, химии и других областях знаний.

Как показывает анализ следственной и экспертной практики, лица-конструкторы СЗУ, выбрав одну конструктивную схему СЗУ и испытав её в действии, практически не меняют не только общую конструкцию, но и тип и вид отдельных элементов (например, используют в качестве источника электропитания батарейки одной и той модели и марки) [5, с. 480—483]. Таким образом, совокупность повторяющихся особенностей конструкции СЗУ формирует индивидуальный «почерк» преступника.

Обобщение статистических данных по поджогам, совершенным с помощью СЗУ, например, в пределах одного населенного пункта или региона в определенный период, в совокупности с результатами лабораторных комплексных исследований позволит выделить из относительно большого массива аналогичных преступлений именно те, которые были совершены с помощью СЗУ одинаковой конструкции. Таким образом, появится возможность установить серийность при совершении поджогов. В свою очередь, объединение нескольких уголовных дел по поджогам позволит значительно оптимизировать процесс расследования серийных преступлений, т. к. при этом существенно расширяется информационная база поиска.

Например, если при осмотрах нескольких мест поджогов, осуществленных при помощи СЗУ одинаковой конструкции, были изъяты различные следы и вещественные доказательства (помимо фрагментов СЗУ), то результаты их совместного исследования позволят [10, с. 103—106]:

— выявить серийность данного вида преступлений;

— ускорить процесс раскрытия серии поджогов;

— привести к установлению личности преступника.

Проведенный авторами анализ механизмов и способов совершения поджога с помощью СЗУ свидетельствует о необходимости формирования систематизированного информационного массива, отражающего соответствующую криминалистическую информацию — экспертно-криминалистического учета СЗУ.

Организационно-розыскные мероприятия с использованием такого учета будут способствовать выявлению серийных поджигателей и, как следствие, повышению эффективности раскрытия и расследования поджогов.

В зависимости от назначения, учеты в органах внутренних дел Российской Федерации подразделяются на три группы [8, с. 53—55]:

— оперативно-справочные;

— криминалистические и розыскные;

— экспертно-криминалистические.

Основная часть криминалистически значимой информации сосредоточена в информационных центрах (далее — ИЦ) МВД, ГУ(У) МВД России по субъектам РФ, а также в Главном информационно-аналитическом центре (ГИАЦ) МВД России и распределена по разным видам учета. Помимо ИЦ и ГИАЦ значительная часть криминалистической информации, полученной из изъятых с мест происшествий объектов и следов, сконцентрирована в экспертно-криминалистических учетах, которые ведутся в экспертно-криминалистических подразделениях (далее — ЭКП) МВД России [12, с. 72]. Обобще-

ние результатов исследования данных, которые содержатся в этих учетах, и последующий их анализ показали, что при следственных действиях и проведении экспертных исследований при раскрытии преступлений используется именно эта информация. К сожалению, нормативными документами, регламентирующими криминалистический учет, не предусмотрен учет информации о лице (организованной группе), осуществляющем(-ей) серийные поджоги, либо об устройствах, используемых такими лицами.

Исходя из результатов анализа имеющейся в криминалистических учетах информации, можно говорить о целесообразности и необходимости формирования нового вида экспертно-криминалистического учета — учета СЗУ. Целью создания данного учета является формирование массива данных о фактах обнаружения, применения СЗУ при поджогах, об их конструктивных особенностях. Реализация данной цели возможна через решение следующих частных задач [3, с. 93—101]:

— формирование экспертно-криминалистического учета сведений о криминалистических и конструктивных особенностях СЗУ;

— формирование справочно-вспомогательного учета (натурной коллекции) СЗУ;

— формирование интегрированного информационного массива о СЗУ и фактах их применения при совершении преступлений.

Регистрация всех преступлений, уголовные дела, которые возбуждены следователями и дознавателями по фактам поджогов, в настоящее время осуществляется в ИЦ по месту проведения расследования. Следовательно, целесообразно дополнить соответствующие документы статистического учета выявленных преступлений данной категории специальным реквизитом, характеризующим факт применения СЗУ или попыткой применения. Этот реквизит послужит интегрирующим звеном, которое соединит статистические, централизованные и экспертно-криминалистические учеты. Поскольку в ряде случаев поджоги совершаются серийно на территории нескольких субъектов Российской Федерации, централизованный учет необходимо вести как на региональном, так и на федеральном уровне.

На основе анализа материалов по уголовным делам по раскрытию и расследованию поджогов с использованием СЗУ авторы предлагают создать экспертно-криминалистический учет самодельных зажигающих устройств и вести учет на региональном и федеральном уровнях.

Накопление криминалистически значимой информации, организация проверки данной информации по учету приведут к повышению эффективности при расследовании и раскрытии серийных поджогов, а многоуровневый принцип ведения такого учёта позволит организовать информационное взаимодействие между органами предварительного следствия различных субъектов РФ.

Для повышения качества ведения учета в экспертно-криминалистических подразделениях (ЭКП) МВД России, осуществляющих пожарно-технические экспертизы и исследования, необходимо организовать ведение специальных информационных карт, содержащих основные данные о СЗУ. В качестве прототипа подобной карты можно принять информационную карту по форме ИК-3 экспертно-криминалистического учёта самодельных взрывных устройств. Целесообразность выбора этой карты обусловлена тем, что целью ведения учёта СВУ является установление общего источника происхождения

самодельных взрывных устройств, их основных элементов и механизмов по конструктивным и технологическим особенностям изготовления, т. е. задачи существующего учета СВУ и предлагаемого учёта СЗУ аналогичны.

Для решения задачи по установлению единого источника происхождения СЗУ необходимо выявить классифицирующие признаки, к которым относятся основные конструктивные особенности СЗУ, а именно: состав зажигательной смеси, материал оболочки (корпуса), наличие средств усиления эффективности действия СЗУ, наличие исполнительного механизма; групповая и видовая принадлежность элементов промышленного изготовления, входящих в его конструкцию; наличие средства маскировки (которое часто является и средством транспортировки) и т. д. В информационные карты обязательно необходимо помещать фотоснимки СЗУ с отражением на них отдельных конструктивных элементов, что позволит максимально сохранить криминалистически значимую информацию о совершенном или планируемом поджоге [4, с. 82—85]. При этом целесообразно параллельно экспертно-криминалистическому учету СЗУ вести справочно-вспомогательный учет в форме натурной коллекции. Использование натурной коллекции позволит значительно расширить круг решаемых задач. Например, решить вопрос о конструктивном сходстве исследуемых СЗУ с ранее помещенными в коллекцию и одновременно установить одинаковость состава использованных при изготовлении материалов на основе результатов лабораторного инструментального исследования конструктивных элементов данных устройств.

При выявлении совпадений по учету СЗУ необходимо осуществлять проверку других следов, изъятых с мест данных происшествий, ранее помещенных в соответствующие учеты. Интеграция информации, полученной из различных массивов данных, позволит на стадии предварительного расследования как минимум сузить круг подозреваемых лиц, а как максимум установить конкретное лицо, совершившее поджог (серию поджогов). Так, например, механизм совершения серийных поджогов автотранспортных средств, заключающийся не только в одинаковости конструкционных особенностей СЗУ, но и в выборе места расположения его в строго определенном месте (на крыше багажника, капота, внутри салона и т. п.) характеризует индивидуальный «почерк» преступника. Поэтому учетно-статистический документ предлагаемого учета (информационная карта) в отличие от аналогичного учёта СВУ должен содержать ряд дополнительных сведений о способах сокрытия (маскировки) СЗУ, особенностях выбора путей отхода и подхода к месту поджога и т. д., характеризующих механизм совершения преступления. Анализ комплекса информации, содержащей такие данные, позволит уже на первоначальном этапе расследования проводить мониторинг фактов поджогов, предположительно совершаемых одним лицом (или группой лиц) [4, с. 86—89; 13, с. 12].

Также представляется необходимым разработка четких критериев (свойств, признаков и т. п.) помещения объекта в предлагаемый учет, т. к. под существующее определение СЗУ подпадают устройства достаточно несложной с технической точки зрения конструкции — бутылки с зажигательными смесями (БЗС). Ввиду широкой распространенности и примитивности данной конструкции отсутствует возможность индивидуализации «почерка» как лица-изготовителя, так и поджигателя. Помещение таких устройств в предлагаемый учет совершенно нецелесообразно, поскольку это повлечет появление

большого количества «совпадений», которые на самом деле таковыми являться не будут. Подобные «совпадения» только введут в заблуждение сотрудников следствия и уголовного розыска и вместо ускорения процесса раскрытия преступления приведут к совершенно обратному результату.

Открытым остается вопрос приобщения так называемых взрыво-зажигательных СЗУ. В конструкцию подобных СЗУ помимо зажигательных смесей входят заряды взрывчатых веществ (ВВ), которые обеспечивают диспергирование зажигательного вещества до капель или мелких твердых части), разброс их на значительные расстояния с их одновременным воспламенением. Простейшим современным взрывозажигательным СЗУ является стеклянная емкость из-под напитков, наполненная горючим углеводродным газом (например, используемым для заправки зажигалок) и снабженная фейерверочной петардой (т. е. ВВ, относящимся к пиротехническим смесям и являющимся аналогом метательного ВВ — дымного пороха). Более сложными являются взрывозажигательные СЗУ, представляющие собой баллоны с горючим газом или емкости с горючими жидкостями, к которым прикреплены заряды бризантных ВВ, снабженные электродетонатором, источником электропитания и исполнительным механизмом с дистанционным управлением.

Количество объектов данного типа довольно значительно. По данным федерального экспертно-криминалистического учета СВУ ЭКЦ МВД России, за последние 5 лет на исследование в ЭКП МВД России поступило более 40 таких устройств [8, с. 8—9]. Проведенный анализ конструкций этих устройств показал, что у 75 % из них основным поражающим фактором является именно зажигающее действие. Поэтому представляется необходимым включать в учет СЗУ только такие устройства, в которых зажигательное поражающее действие является основным.

Для повышения эффективности ведения рассматриваемого учета, удобства и повышения результативности проверки по нему предлагается его ведение с использованием современных компьютерных технологий (например, широко распространенной программы Access, входящей в пакет Microsoft Office, которая разработана как раз для создания и ведения различных электронных баз данных). Стоит отметить, что ведение электронных баз данных не противоречит положениям Инструкции по организации экспертно-криминалистических учетов[1].

Таким образом, в результате анализа криминалистически значимой информации, содержащейся в информационных картах предлагаемого учета самодельных зажигательных устройств и их фрагментов, изымаемых с мест поджогов, можно будет выявить характерные конструкционные особенности, одинаковые для нескольких разных по местам изъятия объектов. Сравнение, как общей конструктивной схемы, так и видовой принадлежности различных конструктивных элементов СЗУ, а также особенностей их сборки (монтажа), позволит определить единый источник их происхождения, однотипность использованных инструментов и оборудования, а также уровень квалификации лица-

[1] *Об организации использования* экспертно-криминалистических учетов органов внутренних дел Российской Федерации: приказ М-ва внутр. дел Рос. Федерации от 10 февр. 2006 г. № 70 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ.-правовая система (дата обращения: 07.04.2017).

изготовителя. Указанные данные, в свою очередь, позволят установить индивидуальный «почерк» поджигателя, что даст возможность выявить серийность в совершении таких тяжких преступлений как поджоги.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Вишневецкий К. В*. Основная характеристика взрывов и взрывных устройств // О-во и право. Краснодар. Краснодарский университет МВД России, 2011. № 3 (35). С. 260—267.

2. *Гераськин М. Ю., Довбня А. В*. Применение современной передвижной пожарно-технической лаборатории при осмотре места пожара и производстве пожарно-технической экспертизы // Судебная экспертиза. Волгоград: ВА МВД России, 2016. № 1 (45). 146 с.

3. *Гераськин М. Ю., Курин А. А*. Организационные и методические основы создания учета самодельных зажигательных устройств // Судебная экспертиза. Волгоград: ВА МВД России, 2017. № 2(50). С. 93—101.

4. *Гераськин М. Ю., Дашко Л. В*. Некоторые аспекты криминалистического исследования самодельных зажигательных устройств // Судебная экспертиза. Волгоград: ВА МВД России, 2018. № 2 (54). С. 81—90.

5. *Дашко Л. В., Ключников В. Ю*. Исследование самодельных зажигательных устройств при расследовании поджогов // Теория и практика судебной экспертизы: международный опыт, проблемы, перспективы: сб. науч. тр. I Междунар. форума. М.: Московский университет МВД России им. В. Я. Кикотя, 2017. С. 479—485.

6. *Зернов С. И.* Применение технико-криминалистических средств и методов при раскрытии и расследовании поджогов: учеб. пособ. / С. И. Зернов, А. И. Колмаков, А. В. Маковкин, И. А. Попов. М.: ЭКЦ МВД России, 1998. 112 с.

7. *Зернов С. И.* Технико-криминалистическое обеспечение расследования преступлений, сопряженных с пожарами: учеб. пособ. М.: ЭКЦ МВД России, 1996. 128 с.

8. *Корниенко Н. А*. Российские и международные криминалистические учеты. СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юрид. центр Пресс », 2004. 410 с.

9. *Ручкин В. А., Пахомов М. Е., Гераськин М. Ю.* Использование компьютерных технологий для установления обстоятельств пожара при исследовании холоднодеформированных стальных изделий // Судебная экспертиза. Волгоград: ВА МВД России, 2015. № 3 (43). 112 с.

10. *Чернышев С. А*., Проведение судебных экспертиз в экспертных подразделениях и учреждениях / С. А. Чернышев, О. Н. Скоморохов, Е. И. Симоненко, И. В. Малыхин. Белгород, 2018. 109 с.

11. *Чиненов Е. В., Чурсин А. В*. Обстановка места происшествия — источник получения данных о неизвестном преступнике // Проблемы правоохранительной деятельности. 2012. № 1. С. 12—16.

12. *Шульгин С. О*. Самодельные зажигательные устройства как объект криминалистического исследования / С. О. Шульгин, Л. В. Дашко, В. Ю. Ключников, С. Е. Гусев, А. И. Колмаков. М.: ЭКЦ МВД России, 2014. 117 с.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Vishnevetsky K. V. The main characteristic of explosions and explosive devices // Society and law. Krasnodar. Krasnodar University of the Russian Interior Ministry, 2011. № 3 (35). P. 260—267

2. Geraskin M. Yu., Dovbnya A. V. The use of modern mobile fire-technical laboratory in the inspection of the fire scene and the conduction of fire-technical expertise // Forensic examination. Volgograd: VA of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, 2016. No 1 (45). 146 p.

3. Geraskin M. Yu., Kurin A. A. Organizational and methodical bases of creation of the account of *improvised* explosive devices. Forensic examination. Volgograd: VA of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, 2017. № 2 (50). P. 93—101.

4. Geraskin M. Yu., Dashko L. V. Some aspects of forensic examination of *improvised* explosive devices // Forensic examination. Volgograd: VA Ministry of internal Affairs of Russia, 2018. № 2 (54). P. 81—90.

5. Dashko L. V., Klyuchnikov V. Yu. Examination of improvised explosive devices in the investigation of arson. Collection of scientific papers of the I International forum "Theory and practice of forensic expertise: international experience, problems, prospects". Moscow: *Kikot Moscow University* of the *Interior Ministry* of the *Russian* Federation, 2017. P. 479—485.

6. Zernov S. I., Levin A. I., Makovkin A. V., Popov I. A. Application of technical and criminalistic means and methods for the detection and investigation of arson: training manual. M.: Forensic science center of the MIA of Russia, 1998. P. 112.

7. Zernov, S. I. Technical and criminalistic support of investigation of crimes associated with fires: training manual. M.: Forensic science center of the MIA of Russia, 1996. 128 p.

8. Kornienko N. A. Russian and international criminal records. SPb.: R. Aslanov' publishing house "Legal Center Press", 2004. 410 p.

9. Ruchkin V. A., Pakhomov M. E., Geraskin M. Y. The use of computer technology to establish the circumstances of fire in the study of cold-formed steel products / Forensic examination. Volgograd: VA of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, 2015. № 3 (43). 112 p.

10. Chernyshev S. A., Skomorokhov A. N., Simonenko E. I. Malykhin I. V. Judicial examinations in expert divisions and institutions. Belgorod, 2018. 109 p.

11. Chinenov E. V., Chursin A.V. the Situation of the scene — the source of data on the unknown offender // Problems of law enforcement. 2012. №. 1. P. 12—16.

12. Shulgin S. O., Dashko L. V., Klyuchnikov V. Yu., Gusev S. E., Kolmakov A. I. *Improvised* explosive devices as an object of forensic research. M.: ECC of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2014. 117 p.

УДК: 343.98
DOI: 10.24411/2312-3184-2019-00035

Горшков Михаил Михайлович
заместитель начальника кафедры криминалистики
Омской академии МВД России
доцент, кандидат юридических наук
E-mail: Gmm245@mail.ru

Соколов Андрей Борисович
доцент кафедры криминалистики
Омской академии МВД России
кандидат юридических наук
E-mail: Andrey.perm@mail.ru

Gorshkov Mikhail Mikhaylovich
deputy chief of the Department
of Criminalistics,
Omsk Academy of the MIA of the Russian Federation
associate professor, candidate of law
E-mail: Gmm245@mail.ru

Sokolov Andrey Borisovich
associate professor of the Department
of Criminalistics, Omsk Academy
of the MIA of the Russian Federation
candidate of law
E-mail: Andrey.perm@mail.ru

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СЛЕДОВАТЕЛЯ С УЧАСТНИКАМИ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА, НЕ ЯВЛЯЮЩИМИСЯ СТОРОНАМИ В УГОЛОВНОМ ДЕЛЕ

Введение: в статье изучаются вопросы взаимодействия следователя с иными участниками уголовного судопроизводства, не являющимися сторонами в уголовном деле, указана актуальность исследования данного направления. Рассматриваются понятие и содержание термина «иные участники уголовного судопроизводства». Представлено понятие взаимодействия следователя с участниками уголовного судопроизводства, не являющимися сторонами в уголовном деле. Предложены признаки указанного вида взаимодействия, характеризующие его содержание, дан их краткий анализ. Отмечена важность и необходимость дальнейшего исследования данного направления.

Материалы и методы: нормативную основу исследования образуют Конституция Российской Федерации, уголовное и уголовно-процессуальное законодательство, локальные нормативные акты, регламентирующие вопросы содержания взаимодействия между участниками уголовного судопроизводства. Методологической основой исследования послужил общий диалектический метод научного познания, носящий универсальный характер, также методы логической дедукции, индукции, познавательные методы и приемы наблюдения, сравнения, анализа, обобщения и описания.

Результаты исследования позволили уточнить отдельные положения, относительно понятия и содержания термина «иные участники уголовного судопроизводства»

как субъектов взаимодействия, определить признаки взаимодействия указанных субъектов со следователем.

Выводы и заключения: взаимодействие следователя с участниками уголовного судопроизводства, не являющимися сторонами в уголовном деле, представляет собой не противоречащую действующему законодательству совместную поисково-познавательную деятельность следователя со свидетелем; лицом, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве; экспертом, специалистом, переводчиком и понятыми, что обусловлено складывающейся ситуацией, путем разумного сочетания и оптимального использования знаний (информации) и возможностей в целях успешного производства отдельного следственного, розыскного действия, а также получения новой информации, имеющей значение для расследования преступления.

Ключевые слова: взаимодействие, следователь, свидетель, эксперт, специалист, понятой, конструктивность, поисково-познавательная деятельность, ситуативность, иные участники уголовного судопроизводства.

ON THE CONCEPT OF INTERACTION OF THE INVESTIGATOR WITH PARTICIPANTS OF CRIMINAL LEGAL PROCEEDINGS, NOT BEING THE PARTIES IN THE CRIMINAL CASE

Introduction: the article examines the interaction of the investigator with other participants in criminal proceedings who are not parties to the criminal case, the relevance of the study of this direction is given. The article considers the concept and content of the term "other participants in criminal proceedings". The concept of interaction of the investigator with participants of criminal proceedings who are not parties in criminal case is presented. The signs of this type of interaction characterizing its content are proposed, their brief analysis is given. The importance and necessity of further research of this direction is noted.

Materials and methods: the normative basis of the study is formed by the Constitution of the Russian Federation, criminal and criminal procedural legislation, local normative acts regulating the content of interaction between the participants in criminal proceedings. The methodological basis of the study was the general dialectical method of scientific cognition, which is universal in nature, as well as methods of logical deduction, induction, cognitive methods and techniques of observation, comparison, analysis, generalization and description.

Results allowed to clarify certain provisions, relative to the concept and content of the term "other participants in criminal proceedings" as subjects of interaction, to determine the signs of interaction of these subjects with the investigator.

Summary and conclusions: the interaction of the investigator with the parties to the criminal proceedings, which are not parties to the criminal case, is not contrary to the current legislation, and features joint search and educational activities of the investigator with the witness; the person in respect of which the criminal case is allocated to a separate proceeding

in connection with the conclusion of a pre-trial agreement; an expert, specialist, translator and witnesses due to the current situation carried out by a reasonable combination and optimal use of knowledge (information) and opportunities for the successful production of a separate investigative, detective action, as well as obtaining new information relevant to the investigation of the crime.

Keywords: interaction, investigator, witness, expert, specialist, arresting witness, constructiveness, search and cognitive activity, situatedness, other participants of criminal proceedings.

Взаимодействие, как универсальная форма развития любой материальной системы, в полной мере свойственно системе уголовного судопроизводства. Фактически весь уголовный процесс состоит из взаимных отношений его субъектов. Совершенствование данной системы детерминирует необходимость изменения содержания взаимодействия между участниками. Эти отношения, отличаясь разнообразием и постоянством, в зависимости от содержания нормативных правовых актов, регулирующих данный процесс, носят преимущественно процессуальный или организационный характер и выстраиваются, как правило, на основе сотрудничества и содействия между субъектами взаимодействия.

В настоящее время, как никогда ранее, очевидно, что взаимодействие, будучи элементом организации расследования преступлений, само нуждается в организации. Следовательно, его организационные формы, в отличие от процессуальных, реализуются не только в процессе расследования преступлений, но и в порядке формирования готовности участников к их взаимодействию, совместным, согласованным действиям в указанных целях.

Вопросы взаимодействия при организации расследования преступлений всегда вызывают особый интерес, как у теоретиков, так и у практиков. Проведение исследований по данной тематике еще раз подчеркивает, что, проблема взаимодействия сохраняет свою актуальность [18, 22]. Особую тревогу в этом направлении вызывает отставание криминалистических исследований от быстрого темпа развития уголовно-процессуального законодательства. Однако процесс адаптации положений криминалистики с учетом современных тенденций и изменений в действующих нормативно-правовых актах, регулирующих вопросы взаимодействия в системе уголовного судопроизводства, продолжается [4, 12].

Взаимодействие участников уголовного судопроизводства является одним из наиболее разработанных направлений в криминалистике, однако основная часть результатов исследований в этой области опубликована в прошлом столетии, тем более, что ученые ранее рассматривали лишь отдельные аспекты темы.

В криминалистике взаимодействие следователя с участниками уголовного судопроизводства понимается достаточно традиционно. Как правило, к участникам уголовного судопроизводства относят таких субъектов взаимодействия, которые осуществляют уголовное преследование в ходе досудебного производства. Именно поэтому большая часть публикаций посвящена взаимодействию следователя с органом дознания и иными подразделениями и службами на стадии досудебного производства.

Как известно, к наиболее важным условиям взаимодействия относят следующее: единство объекта воздействия; единство цели и общность задач в раскрытии и расследовании преступлений; практическая потребность во взаимодействии; взаимная заинтересованность в достижении целей; совместность и согласованность действий; четкое разделение функций субъектов; самостоятельность субъектов в выборе решений; самостоятельность субъектов в выборе сил и средств; оказание взаимной помощи и содействия; взаимное информирование о ходе и результатах взаимодействия; недопущение вмешательства в компетенцию другого субъекта; совместная ответственность за установленные правила и результаты взаимодействия.

При этом позитивное сотрудничество участников уголовного судопроизводства имеет место тогда, когда при согласованной деятельности учитываются интересы и задачи всех участников взаимных действий, а общие решения соотносятся с общими потребностями, направленными на достижение положительного результата.

Несомненно, практика ощущает острый недостаток в правовом и организационном регулировании вопросов взаимодействия следователя с иными субъектами стадии досудебного производства. Однако в последнее время наметилась тенденция более разграниченного подхода в исследовании указанных вопросов, предусматривающая четкое разделение их функций.

Представляется необходимым пересмотреть традиционный подход к взаимодействию следователя с участниками уголовного судопроизводства. В качестве очевидных признаков назревшей необходимости изменения традиционного подхода к взаимодействию можно считать первые публикации о взаимодействии между участниками уголовного судопроизводства, отнесенными Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации (далее — УПК РФ) к состязающимся сторонам. При этом интересным представляется выделение участников уголовного судопроизводства, подпадающих под категорию «иные» лица, известные отечественному уголовному процессу, однако само понятие было введено в УПК РФ в 2001 г. С этого момента вопросы взаимодействия следователя с иными участниками уголовного судопроизводства вызывают немалый научный интерес [11, 15, 16, 21]. В соответствии с гл. 8 УПК РФ в эту группу «иных участников уголовного судопроизводства» входят: свидетель; лицо, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство, в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве; эксперт, специалист; переводчик и понятой.

Интересным представляется мнение А. В. Кохана, который предлагает заменить малоинформативный и весьма противоречивый в смысле употребления в рамках УПК РФ термин «иные участники уголовного судопроизводства» на понятие «участники судопроизводства, не являющиеся сторонами в уголовном процессе». На наш взгляд, следует согласиться с указанной точкой зрения, ведь автором идеи представляются вполне весомые аргументы. Во-первых, это решит проблему нечеткого употребления указанного термина в УПК РФ и других законодательных актах, поскольку местоимение «иные» употребляется в русском языке широко и может иметь в зависимости от контекста несколько значений. Во-вторых, такой подход позволит более точно обозначить признаки, по которым столь разнородные участники объединены законодателем в одну группу. Таких признаков несколько. Прежде всего, это самостоятельные участники уголовного

процесса, которые не относятся ни к стороне обвинения, ни к стороне защиты, и, как правило, являются нейтральными участниками, их роль в процессе может служить интересам любой стороны. Дополнительно отметим, что иные участники уголовного судопроизводства вступают в уголовный процесс или отстраняются от участия в нем исключительно по инициативе сторон и суда. Наконец, они выполняют в уголовном судопроизводстве вспомогательную роль, обеспечивая сторонам возможность реализации целей, задач и законных интересов в рамках уголовного судопроизводства [10, с. 13].

Поднятые проблемы побуждают нас уточнить, что представляет собой взаимодействие следователя с участниками уголовного судопроизводства, не являющимися сторонами в уголовном деле, и какого его содержание.

В самом общем понимании под взаимодействием подразумевается процесс воздействия различных объектов друг на друга, их взаимообусловленность и изменение состояния или взаимный переход... Взаимодействие выступает как интегрирующий фактор, посредством которого происходит объединение частей в определенный тип целостности [6, с. 7].

В философии под ним понимается категория, отражающая процесс взаимного влияния тел друг на друга, их взаимную обусловленность [17, с. 65]. Взаимодействие выступает универсальной формой движения, развития, которая определяет существование и структурную организацию любой материальной системы, порождение одним объектом другого.

В военной науке под взаимодействием понимают согласованные действия войск для выполнения боевой задачи и достижения поставленной цели боя [7, с. 65].

Говоря о сущности взаимодействия следователя с участниками уголовного судопроизводства, не являющимися сторонами в уголовном деле, необходимо отметить, что законодатель не определяет рассматриваемую дефиницию на законодательном уровне. В теории криминалистики взаимодействие определяется как основанная на законе, согласованная по цели, месту и времени деятельность независимых друг от друга в административном отношении органов, которая выражается в наиболее целесообразном сочетании присущих этим органам средств и методов, используемых ими при расследовании преступлений [13, с. 79].

По мнению Т. Н. Бородкиной, взаимодействие следователя с иными участниками уголовного судопроизводства — это основанная на законах и подзаконных нормативных актах совместная (согласованная) познавательная деятельность, характеризующаяся строгим разграничением компетенции этих субъектов, наиболее целесообразным сочетанием следственных действий, направленных на установление всех обстоятельств совершенного преступления и решение иных задач уголовного судопроизводства [3, с. 168].

Г. К. Авдеева считает, что взаимодействие следователей с иными участниками уголовного судопроизводства можно определить как основанную на законодательных актах совместную, согласованную, планируемую деятельность, базирующуюся на свойственных ей принципах и знаниях возможностей друг друга и осуществляемую в целях успешного раскрытия, расследования и предотвращения преступлений [1, с. 113].

Некоторые авторы возражают против того, чтобы именовать совместную деятельность следователя с иными участниками уголовного судопроизводства как взаимодействие, говоря о том, что в данном случае имеет место в первую очередь соподчинение вышеуказанных лиц, т. к. иные участники уголовного судопроизводства выполняют поручения следователя, т. е. именно он направляет ход расследования и дает указания о производстве необходимых следственных действий [9, с. 23].

Согласимся с мнением А. Х. Кишиева в части того, что, действительно, именно следователь осуществляет расследование. Но, нельзя не учитывать тот факт, что иные участники уголовного судопроизводства, оказывая содействие следователю, самостоятельно, по своему усмотрению пользуются специфическими приемами и средствами, которыми они наделены. Вследствие этого сущность взаимодействия следователя с участниками уголовного судопроизводства, не являющимися сторонами в уголовном деле, характеризуется именно совместной, согласованной деятельностью между субъектами, направленной на достижение общей цели.

Однако отметим, что ни одно из приведенных определений не отражает ситуационный характер рассматриваемой деятельности. Считаем, что весь процесс расследования преступления обусловлен ситуационным подходом и, как следствие этого, процесс взаимодействия, который осуществляется в рамках расследуемого преступления, также будет обусловлен конкретной ситуацией.

Представляется, что содержание взаимодействия следователя с участниками уголовного судопроизводства, не являющимися сторонами в уголовном деле, может быть представлено через присущие указанному виду деятельности признаки.

Первым признаком взаимодействия указанных субъектов является его конструктивный характер. Понятие «конструктивный» означает создающий основу для дальнейшей работы; содержащий созидательное начало; плодотворный [14]. Указанный признак взаимодействия определяется поисковым характером совместного сотрудничества, продуктивного разрешения возникающих противоречий, гибкостью установок и взглядов участников. Конструктивный характер взаимодействия проявляется в форме сотрудничества. Если в попытках взаимодействия у субъектов отсутствуют признаки конструктивного взаимодействия, то это будет вызывать отторжение. Создание результативного диалога становится не просто сомнительным, но иногда и вовсе невозможным. В таких условиях успехи в совместной деятельности представляются маловероятными. Для изменения динамики ситуации необходима детальная, продуманная организация конструктивного взаимодействия [2].

С учетом сказанного представляется необходимым указать на условия эффективности взаимодействия следователя с иными участниками уголовного судопроизводства. К таковым относятся поддержание между участниками взаимодействия атмосферы сотрудничества, взаимопомощи, а также взаимный обмен имеющейся информацией [8, с. 14].

Вторым признаком исследуемого взаимодействия является его поисково-понавательный характер. Так, например, деятельность следователя с экспертом и специалистом носит исследовательский характер. В процессе совместной деятельности указанные субъекты идут от незнания к знанию определенных событий, фактов, явлений. В первую

очередь эффективность такой совместной деятельности обусловлена сложностью процесса собирания доказательств, который включает в себя действия, направленные на их обнаружение, фиксацию, изъятие и сохранение [5]. Несмотря на внешне очевидный взаимообусловленный характер совместной деятельности следователя, эксперта, специалиста, эффективный порядок такой совместной деятельности, к сожалению, не имеет широкого научного освещения [19, 20]. Указанное обстоятельство на практике может приводить к организационно-тактическим ошибкам в процессе комплексной реализации форм взаимодействия с участниками судопроизводства, не являющиеся сторонами в уголовном процессе. Таким образом, в полной мере должен реализовываться поисково-познавательный характер их совместной деятельности.

Третий признак взаимодействия следователя с участниками уголовного судопроизводства, не являющимися сторонами в уголовном деле, проявляется в его организаторском характере. Следователь в силу своего процессуального положения является организатором расследования преступления и несет ответственность за принимаемые решения и результаты расследования преступления. Достоинством этого является то, что, сохраняя процессуальный статус указанных субъектов, следователь имеет возможность в процессе совместной деятельности вовлечь в уголовное судопроизводство лиц, наиболее компетентных для решения задач расследования, ставить перед сведущими лицами конкретные задачи посредством направления запросов, требований, тем самым повышая эффективность в достижении требуемого результата.

Четвертым признаком взаимодействия является то, что рассматриваемый вид деятельности носит ситуационный характер. Не вдаваясь в полемику, присоединимся к мнению Н. П. Яблокова, указывающего на то, что следственная ситуация представляет собой «положение, складывающееся в какой-то интересующий следователя момент его деятельности по расследованию преступления, характеризующее тактическое информационное своеобразие оцениваемого следственного момента» [23, с. 48]. Потребность в реализации взаимодействия обусловливает возникновение конкретных факторов, формирующих ситуацию, которые могут быть как благоприятными, так и неблагоприятными. Их многообразие можно свести к дифференциации на несколько компонентов: информационные; тактические; организационные. Комбинированный характер возникновения ситуаций взаимодействия затрудняет и создает дополнительные препятствия в процессе досудебного следствия. Их анализ и оценка позволяет следователю правильно организовать свою деятельность и эффективно взаимодействовать с участниками уголовного судопроизводства, не являющимися сторонами в уголовном деле.

Проанализировав мнения ученых-криминалистов и процессуалисто, полагаем, что взаимодействие следователя с участниками уголовного судопроизводства, не являющимися сторонами в уголовном деле, представляет собой не противоречащую действующему законодательству совместную поисково-познавательную деятельность следователя со свидетелем; лицом, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве; экспертом, специалистом, переводчиком и понятыми, что обусловлено складывающейся ситуацией, путем разумного сочетания и оптимального использования знаний (информации) и возможностей в целях успешного производства отдельного следственного, ро-

зыскного действия, а также получения новой, имеющей значение для расследования преступления информации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Авдеева Г. К.* Взаимодействие следователя со сведущими лицами при проведении следственных действий // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2010. № 1 (5). С. 113—120.

2. *Балагурова Н.* Конструктивное взаимодействие — это что такое? Основы, виды, приемы [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.syl.ru/ article/ 355644/ konstruktivnoe-vzaimodeystvie---eto-chto-takoe-osnovyi-vidyi-priemyi (дата обращения: 02.03.2019).

3. *Бородкина Т. Н.* О некоторых проблемах при взаимодействии следователя или дознавателя с экспертом, а также специалистом по уголовным делам // Новая наука: Теорет. и практ. взгляд. 2016. № 11—1. С. 168—171.

4. *Безруких Е. С.* Организация взаимодействия при расследовании и раскрытии преступлений: учеб.-метод. пособ. Калининград, 2006.

5. *Белкин Р. С.* Избранные труды. М., 2008. С. 208.

6. Большая советская энциклопедия: в 30 т. / под ред. А. М. Прохорова. 3-е изд. М., 1971. Т. 5. С. 7.

7. Военный энциклопедический словарь / под ред. С. Ф. Ахромеева М., 1986. 863 с.

8. *Иванов И. С.* Уголовная ответственность за фальсификацию доказательств по уголовному делу: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2005. 22 с.

9. *Кишиев А. Х.* Предварительное следствие органов внутренних дел (теория и практика). Баку, 1991. 23 с.

10. *Кохан А. В.* Взаимодействие следователя с «иными участниками уголовного судопроизводства»: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2009. 24 с.

11. *Кохан А. В.* Взаимодействие следователя со сведущими лицами. Воронеж, 2009. 50 с.

12. *Нечаев В. В.* Организационно-правовые аспекты взаимодействия органов предварительного расследования и органов дознания: учебное пособие / В. В. Нечаев, С. В. Булатецкий, И. А. Никулина, Е. А. Сусло. М., 2015.

13. *Нечаев В. В.* Организационно-правовые основы взаимодействия органов предварительного следствия и органов дознания. М., 2007. 198 с.

14. Современный толковый словарь русского языка Т. Ф. Ефремовой. 2000. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://dic.academic.ru/ dic.nsf/efremova/ 176835/Конструктивный (дата обращения 02.03.2019).

15. *Соколов А. Б.* Особенности взаимодействия следователя с психологом и педагогом при расследовании преступлений, совершенных несовершеннолетними // Теоретические прикладные аспекты развития современной науки: матер. междунар. науч.-практ. конф. (г. Бишкек, 16 мая 2012 г.). Бишкек, 2012. Ч. 3. С. 72—75.

16. *Стельмах В. Ю.* Некоторые процессуальные аспекты взаимодействия следователя и эксперта при назначении и производстве судебной экспертизы // Вестн.

Костром. гос. ун-та. 2016. № 2. С. 226—230.

17. *Фролов И. Т.* Философский словарь. М., 1986. 590 с.

18. *Чиненов Е. В., Щукин В. И.* Организация расследования экономических преступлений в сфере железнодорожного транспорта // Юристъ — Правоведъ. 2019. № 1 (88). С. 132—137.

19. *Чиненов Е. В., Щукин В. И.* Использование специальных знаний при раскрытии и расследовании экономических преступлений, совершаемых на объектах железнодорожного транспорта // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. 2018. № 2 (85). С. 144—151.

20. *Чиненов Е. В.* Отдельные вопросы использования специальных знаний при расследовании преступлений в сфере агропромышленного комплекса // Вопросы экспертной практики. 2017. № 1. С. 369—376.

21. *Шепель Н. В.* Взаимодействие следователя с сотрудниками экспертно-криминалистического подразделения при раскрытии и расследовании преступлений: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2006. 204 с.

22. *Щукин В. И.* Вопросы взаимодействия следователя и органа дознания при расследовании преступлений // Проблемы организации и деятельности органов внутренних дел в условиях формирования правового государства: сб. науч. тр. Белгородский юридический институт МВД России. Белгород, 1996. С. 67—71.

23. *Яблоков Н. П.* Криминалистика: учебник для вузов. М., 1999. 718 с.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

1. Avdeeva G. K. Interaction of the investigator with competent persons during the investigation // Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2010. № 1 (5). P. 113—120.

2. Balagurova N. Constructive interaction — what is it? Basics, types, techniques. URL: https://www.syl.ru/article/355644/konstruktivnoe-vzaimodeystvie---eto-chto-takoe-osnovyi-vidyi-priemyi (accessed 02.03.2019).

3. Borodkina T. N. On some problems in the interaction of the investigator or interrogating officer with an expert, as well as a specialist in criminal cases // New science: Theoretical and practical view. 2016. № 11—1. P. 168—171.

4. Bezrukikh E. S. Organization of interaction in the investigation and disclosure of crimes: study guide. Kaliningrad. 2006.

5. Belkin R. S. Selected works. M., 2008. P. 208.

6. Great Soviet encyclopedia: in 30 v. / under the editorship of A. M. Prokhorov. 3-ed. M., 1971. Vol. 5. P. 7.

7. Military encyclopedic dictionary / under the editorship of S. F. Akhromeyev, M., 1986. 863 p.

8. Ivanov I. S. Criminal liability for falsification of evidence in a criminal case: cand. jurid. sci. diss. abst. Volgograd, 2005. 22 p.

9. Kishiev A. H. Preliminary investigation of internal affairs (theory and practice). Baku, 1991. 23 p.

10. Kohan A. V. Interaction of the investigator with “other participants of criminal

proceedings": cand. jurid. sci. diss. abst. Voronezh, 2009. 24 p.

11. Kohan A. V. Interaction of the investigator with competent persons. Voronezh, 2009. 50 p.

12. Nechaev V. V., Bulatetsky S. V., Nikulina I. A., Suslo E. A. Organizational and legal aspects of interaction of preliminary investigation bodies and bodies of inquiry: textbook. M., 2015.

13. Nechaev V. V. Organizational and legal bases of interaction of bodies of preliminary investigation and bodies of inquiry. M., 2007. 198 p.

14. Modern dictionary of the Russian language by T. F. Efremova. 2000. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/176835/Конструктивный (accessed 02.03.2019).

15. Sokolov A. B. Features of interaction of the investigator with the psychologist and the teacher at investigation of the crimes committed by minors // Theoretical applied aspects of development of modern science: materials of international scientific-practical conferece (Bishkek, May 16, 2012). Bishkek, 2012. Part 3. P. 72—75.

16. Stelmakh V. Yu. "Some procedural aspects of interaction between the investigator and the expert in the appointment and production of forensic examination" // Bulletin of Kostroma State University. 2016. № 2. P. 226—230.

17. Frolov I. T. Philosophical dictionary. M., 1986. 590 p.

18. Chinenov E. V., Shchukin V. I. Organization of investigation of economic crimes in the field of railway transport // Jurist. 2019. № 1 (88). P. 132—137.

19. Chinenov E. V., Shchukin V. I. the Use of special knowledge in the detection and investigation of economic crimes committed at railway transport facilities // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of internal Affairs of Russia. 2018. № 2 (85). P. 144—151.

20. Chinenov E. V. Some issues of the use of special knowledge in the investigation of crimes in the field of agriculture // Questions of expert practice. 2017. No. 1. P. 369—376.

21. Shepel N. V. Interaction of the investigator with the staff of the forensic unit in the detection and investigation of crimes: cand. jurid. sci. diss. Omsk, 2006. 204 p.

22. Shchukin V. I., Questions of interaction of the investigator and the body of inquiry in the investigation of crimes // Problems of organization and activity of bodies of internal Affairs in the conditions of formation of legal state, Samsonov V. N., Kuzmin A. N., Kaniber Yu. N., Rogozhin V. A., Shumilin S. F. A Collection of scientific papers. Belgorod law Institute of the Russian interior Ministry. Belgorod, 1996. P. 67—71.

23. Yablokov N. P. Criminology: textbook for universities. M., 1999. 718 p.

УДК: 343.98
DOI: 10.24411/2312-3184-2019-00036

Грибунов Олег Павлович
заместитель начальника
Восточно-Сибирского института
МВД России (по научной работе)
доктор юридических наук, профессор
E-mail: gribunov@mail.ru

Gribunov Oleg Pavlovich
deputy chief of the East Siberian Institute
of the Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation (on scientific work)
doctor of juridical sciences,
professor
E-mail: gribunov@mail.ru

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ В РАСКРЫТИИ КРАЖ АВТОТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ

Введение: кражи автотранспорта являются распространенным видом преступлений, при этом процесс раскрытия, расследования и предотвращения данных противоправных деяний имеет ряд проблемных вопросов, в частности, связанных с формированием прочной доказательственной базы по возбужденным уголовным делам. Органам предварительного следствия в большинстве случаев приходится предъявлять обвинение в угоне автотранспорта без цели хищения, т. к. процесс доказывания кражи автотранспорта крайне затруднен, требует наличия прочной доказательственной базы, что на практике практически невозможно.

Материалы и методы: нормативную основу исследования образуют Конституция Российской Федерации, уголовное и уголовно-процессуальное законодательство. Методологической основой исследования послужил общий диалектический метод научного познания, носящий универсальный характер, а также познавательные методы и приемы наблюдения, сравнения, анализа, обобщения и описания. Кроме того, применялись методы обобщения судебно-следственной и оперативно-розыскной практики и др.

Результаты исследования позволили определить необходимость использования специальных знаний при раскрытии, расследовании и предупреждении хищений автотранспортных средств, обозначены характерные особенности совершения краж автотранспорта.

Выводы и заключения: проанализированны наиболее значимые виды судебных экспертиз, производство которых необходимо при формировании доказательственной базы по уголовным делам, возбужденным по факту хищения автотранспорта. Определена значимость использования специальных знаний при расследовании рассматриваемого вида преступлений.

Ключевые слова: кражи автотранспортных средств, использование специальных знаний, судебная экспертиза, экспертиза материалов, веществ и изделий, трасологическая экспертиза, автотехническая экспертиза.

USE OF SPECIAL KNOWLEDGE IN THE DISCLOSURE OF THE THEFT OF MOTOR VEHICLES

Introduction: theft of vehicles is a common type of crime, while the process of disclosing, investigating and preventing these illegal acts has a number of problematic issues, in particular, related to the formation of a solid evidence base in criminal cases. In most cases, the preliminary investigation authorities have to indict theft of vehicles without the purpose of theft, since the process of proving theft of vehicles is extremely difficult, requires a strong evidence base, which is practically impossible in practice.

Materials and methods: the normative basis of the research is formed by the Constitution of the Russian Federation, criminal and criminal procedural legislation. The methodological basis of the study was the general dialectical method of scientific knowledge, which is universal in nature, as well as cognitive methods and techniques of observation, comparison, analysis, generalization and description. In addition, methods of summarizing forensic investigative and operational investigative practices, etc. were applied.

Research results: allowed to determine the need to use special knowledge in the disclosure, investigation and prevention of theft of vehicles, the characteristic features of theft of vehicles are indicated.

Conclusions and conclusions: analyzed the most significant types of forensic examinations, the production of which is necessary when forming the evidence base in criminal cases instituted on the fact of theft of vehicles. The significance of the use of special knowledge in the investigation of the type of crime under consideration is determined.

Keywords: theft of vehicles, the use of special knowledge, forensic examination, examination of materials, substances and products, traological examination, automotive technical examination.

Кражи автотранспортных средств являются достаточно распространенным видом преступлений на территории Российской Федерации. Как свидетельствует статистика, в день совершается несколько сотен хищений автотранспортных средств, и это несмотря на то, что на автомобилях установлены новейшие сигнализации и другие системы безопасности.

Как правило, преступления данной категории совершаются на профессиональном уровне лицами, входящими в состав организованной группы, либо же данные противоправные деяния совершаются неподготовленными лицами, главная цель которых — завладение автомобилем без цели хищения. В последнем случае местонахождение преступника и похищенного автомобиля обнаруживаются в кратчайшие сроки.

Как известно, в настоящее время существуют наиболее распространенные места, в которых зачастую совершаются кражи автотранспорта:

— парковочные места, расположенные непосредственно возле жилых домов (причем чаще всего в ночное время в дни с понедельника по четверг);

— стоянки возле торговых центров, магазинов, где обычно наблюдается большое скопление машин, людей.

Очевидными причинами краж автотранспорта являются:

— отсутствие современной сигнализации с функцией обратной связи;

— выбор парковочного места в темном, безлюдном месте, а также в местах, где поблизости не установлены камеры видеонаблюдения на зданиях магазинов, помещений различных организаций или же камеры системы «Безопасный город», которые устанавливаются в том числе и на фасадах жилых домов;

— кража конкретного автотранспорта «по заказу» (в данном случае преступления совершаются профессиональными угонщиками с использованием новейших технологий и современной техники).

Анализ статистических данных показал, что за шестимесячный период 2019 г., как и за период с января по декабрь 2018 г., наиболее угоняемыми марками автомашин являются «Лада Приора», «Мазда 3», «Хендай Солярис» и «Форд Фокус».

Кроме того, исследование статистики показало, что за период 2018 г. в России было зарегистрировано 23 тыс. 712 преступлений, квалифицированных как кражи транспортных средств, при этом раскрыто из них всего 6 тыс. 281 преступление, что составляет лишь 26,4 % от общего количества преступлений. По статье 166 Уголовного кодекса Российской Федерации «Неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения» зарегистрировано 19 тыс. 460 преступлений и из них раскрыто 15 тыс. 94, что составляет 77,5 % [1].

Таким образом, очевидно, что зачастую завладение автотранспортом без цели хищения совершается без должной подготовки, «непрофессиональными угонщиками», что позволяет в подавляющем большинстве случаев установить преступника и обнаружить автотранспорт.

Кражи транспорта являются тяжкими преступлениями против собственности, предупреждение, раскрытие и расследование данных противоправных деяний — одно из важных приоритетных направлений в деятельности органов внутренних дел.

Данная категория преступлений совершается с прямым умыслом во всех возможных формах хищения, при этом в подавляющем большинстве случаев кражи автотранспорта совершаются способом угона припаркованного автомобиля. При этом, как уже отмечалось ранее, подобные противоправные деяния могут квалифицироваться как по статье 158, так и по статье 166 Уголовного кодекса Российской Федерации, что зачастую создает определенные сложности при квалификации преступлений.

[1] *Статистика*. Официальный сайт МВД России. Состояние преступности в России за 2018 гг. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://mvd.ru/presscenter/ statistics/ reports/ item/209743/ (дата обращения: 13.09.2019).

Отметим, что органам предварительного следствия в большинстве случаев приходится предъявлять обвинение в угоне автотранспорта без цели хищения, т. к. процесс доказывания кражи автотранспорта крайне затруднен, требует наличия прочной доказательственной базы, что на практике практически невозможно. Данное обстоятельство в полной мере подкрепляется и анализом статистических данных ГИАЦ МВД России.

При этом, безусловно, существуют и уголовные дела, в рамках расследования которых личность преступника была установлена и его вина доказана. Так, следственным отделом ОМВД России по Малгобекскому району расследовано уголовное дело в отношении 23-летнего жителя с. п. Средние Ачалуки, который 2 июня 2017 г. около 18 часов 10 минут совершил кражу автомобиля марки «ВАЗ-21011», принадлежащего 30-летнему жителю с. п. Нижние Ачалуки, на тот момент припаркованного у обочины дороги Малгобек — Назрань, причинив тем самым потерпевшему значительный материальный ущерб в сумме 30 тыс. руб.

Допрошенный в качестве обвиняемого молодой человек вину в совершении преступления, предусмотренного п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ, признал полностью. Ущерб потерпевшему возмещен полностью.

Доказательства, собранные в ходе предварительного следствия, признаны судом допустимыми и достаточными, обвиняемый признан виновным, и назначено наказание в виде штрафа в размере 50 тыс. руб.[1].

Стремительное развитие всех сфер деятельности в настоящее время диктует необходимость сотрудникам органов внутренних дел идти в ногу со временем, использовать в процессе раскрытия, расследования и пресечения преступлений современные достижения науки и техники. В частности, при расследовании краж автотранспорта в целях сбора прочной доказательственной базы по уголовному делу необходимо иметь прочное подспорье, и использование специальных знаний следует считать одним из способов получения необходимых доказательств.

Анализ литературы и материалов правоприменительной практики свидетельствует о том, что точкой отсчета использования специальных знаний следует считать проведение оперативно-розыскных мероприятий и проведение осмотра места происшествия. Безусловно, речь идет об использовании специальных знаний уполномоченными на то лицами, а именно экспертами-криминалистами, специалистами экспертно-криминалистических центров МВД России, которых А. В. Гусев вполне справедливо и обоснованно в своих трудах именует как «специалистов-криминалистов и экспертов-криминалистов» [1, с. 4]. Так, по мнению Л. М. Исаевой «при осуществлении оперативно-разыскной деятельности и уголовного процесса следователь и оперативник не могут использовать специальные знания, не потому, что их у них нет, а в силу общего построения такой деятельности» [2, с. 75]. Безусловно, обоснованность данного суждения в достаточной степени подтверждают данные официальной статистики.

При осуществлении оперативно-розыскных мероприятий, в рамках ст. 6 Федерального закона Российской Федерации «Об оперативно-розыскной деятельности»,

[1] *Юридические консультации* [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://advocate-service.ru/sud-praktika/ugolovnye-dela/prigovory-sudov-po-st.-166-uk-rf-nepravomernoe-zavladenie-avtomobilem-ili-inym-transportnym-sredstvom-bez-tselihischenija.html (дата обращения: 13.09.2019).

специалисты оказывают помощь оперативным сотрудникам в применении технико-криминалистических средств. Вполне очевидно, что практически по всем 15-ти оперативно-розыскным мероприятиям, так или иначе, усматривается необходимость в привлечении специалистов.

Согласно исследованным статистическим данным, при производстве 1 млн 592 тыс. 64 оперативно-розыскных мероприятий принимали участие сотрудники экспертно-криминалистических центров МВД России, при этом из них проведено исследований 333 тыс. 149. Безусловно, проведение осмотра места происшествия следует считать первоначальным, наиболее информативным и значимым следственным действием, от качества, полноты и всесторонности его проведения зависит процесс формирования доказательственной базы и судебная перспектива всего уголовного дела [3, с. 48].

Так, за период 2018 г. сотрудники ЭКЦ МВД России приняли участие в осмотрах мест происшествий по таким видам преступлений, как кражи автомототранспорта либо неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения: осмотров мест происшествий с изъятием следов и объектов всего по России — 28 тыс. 774, дактилоскопических изъятий было осуществлено 13 тыс. 994, трасологических — 17 тыс. 455. По данной категории противоправных деяний поставлено на учет информационных карт со следами рук — 6 тыс. 376, подошв обуви — 6 тыс. 523, орудий взлома — 259. За период 2018 г. было осуществлено 83 тыс. 217 процессуальных действий, в производстве которых приняли участие сотрудники экспертно-криминалистических центров МВД России.

Актуальным считаем отметить и тот факт, что на протяжении последних лет уделяется внимание изъятию с места происшествия следов биологического происхождения, в том числе потожировых следов с отпечатков пальцев рук. При этом изъятием подобных следов зачастую занимаются сотрудники ЭКЦ МВД России, ведь иные участники, осуществляющие раскрытие и расследование преступлений просто не обладают необходимыми умениями и навыками по их качественному и эффективному изъятию.

По другим учетам практически информация не проверяется. Безусловно, данные цифры не вполне оптимистичны, тотальное снижение практически по всем показателям использования потенциала баз данных свидетельствует как об объективных причинах (а именно: преступления могли быть совершены лицами, ранее не попадавшими в зону внимания правоохранительных органов, а, соответственно, по ним отсутствует какая-либо информация), так и субъективных.

Во-первых, такое количество используемых возможностей баз данных свидетельствует о низком качестве проведения осмотров, в том числе без участия сотрудников экспертно-криминалистических центров МВД России, во-вторых — это процедура обмена информацией по криминалистическим и иным учетам. В силу определенной сложности информация фактически не проверяется и не запрашивается по существующим базам данных.

При рассмотрении вопроса использования специальных знаний считаем необходимым активно применять методику видеорозыска при раскрытии краж автотранспортных средств. В этих целях необходимо соблюдать следующий алгоритм действий

по получению криминалистически значимой информации: прежде всего, следует устанавливать точное время или период времени хищения автотранспорта. При осуществлении осмотра места происшествия важно правильно определить способ перемещения транспорта (автотранспорт похищен с помощью погрузки на другое транспортное средство или своим ходом, а также по следам определить направление движения транспортного средства и наличие возможных соучастников, в том числе осуществляющих функцию прикрытия). При получении вышеперечисленной информации необходимо составить карту средств видеофиксации, в том числе используя систему «Безопасный город».

Система «Безопасный город», безусловно, не в полной мере способна изолированно противостоять преступности. О безопасности думают не только государство и предприятия, но и каждый человек, оборудуя свои помещения и объекты системами видеонаблюдения. Соответственно, правоохранители в случае выявления точек видеоконтроля могут обращаться к собственникам видеооборудования с просьбой предоставить в их распоряжение видеофайлы. В этих целях, с точки зрения криминалистического предупреждения преступлений в рамках правоохранного партнерства «бизнеса и власти», должна быть сформирована электронная карта точек видеонаблюдения, обеспечивающая доступ к видеозаписям, в том числе и дистанционно, что может способствовать раскрытию и расследованию преступлений в короткие сроки. Так, оперативно просмотрев видеофайлы с предполагаемых камер видеонаблюдения, возможно будет отследить пути движения похищенного автомобиля и предполагаемых соучастников [4, с. 174].

Одним из видов получения качественных доказательств можно считать назначение и проведение различных судебных экспертиз. Использование специальных знаний при расследовании преступлений в настоящее время является неотъемлемой частью создания прочной доказательственной базы по уголовному делу. Так, на основании уголовно-процессуального законодательства формами использования специальных знаний принято считать непосредственно судебную экспертизу, показания эксперта (специалиста), заключение специалиста, участие специалистов при проведении каких-либо следственных действий, а также производство различных исследований при решении вопроса о возбуждении уголовного дела. Несомненно, производство судебных экспертиз является главным видом использования специальных знаний, в связи с тем, что результаты проведенного исследования несут в себе опосредованную доказательственную информацию, не требующую иных подтверждений.

Производство данной деятельности осуществляется в строгом соответствии с законодательством Российской Федерации, а также с обязательным соблюдением принципов законности, объективности и всесторонности. Так, Приказом МВД России № 511 от 29.06.2005 регламентированы порядок производства судебных экспертиз, в том числе порядок приема материалов экспертизы, направления (выдачи) материалов экс-

пертиз органу (лицу), назначившему экспертизу, а также особенности контроля и учета производства экспертиз и вещественных доказательств[1].

Рассмотрение актуальных вопросов назначения и производства судебных экспертиз различных видов и областей специальных знаний является предметом исследования Т. В. Аверьяновой, Ф. Г. Аминева, О. Я. Баева, Р. С. Белкина, А. В. Варданяна, А. И. Винберга, С. И. Коновалова, Н. П. Майлис, Е. Р. Россинской, Н. А. Селиванова, Н. П. Яблокова и др.

При этом отдельно следует акцентировать внимание и на том факте, что существует ряд проблемных вопросов, возникающих в ходе осуществления предварительного следствия. Так, преступники нередко прибегают к использованию различных методов подделки документов на похищенный автотранспорт, подделывают государственные регистрационные номера, в некоторых случаях перебивают цифры на государственных номерах, двигателе и иных частях автомобиля, что в разы усложняет процесс обнаружения похищенного автотранспорта либо вовсе исключает такую возможность. В этой связи для всестороннего расследования уголовного дела по фактам кражи автотранспорта необходимо использовать возможности таких судебных экспертиз, как: исследование следов на транспортных средствах и месте дорожно-транспортного происшествия (транспортно-трасологическая диагностика); исследование маркировочных обозначений транспортных средств; исследование маркировочных обозначений на изделиях из металлов, полимерных и иных материалов; технико-криминалистическая экспертиза документов; дактилоскопическая экспертиза; биологическая экспертиза тканей и выделений человека, а именно исследование ДНК и исследование запаховых следов человека. Учитывая, что практически все кражи автотранспорта осуществляются с применением высокотехнологического оборудования в целях сканирования сигнализации, и в случае их изъятия у подозреваемых назначаются и проводятся компьютерная, а также радиотехническая экспертизы.

Подводя итог, целесообразным видим отметить, что в настоящее время процесс раскрытия и расследования преступлений уже практически невозможен без современных технологий [5, с. 11]. В этой связи использование специальных знаний является неотъемлемой частью сбора доказательственной базы по делам о кражах автотранспорта.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Гусев А. В.* Концепция формирования специальных криминалистических познаний и механизма их реализации вне судебно-экспертной деятельности уголовного судопроизводства (правовой, теоретический, методологический и прикладной аспекты). Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2013. 495 с.

2. *Исаева Л. М.* Теоретические основы использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве // Криминалистические чтения: сб. науч. ст. М.: Академия Управления МВД России, 2005. С. 75—78.

[1] Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 29.06.2005 № 511 (ред. от 27.06.2019) // Режим доступа: http:// www.consultant.ru/ (дата обращения: 12.09.2019).

3. *Грибунов О. П.* Участие сотрудников ЭКЦ в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий, следственных и иных процессуальных действий как фактор повышения раскрываемости преступлений // Рос. следователь. 2017. № 20. С. 47—51.

4. *Грибунов О. П.* Применение технологии «видеорозыск» в раскрытии, расследовании и предупреждении преступлений террористического характера // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. 2018. № 3 (86). С. 173—177.

5. *Грибунов О. П.* К вопросу о противодействии экстремизму на объектах транспорта // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. 2013. № 3 (66). С. 9—16.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Gusev A. V. The concept of the formation of special forensic knowledge and the mechanism of their implementation outside the forensic activity of criminal proceedings (legal, theoretical, methodological and applied aspects). Krasnodar: Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2013. 495 p.

2. Isaeva L. M. Theoretical foundations of the use of special knowledge in criminal proceedings // Sat. scientific articles based on forensic readings. M.: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2005. P. 75—78.

3. Gribunov O. P. The participation of ECC employees in the course of operational-search measures, investigative and other procedural actions as a factor in increasing the detection of crimes // Russian investigator. 2017. No. 20. P. 47—51.

4. Gribunov O. P. The use of video search technology in the disclosure, investigation and prevention of terrorist crimes // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. No. 3 (86). P. 173—177.

5. Gribunov O. P. On the issue of countering extremism at transport facilities // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2013. No. 3 (66). P. 9—16.

УДК: 343.98:62
DOI: 10.24411/2312-3184-2019-00037

Думнов Сергей Николаевич
доцент кафедры автотехнической экспертизы и автоподготовки Восточно-Сибирского института МВД России
кандидат технических наук, доцент
E-mail: serg-dum@rambler.ru

Dumnov Sergey Nikolaevich
East-Siberian Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Associate Professor of the Department of Autotechnical Examination and Automotive Training, Candidate of Engineering Sciences, Associate Professor
E-mail: serg-dum@rambler.ru

К ВОПРОСУ ПРИМЕНЕНИЯ МЕТОДА ЛАЗЕРНОГО 3D-СКАНИРОВАНИЯ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ СУДЕБНОЙ АВТОТЕХНИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Введение: в статье рассматриваются современные технические средства фиксации происшествий и современные технологии осмотра места происшествия при производстве различных судебных экспертиз. Обращено внимание и на преимущества и недостатки в случае использования 3D-моделирования сцен различных происшествий. Приведены примеры осмотра мест дорожно-транспортных происшествий с использованием 3D-сканера.

Материалы и методы: нормативную основу исследования образуют Конституция Российской Федерации, локальные нормативные акты, регламентирующие деятельность органов внутренних дел, схемы места совершения административного правонарушения, уголовные дела и экспертные заключения по дорожно-транспортным происшествиям. Методологической основой исследования послужил комплексный анализ научной литературы, результатов научных разработок и правоприменительной практики. Изучены основные особенности осмотра места совершения административного правонарушения и правила их оформления на основании государственных стандартов Российской Федерации.

Результаты исследования позволили продемонстрировать возможность использования в правоохранительной деятельности технических средств, в частности способ 3D-сканирования при осмотре места дорожно-транспортного происшествия, что позволит сократить общее время осмотра, повысить наглядность и достоверность данных на схемах места совершения административного правонарушения, а также исключить фальсификацию данных.

Выводы и заключения: проработка вопроса рассмотренного в данной статье позволяет сделать вывод о необходимости использования 3D-моделирования при расследовании происшествий, где требуется визуально показать процесс изменения состояния объекта, либо механизм происшествия.

Ключевые слова: лазерный 3D-сканер; автотехническая экспертиза; дорожно-транспортное происшествие; моделирование; судебная экспертиза; транспортное средство.

TO THE QUESTION OF THE APPLICATION OF THE METHOD OF LASER 3D SCANNING IN THE MANUFACTURE OF JUDICIAL AUTO-TECHNICAL EXAMINATION

Introduction: the article discusses modern technical means of recording incidents and modern technologies for inspecting the scene of an accident during various forensic examinations. Attention is also drawn to the advantages and disadvantages in cases where 3D modeling of scenes of various incidents is used. Examples of the inspection of road accidents using a 3D scanner are given.

Materials and methods: the regulatory framework of the study is formed by the Constitution of the Russian Federation, local regulatory acts governing the activities of the internal affairs bodies, schemes of the place of an administrative offense, criminal cases and expert opinions on road traffic accidents. The methodological basis of the study was a comprehensive analysis of the scientific literature, the results of scientific research and law enforcement practice. The main features of the inspection of the place of an administrative offense and the rules for their registration on the basis of state standards of the Russian Federation have been studied.

Results made it possible to demonstrate the possibility of using technical means in law enforcement activities, in particular, a 3D scanning method when examining a scene of a traffic accident that will reduce the total time of inspection, increase the visibility and reliability of data on the schemes of the place of the administrative offense, as well as to shut out falsification of data.

Conclusions and conclusions: the study of the issue considered in this article allows us to conclude that it is necessary to use 3D modeling in the investigation of incidents, where it is required to show the process of changing the state of an object or the mechanism of an incident visually.

Keywords: laser 3D scanner, autotechnical examination, traffic accident, modeling; forensic examination, vehicle.

Осмотр места происшествия является не только одним из самых распространенных следственных действий, но также одним из самых сложных и трудоемких. Непрофессиональное и некачественное проведение этого следственного действия обычно приводит к потере следов и вещественных доказательств, восстановить которые при повторных осмотрах, зачастую не представляется возможным [1, 9].

В свете развития современных технологий, как при осмотре места происшествия, так и при производстве различных судебных экспертиз существуют более передовые технологии, чем производство обыкновенной фотосъемки.

Так, в западных странах огромным успехом пользуется 3D-моделирование сцен различных происшествий, но наиболее эффективным оно считается именно при воспроизведении сцен дорожно-транспортных происшествий (далее — ДТП) [2].

В данном случае стоит упомянуть о такой компании, как FARO TechnologiesInc, которая предлагает отличный программно-аппаратный комплекс, состоящий из лазерного 3D-сканера модели FaroFocus 3D (см. рис. 1) для фиксации ДТП и специализированного программного обеспечения серии DTP-360-3D, используемого в автотехнической экспертизе для реконструкции ДТП и создания его трехмерной модели. После чего анализ причин и последствия можно рассматривать в виртуальной среде [11].

Рисунок 1. Внешний вид 3D-сканера модели FaroFocus 3D

Однако не стоит забывать и об отечественных разработчиках, т. к. и у них имеется отличная система 3D-моделирования. В нашей стране тоже существуют подобные технологии. Так, компания «КРИММЕДТЕХ» представляет программное обеспечение, именуемое «3D-Свидетель», которое позволяет реконструировать и визуализировать место и обстоятельства совершения любого правонарушения, используя анимацию и технологии 3D-моделирования. Программное обеспечение «3D-Свидетель» позволяет увидеть место преступления в трех измерениях и стать «свидетелем», например, ДТП в режиме

реального времени, просмотрев его с любой точки, в том числе с высоты птичьего полета, или стать водителем любого автомобиля, участника дорожно-транспортного происшествия и посмотреть на него глазами очевидца (см. рис. 2) [3].

Рисунок 2. Вид интерфейса программы «3D-свидетель»

Однако важно заметить, что такой вид запечатления вещной обстановки на месте происшествия не может являться объективным, хотя разработчики утверждают обратное. Проблема состоит в том, что сканер, как и любое техническое средство, может ошибиться, а материала для повторного сканирования уже попросту может и не быть [4]. Поэтому специалист при осмотре места ДТП не может отказаться от производства и создания классических фототаблиц.

Нельзя обойти стороной и еще один весьма перспективный способ съемки, ведь применение современных криминалистических технических средств позволяет оперативно получить наилучшие результаты. Квадрокоптеры в настоящее время стремительно набирают популярность, как в цифровой индустрии, так и в криминалистической съемке. Квадрокоптером называется радиоуправляемый летательный аппарат, оснащенный четырьмя винтами, так же именуемый дроном (см. рис. 3).

Рисунок 3. Квадрокоптер DJI Phantom 4 Pro

Использование квадрокоптеров является очень хорошим вариантом для проведения автотехнических экспертиз и осмотра места происшествия с большой площадью. До недавнего времени подобную фотосъемку можно было произвести только с помощью вертолета, а это не всегда было целесообразно, т. к. обслуживание данного вида техники достаточно дорогое. Также стоит отметить, что специалист, при фиксации нужного объекта нередко рисковал жизнью, поскольку производилась съемка в опасных условиях, где специалист мог попросту выпасть из кабины. К тому же кадры зачастую получались низкого качества. При этом отсутствовала возможность приблизиться к интересующему объекту ввиду различных внешних факторов, от вероятности испортить изначальную вещную обстановку, до возможности повторения поражающего фактора [5].

Стоит также привести несколько немаловажных факторов, заключающихся в том, что большинство профессиональных квадрокоптеров имеет поддержку GPS и ГЛОНАСС, камеры, установленные на борту, позволяют вести съемку в разрешении вплоть до 4К и кадров в секунду, высота полета имеет огромный интервал от двух до шести тысяч метров, скорость полета достигает шестидесяти километров в час, а рабочая температура равняется от -30 до +50 градусов по Цельсию. Примером такого квадрокоптера является DJI Phantom 4 Pro, изображение которого было представлено выше.

Квадрокоптеры позволяют вести съемку с нужных точек и нужных ракурсов, вплоть до высоты птичьего полета, что дает возможность производить быстрый анализ, например, более быстрое составление схемы ДТП, и наиболее точно детализировать причины и обстоятельства происшествия. Исходя из этого, следует сказать, что за ними стоит будущее не только аэросъемки. Если говорить о сценариях применения съемки с помощью квадрокоптеров, то, пожалуй, можно заранее сделать вывод о том, что перед нами наиболее разнонаправленное технико-криминалистическое средство.

Весьма преспективным средством фотофиксации при использовании квадрокоптеров, является осмотр места ДТП, т. к. позволяет более быстро и детально смоделировать место происшествия, получить высококачественные снимки. Использование данного метода съемки, а именно метода, поскольку это будет считаться аэрофотосъемкой,

будет отличным подспорьем для проведения автотехнической экспертизы, а именно установления обстоятельств и механизма дорожно-транспортного происшествия.

Ввиду этого использование аэрофотосъемки посредством квадрокоптеров будет являться хорошим средством для правоохранительных органов при раскрытии различных преступлений, административных правонарушений и дел, разбираемых в гражданском порядке. Так же, в отличие от предыдущих технико-криминалистических средств, приведенных выше, квадрокоптеры уже стоят на вооружении у сотрудников правоохранительных органов и широко используются при расследовании резонансных дел.

Немаловажно и то, что фотографии, полученные в результате аэрофотосъемки при помощи квадрокоптера, будут являться не приложением к фототаблице, как в случае с вышеприведенным технико-криминалистическими средствами, а основными фотографиями.

Как предполагалось выше, одним из наиболее востребованных сценариев применения 3D-моделирования является моделирование ДТП. Использовать данный вид визуализации наиболее перспективно для установления механизма и обстоятельств дорожно-транспортного происшествия, что является отличным подспорьем для проведения автотехнической экспертизы. Аналогичным образом и наличие данной 3D-модели позволяет ответить на массу возникающих вопросов, а именно:

1. Могла ли обнаруженная неисправность повлиять на возникновение данного дорожно-транспортного происшествия? Если да, то, каким образом?

2. Каково влияние данной технической неисправности на управляемость транспортного средства?

3. Каковы траектория в характер движения транспортных средств и других, причастных к дорожно-транспортному происшествию объектов?

4. Где находилось место столкновения, удара транспортных средств?

5. Каков механизм данного дорожно-транспортного происшествия?

6. Имел ли водитель транспортного средства техническую возможность предотвратить данное дорожно-транспортное происшествие?

Правомерность использования метода сканирования при осмотре места происшествия определяется п. 33 ст. 13 Федерального закона от 07.03.2018 № 3-ФЗ «О полиции»: «Сотрудник полиции имеет право использовать в своей деятельности информационные системы, видео- и аудиотехнику, кино- и фотоаппаратуру, а также другие технические и специальные средства, не причиняющие вреда жизни и здоровью граждан, а также окружающей среде» [6].

Процессуальный порядок применения средств криминалистической техники определяется уголовно-процессуальным законодательством, в котором дается их перечень, наиболее часто используемый следствием — фото- и киносъемка, аудио- и видеозапись, средства изготовления слепков и оттисков следов и др. (ст. 58, 82, 164, 166, 170, 178, 179, 180, 189, 190, 204, 241, 259 УПК РФ).

Отсутствие в перечне тех или иных технических средств создает определенные трудности в их использовании. Однако большинство ученых считают, что выход из сложившейся ситуации не в расширении этого перечня отдельными техническими новинками, а «в разработке закономерностей общего характера, открывающих прос-

тор для внедрения техники в уголовное судопроизводство в безусловных рамках законности и процессуальных гарантий».

Основные требования, предъявляемые к научно-техническим методам и средствам, определяются Конституцией Российской Федерации, в частности, нормами, регламентирующими права и обязанности граждан, обеспечение гарантий соблюдения их свобод и законных интересов. К этим нормам относят гарантии:

— безопасности для окружающей среды, здоровья и жизни людей, в отношении которых их применяют;

— научной обоснованности, гарантирующей получение достоверных и надежных результатов, не исключающих возможности их проверки путем повторения исследований;

— этичности, исключающей создание условий, способствующих оскорблению лица, унижению его чести и человеческого достоинства;

— защищенности получаемой информации от искажения (фальсификации);

— надежности хранения;

— возможности тиражирования.

Таким образом, для того, чтобы результаты лазерного сканирования места ДТП приобрели свое правовое значение, сама технология съемки и ее результаты должны отвечать определенным требованиям.

В соответствии с современным уголовно-процессуальным законодательством в качестве доказательств по уголовному делу могут быть использованы: вещественные доказательства, приложения протоколов следственных и судебных действий, а также иных документов.

Статьей 81 УПК РФ вещественными доказательствами признаются любые предметы и документы, которые могут служить средствами для обнаружения преступления и установления обстоятельств уголовного дела.

Протоколы следственных и судебных действий сами по себе являются доказательствами (ст. 74 УПК РФ), а в качестве приложений содержат, в том числе, фототаблицы и носители компьютерной информации (ст. 166 УПК РФ). Говоря иными словами, результаты сканирования — сканы как приложения к доказательствам не могут быть самостоятельными доказательствами, но являются составной частью протоколов и используются при доказывании как приложения к ним [7,8].

Для подтверждения возможности использования способа 3D-сканирования при осмотре места дорожно-транспортного происшествия и составлении схемы места совершения административного правонарушения нами были смоделированы два самых распространенных варианта ДТП с участием двух транспортных средств (далее — ТС) на перекрестке и с участием ТС и пешехода.

Эксперимент № 1. Наезд транспортного средства на пешехода.

Исходные данные: учебный автотехнический полигон; профиль дороги — горизонтальный; дорожное покрытие — сухой асфальт; способ регулирования — светофор, дорожные знаки, ПДД; температура окружающей среды — +10 ^{0}С. (см. рис. 4—6).

Рисунок 4. Место наезда ТС на пешехода

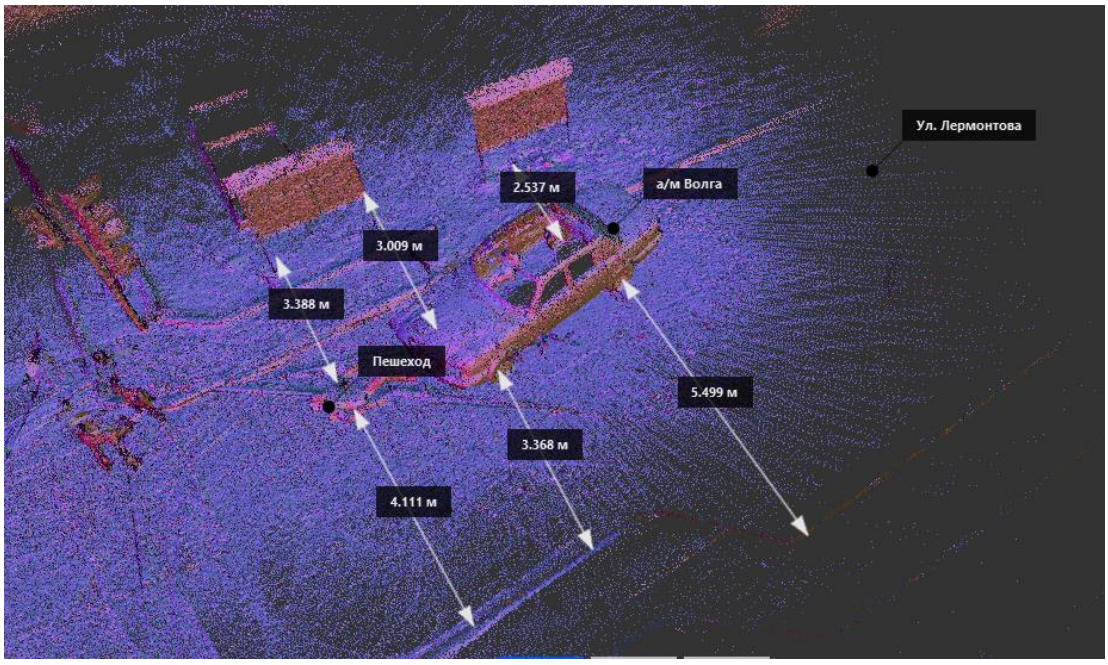

Рисунок 5. 3D-съемка наезда а/м «Волга» на пешехода

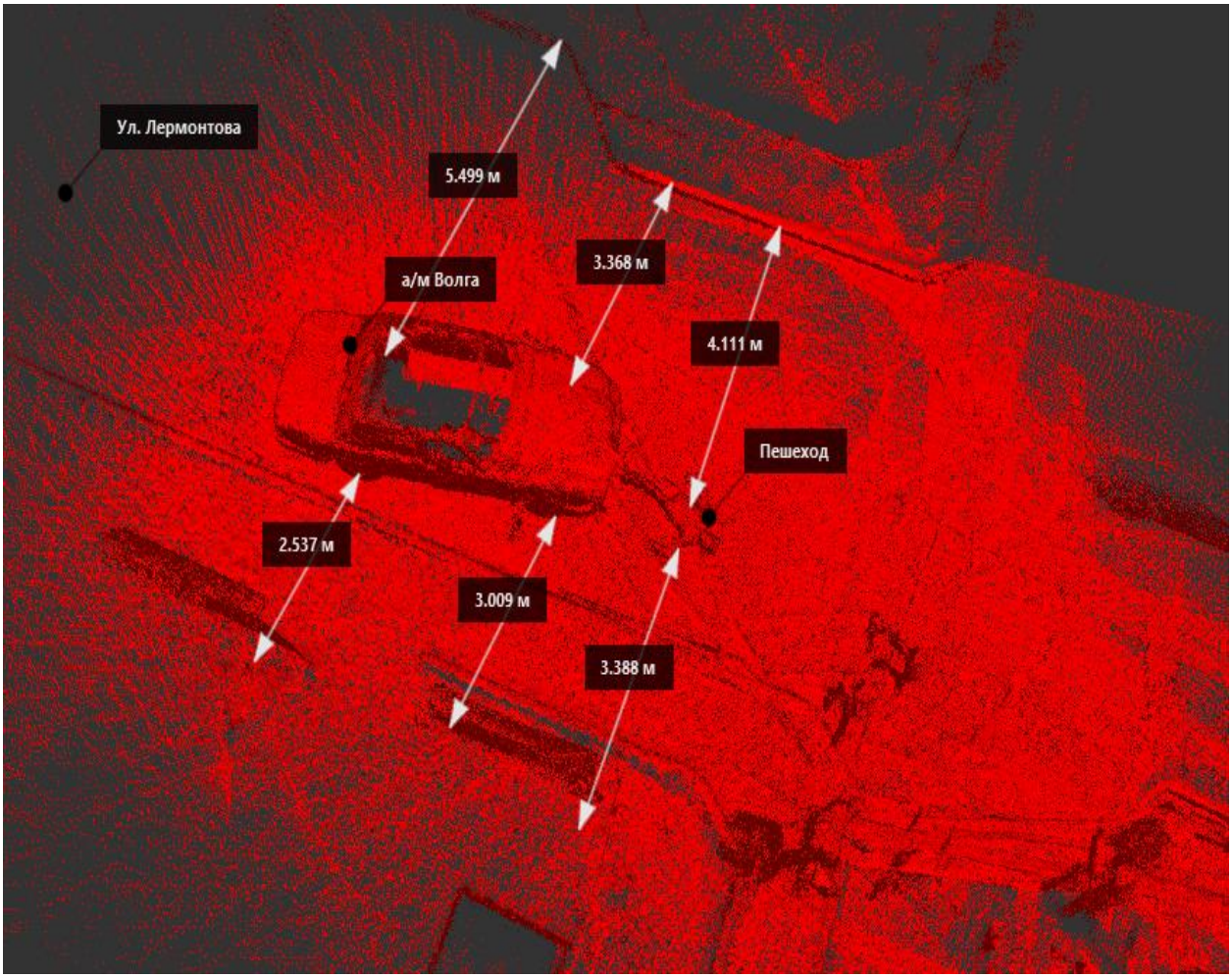

Рисунок 6. 3D-модель наезда а/м «Волга» на пешехода

Наиболее информативным режимом отображения точек является «по уровню», при этом выбираются несколько различных цветов, хорошо контрастирующих друг с другом. Режим перспективы лучше отключать для получения более реалистичной картины ДТП, при этом рекомендуется применять двустороннюю подсветку и режим «отображения ребер». При этом бюджет рабочего времени, затраченный на осуществления полного процесса сканирования данного места происшествия, составил 9 минут, что значительно уменьшает временные и трудовые затраты при осмотре места ДТП.

Эксперимент № 2. Столкновение двух ТС на перекрестке (см. рис. 7—9).

Исходные данные: учебный автотехнический полигон; профиль дороги — горизонтальный; дорожное покрытие — сухой асфальт; способ регулирования — светофор, дорожные знаки, ПДД; температура окружающей среды — +10 ^{0}С.

Рисунок 7. Место столкновения двух ТС

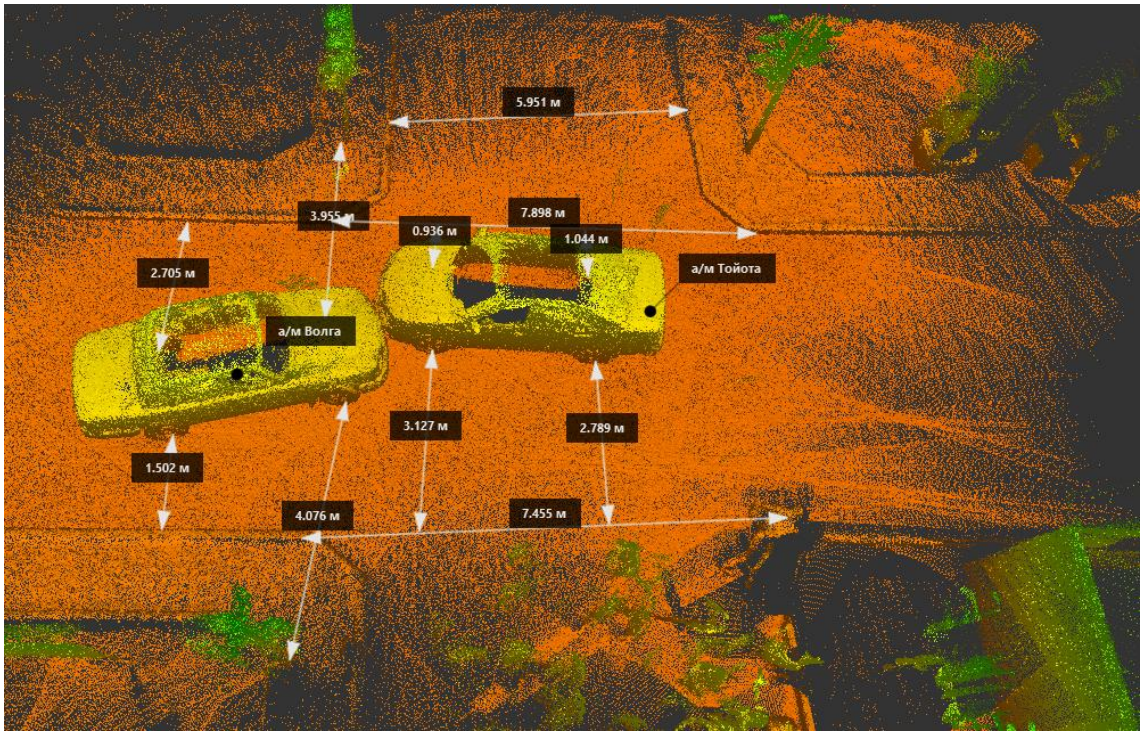

Рисунок 8. 3D-съемка столкновения а/м «Волга» с а/м «Тойота» на перекрестке

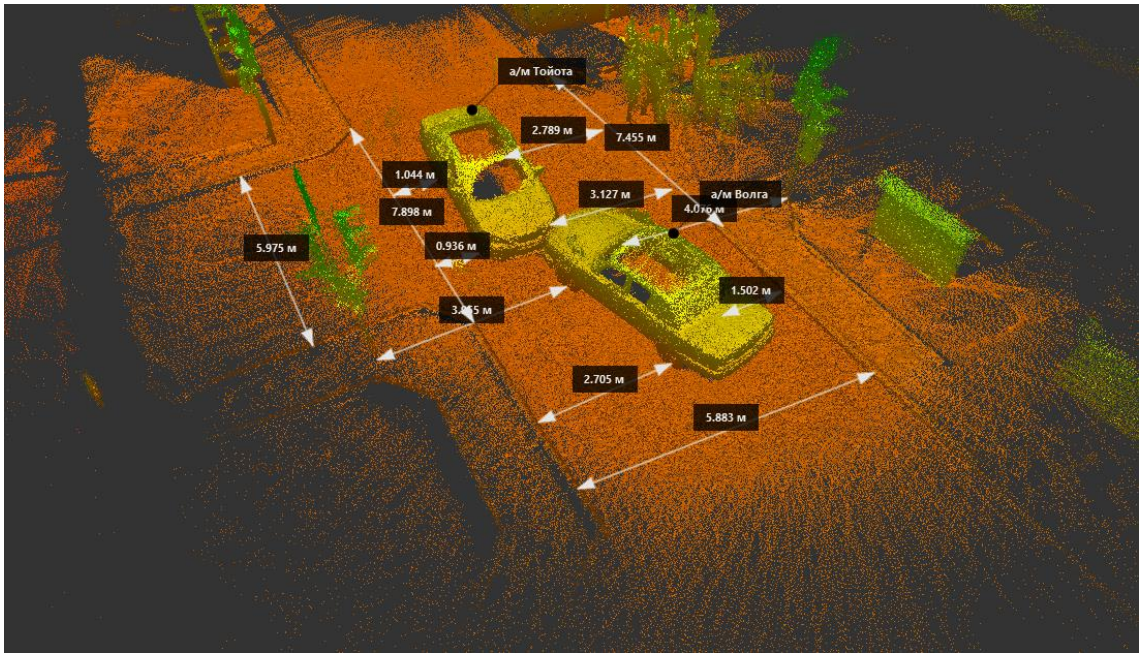

Рисунок 9. 3D-модель столкновения а/м «Волга» с а/м «Тойота» на перекрестке

Бюджет рабочего времени, затраченный на осуществления полного процесса сканирования второго места происшествия, составил 9 минут, что значительно уменьшает временные и трудовые затраты при осмотре места ДТП.

Однако одним из недостатков лазерного сканера является то, что с помощью него невозможно просканировать объекты, не имеющие объема или ее малое значение. Такими объектами являются следы растекания жидкостей ТС, россыпь частиц ЛКП, фар, следы торможения или юза автотранспорта, а также наличие или отсутствие дорожной разметки. Для устранения этого недостатка рекомендуется выставлять конусы по периметру поверхностного объекта, либо же сооружать картонные бортики и проводить сканирование по нижней точке.

Руководствуясь Федеральным законом от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» (п. 1 ст. 11 и п. 33 ст. 13), на примере 3D-сканера FaroFocus 3D была продемонстрирована возможность использования в правоохранительной деятельности технических средств, используемых другими отраслями науки и техники, в которых они себя уже зарекомендовали с наилучшей стороны. Использование способа сканирования при осмотре места дорожно-транспортного происшествия позволит сократить общее время осмотра, повысить наглядность и достоверность данных на схемах места совершения административного правонарушения, а также исключить фальсификацию данных.

Так же использование 3D-моделирования возможно и при других происшествиях, где требуется визуально показать процесс изменения состояния объекта, либо механизм происшествия.

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что использование 3D-моделирования будет являться хорошим подспорьем для органов внутренних дел Российской Федера-

ции при раскрытии различных преступлений, административных правонарушений и дел, разбираемых в гражданском порядке. Однако говорить о том, что сотрудники правоохранительных органов будут широко использовать данный вид визуализации, пока рано, на то есть как минимум две причины: первая — оснащение всех ЭКЦ МВД России оборудованием, подходящем для производства данного вида визуализации, что будет являться несомненным ударом по бюджету Министерства внутренних дел Российской Федерации. Вторая же причина менее серьезна, она заключается в том, что малое количество сотрудников экспертно-криминалистических подразделений владеют специальными знаниями, позволяющими производить и работать с 3D-моделями. Однако стоит отметить, что данная проблема легко и быстро решаема.

Кроме того, использование данного вида визуализации наиболее перспективно именно при произведении судебных экспертиз, и будет являться неотъемлемой составляющей исследовательской части экспертного заключения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Городокин В. А.* Экспертиза дорожно-транспортных происшествий, осмотр места ДТП, схема места ДТП: учеб. пособ. / сост.: В. А. Городокин, А. Е. Вязовский. Челябинск: Изд. центр ЮУрГУ, 2010.

2. *Корухов Ю. Г., Замиховский М. И.* Криминалистическая фотография и видеозапись для экспертов-автотехников (практ. пособ.) М.: Изд. центр ИПК РФЦСЭ, 2006. 73 с.

3. *Зубенко Е. В., Гирийчук В. В., Гунькин И. В.* Осмотр места дорожно-транспортного происшествия, сопряженного с оставлением потерпевшего в опасности: тактика проведения и перспективы использования инновационных технологий // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра: сборник научных трудов: Восточно-Сибирский институт МВД России, 2015. 94—106 с.

4. *Сретенцев А. Н.* Некоторые аспекты использования современных технических средств фиксации при осмотре места дорожно-транспортного происшествия / А. Н. Сретенцев, Д. А. Бадиков // Среднерусский вестник общественных наук. 2014. № 4 (34). С. 79—82.

5. *Фатеев Д. А.* Использование при производстве следственных действий квадрокоптера с видеокамерой / Фатеев Д. А. // Мир криминалистики: науч.-практ. журн. 2016. № 02. М.: Академия СК РФ, 2016. 102 с.

6. *О полиции*: федер. закон от 7 февр. 2011 г. № 3-ФЗ // СЗ РФ. 2011. № 7. Ст. 900.

7. *Уголовный кодекс* Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 16.

8. *Кодекс Российской Федерации* об административных правонарушениях от 30 дек. 2001 г. № 195-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 1. Ст. 1.

9. *Вопросы организации производства судебных экспертиз* в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации: приказ МВа внутр. дел России от 29.06.2005 № 511 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_55315/ (дата обращения: 06.09.2019).

10. Об утверждении Административного регламента исполнения Министерством внутренних дел Российской Федерации государственной функции по осуществлению

федерального государственного надзора за соблюдением участниками дорожного движения требований законодательства Российской Федерации в области безопасности дорожного движения: приказ М-ва внутр. дел России от 23.08.2017 № 664 (ред. от 21.12.2017) [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/ document/cons_doc_LAW_280037/ (дата обращения: 06.09.2019).

11. Официальный сайт компании GeoSLAM [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://geoslam.ru/ (24.04.2019).

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Gorodokin V. A. Examination of road accidents, inspection of the accident site, scheme of the accident site: study guide / comp.: V. A. Gorodokin, A. E. Vyazovsky. Chelyabinsk: Publishing Center SUSU, 2010.

2. Korukhov Yu. G., Zamikhovsky M. I. Forensic photography and video recording for automotive experts (practical guide) M.: Publishing Center of the IPC RFTCE, 2006. 73 p.

3. Zubenko E. V., Giriychuk V. V., Gun'kin I. V. Inspection of the place of a road traffic accident that leaves the victim at risk: tactics and prospects for the use of innovative technologies // Forensic science: yesterday, today, tomorrow. Collection of scientific papers.: East-Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2015. 94—106 p.

4. Sredentsev A. N. Some aspects of the use of modern technical means of fixation when inspecting the scene of a road accident / A. N. Sredentsev, D. A. Badikov // Srednerussky Bulletin of Social Sciences. 2014. № 4 (34). Pp. 79—82.

5. Fateev D. A. Use in the production of investigative actions of a quadrocopter with a video camera / Fateev D. A. // World of Forensic Science 2016 № 02 Scientific Journal. M.: Academy of the RF IC, 2016. 102 p.

6. Federal Law of 07.02.2011 No. 3-ФЗ "On Police".

7. Federal Law of June 13, 1996 No. 63-ФЗ "Criminal Code of the Russian Federation".

8. Federal Law of 30.12.2001 No. 195-ФЗ "Code of the Russian Federation on Administrative Offenses".

9. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia of 29.06.2005 No. 511 "Issues of organizing the production of forensic examinations in forensic units of the internal affairs bodies of the Russian Federation".

10. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated August 23, 2017 No. 664 (ed. Dated December 21, 2017) "On approving the Administrative Regulation on the fulfillment by the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation of the state function of exercising federal state supervision over road users' compliance with road safety regulations movement.

11. The official website of GeoSLAM [Electronic resource]. URL: http://geoslam.ru (04.24.2019).

УДК: 343.98
DOI: 10.24411/2312-3184-2019-00038

Ищенко Евгений Петрович
Заведующий кафедрой криминалистики Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина
доктор юридических наук,
профессор, Заслуженный юрист РФ,
Заслуженный деятель науки России
E-mail: kriminalistmsal@list.ru

Ishchenko Evgeniy Petrovich
Head of department of criminalistics at the Moscow state law University. O. E. Kutafina
doctor of law,
Professor, Honored lawyer of Russia,
Honored worker of science of Russia
E-mail: kriminalistmsal@list.ru

ОБЩИЙ ВЗГЛЯД НА КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ СЛЕДОВЕДЕНИЕ

Введение: в статье рассматриваются научные основы криминалистического следоведения: приводится его понятие, раскрыто значение в уголовном судопроизводстве, показан механизм образования следов-отображений в узком и широком смысле, дается классификация следов. Подробно рассмотрены звуковые следы с целью диагностики и идентификации их источника, а также следы коммуникации между участниками организованных преступных групп и сообществ, с которыми теперь все чаще приходится работать следователям и экспертам-криминалистам. Обозначены проблемы, возникающие в связи с использованием таких следов для отождествления коммуникантов.

Материалы и методы: нормативную основу исследования образуют Конституция Российской Федерации, уголовное и уголовно-процессуальное законодательство. Методологической основой исследования послужил общий диалектический метод научного познания, носящий универсальный характер, также методы логической дедукции, индукции, познавательные методы и приемы наблюдения, сравнения, анализа, обобщения и описания.

Результаты исследования позволили раскрыть понятие следоведения, рассмотреть подробно классификацию следов в криминалистике.

Выводы и заключения: преступное общество постоянно совершенствуется, в настоящее время следы переходят в плоскость сети «Интернет», становятся цифровыми. Таким образом, нужны новые технологии проникновения или получения доступа к коммуникациям, новые способы персональной идентификации, в том числе и по цифровым следам коммуникаций.

Ключевые слова: криминалистическое следоведение, трасологические следы, классификация, следы в широком смысле, преступная деятельность, организованная преступность, следы коммуникации.

GENERAL VIEW ON FORENSIC INVESTIGATION

Introduction: the article deals with the scientific basis of forensic investigation: its concept is given, the significance in criminal proceedings is revealed, the mechanism of formation of traces-maps in the narrow and broad sense is shown, the classification of traces is given. Sound traces for the purpose of diagnostics and identification of their source, and also traces of communication between participants of organized criminal groups and communities with whom investigators and forensic experts now more often have to work are in detail considered. The problems arising in connection with the use of such traces for identification of communicants are designated.

Materials and methods: the normative basis of the study is formed by the Constitution of the Russian Federation, criminal and criminal procedure legislation. The methodological basis of the study was the General dialectical method of scientific knowledge, which has a universal character, as well as methods of logical deduction, induction, cognitive methods and techniques of observation, comparison, analysis, generalization and description.

Results allowed to reveal the concept of investigation, to consider in detail the classification of traces in criminology.

Summary and Conclusion: criminal society is constantly improving, now the traces pass into the plane of the Internet, become digital. Thus, we need new technologies of penetration or access to communications, new ways of personal identification, including digital traces of communications.

Keywords: forensic investigation, trasological traces, classification, traces in a broad sense, criminal activity, organized crime, traces of communication.

Криминалистическое следоведение можно определить как отрасль криминалистической техники, изучающую закономерности образования различных следов, связанных с событием преступления, методы, приемы и средства их собирания и исследования, а также возможности их использования для выяснения обстоятельств содеянного, установления и изобличения преступника.

При разработке научных методов исследования и практических рекомендаций криминалистическое следоведение отправляется от положений теории криминалистической идентификации и теории отражения, а также от криминалистического учения о признаках объектов, вовлеченных в сферу преступной деятельности.

Практическое значение криминалистического следоведения в уголовном судопроизводстве состоит в возможности его использования для получения сведений о взаимодействовавших объектах, механизме следообразования, его времени и месте, о человеке или ином объекте, участвовавшем в совершении преступления и сокрытии его следов, возможности их отождествить, а также для разрешения иных вопросов, связанных с расследованием уголовно-наказуемых деяний.

Источниками информации о виновном субъекте в первую очередь являются различные следы в самом широком смысле этого слова, образующиеся в результате его криминальной активности при взаимодействии с различными материальными система-

ми, в том числе с потерпевшим. Взаимодействие здесь представляет собой одну из форм связи материальных систем. Последняя характеризуется одновременным и взаимообусловленным изменением свойств двух или более материальных объектов в процессе закономерного обмена энергией, массой или информацией.

В процессе преступной деятельности злоумышленник взаимодействует с различными объектами окружающей его действительности: людьми, неодушевленными предметами (твердыми, сыпучими, жидкими, газообразными), живыми организмами (животными, растениями, насекомыми, микроорганизмами, а также сложнейшими электронными системами связи и коммуникации, и др.). В результате этого как на преступнике, так и на указанных объектах образуются различные следы. При этом виновное лицо, будучи источником взаимодействия, занимает среди взаимодействующих объектов особое положение, поскольку оно наделено сознанием и является не только отражаемым, но и отражающим субъектом, в частности, носителем специфических отображений — идеальных следов памяти.

Изучаемые криминалистикой закономерности реальной действительности можно свести к формулировкам двух базовых криминалистических законов: 1) невозможно совершить преступление, не оставив при этом следов; 2) не существует принципиально не раскрываемых преступлений [1, с. 13].

Взаимодействие в ходе совершения и сокрытия следов преступления можно классифицировать по нескольким крупным основаниям. В зависимости от форм движения материи, отображающих свойства личности преступника, различают социальное, психическое, биологическое, химическое и физическое взаимодействия.

Социальное взаимодействие реализуется на уровне элементов в малых социальных системах, например, в организованных преступных группах и сообществах. Психическое взаимодействие осуществляется путем психического воздействия преступника на потерпевшего и других лиц. Биологическое взаимодействие включает в себя многообразие процессов, происходящих в живых организмах, взаимодействующих с преступником, в результате которых происходит трансформация участвующих в этом объектов. Химическое взаимодействие протекает на молекулярном либо атомарном уровне, при этом наряду с поглощением или выделением энергии происходит превращение одного вещества в другое, например, при порче продуктов в морозильнике, который злоумышленник обесточил.

Физическое взаимодействие связано с молекулярными процессами, происходящими в материальных телах, сопровождающимися тепловыми, магнитными, внутриатомными и внутриядерными изменениями, или перемещением тел в пространстве либо приведением их в контакт. В частности, в результате такого взаимодействия образуется группа следов, несущая информацию о структурных свойствах человеческих пальцев рук, ног, зубов и т. д. Эти следы традиционно изучает трасология.

В зависимости от количества видов движения материи, участвующих во взаимодействии, различаются простые и сложные взаимодействия. При простом действует один вид движения материи, а при сложном — несколько. В зависимости от способа передачи энергии взаимодействующих объектов выделяют непосредственное, или кон-

тактное, взаимодействие и опосредованное, или бесконтактное. Во втором случае передача энергии осуществляется через некий промежуточный объект.

Принципиальные положения, образующие научную основу криминалистического следоведения, — это:

а) *индивидуальность объектов материального мира*; все подобные объекты тождественны только самим себе, т. е. индивидуальны; хотя внешнее строение у однородных объектов может совпадать по форме, размерам и другим общим характеристикам, оно неизбежно будет различаться по частным признакам; к ним в трасологии относят особенности рельефа и микрорельефа следов; многие объекты сходны между собой по ряду характеристик внешнего строения, но вся совокупность признаков делает каждый из них неповторимым;

б) *способность внешней структуры предмета, в том числе его частных признаков, достаточно точно отображаться на других объектах в виде следов;* полнота и адекватность передачи в следах мелких деталей строения предмета зависят от условий следообразования, главные из которых — физические свойства материалов следообразующего и следовоспринимающего объектов и механизм их взаимодействия; чем податливее, пластичнее следовоспринимающий объект и тоньше его структура, тем четче и полнее передаются детали; важно помнить, что, отображаясь в следе, внешнее строение объекта всегда получается обратным, зеркальным;

в) *относительная устойчивость трасологических объектов, позволяющая производить сравнительные исследования.* Объектами исследований могут быть только твердые тела, обладающие достаточно устойчивыми внешними признаками.

Одной из основных дефиниций криминалистического следоведения является понятие «след». При этом выделяются следы в широком и узком смысле слова. К следам в *широком* смысле относят:

1) совокупность всевозможных изменений, вызванных событием преступления, которая характерна для каждого их вида;

2) изменения обстановки, проявившиеся в исчезновении предметов, нарушении их расположения или появлении новых;

3) изменения объектов, выразившиеся в их разрушении, деформации или появлении на них отображений других предметов;

4) части каких-либо предметов или остатки веществ, обычно в небольших количествах.

К следам *в узком смысле* относятся материально фиксированные отображения одного объекта на другом (следы пальцев и ладоней рук, следы обутых ног на грунте, передающие форму и рельеф подошвы; следы орудий взлома на преграде, протектора автомобиля на дороге и т. д.).

Кроме следов-отображений в криминалистическом следоведении изучаются *следы-предметы* и *следы-вещества.* Предметы (части предметов) как следы преступления — это разные материальные объекты, положение, возникновение или состояние которых находится (или может находиться) в причинной связи с расследуемым преступлением (орудия, приготовленные для совершения преступления, взломанный сейф и др.)

Вещества как следы преступления — это преимущественно жидкие и сыпучие материалы, обнаруженные на месте происшествия, на теле или одежде виновного лица и объектах преступного посягательства (частицы пыли, грязи, пятна крови, спермы и др.). Криминалистическое следоведение уделяет особое внимание тем их признакам, которые позволяют установить следовую картину события, например, направление движения, факт контактного взаимодействия, высоту падения капель крови и т. п.

Таким образом, система криминалистического следоведения включает: 1) общие положения: научные основы, предмет и задачи, механизм образования и классификация следов; общие положения о способах собирания следовой информации; основы трасологической идентификации, методики исследования следов в широком смысле слова; 2) следы человека; 3) следы орудий взлома и инструментов; 4) следы транспортных средств; 5) предметы и вещества как следы преступления; 6) микрообъекты как следы содеянного; 7) запаховые следы; 8) звуковые следы; 9) цифровые следы, а также использование иных криминалистически значимых объектов.

Под цифровыми следами предлагается понимать следы, сохраняющиеся в памяти технических устройств, в электромагнитном поле, на носителях машиночитаемой информации. Они занимают промежуточное положение между материальными и идеальными следами.

Одной из принципиальных особенностей цифровых следов, коренным образом отличающих их от традиционных материальных следов, является их многокомпонентный характер. Одиночный электронный след, несущий информацию о каком-либо уголовно-наказуемом событии, обязательно состоит из ряда взаимосвязанных по особому правилу частей. Поэтому в процессе электронно-цифрового отображения механизм формирования виртуального следа будет включать в себя две основные группы компонентов: деятельность активных сущностей (некоего трасологического аналога следообразующих объектов) — человека или вычислительного процесса, и программно-аппаратной среды (некоего аналога следовоспринимающих объектов).

Поскольку основное место в системе криминалистического следоведения пока отводится *следам-отображениям*, рассмотрим их в первую очередь. Напомним, что в процессе следообразования участвуют, как минимум, два объекта: следообразующий и следовоспринимающий. Всякий след образуется за счет тех или иных изменений, которым подвергается следовоспринимающий объект. Эти изменения могут быть различными по своему характеру, месту расположения и по вызвавшим их причинам.

В зависимости от характера возникающих изменений различают две основные группы следов: объемные и поверхностные. *Объемные следы* образуются в результате изменения формы следовоспринимающего объекта (происходит его деформация). Появление таких следов сопровождается либо частичным разрушением следовоспринимающего объекта (след удара топора на косяке), изменением прежнего состояния вещества, если оно неоднородно (следы ног на сыпучем грунте); либо след формируется за счет иных изменений (затвердевание на следообразующем объекте жидкого вещества).

Поверхностные следы остаются в результате поверхностных изменений следовоспринимающего объекта. Различают два вида этих следов:

1) *следы-наслоения*, которые образуются за счет наслоения на следовоспринимающий объект частиц следообразующего объекта (след ладони на стекле, след обуви на линолеуме);

2) *следы-отслоения* образуются вследствие захвата следообразующим объектом с поверхности следовоспринимающего объекта частиц находящегося на нем вещества (след обуви на полу, покрытом слоем пыли, цемента).

Объемные и поверхностные следы, в зависимости от места расположения изменений на следовоспринимающем объекте, могут быть локальными и периферическими. *Локальные следы* являются результатом изменений следовоспринимающего объекта, которые возникают в месте его контакта со следообразующим объектом (большинство следов). *Периферические следы* образуются в результате изменений, происходящих на следовоспринимающем объекте за пределами зоны контакта (контур следа обуви, бутылки).

Большинство следов-отображений является результатом активного механического взаимодействия объектов следообразования [2, с. 25—28]. В зависимости от его особенностей следы подразделяются на статические и динамические. Это деление условно, поскольку любой из названных следов образуется в результате определенных движений одного или обоих объектов, участвующих в следообразовании. Разница состоит лишь в характере этих движений.

Статические — это следы, которые представляют собой зеркальные копии контактной поверхности следообразующего объекта. *Динамические следы* образуются в процессе движения одного или обоих объектов — участников следообразования (следы трения, скольжения, резания). От отдельных точек рельефа следообразующей поверхности остаются линии (трассы). Отметим, что следы качения являются статическими, а торможения — динамическими.

По степени различимости следы делятся на *видимые*, *слабовидимые* и *невидимые*, а по величине на *макроследы* и *микроследы*, к которым можно отнести запаховые (ольфакторные) следы.

Трасология, как часть криминалистического следоведения, занимается преимущественно макроследами, но и некоторые микроследы исследуются традиционными трасологическими методами. Например, форма, размеры и характер поверхности микроскопических шариков металла, обнаруженных в одежде, волосах или на теле подозреваемого, в ряде случаев позволяют установить конструкцию газосварочного аппарата и режим его работы при взломе банковского сейфа. Но в основном микроследы требуют применения новейших физико-химико-биологических методов, потому ими занимаются специалисты в области криминалистического исследования материалов и веществ.

Криминалистическое следоведение изучает звуковые следы с целью диагностики и идентификации их источника, а также средств фиксации звуковых сигналов, записанных на магнитную или видеопленку, либо на цифровой носитель информации. Наиболее часто звуковые следы фиксируются в ходе производства такого следственного действия, как «Контроль и запись переговоров», а также в ходе такого оперативного мероприятия, как прослушивание телефонных переговоров.

Устная речь, если отвлечься от ее содержания, представляет собой акустический сигнал, образующийся в результате сложной анатомо-физиологической деятельности,

включающей функционирование центральной нервной системы и речевого аппарата. Последний выполняет сложную функцию по образованию голоса и звуков речи. В этом процессе участвуют легкие, диафрагма, трахеи и бронхи. В фонации — гортань и голосовые связки, а в артикуляции — глотка, полости рта и носа, язык, губы и носоглотка.

Анатомические и физиологические особенности органов речевого аппарата связаны со строением гортани и голосовых связок, а также с типом дыхания. Проходя через голосовую щель, воздушная струя приводит голосовые связки в колебательное движение, в результате чего образуется голос определенной высоты, силы и тембра. Основные биологические факторы человека, влияющие на фонацию, — это строение тела, особенности голосового аппарата, работа желез внутренней секреции и возраст. Так, железы внутренней секреции существенно влияют на анатомическое строение гортани и, следовательно, на формирование и звучание голоса.

Человеческий голос претерпевает длительный процесс изменений, сопровождающийся резкими превращениями, связанными как с закономерностями биологического характера, так и со случайными факторами. С возрастом меняются не только высота и интенсивность голоса, но и его тембр. В пожилом возрасте голос продолжает меняться вследствие уменьшения емкости легких, понижения их эластичности, окостенения гортани, сужения грудной клетки. Он становится дребезжащим, глухим.

Помимо этих характеристик, индивидуализирующих человеческий голос, большое влияние оказывают пути формирования навыков устной речи, окружающая среда, перенесенные заболевания, полученное образование, воспитание и др. Устная речь представляет собой привычный способ межличностного общения, основанный на психофизиологических функциях человека в условиях конкретного общества.

Информацию, содержащуюся в устной речи, условно делят на смысловую (совокупность сведений, имеющихся в устном сообщении) и личностную, представляющую собой речевое выражение содержания и структуры устного высказывания. Она отражает его стиль, лексику, грамматический строй и логику, т. е. те признаки, которые позволяют судить о физическом, психологическом и социальном статусе говорившего, его половозрастных и конституционных характеристиках, анатомических особенностях речеобразующего аппарата, что позволяет диагностировать некоторые особенности личности.

Диагностические исследования фонозаписей устной речи проводятся в целях определения некоторых физиологических и анатомических характеристик говорившего человека. Например, по шепелявости и гнусавости в речи выявляются такие заболевания нервной системы, как парез и афазия, а по тембру голоса эксперты определяют рост человека и объем его грудной клетки. Связь между устной речью и физическими характеристиками отражает зависимость речеобразующего аппарата от анатомии и физиологии человека. Так, люди с низким голосом отличаются более значительным ростом и объемом грудной клетки.

Обыденная разговорная речь постепенно приближается к нормам литературного языка, однако в ней довольно часто встречаются особенности диалекта, который отражает речевую специфику определенной местности. Это позволяет провести диагностику места рождения или длительного проживания человека, фонозапись речи которого исследуется. При определении профессии и других социальных характеристик говорившe-

го важны лексические признаки, фразеологические особенности устной речи и ее содержание, характеризующие ту или иную группу людей.

О национальной принадлежности человека можно судить по интонациям его речи. Любой национальный язык и каждый его диалект имеют свои интонационные особенности. Так, для русского языка свойственно некоторое повышение голоса в начале фразы, довольно ровная по тону середина, значительное повышение тона в конце повествовательных и его легкое повышение в конце вопросительных фраз. Характерной чертой устной речи людей, не владеющих в совершенстве русским языком, служат интонационные особенности их родного языка, неправильное построение фраз, неверные согласования. Устная речь человека характеризуется акустическими и лингвистическими признаками, которые, будучи индивидуальными и относительно неизменными, позволяют не только установить личные качества субъекта, чья речь записана на звуконосителе, но и идентифицировать его.

Компьютеризированные комплексы при анализе устной речи дают возможность получать объективную информацию, связанную с социальными характеристиками субъекта (образование, профессия, уровень культуры); эмоциональным состоянием (спокоен, возбужден, подавлен); регионом формирования устной речи (диалект, акцент); биологическими характеристиками (пол, возраст, рост); психофизиологическими особенностями (разные отклонения от нормы, возникающие при определенных заболеваниях) и способами произнесения речи.

Конкретные алгоритмы диагностики дают возможность с хорошей надежностью определять обликовые характеристики (внешние данные) субъекта при анализе звукозаписей его устной речи. Подобные автоматизированные системы в сочетании с исследованием устной речи при помощи слуха, проводимым специалистами в области лингвистики, психологии, медицины, позволяют с высокой степенью точности определить как объективные характеристики диктора, так и идентифицировать его по голосу.

Компьютеризированные аналитические комплексы дают возможность при анализе устной речи получать объективную информацию, связанную с:

1) социальными характеристиками субъекта, его эмоциональным состоянием;

2) регионом формирования речевых навыков;

3) биологическими характеристиками;

4) психофизиологическими особенностями и способами произнесения текста (чтение, декламация, спокойная речь).

При назначении фоноскопической экспертизы могут быть поставлены следующие вопросы:

1. Не произнесен ли текст, зафиксированный на фонозаписи, лицом, образец голоса которого представлен?

2. Голос одного человека или разных лиц записан на представленных картах памяти? Не являются ли эти лица теми, которые интересуют следствие, какие части текста произнесены каждым из них?

3. Какие данные о личности говорящего можно получить путем анализа фонограммы (примерный возраст, пол, родной язык, место рождения или преимущественного проживания, профессия и т. д.)?

4. Какие данные о личности говорящего можно получить путем анализа фонозаписи?

5. Какая звукозаписывающая аппаратура использовалась при получении фонограммы?

6. На одном или разных цифровых аппаратах записаны фонограммы, интересующие следствие?

7. Не была ли записана фонограмма на представленном аппарате?

8. Записанная на фонограмме речь является свободной, заученной и произнесенной наизусть либо чтением письменного текста?

9. Содержит ли фонозапись какие-либо интересующие следствие сигналы (устная речь, музыка, звуки, издаваемые животными, и пр.)?

Однако нельзя не учитывать, что современное общество находится под мощным влиянием информационных технологий и быстро изменяется под их ежеминутным и всепроникающим воздействием. В последние годы возникло специфическое «сетевое» пространство, в которое, как в новое «четвертое» измерение, «проваливается» общество со всеми его достижениями, отношениями, интересами, проблемами и пороками.

Социум интенсивно заполняет образовавшееся киберпространство, привлекательное не только почти безграничными возможностями, но также анонимностью и почти полной бесконтрольностью. Это не могло не интересовать различного рода правонарушителей.

Более всего «сетевые» коммуникационные технологии заинтересовали представителей организованной преступности, поскольку коммуникация — это необходимое условие любой организации. Можно кратко проследить, как изменение способа коммуникации изменяет профессиональный «почерк» организованной преступности. Одновременно с этим трансформируются и способы работы правоохранительных органов.

Характерные объекты, с которыми все чаще приходится иметь дело современным следователям и экспертам-криминалистам, — это следы коммуникации между участниками организованной преступной деятельности.

Абонентскую активность подозреваемого можно изучать на базе следующих критериев: по географическому параметру мобильных соединений, по национальным и международным звонкам, по повторяющимся соединениям с одним и тем же номером, в одно и то же время суток и др. В результате можно установить: а) возрастные и половые характеристики звонившего (мужчины реже, чем женщины, прибегают к услугам связи, и они менее многословны); б) профессиональные интересы, склонности и обусловленные ими знания, навыки, умения; в) характерологические особенности личности (эмоциональные качества, черты характера, темперамент) и др. [3, с. 137].

Как следы коммуникации может рассматриваться весьма широкий круг объектов: это и словесное сообщение, и записка, написанная на бумаге, и условный знак, переданный адресату любым способом. Но в последние годы след коммуникации — это в основном перехваченный телефонный разговор, информация, снятая с технических каналов связи, полученные у операторов сотовой связи биллинги телефонных соединений,

логи, изъятые у сетевых провайдеров, сведения о соединениях, извлеченные из различных цифровых «гаджетов» обвиняемых и подозреваемых, и др.

Несмотря на широкое практическое применение, следы коммуникации в криминалистике все еще остаются неопределенными и слабо исследованными. Им пока не найдено место в современной криминалистической классификации следов. Они не являются ни трассой, ни наслоением, ни веществом, ни предметом. Вместе с тем эти следы, безусловно, должны рассматриваться как материально-фиксированные отражения преступной человеческой деятельности. Следовательно, криминалистическая категория следа коммуникации подлежит детальной научной разработке.

След коммуникации всегда является результатом передачи информации. Причем не только между двумя или более участниками криминальной деятельности (но и потерпевшими, свидетелями, лицами, не осведомленными о преступной активности, и т. д.). В современных условиях коммуникация возможна не только между людьми — в ней могут участвовать программы, интернет-объекты (сайты), вирусы, «боты». Даже «умные вещи» через «интернет вещей», которые, обладая «квазисубъектными» свойствами, тоже могут оставлять следы коммуникации.

След коммуникации возникает при передаче по каналу связи любой информации и любым способом от отправителя к получателю. Он может быть зафиксирован непосредственно в ходе оперативной разработки, осуществляемой в данный момент преступной деятельности, либо опосредованно, в процессе расследования уголовного дела, возбужденного по факту уже совершенного преступления (например, путем выявления связей, а затем и следов коммуникации обвиняемых или подозреваемых по данному уголовному делу с другими лицами или эпизодами организованной преступной деятельности, ранее неизвестными или расследуемыми в других уголовных делах).

С наступлением эры «мобильной» связи раскрытие и расследование организованной преступной деятельности базируется на прослушивании и анализе биллинга телефонных переговоров, получении информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами, а также на судебной фоноскопической экспертизе, возможности которой мы кратко рассмотрели ранее.

Вместе с тем потеснивший «сотовую» связь Интернет потребовал использования новых информационных технологий, прежде всего доступа к криминальным коммуникациям (прослушивание телефонных переговоров сменилось на снятие информации с технических каналов связи и получение компьютерной информации), а также технологий идентификации их участников (фоноскопия отходит на второй план, вместо нее используются другие криминалистические экспертизы).

Четвертое поколение организованной преступности видится сетевым. И оно уже формируется. Коммуникации этого поколения автоматизированы, формализованы, семантически бедны и мало отражают признаки личностей их участников. Основными отправителями и получателями сообщений будут автоматически работающие программы в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». Нужны новые технологии проникновения или получения доступа к коммуникациям, приемы установления физической и логической топологии этих формирований, а также новые способы персональ-

ной идентификации их участников, в том числе и по цифровым следам коммуникации. Эти насущные проблемы ждут своего безотлагательного решения [5, с. 123].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Исютин-Федотков Д. В*. Основы криминалистического изучения личности: моногр. М.: Проспект, 2018. 279 с.

2. *Ищенко П. П.* Следы коммуникации и их использование в расследовании организованной преступной деятельности // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 3 (55). С. 123—130.

3. *Ищенко П. П.* Преступные сообщества (преступные организации) в сфере незаконного оборота наркотиков: методика расследования: науч.-практ. пособ. М., «Юрлитинформ», 2017. 321 с.

4. *Соколова О. А*. Криминалистическая диагностика человека по его следам и отображениям: автореф. дис. д-ра юрид наук. М., 2018. 54 с.

5. *Эксархопуло А. А*. Криминалистика: теоретические проблемы и практические решения: учеб. пособ. Уфа, 2018. 288 с.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

1. Ishutin-Fedotov D. V. foundations of forensic study of personality: monograph. Moscow: Prospect, 2018. 279 p.

2. Ishchenko P. P. Traces of communication and their use in the investigation of organized criminal activity // Bulletin of the Kutafin University (MSLA). 2019. № 3 (55). P. 123—130.

3. Ishchenko P. P. Criminal communities (criminal organizations) in the field of drug trafficking: methods of investigation. Scientific and practical guide. M.: “Yurlitinform”, 2017. 321 p.

4. Sokolova O. A. Forensic diagnosis of a person in his footsteps and displays: abstract. doctor. Diss. Moscow, 2018. 54 p.

5. Exarchopoulos A. A. Forensic science: theoretical issues and practical solutions: a training manual. Ufa, 2018. 288 p.

УДК: 343.98
DOI: 10.24411/2312-3184-2019-00039

Кузнецов Евгений Викторович
доцент кафедры оперативно-разыскной деятельности и специальной техники в ОВД Восточно-Сибирского института МВД России
кандидат юридических наук, доцент
E-mail: kev300579@yandex.ru

Kuznetsov Evgeny Viktorovich
Candidate of Law, Associate Professor
Associate Professor of the Department of Law Enforcement Intelligence Operations and Special Equipment in the Internal Affairs Bodies, East-Siberian Institute of the Ministry of the Interior of Russia
E-mail: kev300579@yandex.ru

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ПРАКТИКИ ПРИМЕНЕНИЯ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОГО МЕРОПРИЯТИЯ «ПРОСЛУШИВАНИЕ ТЕЛЕФОННЫХ ПЕРЕГОВОРОВ» И СЛЕДСТВЕННОГО ДЕЙСТВИЯ «КОНТРОЛЬ И ЗАПИСЬ ПЕРЕГОВОРОВ»

Введение: С учетом разной правовой основы оперативно-розыскного мероприятия «прослушивание телефонных переговоров» и следственного действия «контроль и запись переговоров» и одновременно схожести данных методов представляет научный интерес описание специфики их нормативного регулирования и отдельных аспектов практики правоприменения. Последнее позволит выявить отличительные особенности этих юридических действий и проблемы, требующие законодательного разрешения.

Материалы и методы: в ходе исследования использовался сравнительно-правовой метод познания, позволивший изучить специфику нормативного регулирования указанных методов добывания информации. Для подтверждения или опровержения эмпирическим путем ряда теоретических положений исследования был использован метод экспертных оценок, основанный на анкетировании специалистов в сфере оперативно-розыскной деятельности и уголовного процесса.

Результаты исследования: исследование соотношения оперативно-розыскного мероприятия и следственного действия позволило выявить целый ряд формальных правовых отличий указанных методов, которые проявляются в процедурах их проведения, категориях преступлений, для раскрытия которых допустимо их использование и др.

Выводы и заключения: анализ выявленных особенностей позволил сделать вывод о том, что многие из них обусловлены не столько различиями в сущности описанных методов, сколько несовершенством правового регулирования. Предложенные законодательные дополнения и изменения могут сделать прослушивание телефонных переговоров и контроль и запись переговоров более эффективными.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, оперативно-розыскное мероприятие, прослушивание телефонных переговоров, уголовный процесс, следственное действие, контроль и запись переговоров, контроль телефонных и иных переговоров.

IMPROVEMENT OF LEGAL REGULATION AND PRACTICE OF THE OPERATIONAL-SEARCH ACTIVITY "TELEPHONE CONVERSATIONS MONITORING" AND INVESTIGATIVE MEASURE "CONTROL AND RECORDING OF CONVERSATIONS"

Introduction: taking into account the different legal basis of operational-search activity "telephone conversation monitoring" and investigative measure "control and recording of conversations" and at the same time the similarity of these methods, description of the specifics of their regulation and certain aspects of law enforcement is of scientific interest. Last-mentioned one will make it possible to identify the distinctive features of these legal actions and the problems that require legislative resolution.

Materials and methods: the author of the article used a comparative legal method of cognition, which allowed studying the specifics of the normative regulation of these methods of obtaining information. To confirm or refute empirically a number of theorizes of the study the method of expert evaluation based on a survey of specialists in the field of investigative activities and criminal procedure was also used.

Results: the study of the ratio of the operational-investigative activity and investigative measure revealed a number of formal legal differences of these methods, which are manifested in the procedures, categories of crimes for the disclosure of which their use is permissible, etc.

Summary and conclusion: the analysis of the revealed features has allowed drawing a conclusion that many of them are caused not so much by differences in essence of the described methods, but by imperfection of the legal regulation. The proposed legislative additions and changes can make telephone conversation monitoring and control and recording of conversations more effective.

Keywords: operative search activity, operative search measure, telephone conversations monitoring, criminal procedure, investigative measure, control and recording of conversations.

Одним из оперативно-розыскных мероприятий (далее — ОРМ), активно используемых органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность (далее — ОРД), в решении поставленных Федеральным законом Российской Федерации от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» [11] (далее — ФЗ «Об ОРД», оперативно-розыскной закон) задач является прослушивание телефонных переговоров (далее — ПТП) [15, с. 155—156; 18, с. 271]. Наряду с ПТП в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации [19] (далее — УПК; уголовно-процессуальный закон) предусмотрено схожее по ряду признаков следственное действие «контроль и запись переговоров» (далее — КЗП). С учетом разной правовой основы указанных методов добывания информации и одновременно их сущностной близости, о чем неоднократно отмечалось в юридической литературе [14, с. 43; 22, с. 120; 5, с. 132], представляет научный интерес описание специфики их нормативного регулирования и отдельных аспектов практики правоприменения. Последнее позволит выявить отдель-

ные отличительные особенности этих юридических действий и проблемы, требующие законодательного разрешения.

Различия ПТП и КЗП в юридической науке традиционно проводят по такому основанию как виды переговоров, которые могут фиксироваться в рамках указанных действий. По мнению многих исследователей, чьи позиции основываются на толковании п. 14.1. ст. 5 УПК[1], в отличие от ПТП, рассматриваемое следственное действие включает не только прослушивание и запись переговоров, передаваемых с использованием телефонных линий связи (городских, междугородних, межгосударственных, сотовых, спутниковых), но и документирование аудиальных разговоров физических лиц, которые могут передаваться с помощью других средств связи [6], например, при помощи радиостанций или сети «Интернет». В этой связи можно предположить, что понятие ПТП, применительно к видам контролируемых с его помощью средств связи, уже чем рассматриваемое следственное действие.

Несмотря на логичность приведенного мнения, указанный вывод нельзя считать однозначно правильным по следующей причине: понятие и содержание ПТП не раскрывается в ФЗ «Об ОРД» или других открытых нормативных правовых актах, однако оперативно-розыскной закон (см. ч. 2 ст. 4) делегирует органам, осуществляющим ОРД, в пределах их полномочий, право издавать подзаконные нормативные правовые акты в сфере ОРД. В рамках этого дозволения оперативно-розыскные органы принимают ведомственные приказы, в которых, помимо организации и тактики ОРД, как правило, раскрываются понятия и содержание конкретных ОРМ. В этой связи основные субъекты проведения ПТП (органы внутренних дел и органы федеральной службы безопасности) вполне могут вкладывать в содержание рассматриваемого ОРМ возможность контроля с его помощью как аудиальных телефонных переговоров двух и более лиц, так, например, односторонние сообщения абонентов телефонной связи, передаваемых в форме звуков, фото- или видеоизображений.

В связи с указанным, без раскрытия положений конкретных ведомственных приказов, регламентирующих проведение ОРМ[2], невозможно утверждать о том, что содержание понятия «контроль и запись переговоров» у́же, шире его аналога в ОРД или равнозначно. Следует учитывать и тот факт, что в приказах разных правоохранительных ведомств, в структуре которых имеются оперативно-розыскные органы (см. ст. 13 ФЗ «Об ОРД»), понятие и содержание ПТП и других ОРМ могут не совпадать между собой по причинам различия в подходах ведомственных научных школ, правоприменительной практики и отсутствия необходимых соглашений между правоохранительными органами.

Таким образом, на страницах открытых (несекретных) научных изданий проблематично однозначно раскрыть соотношение содержания ПТП и КЗП. Это является суще-

[1] В данной норме закреплено понятие «контроля телефонных и иных переговоров», которое, с точки зрения толкования указанной нормы и ст. 186 УПК, будем использовать в качестве синонима понятию «контроль и запись переговоров».

[2] Подобные нормативные правовые акты, как правило, содержат сведения составляющих государственную тайну, в связи с чем цитирование их содержания в открытых источниках недопустимо.

ственной проблемой, т. к. в ходе реализации права неопределенность с видами средств и услуг связи, которые могут фиксироваться в рамках рассматриваемого ОРМ, не позволяет оценить гражданам, их защитникам, должностными лицам контролирующих или надзирающих за ОРД органов законность действий оперуполномоченных, осуществивших, к примеру, перехват аудиофайлов, переданных через сети сотовой связи с применением сервиса мультимедийных сообщений (MMS), контроль разговоров, ведущихся в сети «Интернет» с использованием программы Skype, ее аналогов или различных мессенджеров, на предмет допустимости и правомерности таких действий в рамках проведения ПТП или других смежных ОРМ. К последним можно отнести снятие информации с технических каналов связи или получение компьютерной информации.

В свете этого для устранения описанного пробела в ФЗ «Об ОРД» или в другом нормативном правовом акте, составляющем правовую основу ОРД, следует нормативно определить виды средств электрической связи и оказываемых в рамках их реализации услуг по передаче информации, которые допустимо контролировать в рамках ПТП, а также смежных с ним ОРМ. Аналогичные законодательные уточнения, по мнению И. В. Смольковой, целесообразно закрепить и в уголовно-процессуальном законодательстве [16, с. 131—132], что позволит исключить ошибки в толковании правоприменителями норм, предусмотренных ст.ст. 185, 186 и 186.1 УПК.

В работах, посвященных исследованию описываемого ОРМ и следственного действия, обычно акцентируют внимание на следующих сходных признаках: проводятся по преступлениям средней тяжести, тяжким и особо тяжким преступлениям; непосредственное осуществление прослушивания и записи переговоров реализуется оперативно-техническими подразделениями органов внутренних дел или федеральной службы безопасности; максимальный срок проведения не должен превышать шести месяцев [5, с. 132].

Однако перечисленные сходства весьма условны, т. к. в каждом случае есть дополнительные особенности, на которые необходимо обращать внимание правоприменителю.

Согласно п.п. 1 и 2 ч. 2 ст. 8 ФЗ «Об ОРД» одним из условий проведения ПТП является, помимо наличия информации о преступлениях вышеуказанных категорий, тот факт, что расследование их относится к компетенции органов предварительного следствия[1]. Последнее является отличительным признаком ПТП. В рамках следственного действия КЗП возможно документировать телефонные и иные переговоры подозреваемых, обвиняемых и иных лиц, проходящих по уголовным делам, расследуемым как в форме предварительного следствия, так и в форме дознания. В этой связи должностные лица органов, осуществляющих ОРД, на момент принятия решения о необходимости проведения ПТП, в отличие от следователей и дознавателей, должны обращаться не только к нормам общей и особенной части уголовного закона, определяющих тяжесть конкретного преступления, но и к ч. 3 ст. 150 УПК, закрепляющей виды преступлений, предварительное расследование по которым относится к компетенции дознания.

[1] Это условие распространяется на все ОРМ, проведение которых требует разрешения суда.

На основе анализа ч. 3 ст. 150 УПК можно привести примеры преступлений средней тяжести, по которым проведение ПТП и других ОРМ, требующих судебного санкционирования, запрещено в связи с отнесением их к подследственности дознания — это первые части статей 150, 151, 161, 163, 166, 221, 222, 222.1, 223, 230, 232, 241 Уголовного кодекса Российской Федерации [20] (далее — УК РФ). Заметим, что проведение по данным преступлениям следственных действий, предусмотренных ст.ст. 185—186.1 УПК, разрешено.

Если представить наиболее эффективные алгоритмы действий оперуполномоченных по выявлению и документированию перечисленных преступлений, то в каждом случае вполне логичным видится необходимость проведения ОРМ, требующих судебного санкционирования, включая ПТП. Так, представим ситуацию, при которой гражданин обратился в полицию с заявлением о вымогательстве у него конкретным лицом денежных средств в размере, не превышающем 250 тыс. руб., при этом угрозы, например, о распространении позорящих потерпевшего сведений систематически поступают ему устно по телефону. При отсутствии сведений о применении в отношении заявителя насилия или группового характера преступления, в действиях вымогателя усматриваются признаки преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 163 УК РФ, предварительное расследование по которому должно производиться в форме дознания. В связи с этим оперуполномоченные не вправе провести для проверки информации такие, кажущиеся в данной ситуации самыми необходимыми, ОРМ, как снятие информации с технических каналов связи и прослушивание телефонных переговоров.

Приведенный пример указывает на то, что оперативно-розыскной закон значительно сужает возможности органов, осуществляющих ОРД, в сфере противодействия преступлениям, относящимся к компетенции дознания. В этой связи логичным выглядело бы сближение схожих инструментариев органов предварительного расследования и органов, осуществляющих ОРД. Для этого предлагаем:

1. Часть 2 ст. 8 ФЗ «Об ОРД» сформулировать следующим образом: «Проведение оперативно-розыскных мероприятий, которые ограничивают конституционные права человека и гражданина на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, передаваемых по сетям электрической и почтовой связи, а также право на неприкосновенность жилища, допускается на основании судебного решения и при наличии информации:

1) о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного преступления средней тяжести, тяжкого или особо тяжкого преступления;

2) о лицах, подготавливающих, совершающих или совершивших преступление средней тяжести, тяжкого или особо тяжкого преступления».

2. В целях исключения дублирования норм из ч. 4 ст. 8 ФЗ «Об ОРД» следует исключить первое предложение: «Прослушивание телефонных и иных переговоров допускается только в отношении лиц, подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений средней тяжести, тяжких или особо тяжких преступлений, а также лиц, которые могут располагать сведениями об указанных преступлениях».

Рассуждая об общих признаках рассматриваемого ОРМ и его аналога в виде следственного действия, не совсем верно говорить о том, что непосредственное осуществле-

ние ПТП и КЗП должно производится только с использованием сил оперативно-технических подразделений органов, осуществляющих ОРД [17, с. 195]. Согласно ч. 4 ст. 6 ФЗ «Об ОРД» данное правило, обязательно только в случаях проведения ПТП, связанных с подключением к стационарной аппаратуре предприятий, учреждений и организаций, предоставляющих средства и услуги связи[1]. В этой связи правоприменителю следует иметь в виду, что при наличии технической возможности прослушивания и фиксации телефонных разговоров без подключения к стационарной аппаратуре как ОРМ, так и следственное действие могут проводиться сотрудниками различных оперативных подразделений оперативно-розыскных органов и лицами, им содействующими.

Следует обратить внимание на срок проведения рассматриваемых юридических действий. Если для контроля и записи переговоров он может быть установлен до шести месяцев (ч. 5 ст. 186 УПК), то для ПТП время проведения «...не может превышать шести месяцев, если иное не указано в самом постановлении» (ч. 6 ст. 9 ФЗ «Об ОРД»). Таким образом, исходя из буквального толкования норм закона, суд может разрешить осуществление ПТП и на более длительный период [9, с. 129]. Законодательная неопределенность в продолжительности проведения ПТП представляется в качестве существенного пробела, бросающего тень на стройность и прозрачность правового института соблюдения прав и свобод граждан [21, с. 105—106], предусмотренных ст. 23 и 25 Конституции Российской Федерации [7]. В связи с этим целесообразно внести изменения в ч. 6 ст. 9 ФЗ «Об ОРД», исключив из нее словосочетание «если иное не указано в самом постановлении».

Помимо перечисленного есть целый ряд других особенностей ПТП и контроля телефонных и иных переговоров.

ПТП, в отличие от следственного действия, допустимо проводить как до возбуждения уголовного дела, так и после начала производства по нему. При этом факт проведения по уголовному делу контроля и записи переговоров не является препятствием для осуществления по нему одновременно рассматриваемого ОРМ. Данная позиция нашла отражение в Определении Конституционного Суда РФ от 15.07.2008 № 628-О-О [13].

В этом аспекте следует обратить внимание на практику использования правоохранительными органами рассматриваемых юридических действий. В частности, опрос оперативных сотрудников органов внутренних дел и сотрудников органов предварительного следствия системы МВД России и Следственного Комитета Российской Федерации, проходящих службу в Иркутской и Рязанской областях, а также республиках Бурятия и Башкортостан[2] показал, что в ходе расследования уголовных дел проведение контроля телефонных и иных переговоров, в сравнении с ПТП, производится в еди-

[1] Следует отметить, что в УПК такое правило не закреплено.

[2] Всего опрошено 75 сотрудников оперативных подразделений органов внутренних дел, из которых 14 являлись руководителями органов, осуществляющих ОРД, и 43 сотрудника органов предварительного следствия МВД России и Следственного комитета России, из которых 8 — руководители следственных органов.

ничных случаях[1]. При этом инициатива проведения по уголовному делу рассматриваемого ОРМ нередко исходит именно от следователей.

С учетом того, что результаты контроля и записи переговоров, в отличие от результатов ПТП, априори могут быть признаны такими видами уголовно-процессуальных доказательств, как протоколы следственных действий и вещественные доказательства, не совсем логичным кажется продолжающаяся тенденция единичных случаев проведения в указанных регионах рассматриваемого следственного действия в противовес распространенности осуществления схожего ОРМ.

Результаты упомянутого опроса позволили выявить основную причину сложившейся ситуации. Она обусловлена более сложной и продолжительной, в сравнении с порядком получения судебного разрешения на проведение ПТП, процедурой санкционирования судом рассматриваемого следственного действия. В частности, для того, чтобы следователю или дознавателю (далее — следователю) представить в суд ходатайство о производстве контроля и записи телефонных и иных переговоров, последний выполняет целый ряд операций, предусмотренных ст. 165 УПК, а также сложившейся практикой: согласование постановления с руководителем следственного органа или прокурором (для дознавателей); копирование и заверение материалов уголовного дела, обосновывающих необходимость и законность проведения следственного действия; составление описи представляемых материалов, их нумерование и прошивание. После непосредственной передачи ходатайства и приложенных материалов в суд последний должен единолично изучить их и вынести соответствующее постановление не позднее 24 часов [17, с. 189—191]. С учетом того, что указанные материалы рассматриваются в районах судах[2], дежурные судьи которых стабильно перегружены текущей работой, решение по ходатайству нередко выносится в последние часы установленных сроков. К тому же распространена практика, в ходе которой суд настаивает на участии в заседании, помимо прокурора, в том числе и следователя, заявившего ходатайство.

После получения судебного разрешения следователь обращается для проведения следственного действия с поручением, как правило, в оперативные подразделения, осуществляющие сопровождение уголовного дела. В случае успешности фактического осуществления следованного действия, при получении от органа, осуществляющего ОРД, фонограммы телефонных переговоров по факту ее осмотра и прослушивания составляется протокол. С учетом активного пользования в современной жизни гражданами телефонной связью количество и объем телефонных переговоров подозреваемых или обви-

[1] Например, согласно данным Судебного департамента Республике Бурятия (Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 12 месяцев 2017 г.), в судах республики Бурятия в 2017 г. рассмотрено 11 ходатайств о производстве рассматриваемого следственного действия, против 3297 удовлетворенных ходатайств о производстве ОРМ, ограничивающих конституционные права граждан на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, передаваемых по сетям электрической и почтовой связи.

[2] Исключения связаны только с компетенцией военных судов в сфере уголовного судопроизводства (см. ч. 2 ст. 165 УПК).

няемых, содержащихся в фонограммах, может быть значительным, что требует немалого времени для их фактического прослушивания.

Таким образом, осуществление перечисленных процедур отнимает у сотрудников органов предварительного следствия значительное количество рабочего времени.

Анализ норм ФЗ «Об ОРД» и правоприменительной практики указывает на то, что процедура получения в суде органом, осуществляющим ОРД, разрешения на проведение ПТП более простая, как правило, его непосредственного проведения.

Судья обязан рассматривать ходатайство органа, осуществляющего ОРД, о проведении ПТП единолично и незамедлительно. В случаях, которые не терпят отлагательства и могут привести к совершению тяжкого или особо тяжкого преступления, а также при наличии данных о событиях и действиях (бездействии), создающих угрозу национальной безопасности России допускается его проведение без судебного разрешения с последующим его получением (см. ч. 3 ст. 8 ФЗ «Об ОРД»). Следует отметить, что уголовно-процессуальный закон подобной возможности следователю не предоставляет, что выглядит нелогично. Исключением является проведение без судебного решения контроля телефонных и иных переговоров в качестве меры обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства, предусмотренной ч. 2 ст. 186 УПК [12, с. 19], аналог которой содержится и в ч. 6 ст. 8 ФЗ «Об ОРД». В этой связи в ст. 13 и ч. 5 ст. 165 УПК предлагаем внести соответствующие дополнения, предусматривающие право органов предварительного следствия на проведение, в случаях не терпящих отлагательств, контроля и записи переговоров, а также следственных действий, предусмотренных ст.ст. 185, 186.1 УПК, без получения судебного решения с последующим уведомлением суда и прокурора и оценкой ими правомерности проведения следственного действия.

Помимо постановления о проведении ПТП сотрудники оперативных подразделений, как правило, представляют в суд лишь обзорную справку, где кратко изложены основания для проведения ОРМ и дело оперативного учета, в рамках которого планируется осуществление мероприятия. Каких-либо копий из вышеуказанного дела в суд для приобщения к судебному делопроизводству оперуполномоченные не представляют. Сами оперативные материалы рассматриваются в большинстве своем в верховных судах субъектов Российской Федерации «специализированными» судьями, получившими в установленном порядке допуск к государственной тайне, в чьих должных обязанностях закреплено право рассматривать ходатайства оперативно-розыскных органов о проведении ОРМ. Последние зачастую менее загружены работой, в сравнении с судьями районных судов. Следует заметить, что в ряде регионах сложилась и до сих пор сохраняется практика, согласно которой текст постановления суда о проведении ПТП заранее готовится сотрудниками органов, осуществляющих ОРД. В тех случаях, когда суд принимает решение об удовлетворении ходатайства, ему достаточно подписать (заполнить) подготовленный шаблон и обеспечить заверение его гербовой печатью.

Упрощенный, в сравнении с контролем и записью переговоров, порядок получения разрешения на проведение ПТП является основным фактором, побуждающим следователей отказаться от проведения следственного действия, «делегировав» право собирать аудиальную информацию, передаваемую по телефонным линиям связи оперативным сотрудникам. С точки зрения теории уголовного процесса и криминалистики, опи-

санную практику вряд ли можно назвать правильной, ведь она приводит к замещению методов уголовного процесса. Насколько подобная подмена схожих по сути методов целесообразна судить практическим сотрудникам, опрос которых показал, что данная ситуация вполне устраивает следователей, т. к. это позволяет сэкономить им рабочее время в ходе производства предварительного следствия.

Следует обратить внимание на то, что встречается и другая практика, при которой после получения следователем разрешения суда на контроль телефонных и иных переговоров и дачи им поручения оперативным сотрудникам последние вновь получают разрешение суда уже в рамках ОРМ ПТП и представляют итоги контроля телефонных переговоров как результаты ОРМ [8, с. 75—78]. Подобное смешение процессуальных процедур выглядит не только нелогично, но и незаконно, т. к. происходит необоснованная замена уже начавшегося следственного действия на ОРМ [10, с. 161]. В этой связи подобная практика должна искореняться.

Применительно к следственному действию следует обратить внимание на то, что осмотр и прослушивание фонограммы, согласно ч. 7 ст. 186 УПК, следователь должен производить с участием специалиста (при необходимости), а также лиц, чьи телефонные и иные переговоры записаны. Если толковать указанную норму УПК буквально, то выходит, что следователь, получив от оперативных сотрудников в опечатанном виде носитель аудиозаписи телефонных переговоров, должен, прежде чем ее прослушать, пригласить лиц, разговоры которых записаны, например, обвиняемых. Естественно, что если расследование еще не закончено и контроль телефонных переговоров продолжается, то целесообразность дальнейшего проведения негласного, по своей сути, следственного действия во многих случаях теряется. В этой связи повсеместно указанная норма толкуется учеными и сотрудниками органов предварительного следствия расширительно, подразумевая не обязанность, а право стороны обвинения знакомить подозреваемых или обвиняемых с фонограммами телефонных переговоров на этапе их первичного осмотра и прослушивания [3].

Указанная позиция доминирует и в судебной практике [4], при этом отдельные судьи приводят следующие аргументы — «...то обстоятельство, что осужденные в ходе расследования дела не участвовали в осмотре дисков, не является основанием для признания их недопустимым доказательством, поскольку осужденные были ознакомлены с ними при выполнении требований ст. 217 УПК РФ» [1]. Однако встречаются единичные прецеденты, когда суд буквально трактует содержание указанной нормы закона. Например, Свердловский областной суд в одном из своих апелляционных определений отмечал, что протоколы осмотра и прослушивания фонограмм, приведенные в приговоре, подлежат исключению из числа доказательств, т. к. при производстве данного следственного действия не присутствовал обвиняемый, что является нарушением требований ч. 7 ст. 186 УПК [2].

Нельзя не согласиться с тем обстоятельством, что до завершения рассматриваемого следственного действия, как правило, нецелесообразно знакомить подозреваемого или обвиняемого с его результатами, однако, с точки зрения грамматики русского языка, в ч. 7 ст. 186 УПК допущена синтаксическая двузначность. В этой связи указанная коллизия должна быть устранена, для чего предлагается внести изменения в УПК, сформу-

лировав указанную норму следующим образом: «О результатах осмотра и прослушивания фонограммы следователь составляет протокол, в нем должна быть дословно изложена та часть фонограммы, которая, по его мнению, имеет отношение к данному уголовному делу. Необходимость участия в осмотре и прослушивании фонограммы специалиста, а также лиц, чьи переговоры записаны, определяется следователем. Лица, участвующие в осмотре и прослушивании фонограммы, вправе в том же протоколе или отдельно изложить свои замечания к протоколу».

Подводя общий итог, следует отметить, что исследование соотношения ПТП и контроля телефонных и иных переговоров позволило выявить целый ряд формальных правовых отличий указанных методов добываний информации, которые проявляются в процедурах проведения, категориях преступлений, для раскрытия которых допустимо их использование и др. Анализ выявленных особенностей позволяет сделать вывод, что многие из них обусловлены не столько различиями в сущности описанных методов, сколько несовершенством правового регулирования. Существенным пробелом, отрицательно влияющим на правовой институт соблюдения прав и свобод граждан, является то, что ни уголовно-процессуальное, ни оперативно-розыскное законодательство не дает четкого перечисления видов, контролируемых в рамках ПТП и КЗП, средств и услуг электрической связи. Устранение законодательных пробелов обусловит сближение данных методов, что положительно скажется на реализации принципа законности в ходе осуществляется оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной деятельности. Предложенные дополнения и изменений в УПК и ФЗ «Об ОРД» могут позволить оптимизировать проведение описанного ОРМ и следственного действия, сделав данные методы добывания информации более эффективными при использовании в борьбе с преступностью.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Апелляционное определение* Верховного Суда Российской Федерации от 2 февр. 2016 г. № 81-АПУ16-1 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://legalacts.ru/ sud/ apelliatsionnoe-opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-02022016-n-81-apu16-1/ (дата обращения: 19.12.2018).

2. *Апелляционное определение* Свердловского областного суда от 11 авг. 2016 г. по делу № 22-4769/2016 // Доступ из справочно-правовой системы «Консультант плюс» (дата обращения: 18.12.2018).

2. *Безлепкин Б. Т.* Краткое пособие для следователя и дознавателя. М: Проспект, 2011. 288 с. // Доступ из справочно-правовой системы «Консультант плюс» (дата обращения: 18.12.2018).

3. *Кассационное определение* Верховного Суда Российской Федерации от 15 авг. 2011 г. по делу № 45-011-82 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://sudact.ru/ vsrf/doc/1jk0OYQlhiUt/; *Апелляционное определение* Верховного Суда Российской Федерации 15 окт. 2013 г. дело № 70-АПУ13-8 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://sudact.ru/vsrf/doc/kV4bTLTiYcrx/ (дата обращения: 19.12.2018).

5. *Колосович М. С., Колосович О. С.* Контроль и запись переговоров — следственно-оперативное мероприятие? // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2010. № 3 (14). С. 130—134.

6. *Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу* Российской Федерации (постатейный) / под ред. Г. И. Загорского. М.: Проспект, 2016 // Доступ из справочно-правовой системы «Консультант плюс» (дата обращения: 19.12.2018).

7. Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 (ред. от 21.07.2014) // Рос. газета. 1993. № 237.

8. *Курысев К. Н., Ковалев С. Д., Полуянова Е. В*. О некоторых проблемах проведения следственного действия «контроль и запись переговоров» // Криминалистическое и процессуальное обеспечение расследования преступлений в уголовно-исполнительной системе: сб. матер. межвуз. науч.-практ. конф. 2017. С. 75—80.

9. *Маслов В. В*. Порядок судебного рассмотрения материалов об ограничении конституционных прав и свобод граждан при проведении оперативно-розыскных мероприятий // Рос. юрид. журн. 2011. № 2 (77). С. 122—130; *Цит. по: Железняк Н. С*. Использование положений оперативно-розыскного законодательства в обеспечении функций защиты // Проблемы осуществления функции защиты: матер. науч.-практ. конф. (1 июля 2005 г.). Красноярск, 2005. С. 37.

10. *Минисламов М. Н*. К вопросу о процессуальных и организационно-тактических особенностях контроля и записи переговоров обвиняемых (подозреваемых) в совершении преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков // Вестник Сибирского юридического института ФСКН России. 2016. № 2 (23). С. 159—163.

11. *Об оперативно-розыскной деятельности*: федер. закон Рос. Федерации от 12 авг. 1995 г. № 144-ФЗ (ред. от 06.07.2016) // СЗ РФ. 1995. № 33. Ст. 3349; 11.07.2016, № 28. Ст. 4558.

12. *Обеспечение безопасности участников уголовного судопроизводства*: учеб.-практ. пособ. / сост. А. В. Коршунов, В. Г. Степанова. Иркутск: ВСИ МВД России, 2017. 71 с.

13. *Определение Конституционного Суда РФ* от 15.07.2008 № 628-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Дудченко Владимира Николаевича на нарушение его конституционных прав частями второй и третьей статьи 8, частями первой, второй и четвертой статьи 9 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» // Доступ из справочно-правовой системы «Консультант плюс» (дата обращения: 18.12.2018).

14. *Семенцов В. А*. Следственные действия в досудебном производстве (общие положения теории и практике): моногр. Екатеринбург, 2006. 300 с.

15. *Сергеев С. М*. Оперативно-разыскное мероприятие «прослушивание телефонных переговоров»: некоторые проблемы и пути совершенствования // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2017. № 1 (15). С. 155—158.

16. *Смолькова И. В*. Контроль и запись телефонных переговоров как следственное действие // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2014. № 1 (5). С. 125—137.

17. *Стельмах В. Ю*. Следственные действия, направленные на получение сведений, передаваемых по средствам связи: моногр. Екатеринбург: Уральский юридический институт МВД России, 2015. 216 с.

18. *Ступницкий А. Е*. Особенности и значение поисковых признаков в деятельности оперативных подразделений по противодействию преступлениям экономической и коррупционной направленности // Евраз. юрид. журн. 2018. № 7 (122). С. 271—273.

19. *Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации* от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 23.04.2018) // СЗ РФ. 24.12.2001. № 52 (Ч. I). Ст. 4921; 30.04.2018. № 18. Ст. 2569.

20. *Уголовный кодекс Российской Федерации* от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 23.04.2018) // СЗ РФ. 17.06.1996. № 25. Ст. 2954; 30.04.2018. № 18. Ст. 2569.

21. *Шатохин И. Д.* Обеспечение права на тайну телефонных переговоров в оперативно-разыскной деятельности (по материалам Конституционного Суда Российской Федерации) // Алтайский юридический вестник. 2015. № 1 (9). С. 105—108.

22. *Шматов М. А., Шматов В. М.* Контроль и запись телефонных переговоров как следственное действие в соотношении с оперативно-разыскным мероприятием — прослушивание телефонных переговоров // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2017. № 1 (40). С. 117—121.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

1. Appellate decision of the Supreme Court of the Russian Federation of February 2, 2016 № 81-APU16-1. URL: http://legalacts.ru/sud/apelliatsionnoe-opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-02022016-n-81-apu16-1/ (date of access: 19.12.2018).

2. Appellate decision of the Sverdlovsk regional court of August 11, 2016 in case № 22-4769/2016 // Access from the legal reference system "Consultant plus" (date of access: 18.12.2018).

2. Bezlepkin B. T. Short guide for the investigator and the interrogating officer. Moscow: Prospect, 2011. 288 p. // Access from the legal reference system "Consultant plus" (date of access: 18.12.2018).

3. Cassation ruling of the Supreme Court of the Russian Federation of 15 August 2011 in case No. 45-011-82. URL: http://sudact.ru/vsrf/doc/1jk0OYQlhiUt/; the Appeal determination of the Supreme court of the Russian Federation on October 15, 2013 case no. 70-АПУ13-8 URL: http://sudact.ru/vsrf/doc/kV4bTLTiYcrx/ (date of access: 19.12.2018).

5. Kolosovich M. S., Kolosovich O. S. Control and record of conversaions — operational investigative action? // Bulletin of the Volgograd Academy of the MIA of Russia. 2010. № 3 (14). P. 130—134.

6. Commentary to the Criminal procedure code of the Russian Federation (article) / edited by G. I. Zagorsky. M.: Prospect, 2016 // Access from the legal reference system "Consultant plus" (date of access: 19.12.2018).

7. The Constitution of the Russian Federation of 12.12.1993 (as amended on 21.07.2014) // The Russian newspaper. 1993. № 237.

8. Kuryshev K. N., Kovalev S. D., Poluyanova E. V. On some problems of investigative measure "monitoring and recording of conversations" //Collection of materials of interuniversity scientific-practical conference "The Criminalistic and procedural assurance of the investigation of crimes in the criminal-executive system". 2017. P. 75—80.

9. Maslov V. V. The order of the judicial review of materials on the restriction of constitutional rights and freedoms of citizens during operational search activities // Russian legal journal. 2011. №. 2 (77). P. 122—130. Cited from: Zheleznyak N. S. Use of the operatively-search legislation in ensuring protection functions // Problems of the exercise of protection functions: materials of the research-pract. conf. (1 July 2005). Krasnoyarsk, 2005. P. 37.

10. Minislamov M. N. To the question of procedural and organizational-tactical features of the control and recording of conversations of the accused (suspected) of committing crimes in the sphere of illicit trafficking in drugs // Vestnik of Siberian law Institute f FDCS of *Russia*. 2016. № 2 (23). P. 159—163.

11. On the operative search activity: FL of the Russian Federation of 12 Aug. 1995 № 144-FL (ed. 06.07.2016) / / Collection of the Russian legislation. 1995. No. 33. St. 3349; 11.07.2016, № 28, Art. 4558.

12. Ensuring the safety of participants in criminal proceedings: workbook/ A. V. Korshunov, V. G. Stepanova. Irkutsk: ESI of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2017. 71 p.

13. Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of 15.07.2008 № 628-O-O "On refusal to accept the complaint of citizen Dudchenko Vladimir Nikolaevich on violation of his constitutional rights by the second and third parts of article 8, the first, second and fourth parts of article 9 of the Federal law "On operational-search activity" // Access from the legal reference system "Consultant plus" (date of access: 18.12.2018).

14. Sementsov V. A. Investigative actions in pre-trial production (General provisions of the theory and practice): monograph. Ekaterinburg, 2006. 300 p.

15. Sergeev S. M. Operational-investigative action "telephone conversation monitoring": some problems and ways of improvement // Investigation of crimes: problems and ways of their solution. 2017. No. 1 (15). P. 155—158.

16. Smolkova I. V. Control and recording of telephone conversations as an investigative action // Siberian criminal procedural and criminalistics readings. 2014. № 1 (5). P. 125—137.

17. Stelmakh V. Yu. Actions aimed at obtaining information transmitted by means of communication: monograph. Ekaterinburg: Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2015. 216 p.

18. Features and value of search signs in activity of operational divisions on counteraction to crimes of economic and corruption orientation // The Eurasian legal journal. 2018. № 7 (122). P. 271—273.

19. Criminal procedure code of the Russian Federation of 18.12.2001 № 174-FL (ed. 23.04.2018) / / Assembly of legislation of the Russian Federation, 24.12.2001, № 52 (part I), article 4921; 30.04.2018, № 18, article 2569.

20. Criminal code of the Russian Federation from 13.06.1996 № 63-FL (as amended on 23.04.2018) // collected legislation of the Russian Federation, 17.06.1996, № 25, article 2954; 30.04.2018, № 18, art. 2569.

21. Shatokhin I. D. Ensuring the right to secrecy of telephone conversations in operational and investigative activities (based on the materials of the Constitutional Court of the Russian Federation) // Altai Legal Bulletin. 2015. № 1 (9). P. 105—108.

22. Shmatov M. M., Shmatov V. M. Control and recording of telephone conversations as an investigative action in relation to operational-search event- telephone conversations monitoring // Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017. № 1 (40). P. 117—121.

УДК: 343.98
DOI: 10.24411/2312-3184-2019-00040

Можаева Ирина Павловна
Главный научный сотрудник
НИЦ Академии управления
МВД России
доктор юридических наук
E-mail: mirina-crim@yandex.ru

Крюченко Максим Сергеевич
Адъюнкт кафедры управления
органами расследования преступлений Академии управления
МВД России
E-mail: max2015ks@yandex.ru

Mozhaeva Irina Pavlovna
chief scientific officer of SIC
of Academy of Management of the Ministry
of Internal Affairs of the Russian Federation
doctor of law
E-mail: mirina-crim@yandex.ru

Kruchenko Maxim Sergeyevich
post graduate student of Department
of management of criminal
investigation bodies of Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation
E-mail: max2015ks@yandex.ru

РЕАЛИЗАЦИЯ ТАКТИЧЕСКИХ ОПЕРАЦИЙ И КОМБИНАЦИЙ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ДОЛЕВОГО УЧАСТИЯ В СТРОИТЕЛЬСТВЕ МНОГОКВАРТИРНЫХ ЖИЛЫХ ДОМОВ

Введение: в статье рассматривается современное состояние расследования преступлений в сфере долевого участия в строительстве, с акцентированием внимания на эффективности работы по возмещению причиненного материального ущерба; анализируются позиции ученых относительно понятия и сущности тактической операции и комбинации; приводятся примеры тактических операций и комбинаций, цель которых является отыскание наиболее эффективного способа решения конкретной задачи; обозначаются примеры успешной реализации тактической операции в следственной деятельности; приводится алгоритм действий сотрудников следственных, оперативных подразделений и иных лиц при реализации тактической операции «Возмещение причиненного материального ущерба».

Материалы и методы: эмпирическую базу исследования составили результаты анализа 20 уголовных дел о преступлениях, совершенных в сфере долевого участия в строительстве, а также статистическая информации, отраженная в обзоре Следственного департамента МВД России.

Методологическую основу исследования составил общий диалектический метод познания, способствующий системному и разноаспектному рассмотрению специфики

совершения преступлений в сфере долевого участия в строительстве. Кроме того, в процессе исследования применялись методы описания, обобщения, сравнения.

Результаты исследования: преступления в сфере долевого участия в строительстве имеют свои специфические особенности, отличающие их от большинства иных противоправных деяний. Именно при реализации тактических операций и комбинаций необходимо учитывать указанные особенности, которые могут предопределить исход данных мероприятий.

Выводы и заключения: в целях повышения эффективности расследования преступлений в сфере долевого участия в строительстве, необходимо более эффективно и целенаправленно применять возможности тактических операций и комбинаций, делая акцент на успешном сочетании следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий.

Ключевые слова: преступление, долевое участие в строительстве, статистические данные, органы предварительного следствия, возмещение причиненного материального ущерба, тактическая операция, тактическая комбинация, следователь, алгоритм действий.

IMPLEMENTATION OF TACTICAL OPERATIONS AND COMBINATIONS IN THE INVESTIGATION OF CRIMES IN THE FIELD OF EQUITY PARTICIPATION IN THE CONSTRUCTION OF APARTMENT BUILDINGS

Introduction: the article deals with the current state of investigation of crimes in the field of equity participation in construction, with the emphasis on the effectiveness of work on compensation for material damage; positions of scientists on the concept and essence of tactical operations and combinations are analyzed; examples of tactical operations and combinations the purpose of which is to find the most effective way to solve a specific problem are provided; examples of successful implementation of tactical operations in investigative activities are given; the algorithm of actions of employees of investigative, operational divisions and other persons at implementation of tactical operation "Compensation of the caused material damage" is given.

Materials and methods: results of the analysis of 20 criminal cases of crimes committed in the field of equity participation in construction, as well as statistical information reflected in the review of the Investigative Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia became the empirical basis of the study.

General dialectical method of cognition contributing to the systematic and multi-aspect consideration of the specifics of crimes in the field of equity participation in construction has become the methodological basis of the study. In addition, the methods of description, generalization, comparison were used in the study.

Results: crimes in the field of equity participation in construction have their own specific features that distinguish them from other illegal acts. One must take into account these features, which can determine the outcome of these activities in the implementation of tactical operations and combinations.

Summary and conclusions: in order to improve the efficiency of the investigation of crimes in the field of equity participation in construction, it is necessary to apply capabilities of tactical operations and combinations more effectively and purposefully, focusing on the successful combination of investigative actions and operational investigative measures.

Keywords: crime, share participation in construction, statistical data, preliminary investigation bodies, compensation for material damage, tactical operation, tactical combination, investigator, algorithm of actions.

Строительство административных зданий и сооружений, жилых домов является неотъемлемой частью развития современного общества, на которые государство и частные организации расходуют значительную часть своего бюджета. Хищение денежных средств, выделенных на реализацию поставленных целей, присвоение и растрата денежных средств, мошенничество в строительной сфере, злоупотребление должностными полномочиями и другие виды преступлений, совершенных в сфере долевого участия в строительстве многоквартирных жилых домов, наносят существенный вред государству и обществу в целом. В этой связи важно консолидировать усилия правоохранительных и иных органов, направленные на противодействие преступным проявлениям в сфере долевого участия в строительстве.

Первостепенная роль в эффективной организации расследования уголовных дел указанной категории отводится согласованному взаимодействию правоохранительных, контролирующих, надзорных органов, целью которого является решение задач уголовного судопроизводства, в том числе обеспечение возмещения причиненного материального ущерба. Однако организовать плодотворное взаимодействия крайне сложно, что является существенным препятствием успешному расследованию данных преступлений, число которых на сегодняшний день остается значительным.

Так, в 2017 г. в производстве следственных подразделений территориальных органов МВД России находилось 411 уголовных дел (без учета соединенных) о преступлениях, связанных с долевым участием в строительстве. Из них в суд для рассмотрения по существу направлено 98 уголовных дел, по которым признано потерпевшими 5816 граждан [13]. Более половины уголовных дел остались нераскрытыми. Это свидетельствует о наличии проблем (недостатков, просчётов) в организации расследования преступлений в сфере долевого участия в строительстве, существующих на этапе производства предварительного следствия.

Кроме того, за 2017 г. приостановлено по ч. 1 ст. 208 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации 22 уголовных дела, ущерб по которым составил 20 млрд руб. Наложен арест на имущество, добровольно погашено, изъято имущества, денег и ценностей на общую сумму около 35 млн. руб., что составило 0,2 % от общего количества причиненного ущерба по приостановленным уголовным делам [13]. Доля возмещенного материального ущерба несоизмеримо мала по сравнению с причиненным.

Именно проблема возмещения причиненного ущерба является наиболее актуальной на сегодняшний день для лиц, пострадавших от противоправного деяния, а ее решение является приоритетной задачей органов предварительного следствия.

К сожалению, данный вопрос не имеет достаточного научного освещения и является сложно разрешимым на практике, что представляет значительные проблемы в обеспечении законных прав и свобод лиц, пострадавших от преступления. Устранение указанных недостатков возможно путем повышения эффективности организации взаимодействия при проведении комплекса следственных действий, оперативно-розыскных и иных мероприятий, в рамках реализации тактической операции и комбинации.

Проблема тактических комбинаций и операций в досудебном производстве активно исследовалась в последние три десятилетия прошедшего века такими известными учеными, как В. П. Бахин, О. Я. Баев, Р. С. Белкин, И. Е. Быховский, Л. Я. Драпкин, А. В. Дулов, И. М. Комаров, В. И. Шиканов и др.

Важную роль в становлении учения о тактических операциях сыграло предложение А. В. Дулова. Суть данного предложения выражалась в том, что на определенном уровне развития следственной тактики возникает необходимость разрабатывать не только тактические рекомендации по проведению отдельных следственных действий, но и рекомендации для оптимального решения задач общего характера. Эти общие задачи, требующие для своего разрешения проведения группы следственных, оперативно-розыскных, ревизионных действий, объединяются в понятие «тактическая операция» [7].

Сегодня в теории и на практике наблюдается «плюрализм» мнений относительно наименования и содержания понятия «криминалистическая операция». Ученые предлагают следующие наименования: «тактическая операция», «тактическая комбинация», «оперативно-тактическая комбинация», «тактическая операция (комбинация)». На наш взгляд, более приемлемым является термин «криминалистическая операция».

Еще в 1976 г. с попыткой анализа эффективности использования тактической операции, уяснения понятия и сущности тактической операции выступили Л. Я. Драпкин [6, с. 54] и В. И. Шиканов [16], которые по-разному определяли цель тактической операции, но сходились во мнениях, что она представляет собой комплекс уголовно-процессуальных и непроцессуальных действий. Позже А. В. Дулов сформулировал более полное, на наш взгляд, определение тактической операции, где акцент ставился на решение такой тактической задачи, которая не может быть завершена успешно производством по делу отдельными следственными действиями [8, с. 44].

Анализ точек зрения ученых позволяет заключить, что *криминалистическая операция* представляет собой комплекс процессуальных, следственных действий, оперативно-розыскных, организационных и иных мероприятий, разрабатываемых и производимых по единому плану под руководством следователя с целью эффективного выявления, раскрытия и расследования преступлений.

В криминалистической литературе наряду с термином «криминалистическая операция» употребляются и словосочетания «тактическая комбинация», «криминалистическая комбинация». Одни авторы, не усматривая существенных различий между указанными терминами, их отождествляют. Анализируя значения термина «комбинация» [14, с. 1230], отметим, что он включает в себя более сложные и многоаспектные элементы.

Многие учёные-криминалисты допускают самостоятельное существование тактических комбинаций. Однако, признавая самостоятельность тактических комбинаций, авторы поразному подходят к разрешению этого вопроса. Так, А. В. Дулов, раскрывая понятие тактической комбинации, писал, что «под этим термином следует понимать разновидность тактической операции, где используется совокупность следственных действий (иногда с привлечением и оперативных действий), направленных на реализацию отдельного тактического приема» [8, с. 45].

Р. С. Белкин рассматривал тактическую комбинацию в трёх аспектах: в определенном сочетании тактических приемов; в определенном сочетании следственных действий в рамках одного акта расследования; в сочетании одноименных или разноименных действий [2, с. 128—128]. Им был предложен термин «криминалистическая комбинация», обозначающий определенное сочетание тактических приемов или следственных действий, преследующее цель решения конкретной задачи расследования и обусловленное этой целью и следственной ситуацией [1, с. 145].

В. В. Степанов справедливо полагает, что понятие тактической операции шире, чем понятие «тактическая комбинация», и определяет последнюю одним из факультативных структурных элементов тактической операции [15, с. 472]. Криминалистическая комбинация в отдельных случаях расследования может осуществляться в рамках проведения криминалистической операции.

Резюмируя изложенное, можно определить, что *криминалистическая комбинация* представляет собой совокупность тактических приемов, реализуемых в ходе проведения одного следственного действия, или совокупность следственных действий, направленных на эффективную организацию выявления, раскрытия и расследования преступлений.

На протяжении всего периода становления и развития криминалистической тактики при производстве следственных действий использовались разнообразные тактические приемы с целью оказания воздействия на участников уголовного судопроизводства. Не говоря уже о том, что с масштабным развитием организованной, транснациональной, «беловоротничковой» преступности, невозможно обойтись без реализации сложных тактических операций и комбинаций, где возможно применение всех хитростей, не противоречащих закону. В этой связи не потеряла свою актуальность точка зрения В. Н. Болтнева и Ю. И. Лаврова, которые писали: «следователи могут и должны использовать при производстве следственных действий тактические преимущества, применять определенные «психологические хитрости» [3].

В криминалистической литературе зачастую рассматривались особенности организации тактических операций и комбинаций, суть которых заключается в отыскании наиболее эффективного способа и метода решения конкретной задачи. Результаты данных исследований могут быть применимы при расследовании преступлений в сфере долевого участия в строительстве многоквартирных жилых домов. Представляется, что при осуществлении тактических операций и комбинаций, взаимодействие между ее субъектами выходит на иной уровень, позволяющий наиболее эффективно решать поставленные задачи.

В этой связи в целях оптимизации расследования преступлений в сфере долевого участия в строительстве многоквартирных жилых домов следует использовать возможности таких *тактических операций,* как: 1) «Документы», представляющую собой совокупность следственных действий, оперативно-розыскных мероприятий, объединенных общей целью — отыскание, закрепление, изъятие и обеспечение сохранности документов, имеющих доказательственное значение для уголовного дела в сфере экономики[1][4]; 2) «Тактическое взаимодействие на этапе раскрытия преступления», основанную на тактическом взаимодействии процессуальных участников при руководящей роли следователя [9] и др.

Необходимо использовать возможности: *оперативно-тактической комбинации исследовательского характера,* которая имеет своей целью исследование доказательств, полученных в ходе предварительной проверки материала; *оперативно-тактической комбинации информационного характера*, аккумулирующей в себе действия, направленные на установление взаимосвязи и взаимозависимости следов, оставленных на мете преступления, и сведений, полученных в ходе проведения иных проверочных мероприятий; *оперативно-тактической комбинации доказательственного характера,* направленной на собирание доказательств, полученных в результате поступившей информации на первоначальном этапе расследования [11].

Особое значение имеет тактическая комбинация «Допрос подозреваемого», заключающаяся в наиболее эффективном сочетании тактических приемов и основных вопросов по обстоятельствам, подлежащим установлению (доказыванию) с целью получения правдивых показаний подозреваемого в рамках расследуемого уголовного дела [10].

Анализируя позиции ученых-криминалистов, а также сущность и цели вышеуказанных тактических операций и комбинаций, отметим, что проблема возмещения причиненного материального ущерба, которая является наиболее актуальной в свете решения задач уголовного судопроизводства и обеспечения законных прав и свобод лиц, пострадавших от преступления, в полной мере не может быть решена путем проведения исключительно тактических комбинаций. Учитывая криминалистическую сложность расследования преступлений в сфере долевого участия в строительстве на всех его этапах, применение тактических операций представляется более эффективным и обоснованным.

Примером успешной реализации тактической операции «Документы» при расследовании преступлений данной категории может служить уголовное дело № 30032, возбужденное 23.05.2016 по признакам преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 201 УК РФ в отношении гражданина М, — директора ООО «А». В результате грамотно спланированных и проведенных следственных действий, оперативно-розыскных мероприятий, бухгалтерских и строительно-технических судебных экспертиз получены доказательства нецелевого расходования гражданином М. денежных средств. Установлено, что при строительстве данного дома застройщиком выполнены работы на сумму 157 млн

[1] На наш взгляд, Годовникова А. М. допускает неточность, используя в данном случае понятие тактической комбинации, поскольку речь идет о совокупности следственных, оперативно-розыскных мероприятий, что, исходя из позиций ученых, является тактической операцией.

611 тыс. 483 руб., а стоимость строительных работ, которые необходимо выполнить для ввода дома в эксплуатацию, составляет 89 млн 825 тыс. 199 руб. По результатам расследования М. предъявлено обвинение в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 201 УК РФ.

Зачастую при расследовании уголовных дел невозможно реализовать одну из основных задач уголовного судопроизводства (возмещение причиненного материального ущерба) именно по причине упущенного фактора внезапности и планомерности производимого расследования по уголовным делам в сфере долевого участия в строительстве.

Например, в производстве СУ УМВД России по г. Челябинску находится уголовное дело № 11701750001003830, возбужденное 30.03.2017 по факту хищения денежных средств 89 граждан под предлогом долевого участия в строительстве многоквартирного жилого дома застройщиком ООО «Г», в результате которого причинен ущерб в сумме 75 млн руб. Руководителю фирмы застройщика предъявлено обвинение в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ. В целях установления имущества, на которое может быть наложен арест, в обеспечение гражданского иска, других имущественных взысканий или возможной конфискации имущества, произведены обыски в помещениях ООО «Г», по месту жительства руководителя и главного бухгалтера, истребованы сведения из ГИБДД, ГИМС, Гостехнадзора, Управления Росреестра, БТИ, ФНС и ПФР. Однако имущества или иных ценностей не установлено. Вместе с тем, для исключения возможности распоряжения земельным участком и объектом строительства, на которые расходовалась часть денежных средств потерпевших, обеспечительные меры следствием не принимались.

Вышеуказанная ситуация формирует предпосылки и способствует протестной активности участников долевого строительства, что приводит к дестабилизации общественно-политической обстановки. С целью минимизации последствий указанных случаев, а также эффективного решения задач уголовного судопроизводства считаем возможным предложить алгоритм действий сотрудников следственных, оперативных подразделений и иных лиц, входящих в состав следственно-оперативной группы при планировании и реализации тактической операции «Возмещение причиненного материального ущерба».

Планирование данной тактической операции необходимо начинать с мероприятий, направленных на получение первоначальной информации о преступлении и о лицах, его совершивших, включающих:

1. Сбор информации в отношении лиц, совершивших преступление, который на практике проводится только путем направления письменных запросов в органы государственной власти. Этот подход не может в достаточной степени удовлетворить требованиям первоначального этапа расследования, поскольку является формальным. Помимо направления запросов, необходимо провести опрос лиц, проживающих в соседних домах с подозреваемыми (обвиняемыми), установить состав семьи, наличие малолетних и несовершеннолетних детей. После получения сведений о наличии имущества, допросить сотрудников Федеральной службы кадастра и картографии, проводивших операции с недвижимостью.

2. Сбор информации о наличии имущества подозреваемых сотрудниками органами предварительного следствия очень часто ограничивается лишь направлениями запросов в Федеральную службу кадастра и картографии, инспекцию по маломерным судам, ГИБДД, банки, налоговую службу, службу судебных приставов, нотариальную палату, а также в Федеральную службу финансового мониторинга. В этой связи, параллельно с направленными запросами, необходимо допросить сотрудников организации об имущественном положении подозреваемых. Указанную информацию также возможно получить путем допроса близких знакомых подозреваемых, соседей, а также иных лиц, с которыми лица, совершившие преступление, имели деловые контакты и остались в конфликтных отношениях.

Учитывая важность установления суммы причиненного материального ущерба по преступлениям в сфере долевого участия в строительстве, следователю необходимо на первоначальном этапе расследования консолидировать усилия на определение размера ущерба и вреда, причиненного преступлением [5, с. 78]. С данным мнением трудно не согласиться, однако вызывает сомнение сама возможность определения размера ущерба на первоначальном этапе без применения специальных знаний в области экономики и бухгалтерии. Авторская позиция обосновывается тем, что для решения данной задачи следователю необходимо провести комплекс следственных и процессуальных действий, направленных на получение документальной информации о суммах внесенных денежных средств. Определить же сумму причиненного материального ущерба и вреда возможно путем производства судебно-бухгалтерской экспертизы, а это уже не первоначальный этап расследования.

3. Сбор информации о месте производства комплекса следственных действий, которые реализуются в рамках тактической комбинации (обыск, выемка, допрос и др.). Как правило, особенности мест производства следственных действий неоправданно остаются без внимания органов предварительного следствия, и причины этому различны (ограниченность во времени; ошибки, упущения следователей; загруженность другими уголовными делами и т. д.). При проведении указанных следственных действий по преступлениям в сфере долевого участия в строительстве необходимо владеть информацией о: географическом месторасположении места производства следственных действий, его доступности, режиме работы организации, количестве сотрудников организации, защищенности организации и информационной безопасности организации. Иногда особенности места производства следственных действий оказывают решающее значение на результат его проведения.

Считаем, что в процессе анализа полученной информации необходимо обращать внимание не только на название и содержание документации, но и на мельчайшие подробности, которые следует обнаруживать при детальном осмотре. Собрав и проанализировав информацию о месте совершения преступления, о личном и имущественном положении подозреваемых, следователь приступает к реализации следующего этапа тактической операции.

Данный этап необходимо начинать с допросов участников долевого строительства и выемки у них документов, подтверждающих юридические отношения со строительной организацией. В ходе допроса следует выяснять: каким образом потерпевший выбрал

данную строительную организацию; по чьей рекомендации обратился; по какому адресу располагалась указанная организация в момент первого обращения в нее и где находилась в последующем; каковы особенности здания, в котором находилась строительная организация; сколько сотрудников она насчитывала; сколько непосредственно работало с потерпевшим; кто из сотрудников организации знакомил потерпевшего с разрешительной документацией (если она запрашивалась покупателем); кто составлял договор долевого участия в строительстве; кто от имени организации подписывал его; какие сроки окончания строительства предусматривал договор; кто принимал денежные средства, каким образом, выдавался ли соответствующий документ, подтверждающий принятие денежных средств и т. д.

Важным тактическим приемом является одновременный допрос руководителей строительной организации и участников долевого строительства. Первый целесообразно проводить руководителю следственно-оперативной группы, как наиболее опытному и подготовленному следователю. Второй может проводиться участниками группы по заранее разработанным шаблонным вопросам, подлежащим выяснению. После окончания допроса руководителей строительных организаций (учредителя, соучредителя, генерального директора, директора), необходимо в кратчайшее время вынести постановление о производстве обыска и обеспечить направление отдельных следственно-оперативных групп по месту фактического и юридического нахождения организации. Кроме этого целесообразно вынести постановление о производстве обыска в случаях, не терпящих отлагательств, по местам регистрации и проживания руководителей организаций. Отметим, что указанный комплекс мероприятий нужно проводить одновременно для достижения максимального результата. При этом целью проведения одновременных следственных действий будет являться не только получение доказательственной информации, но и, как отмечалось выше, установление имущества подозреваемых.

Закончив проведение указанных мероприятий, следователь приступает к наложению ареста на имущество. Эти процессуальные действия необходимы не только для получения участниками долевого строительства возможности возмещения причиненного ущерба и вреда, но и для снижения протестной активности граждан, в случае невозможности или недостаточного возмещения причиненного ущерба и вреда.

Необходимость разработки алгоритма проведения тактической операции «Возмещение причиненного материального ущерба» вызвана, прежде всего, недостатками (сложности, ошибки) в деятельности органов предварительного следствия по выявлению, расследованию, предупреждению преступлений в сфере долевого участия в строительстве. Полагаем, что предложенный алгоритм будет способствовать не только оптимизации усилий органов предварительного следствия по организации расследования преступлений в сфере долевого участия в строительстве, но и наиболее эффективному взаимодействию между органами исполнительной власти.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Белкин Р. С.* Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. От теории к практике / Р. С. Белкин. М.: Юрид. лит., 1987. 270 с.

2. *Белкин Р. С.* Курс советской криминалистики. В 3-х тт. Т. 3. / Р. С. Белкин. М.: Юристъ, 1997. 408 с.

3. *Болтнев В. Н., Лавров Ю. И.* О «психологических хитростях» в следственной тактике / В. Н. Болтнев, Ю. И. Лавров // Следственная практика. 1966. № 71. С. 63—72.

4. *Годовникова А. М.* Классификация тактических комбинаций, используемых при раскрытии и расследовании преступлений в сфере экономики / А. М. Годовникова // Территория науки. Воронеж: Воронежский ЦНТИ — филиал ФГУ «Объединение «Росинформресурс» Минпромэнерго России. 2014. № 2. С. 154—163.

5. *Дешук А. В., Яскевич А. В.* Криминалистическое обеспечение расследования хищений в сфере строительства: моногр. / А. В. Дешук, А. В. Яскевич. Минск: Академия МВД Р-ки Беларусь, 2017. 146 с.

6. *Драпкин Л. Я.* Особенности информационного поиска в процессе расследования и тактика следствия / Л. Я. Драпкин // Проблемы повышения эффективности предварительного следствия: тезисы научно-практической конференции. Л., 1976. С. 54.

7. *Дулов А. В.* О разработке тактических операций при расследовании преступлений / А. В. Дулов // 50 лет советской прокуратуры и проблемы совершенствования предварительного следствия. Л., 1972. С. 23—24.

8. *Дулов А. В.* Тактические операции при расследовании преступлений / А. В. Дулов. Минск: Изд-во БГУ, 1979. С. 44.

9. *Комаров И. М., Жукова Н. А., Косолапова Н. А., Пономаренко Н. Ю.* Тактическая операция «Тактическое взаимодействие на этапе раскрытия преступления» и типовая модель ее реализации / И. М. Комаров, Н. А. Жукова, Н. А. Косолапова, Н. Ю. Пономаренко // Правовая политика и правовая жизнь: гл. ред. А.В. Малько. Саратов, 2018. № 1 (71). С. 88—92.

10. *Кузнецов А. А., Лаврентьева Г. А.* Тактическая комбинация «Допрос подозреваемого» при расследовании коммерческого подкупа // Актуальные проблемы уголовной и уголовно-процессуальной политики Российской Федерации: матер. Междунар. науч.-практ. конф. Омск, 24 марта 2016 г. Омск: Омская академия МВД России, 2017. С. 149—154.

11. *Лобунец Е. С., Мерецкий Н. Е.* Оперативно-тактические комбинации, реализуемые на этапах расследования преступлений // Правовые, социально-гуманитарные и экономические проблемы в фокусе научных исследований: матер. всерос. науч.-практ. конф. Хабаровск, 12 нояб. 2016 г. Хабаровск: Дальневост. гос. ун-т путей сообщения. 2016. С. 71—78.

12. Можаева И. П. Криминалистическое учение об организации расследования преступлений: формирование и перспективы развития: моногр. / И. П. Можаева. М.: Юрлитинформ, 2018. 352 с.

13. Обзор деятельности органов предварительного следствия в системе МВД России по противодействию преступлениям в сфере долевого участия в строительстве многоквартирных домов. М.: Следственный департамент МВД России, 2017.

14. *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка / Российская академия наук, Институт русского языка им. В. В. Виноградова. М.: Азбуковник, 1997.

15. *Степанов В. В.* Избранные научные работы. В 2-х тт. Т. 1. / В. В. Степанов. Саратов: ООО «Тип. Регион», 2013. 479 с.

16. Шиканов В. И. Разработка теории тактических операций — важнейшее условие совершенствования методики расследования преступлений // Методика расследования преступлений (общие положения): матер. науч.-практ. конф. Одесса, ноябрь 1976 г. М., 1976. С. 156—157.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

1. Belkin R. S. Criminalistics: problems, trends, prospects. From theory to practice / R. S. Belkin, M.: Legal literature, 1987. 270 p.

2. Belkin R. S. Course of Soviet criminology. In 3 v. V. 3. / R. S. Belkin. M.: Yurist, 1997. 408 p.

3. Boltnev V. N., Lavrov Y. I. About "psychological tricks" in the investigation tactics / V. N. Boltnev, Y. I. Lavrov // Investigation practice. 1966. № 71, pp. 63—72.

4. Gadovnikova A. M. Classification of tactical combinations used in the detection and investigation of crimes in sphere of economy / A. M. Gadovnikova // Territory of science. Voronezh: Voronezh SNTI is a branch of the Federal State University "Association "Rosinformresurs" of the Ministry of Energy of Russia. 2014. № 2, pp. 154—163.

5. Deshuk A. V. Yaskevich A. V. Criminalistic support of investigations of theft in the construction sector: monograph / A. V. Deshuk, A. V. Yaskevich. Minsk: Academy of the MIA of the Republic of Belarus, 2017. 146 p.

6. Drapkin L. Ya. Features of information retrieval in the process of investigation and tactics of investigation / L. Ya. Drapkin // Problems of improving the effectiveness of the preliminary investigation: theses of the scientific and practical conference. L., 1976, p. 54.

7. Dulov A. V. On the development of tactical operations in the investigation of crimes / A. V. Dulov // 50 years of the Soviet Prosecutor's office and the problem of improving the preliminary investigation. L., 1972, pp. 23—24.

8. Dulov A. V. Tactical operations in the investigation of crimes / A. V. Dulov. Minsk: Publishing House of BSU, 1979, p. 44.

9. Komarov I. M., Zhukova N. A., Kosolapova N. A., Ponomarenko N. Yu. Tactical operation "Tactical interaction at the stage of crime detection" and a typical model of its implementation / I. M. Komarov, N. A. Zhukova, N. A. Kosolapova, N. Yu. Ponomarenko // Legal policy and legal life: editor A. V. Malko. Saratov. 2018. № 1 (71), pp. 88—92.

10. Kuznetsov A. A., Lavrentieva G. A. Tactical combination "Interrogation of the suspect" in the investigation of commercial bribery // Actual problems of criminal and criminal procedure policy of the Russian Federation: proceedings of the international scientific and practical conference. Omsk, March 24, 2016. Omsk: Omsk Academy of the MIA of Russia, 2017, pp 149—154.

11. Lobunets E. S., Meretsky N. E. Operational and tactical combinations implemented at the stages of crime investigation // Legal, social, humanitarian and economic problems in the focus of scientific research: materials of the all-Russian scientific and practical conference. Khabarovsk, 12 November 2016. Khabarovsk: Far Eastern State Transport University. 2016, pp. 71—78.

12. Mozhaeva I. P. Criminalistic doctrine of the organization of crime investigation: formation and prospects of development: monograph / I. P. Mozhaeva. M.: Yurlitinform. 2018. 352 p.

13. Review of the activities of the preliminary investigation in the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia to counter crimes in the field of equity participation in the construction of apartment buildings. Moscow: Investigative Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2017.

14. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. Explanatory dictionary of the Russian language / Russian Academy of Sciences, Russian language Institute named after V. V. Vinogradov. M.: Azbukovnik, 1997.

15. Stepanov V. V. Selected scientific works. In 2 volumes. Vol.1. / V. V. Stepanov. Saratov: OOO "Typography Region". 2013. 479 p.

16. Shikanov V. I. Development of the theory of tactical operations is the most important condition for improving the methods of investigation of crimes // Methods of investigation of crimes (general provisions): materials of scientific and practical conference. Odessa, November 1976. M., 1976, pp. 156—157.

УДК: 343.98
DOI: 10.24411/2312-3184-2019-00041

Муравьев Кирилл Владимирович
начальник кафедры криминалистики
Омской академии МВД России
доктор юридических наук, доцент
E-mail: murki@list.ru

Muravyov Kirill Vladimirovich
Head of the Department of Forensics
Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Doctor of Law, Associate Professor
E-mail: murki@list.ru

Ермаков Михаил Геннадьевич
старший преподаватель кафедры криминалистики
Омской академии МВД России
кандидат юридических наук
E-mail: mgermakov@yandex.ru

Ermakov Mikhail Gennadievich
Senior Lecturer, Department of Forensics
Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia
candidate of law
E-mail: mgermakov@yandex.ru

СОВРЕМЕННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ СУДЕБНО-КОМПЬЮТЕРНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ И МЕРЫ ПО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ ПРАКТИКИ ЕЁ НАЗНАЧЕНИЯ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ «ДИСТАНЦИОННЫМ» СПОСОБОМ

Введение: масштабная информатизация общества затрагивает все сферы общественной жизни. Современная преступность активно вовлечена в этот процесс. Все чаще преступления в сфере незаконного оборота наркотиков совершаются с использованием компьютерных технологий. В свою очередь, такие преступления не могут быть расследованы в полной мере без помощи экспертов, которые обладают специальными знаниями в указанной сфере. В этих условиях возрастает роль и значение судебно-компьютерной экспертизы.

Материалы и методы: материалами исследования явились нормативно-правовые акты, регламентирующие порядок назначения и проведения исследования электронных носителей информации, научные публикации и методические рекомендации, а также судебная и следственная практика по исследуемой теме. При написании статьи использовались нормативно-логический, формально-юридический и другие методы.

Результаты исследования: в статье проведен анализ теоретических положений в части определения понятийного аппарата, описаны возможности специализированных технических средств и программных комплексов, используемых в экспертных подразделениях МВД России, изучены материалы следственной и судебной практики при назна-

чении и проведении судебно-компьютерных экспертиз по делам, связанным с незаконным оборотом наркотиков «дистанционным» способом, определены основания для назначения и производства указанных исследований, предложен перечень вопросов.

Выводы и заключения: необходимо формировать четкую технологию, методологию и методику экспертного исследования в рамках судебно-компьютерной экспертизы. Нарастание количества преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и их специфика требует не только привлечения к предварительному расследованию лиц, обладающих специальными знаниями в области информационно-вычислительных технологий и информационно-вычислительной техники, но и совершенствование методов и форм производства компьютерных исследований, а также развития системы экспертных учреждений. Это расширит возможности при выявлении, доказывании и пресечении наркопреступности.

Ключевые слова: судебно-компьютерная экспертиза, наркотические средства, психотропные вещества, незаконный сбыт, экспертные учреждения, криминалистические исследования.

MODERN POSSIBILITIES OF COMPUTER FORENSICS AND STEPS TO IMPROVE THE PRACTICE OF ITS PURPOSE IN THE INVESTIGATION OF CRIMES CONNECTED WITH ILLICIT TRAFFICKING IN NARCOTIC DRUGS "REMOTE" WAY

Introduction: Large-scale informatization of society affects all spheres of public life. Modern crime is actively involved in this process. Increasingly, drug trafficking crimes are committed using computer technology. In turn, such crimes cannot be fully investigated without the help of experts who have special knowledge in this area. In these conditions, the role and importance of forensic computer expertise increases.

Materials and methods: the materials of the study were legal acts regulating the procedure for the appointment and conduct of research of electronic media, scientific publications and guidelines, as well as materials of judicial and investigative practice on the topic under study. When writing the article we used normative-logical, formal-legal and other methods.

Results: the article analyzes the theoretical provisions in terms of the definition of the conceptual apparatus, it also describes the possibilities of specialized hardware and software used in the expert units of the Ministry of Internal Affairs of Russia/ the author studied the materials of investigative and judicial practice in the appointment and conduct of forensic computer examinations in cases related to drug trafficking "remote" method, identified the grounds for the appointment and production of these studies and proposed a list of issues.

Summary and conclusions: it is necessary to form a clear technology and methodology of expert research in the framework of forensic computer expertise. The increase in the number of crimes in the sphere of drug trafficking using the Internet and their specificity requires not

only the involvement of persons with special knowledge in the field of information and computer technologies, but also the improvement of methods and forms of computer research, as well as the development of a system of expert institutions, which will expand the possibilities for identifying, proving and suppressing drug crime.

Keywords: forensic computer expertise, narcotic drugs, psychotropic substances, illegal sale, expert institutions, forensic research.

Выявление всех элементов предмета доказывания позволяет принять законное и обоснованное решение по уголовному делу. При этом точное установление способа, времени и места совершения преступления при расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств «дистанционным» способом, зачастую возможно только посредством использования специальных знаний в рамках проведения судебно-компьютерной экспертизы. С помощью полученной информации следователь может принять решение о дальнейшем направлении расследования.

Назначая судебно-компьютерную экспертизу, следователю необходимо учитывать специфику методов исследования и представленных объектов. Помимо этого каждая стадия процесса назначения данной экспертизы имеет свои особенности, обусловленные сферой специальных знаний и организацией экспертных исследований в России (в том числе в органах внутренних дел), а также следственной практикой.

В теории судебной экспертизы наиболее распространенными являются термины и классификация, предложенные Е. Р. Россинской. Она предлагает название «судебная компьютерно-техническая экспертиза» и выделяет следующие её виды:

1) компьютерно-сетевую;
2) программно-компьютерную;
3) аппаратно-компьютерную;
4) информационно-компьютерную [5, с. 41].

В то же время постоянное развитие технологий расширяет тот перечень, который можно отнести к объектам указанной экспертизы. Соответственно, предложенная классификация имеет некоторую условность и относительность. Это подтверждается утверждением Е. Р. Россинской и А. И. Усова: «Практика показывает, что рассмотренные выше основные виды судебной компьютерно-технической экспертизы при производстве большинства экспертных исследований применяются комплексно и, чаще всего, последовательно. Поэтому в настоящее время в постановлении на производство судебной экспертизы целесообразно указывать родовое наименование экспертизы, т. е. «произвести судебную компьютерно-техническую экспертизу» [3, с. 17].

Наименование указанной экспертизы отличается в различных ведомствах. Если экспертиза назначается и проводится в лабораториях Минюста России, то формальные пределы компетенции экспертов определены Приказом от 14 мая 2003 г. № 114 «Об утверждении Перечня родов (видов) экспертиз, выполняемых в государственных судебно-экспертных учреждениях Министерства юстиции Российской Федерации, и Перечня экспертных специальностей, по которым предоставляется право самостоятельного производства судебных экспертиз в государственных судебно-экспертных

учреждениях Министерства юстиции Российской Федерации»[1]. В указанном перечне под номером 21 фигурирует род судебной экспертизы — «компьютерно-техническая экспертиза» и соответствующая ей специальность — 21.1 «Исследование информационных компьютерных средств». Таким образом, термин «компьютерно-техническая экспертиза» правомерно использовать при назначении исследования в государственном судебно-экспертном учреждении (СЭУ) Минюста России: лаборатории судебной экспертизы, региональном центре судебной экспертизы, Российском федеральном центре судебной экспертизы (РФЦСЭ).

Проведение экспертизы в экспертных подразделениях МВД России определено Приказом от 29 июня 2005 г. № 511 «Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации». Данный нормативный правовой акт утверждает собственный Перечень родов (видов) судебных экспертиз, производимых в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации. Здесь компьютерная экспертиза указана как самостоятельный род (вид) экспертиз, и содержание соответствующих исследований — исследование компьютерной информации[2]. Соответственно правильным будет являться наименование «компьютерная экспертиза».

Производство компьютерных экспертиз требует применения специализированных технических средств и программных комплексов. Так, с 2017 г. на вооружении экспертных подразделений МВД России состоят портативные аппаратно-программные комплексы для криминалистических исследований, дающие возможность извлекать, декодировать и анализировать доказательные данные, полученные из различных моделей мобильных устройств — Universal forensic extraction device (UFED).

UFED — это универсальный прибор для извлечения важных криминалистических данных, например, книг, фотографий, видеозаписей, текстовых сообщений, журналов вызовов, данных IMEI, а также оформления их в отчеты для проведения исследований и сбора доказательств[3].

Имея поддержку наибольшего числа моделей телефонов на сегодняшнем рынке, UFED может извлечь данные из примерно 2500 моделей устройств, что составляет 95 % всех телефонов, включая смартфоны, планшеты и сотовые телефоны. UFED позволяет проводить извлечение данных на логическом уровне, имеет возможность получать данные приложений, пароли, данные о переписках в мессенджерах и электронной почте,

[1] *Приказ* Минюста России от 27.12.2012 № 237 «Об утверждении Перечня родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России, и Перечня экспертных специальностей, по которым представляется право самостоятельного производства судебных экспертиз в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России» // СПС «Консультант плюс».

[2] *Приказ* МВД России от 29 июня 2005 № 511 «Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации» // СПС «Консультант плюс».

[3] *Комплексное решение* для мобильной криминалистики UFEDTOUCHULTIMATE [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.bnti.ru/des.asp?itm=6495&tbl=01.02.01.01 (дата обращения: 13.07.2019).

информацию мультимедиа, список контактов, журналы вызовов, служебную информацию телефона, информацию о местоположении (перемещениях) и осуществлять клонирование sim-карт для изоляции телефона от сетевой активности во время анализа.

UFED Camera — средство, позволяющее вручную собирать доказательства, снимая изображения данных или делая скриншоты непосредственно с устройства. Возможно ускорение процесса исследования с помощью съемки изображений или видео с устройства для использования в качестве доказательства в случае невозможности извлечения данных.

Мобильный комплекс UFED облегчает поиск необходимой информации в мобильных устройствах. Если невозможно предварительно исследовать информацию в мобильном устройстве, то следователь принимает решение о необходимости её изъятия. При расследовании незаконного оборота наркотических средств посредством сети «Интернет» при проведении следственного эксперимента рекомендуется содержание опытных действий согласовать со специалистом в области тех информационных технологий, с помощью которых было совершено это преступление. Данный участник сможет подробно разъяснить, какие следует произвести действия во время следственного эксперимента для достижения результата расследуемого преступления.

Так же успешно прошел апробацию и рекомендован ЭКЦ МВД России к применению в практической деятельности экспертных подразделений территориальных органов МВД России программно-аппаратный комплекс для судебно-криминалистической экспертизы мобильных телефонов и устройств MSAB Office (MSAB, Швеция) Он сочетает в себе возможности как логического, так и физического извлечения данных из мобильных устройств в одном едином наборе. MSAB Office позволяет экспертам получить полный доступ к различным способам получения необходимых данных.

Рассматриваемый комплекс представляет собой узкоспециализированное программное решение, укомплектованное всеми необходимыми аппаратными средствами для криминалистически безопасного извлечения данных из мобильных устройств для получения значимой информации. С помощью комбинации инструментов для логического и физического анализа данных в поддерживаемых устройствах, MSAB Office может создать комбинированный отчет, содержащий как существующие, так и удаленные данные из исследуемого мобильного телефона.

Комплекс MSAB, так же как и UFED, популярен среди большинства правоохранительных органов во всем мире.

Широким кругом функциональных возможностей обладает отечественный программный комплекс «Мобильный криминалист». Его применение позволяет извлекать и исследовать данные мобильных устройств (телефоны и планшеты). Имеется возможность обхода пароля на блокировку экрана, восстановления удаленной информации, в том числе любого типа переписки (iMessage, WhatsApp, Skype и т. д.), контактов, файлов, видео, фото, заметок и многого другого. Имеются функции извлечения данных из защищенных и закриптованных приложений, облачных хранилищ по логину/паролю или токену, нахождения общих связей между несколькими пользователями и получения их переписки в любом мессенджере или соцсети.

BelkasoftEvidenceCenter — программное обеспечение для произведения компьютерно-технических экспертиз, разработанное специально для правоохранительных органов, используемое полицией по всему миру. Оно значительно облегчает получение, поиск, анализ, хранение и передачу цифровой информации, находящейся внутри компьютеров и мобильных устройств. Программа быстро извлекает цифровые данные из различных источников путем анализа жёстких дисков, образов, облачных приложений, содержимого рабочей памяти, резервных копий iOS, Blackberry и Android, UFED, JTAG и chip-off дампов. EvidenceCenter автоматически анализирует источник данных и представляет наиболее значимую информацию для обзора, подробного изучения или включения в отчёт. Использование такого комплекса позволяет обнаружить более 1000 типов информации, включая более 200 мобильных приложений, все основные форматы документов, браузеры, почтовые клиенты, десятки графических и видеоформатов, программы обмена мгновенными сообщениями, социальные сети, системные файлы, файлы реестра, приложения для обмена файлами и т. д. Извлекает данные из всех основных операционных систем, как компьютерных, так и мобильных: Windows, Linux, macOS, iOS, Android, Windows Phone, Blackberry.

Таким образом, современные программные и технические комплексы получения информации демонстрируют широкий спектр возможностей компьютерной экспертизы.

Обращаясь к судебной практике, можно проиллюстрировать возможности судебно-компьютерной экспертизы по делам, связанным с незаконным оборотом наркотиков.

Так, согласно материалам уголовного дела № 1-262/2018 в марте 2018 г., П., действуя умышленно, посредством переписки в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» вступила с неустановленным лицом под ником Pzh24Jekabiz в предварительный сговор на незаконный сбыт наркотического средства — производного N-метилэфедрона. Согласно достигнутой договоренности, данное лицо приобретало наркотическое средство, фасовало в удобную для сбыта упаковку, помещало его крупной партией в тайники, расположенные на территории г. Омска, и через программу Telegram сообщало П. их адреса. Проведение судебной-компьютерной экспертизы позволило выявить в памяти сотового телефона Meizu, изъятого у П., графические файлы, содержащие изображения упаковок веществ, снимков экрана мобильного телефона, гражданских паспортов[1].

По уголовному делу № 4-АПУ14-59 суд установил, что Н. размещал в сети «Интернет» информацию с предложением неограниченному кругу лиц приобрести наркотическое средство. После получения откликов потенциальных потребителей путем электронных сообщений в социальных сетях и смс-сообщений сообщал реквизиты для перечисления денежных средств. После проверки поступления оплаты покупателю сообщал координаты, позволяющие точно установить место нахождения тайника с наркотическим средством, которое приобрел покупатель. В рамках дела были назначены компьютерные экспертизы компьютера, телефона и сим-карты телефона (в совокупности с дактилоскопической и фоноскопической экспертизами), которые позволили установить, что

[1] *Приговор* Ленинского районного суда г. Пензы по уголовному делу № 1-262/2018 // Архив Ленинского районного суда г. Пензы за 2018 г.

указанные сообщения были размещены с ноутбука обвиняемого. Компьютерная экспертиза телефона и сим-карты также показала, что сообщения о реквизитах для платежа и координатах тайника были отправлены именно с телефона обвиняемого. В результате виновный был осужден за контрабанду и за приготовление к незаконному сбыту наркотического средства в особо крупном размере[1].

По делу № 10-10592/15 о привлечении к уголовной ответственности за приготовление к незаконному сбыту наркотических средств и психотропных веществ, легализацию (отмывание) денежных средств было проведено сразу несколько компьютерно-технических экспертиз (по числу устройств электронно-вычислительной техники, используемой для размещения сообщений о продаже наркотических средств) — экспертиза ноутбука, экспертиза планшетного компьютера, экспертиза системного блока компьютера. В результате судебно-компьютерной экспертизы ноутбука проведено исследование внутренней памяти данного устройства и извлечена информация о сбыте наркотических средств, соответствующая текстовым сообщениям, полученным/отправленным с данного ноутбука. В результате судебно-компьютерной экспертизы планшетного компьютера также была извлечена информация о получении и отправлении с данного устройства СМС-сообщений о сбыте наркотических средств[2].

Определяя наличие оснований для назначения и производства судебно-компьютерной экспертизы, следователь должен определить: 1) потребуются ли специальные знания для решения интересующего следствия вопроса; 2) необходимо ли для решения данного вопроса использовать именно экспертные знания.

При выборе экспертного учреждения (эксперта) следователь обязан принять во внимание следующие обстоятельства:

1) наличие экспертных учреждений, проводящих исследования рассматриваемого вида и их возможности;

2) реальную возможность произвести экспертизу в короткие сроки;

3) территориальное расположение экспертного подразделения;

4) возможность производства судебно-компьютерной экспертизы по месту нахождения электронных носителей и иных объектов экспертизы.

5) наличие у эксперта допуска на производство одновременно судебно-компьютерной экспертизы и смежных экспертиз;

6) компетентность эксперта.

В большинстве случаев следователь изымает указанные выше объекты и направляет их по месту нахождения экспертного учреждения. Эта практика зарекомендовала себя с положительной стороны. Однако в зависимости от ситуации иногда следователю целесообразно назначить судебно-компьютерную экспертизу на месте нахождения компьютерных объектов. Следователь сможет пригласить специалиста для участия в осмотре места происшествия. По окончании следственного действия следователь вынесет по-

[1] *Приговор* Кировского районного суда г. Астрахани по уголовному делу № 4-АПУ14-59 // Архив Кировского районного суда г. Астрахани за 2014 г.

[2] *Приговор* Первомайского районного суда г. Омску по уголовному делу № 10-10592/15 // Архив Первомайского районного суда г. Омска за 2015 г.

становление о назначении судебно-компьютерной экспертизы. Эксперт, уже в своем основном статусе, приступит к производству экспертизы.

Важным аспектом является постановка вопросов эксперту для проведения компьютерной экспертизы. В специальной литературе разработаны некоторые общие, не зависящие от вида экспертного исследования, методические требования, предъявляемые к формулированию вопросов, ставящихся на разрешение судебной экспертизы. Например, А. В. Пупцевой и Д. Г. Скориковым разработаны типовые вопросы, которые могут быть поставлены перед экспертом в зависимости от рода экспертизы [2].

Как правило, вопросы, выносимые на разрешение судебно-компьютерной экспертизы, зависят от обстоятельств, подлежащих доказыванию, перечня исследуемых объектов, наличия образцов для сравнительного исследования и пр.

В отдельных, особенно нетипичных, случаях следователю крайне желательно предварительно провести консультацию с экспертом для выработки наиболее правильных и четких формулировок вопросов, определению подлежащей установлению информации.

При расследовании уголовных дел в сфере незаконного оборота наркотиков мы предлагаем характерные вопросы, выносимые на разрешение компьютерной экспертизы. Их можно объединить в следующие группы:

— каковы общие технические характеристики, конфигурация, марка, техническое состояние (степень износа, исправность и т. п.) представленного устройства;

— имеется ли в устройстве, представленном на экспертизу, информация, содержащая определенные данные (с указанием перечня ключевых слов либо конкретных данных);

— каков тип данных, выявленных на носителях информации (текстовые документы, графические файлы, базы данных и т. д.); могут ли потребоваться для обработки данных такого типа дополнительные программные средства;

— имеются ли на представленных носителях информации сведения о собственнике или пользователях компьютерной системы (в том числе логины, пароли, журналы производимых операций);

— обладает ли компьютерная информация, представленная на исследование, индивидуальными признаками (дата и время записи, модификации (изменения), название, размер и т. п.);

— возможно ли определить точную дату и время создания файла, предоставленного на экспертизу;

— имело ли представленное компьютерное средство доступ к сети «Интернет»; если да, то присутствуют ли признаки работы с сетью; каково содержание установок удаленного доступа и протоколов соединений;

— установлены ли в памяти представленного устройства программы персональной связи через Интернет, программы — клиенты электронной почты; если да, то имеется ли в архивах переписки программного обеспечения персональной связи через Интернет, архивах программ — клиентов электронной почты наименований наркотических средств, технологии изготовления, методиках синтеза, иные описания, адреса тайников,

информация о денежных переводах, информация о стоимости единиц весов, банковских счетах, счетах электронных платежных систем;

— установлено ли в памяти представленного устройства программное обеспечение для доступа к банковским или платежным системам (электронным и банковским счетам); если да, то для доступа к каким банковским или платежным системам (электронным и банковским счетам) использовалось данное программное обеспечение;

— установлены ли в памяти представленного устройства программы для доступа к сети «Интернет»; если да, то использовались ли данные программы для доступа к банковским или платежным системам (электронным и банковским счетам);

— к каким сетевым адресам Интернета осуществлялся доступ с представленного компьютерного средства;

— к каким электронным почтовым ящикам осуществлялся доступ; имеются ли почтовые сообщения, полученные (отправленные) по электронной почте (указываются определенные данные с перечислением ключевых слов либо конкретных данных);

— имеется ли переписка с использованием интернет мессенджеров (указываются определенные данные с перечислением ключевых слов либо конкретных данных);

— имеются ли на представленных носителях информации сведения, содержащие текстовые данные или изображения бланков рецептов, лечебных учреждений, печатей врачей и т. п.;

— укажите изготовителя, марку, тип, вид, основные технические характеристики, техническое состояние защитных средств компьютера (компьютерной информации), предоставленного на экспертизу;

— посредством какого пароля производится доступ к компьютерному устройству (компьютерной системе, программе и т. п.), представленному на экспертизу;

— имеется ли в представленной на экспертизу компьютерной технике информация о предпринимательской или иной коммерческой деятельности конкретных субъектов.

Данный перечень, безусловно, нельзя считать исчерпывающим и полным. Как уже не раз отмечалось, методики экспертных исследований данного вида постоянно развиваются. Расширяется и список объектов, предоставляемых на исследование.

Еще один аспект, на который хотелось бы обратить внимание. В случае с судебно-компьютерной экспертизой затруднительно выделить конкретную методику. Результаты изучения заключений проведенных экспертиз показывают, что эксперты в качестве использованной методики указывают, как правило:

1) методические рекомендации, подготовленные коллективом авторов на базе ЭКЦ МВД России в 2001 г. («Общие положения по назначению и производству компьютерно-технической экспертизы») [1];

2) учебник «Судебная компьютерно-техническая экспертиза» Е. Р. Россинской и А. И. Усова, изданный в 2001 г. [3];

3) учебное пособие А. И. Усова, подготовленное на базе ЭКЦ МВД России в 2002 г. («Методы и средства решения задач компьютерно-технической экспертизы») [4];

4) учебное пособие под редакцией Е. Р. Россинской, подготовленное в 2003 г. («Судебно-экспертное исследование компьютерных средств и систем: основы методического обеспечения») [5].

В ходе производства отдельных компьютерных экспертиз используется необходимая энциклопедическая литература, содействующая терминологическому единообразию и ясности изложения мыслей эксперта. Однако, что очень важно, фактически единой технологии судебно-компьютерной экспертизы на данный момент не сформировано. Положения названных методических материалов адаптируются под каждую конкретную судебно-компьютерную экспертизу.

Таким образом, в настоящее время отсутствует четкая технология, методология и методика экспертного исследования в рамках судебно-компьютерной экспертизы. В каждом случае эксперт адаптирует имеющиеся методические рекомендации и пособия в этой области знаний под конкретную ситуацию или объекты, предоставляемые инициатором экспертизы. При этом практика выработала последовательность действий, позволяющую провести исследование надлежащего качества. Данные обстоятельства следует учитывать при оценке подобной экспертизы.

Подводя итог изложенному, можно сделать следующие выводы. В силу специфики преступлений и нарастания количества незаконного оборота наркотиков с использованием сети «Интернет» и необходимости привлечения лиц, обладающих специальными знаниями в области информационно-вычислительных технологий и информационно-вычислительной техники, назначение по уголовным делам, связанным с незаконным оборотом наркотических средств «дистанционным» способом, судебно-компьютерной экспертизы является крайне востребованным. Установленные при её производстве сведения могут как самостоятельно использоваться в качестве доказательств, так и выявить объекты для иных экспертиз, в том числе идентификационных.

Развитие системы экспертных учреждений, проводящих компьютерные исследования, позволит решить нарастающую проблему использования высоких технологий в сфере незаконного оборота наркотиков. Совершенствование методов и форм производства рассматриваемых экспертиз расширит возможности при выявлении, доказывании и пресечении наркопреступности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Зубаха В. С.* Общие положения по назначению и производству компьютерно-технической экспертизы: метод. рек. / В. С. Зубаха, А. И. Усов, Г. В. Саенко. М.: ГУ ЭКЦ МВД России, 2001. 71 с.

2. *Пупцева А. В., Скориков Д. Г.* Особенности и порядок назначения судебных экспертиз при расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1. С. 41—44.

3. *Россинская Е. Р., Усов А. И.* Судебная компьютерно-техническая экспертиза. М.: Право и закон, 2001. 414 с.

4. *Усов А. И.* Методы и средства решения задач компьютерно-технической экспертизы: учеб. пособ. М.: ГУ ЭКЦ МВД России, 2002. 200 с.

5. *Усов А. И.* Судебно-экспертное исследование компьютерных средств и систем: Основы методического обеспечения: учеб. пособ. / А. И. Усов; под ред. Е. Р. Россинской. М.: Экзамен: Право и закон, 2003. 366 с.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Zubakha V. S., Usov A. I., Saenko G. V. and others. General provisions for the purpose and production of computer-technical expertise: Guidelines. M.: State forensic science center of Ministry of Internal Affairs of Russia, 2001. 71 p.

2. Puptseva A. V., Skorikov D. G. Peculiarities and the procedure for appointment of forensic examinations in the investigation of the crimes connected with a drug trafficking // Modern problems of science and education. 2015. № 1. pp 41—44.

3. Rossinskaya E. R., Usov A. I. Judicial computer-technical expertise. M.: Law and regulation, 2001. 414 p.

4. Usov A. I. Methods and means of solving problems of computer-technical expertise: training manual. M.: State forensic science center of the MIA of Russia, 2002. 200 p.

5. Usov A. I. Forensic research of computer tools and systems: Fundamentals of methodological support:training manual / A. I. Usov; ed. by E. R. Rossinsky. M.: Exam: Law and regulation, 2003. 366 p.

УДК: 343.98
DOI: 10.24411/2312-3184-2019-00042

Толстухина Татьяна Викторовна
заведующая кафедрой судебной экспертизы и таможенного дела ФГБОУ ВО «Тульский государственный университет» доктор юридических наук, доцент
E-mail: Tat_tolstuhina@mail.ru

Светличный Александр Алексеевич
доцент кафедры судебной экспертизы и таможенного дела ФГБОУ ВО «Тульский государственный университет» кандидат юридических наук, доцент
E-mail: alexandrsvetl@rambler.ru

Шервани Эзат Наджмаддин Кадир
аспирант кафедры судебной экспертизы и таможенного дела ФГБОУ ВО «Тульский государственный университет»

Tolstukhina Tatyana Viktorovna
Head of the Department of Forensic Expertise and Customs, Tula State University, Tula State University
Doctor of Law, Associate Professor
E-mail: Tat_tolstuhina@mail.ru

Svetlichny Alexander Alekseevich
Associate Professor, Department of Forensic Expertise and Customs, Tula State University
Candidate of Law, Associate Professor
Email: alexandrsvetl@rambler.ru

Shervani Ezat Najmaddin Kadir
Postgraduate Student, Department of Forensic Expertise and Customs, Tula State University

ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ И ПРОВЕДЕНИЯ ОБЫСКА ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ КОНТРАБАНДЫ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ В РЕСПУБЛИКЕ ИРАК

Введение: статья посвящена особенностям организации и проведения обыска при расследовании контрабанды наркотиков в Республике Ирак. Контрабанда наркотических средств является наиболее масштабной и социально опасной разновидностью нелегальной трансграничной активности между государствами и традиционно рассматривается как реальная угроза национальной безопасности. Расследование данных преступлений представляет особую сложность для правоохранительных структур, поэтому вопросы организации и проведения отдельных следственных действий, в том числе и обыска, представляются крайне важными как в теоретическом, так и в практическом плане.

Материалы и методы: нормативную базу исследования составили Конституция Ирака, Закон «О таможне», уголовное и уголовно-процессуальное законодательство Ирака и РФ, международно-правовые акты, касающиеся вопросов контрабанды и незаконного оборота наркотических средств. При написания статьи использовались фундаментальные положения материалистической диалектики, а также общие и частные мето-

ды научного познания: логико-философский, исторический, обобщения, анкетирования, описания, социологический, сравнительно-правовой и др.

Результаты исследования выразились в разработке отдельных теоретических положений и рекомендаций в практической сфере деятельности правоохранительных органов относительно особенностей организации и проведения обыска при расследовании контрабанды наркотических средств в Республике Ирак с целью получения максимальной полной доказательственной информации.

Выводы и заключения: проанализированы основные проблемы организации и проведения обыска при расследовании контрабанды наркотических средств в Республике Ирак. Сделан вывод о том, что эффективность производства как личного, так и группового обыска обусловлена грамотной подготовкой, организацией и проведением этого следственного действия всеми членами следственно-оперативной группы под руководством следователя. Собранная в процессе обыска доказательственная информация может коренным образом повлиять на результативность выявления и в дальнейшем ликвидации преступной наркогруппировки.

Ключевые слова: контрабанда наркотических средств, обыск, следственные действия, криминалистически значимая информация, доказательства, групповой обыск, взаимодействие, личный обыск.

PECULIARITIES OF ORGANIZATION AND SURVEY WHEN INVESTIGATING DRUGS SMUGGLING IN THE REPUBLIC OF IRAQ

Introduction: the article is devoted to the features of organizing and conducting a search during the investigation of drug smuggling in the Republic of Iraq. Smuggling of narcotic drugs is the most widespread and socially dangerous form of illegal cross-border activity between states and is traditionally regarded as a real threat to national security. The investigation of these crimes is particularly difficult for law enforcement agencies, therefore, the organization and conduct of individual investigative actions, including the search, are extremely important both theoretically and in practical terms.

Materials and methods: the regulatory framework of the study is formed by the Constitution of Iraq, the Law on Customs, the criminal and criminal procedure legislation of Iraq and the Russian Federation, international legal acts relating to smuggling and drug trafficking. When writing the article, the fundamental principles of materialistic dialectics is used, as well as general and particular methods of scientific cognition: logical-philosophical, historical, generalizations, questionnaires, descriptions, sociological, comparative legal and others.

Results of the study expressed in the development of certain theorizes and recommendations in the practical field of law enforcement regarding the specifics of organizing and conducting a search during the investigation of drug smuggling in the Republic of Iraq in order to obtain the maximum complete evidence.

Conclusions and conclusions: the main problems of organizing and conducting a search in the investigation of drug smuggling in the Republic of Iraq have been analyzed. The conclusion is drawn that the production efficiency of both personal and group search is caused by competent training, the organization and carrying out this investigative action by all members of operational-investigations group under the leadership of the investigator. Evidence gathered during the search can fundamentally affect the effectiveness of identifying and subsequently eliminating a criminal drug group.

Keywords: drug smuggling, search, investigative actions, forensic information, evidence, group search, interaction, personal search.

Контрабанда наркотических средств[1], как и любое преступление, протекает в определенной материальной среде, что способствует образованию соответствующей материальной и вербальной криминалистически значимой информации. Именно такая информация является исходной и наиболее ценной, от изучения которой напрямую зависит результат расследования любого преступления.

На важность тщательного исследования обстоятельств подготовки и совершения преступления указывал известный криминалист И. Н. Якимов, который писал: «Внимательное, вдумчивое изучение обстановки как бы вводит в атмосферу преступления, запечатлевающуюся на окружающем, и не столько видимую, сколько чувствуемую и угадываемую. Проникновение в обстановку и обстоятельства преступления ведут к отчетливому пониманию совершившегося, к постижению внутренней связи между действиями, совершенными преступной волей, и отражением их во вне» [1, с. 75].

Проблемам тактики производства следственных действий посвящены работы иракских криминалистов: Вахаба аз-Заили, Рашида Фаузи, Мохаммеда Али Хасана и др. Среди российских ученых необходимо отметить работы Р. С. Белкина, В. П. Бахина, И. А. Возгрина, Т. С. Волчецкой, А. В. Дулова, В. А. Жбанкова, Е. И. Зуева, Е. П. Ищенко, С. И. Коновалова, Ю. Г. Корухова, И. Ф. Крылова, А. М. Кустова, В. П. Лаврова, Н. П. Майлис, С. М. Потапова, Е. Р. Россинской, Г. А. Самойлова, Т. В. Толстухиной, Б. И. Шевченко, В. Ю. Шепитько, Н. Н. Щелочкова, А. А. Эйсмана, Н. П. Яблокова, И. Н. Якимова и многих других ученых.

При всем многообразии источников и носителей криминалистически значимой материальной информации в ходе расследования контрабанды наркотических средств, наиболее важное значение имеют материальные следы преступления, поскольку они объективно свидетельствуют о способе подготовки, совершения и сокрытия преступления; о лицах, его совершивших и причастных к контрабанде наркотических средств; предметах преступного посягательства и т. п. Это та самая информация, которая позволяет организовать преследование преступников и раскрытие преступления «по горячим следам» [2, с. 25; 3, с. 199].

Объем криминалистически значимой материальной информации и ее важность для расследования контрабанды наркотических средств зависят от того, насколько зна-

[1] Под наркотическими средствами в данной работы мы будем понимать не только наркотические средства, но и психотропные вещества, их прекурсоры и аналоги, растения, содержащие наркотические средства и т. п.

чимыми и четкими оказались изменения окружающей среды, от степени их влияния на носители и источники информации.

Получение доказательств невозможно без проведения следственных действий, в том числе, обыска. Уголовно-процессуальным законодательством Ирака в статьях 56, 80, 81, 82, 83 предусмотрена процедура производства обыска.

Обыск занимает особое место в системе следственных действий, т. к. носит принудительный характер. По законодательству Ирака обыск, как и другие следственные действия, проводится следственным судьей в пределах своего района, а в случае необходимости проведения обыска в другом районе — с уведомления следственного судьи другого района (ст. 56 УПК Ирака). При несогласии и противодействии жильцов на проведение обыска ст. 81 УПК Ирака позволяет провести обыск, прибегая к использованию силы либо полиции. В случае необходимости для производства обыска, согласно ст. 82 УПК Ирака, могут быть приглашены два свидетеля (понятых).

Несоблюдение процессуальных норм в дальнейшем может повлечь признание полученных в ходе обыска доказательств недопустимыми.

Обычно производство обыска следует осуществлять безотлагательно. У задержанных с контрабандой наркотических средств лиц сразу после возбуждения уголовного дела необходимо провести обыски по месту жительства, работы, в гараже и в других местах, где предположительно могут храниться наркотики. Особое внимание следует уделять блокнотам, ежедневникам обыскиваемых. Различного рода записи, содержащиеся в них, могут дать важную информацию для расследования.

После задержания членов преступной группировки необходимо незамедлительно проводить обыск в местах, где могут быть сосредоточены вещественные доказательства. В случае промедления они могут быть уничтожены или вывезены соучастниками. Немаловажное значение имеют фото-, аудио- и видеодокументы, которые могут указывать на связи подозреваемою с другими лицами.

В том случае, если задержан наркокурьер, обыски необходимо провести одновременно в разных местах, у других участников преступной группы, что потребует от следователя задействования большого количества сотрудников, специалистов, кинологов, а в случае необходимости, понятых, а также строжайшего соблюдения конспирации в целях недопущения утечки информации и возможности уничтожения следов преступления, а также оказания на следователя давления. Такой обыск принято называть «групповой обыск», т. е. это должна быть система согласованных между собой одновременных обысков. При организации группового обыска, прежде всего, надо иметь в виду, что у обыскиваемого может быть несколько квартир и офисов, расположенных в различных местах. Иногда часть объектов, подлежащих обыску, оформлена на родственников и знакомых преступника.

Важно выявить преступные связи контрабандиста с другими лицами (возможными соучастниками преступления). Поэтому в процессе обыска нужно искать тетради внутреннего (оперативного), неофициального учета, незаполненные бланки документов, записные книжки с адресами и номерами телефонов, фотографии, записанные любым способом «ключи», «кодовые слова», образцы банковских и иных документов, данные о типах аппаратуры, спецсвязи и правилах их использования, черновые записи.

Мы согласны с С. Б. Россинским, считающим, что на современном этапе развития уголовно-процессуальной деятельности можно говорить о наличии сложной организа-

ционной формы осуществления следственного действия — обыска в форме специальной операции [4, с. 5].

Нам представляется, что применение такой тактической операции обусловлено коррумпированностью чиновничьего аппарата, налаженной связью между преступными группами и членами внутри преступной группы, юридической грамотностью, активным противодействием расследованию и т. д. В целях успешного производства тактической операции «групповой обыск» определяющим будет взаимодействие следователей с оперативно-розыскными органами, для чего создается следственно-оперативная группа (СОГ) в составе нескольких следователей (по количеству мест обыска), сотрудников оперативно-розыскных и экспертно-криминалистических подразделений, а также кинологов. Все сотрудники СОГ подбираются по принципу высоких профессиональных качеств, опыта, нравственной и психологической устойчивости.

К сожалению, следует отметить, что иракской наукой недостаточно разработаны рекомендации по организации и тактике производства обыска при расследовании преступлений, совершенных организованными преступными группами [5, с. 11—13]. Поэтому, как показывает следственная практика, недостаток теории зачастую напрямую отражается на практике, что негативным образом сказывается на эффективности раскрытия и расследования не только контрабанды наркотических средств, но и их оборота. В результате проведенного нами исследования только лишь в 8,5 % случаев были проведены групповые обыски, которые дали положительные результаты; в 91,5 % такие обыски не проводились или проводились спустя длительное время.

Так, при прохождении таможенного контроля в аэропорту г. Багдада в апреле 2017 г. был задержан гражданин Ирака, вылетающий в Кувейт, по подозрению в подделке паспорта. После его опроса, осмотра багажа и проведения предварительной проверки документов и конфет в количестве 2,5 кг, обнаруженных в багаже среди вещей, было установлено, что внутри шоколадной оболочки конфет находился героин. После возбуждения уголовного дела и допроса наркокурьера только через две недели были произведены неорганизованные, разрозненные, с процессуальными нарушениями обыски, которые не дали должного результата. Преступники имели достаточно времени для сокрытия следов преступления, в результате чего преступная цепочка не была выявлена, не были изъяты наркотики и оборудование. В итоге был осужден только наркокурьер, а другим участникам организованной преступной группы удалось уйти от уголовной ответственности[1].

Если планируется изъятие компьютерной техники, компьютерных программ, специального оборудования для изготовления наркотических средств и пр., то необходимо привлечь к обыску специалиста соответствующего профиля. Однако изучение материалов уголовных дел показало, что компьютерное оборудование изымалось лишь в 10,9 % случаев, что является явно недостаточным, т. к. значительный объем переписки при подготовке и осуществлении контрабанды наркотических средств в Ираке реализовывается через компьютерные сети. Думается, что в этом случае чрезвычайно важна информационная подготовка к предстоящему обыску, на необходимость которой справедливо указывали А. Ю. Головин, С. И. Коновалов и Т. В. Толстухина [6, с. 25].

[1] По материалам архива за 2017 год юридического департамента Таможенного управления Ирака.

Следует позитивно оценить предложения ученых-криминалистов о необходимости в ходе подготовки к обыску в ряде случаев с целью обнаружения искомой информации в электронном поле (на том или ином техническом носителе) использования специальных поисковых программ.

К числу таких случаев следует относить ситуации, когда:

1. Планируется обыск большого количества технических носителей информации, либо машинных носителей большой емкости. Изучая их содержание «вручную» (визуально), следователь может потратить огромное количество времени. Использование специальной поисковой программы сократит это время максимум до нескольких минут.

2. Имеется предположение о том, что информация может быть сокрыта путем переименования файла, включения ее в иной файл либо программную папку, создания «скрытого» файла и пр.

3. Нецелесообразно изымать все компьютерное оборудование, находящееся в месте обыска.

Использование таких программ должно осуществляться таким образом, чтобы не была повреждена информация, находящаяся на обыскиваемом компьютерном оборудовании [7, с. 112].

В российской криминалистической литературе предлагается подвергать компьютерное оборудование демонтажу в ходе обыска. В частности, Н. Г. Шурухнов, Н. П. Левченко и И. Н. Лучин предложили разбирать в ходе обыска системный блок компьютера, поскольку в пустотах его корпуса могут находиться какие-либо документы [8, с. 215]. Мы не можем теоретически исключить такую ситуацию, однако случаи подобного сокрытия интересующих органы расследования доказательств крайне редки. Это подтвердило и проведенное нами исследование, в ходе которого подобные случаи выявлены не были.

Отметим, что в зарубежной литературе, в частности рекомендациях по обращению с компьютерным оборудованием, разработанных Лабораторией ФБР США, содержится совет не снимать с компьютера жесткий диск, поскольку «очень часто для поиска, воспроизведения на дисплее и распечатки данных, хранящихся на жестком диске, основное значение имеет тот способ, каким были заданы внутренние установки компьютера» [9, с. 12]. Таким образом, системный блок компьютера в ходе обыска должен изыматься целиком, без демонтажа.

Для этого необходимо:

1. Не разрешать кому бы то ни было из лиц, работающих на объекте или находящихся здесь по другим причинам (в дальнейшем — персоналу), прикасаться к работающим компьютерам, магнитным носителям, включать и выключать компьютеры.

2. Не разрешать выключать электроснабжение объекта.

3. Не производить самостоятельно никаких манипуляций с компьютерной техникой, если результат этих манипуляций заранее не известен.

4. Принять необходимые меры безопасности, если в помещении имеются легковоспламеняющиеся, взрывоопасные, едкие или токсические вещества.

Мы полагаем, что нельзя разрешать и, тем более, просить обыскиваемого запускать какие-либо программы, открывать отдельные файлы. Можно лишь поручить эти манипуляции специалисту в области компьютерной техники и технологий.

До проведения обыска необходимо оперативным путем собрать данные о лицах, у которых предполагается провести обыск; сооружениях и помещениях, подлежащих обыску (наличие этажей, окон и дверей, чердаков и подвалов, балконов, запасных выходов, входов на чердаки и в подвалы, состояние замков, наличие цепочки на двери, сараев, бань, огородов, садов и выходов из них и т. п.); наличие условных звонков в дверь и специальных сигналов; разработать пути незаметного подхода к объектам. На основе собранной информации составляется единый план группового обыска с подетальными планами проведения обыска в каждом конкретном месте, выбирается наиболее подходящее время, подбирается число участников, распределяются роли между участниками предстоящих обысков, подготавливаются необходимые научно-технические средства и средства связи.

Как правило, производство обыска совпадает с задержанием на месте его проведения лиц, причастных к событию преступления. Если задержание планируется после проведения обыска, то необходимо сохранить в тайне данную информацию, чтобы лицо, в отношении которого планируется задержание, не скрылось.

Проведение группового обыска должно осуществляться максимально тайно, в одно время, слаженно, грамотно, согласно намеченному плану, без процессуальных нарушений. Во время группового обыска необходимо применять различные тактические операции и приемы: «допущение обыска с отрицательным результатом», «горячо-холодно» и др. При использовании этих операций и приемов необходимо тщательно наблюдать за психологическим поведением обыскиваемых лиц и для этой цели в СОГ целесообразно включить специалиста — психолога [10, с. 148—149].

Результативным признается и личный обыск (ст. 80 УПК Ирака) подозреваемого или обвиняемого лица в совершении контрабанды наркотических средств, который производится только лицом одного с ним пола. Данный вид обыска наиболее результативен при перемещении наркотических средств внутриполостным способом.

Объектами обысков, как правило, выступают: наркотики; финансовая документация; документы о внутригрупповых расчетах; документы графиках и маршрутах поставки наркотических средств; оборудование для изготовления наркотических средств и пищевой продукции, содержащей наркотики; фасовочный и упаковочный материал; тара с двойными стенками или дном; транспортные средства, оснащенные тайниками; сведения о сотрудниках таможенных постов и графиках их дежурств; сведения о лицах, обеспечивающих транспортировку и получение наркотических средств; документальные сведения о связях с коррумпированными чиновниками; бланки документов, штампы и печати; компьютерная информация, содержащая сведения о деятельности наркогруппы и ее преступных связях, и т. д.

Еще раз подчеркнем, что эффективность производства как личного, так и группового обыска обусловлена грамотной подготовкой, организацией и проведением этого следственного действия всеми членами СОГ под руководством следователя. Собранная в процессе обыска доказательственная информация может коренным образом повлиять на результативность выявления и в дальнейшем ликвидации преступной наркогруппы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Якимов И. Н.* Криминалистика, уголовная тактика. М., 1929. 496 с.

2. *Лавров В. П., Сидоров В. Е.* Расследование преступлений по горячим следам: учеб. пособ. М., 1989. 87 с.

3. *Тишутина И. В.* Следственные действия как способы обнаружения и фиксации информации о признаках противодействия расследованию организованной преступной деятельности // Изв. Тул. гос. ун-та. Сер.: Экон. и юрид. науки. Вып. 2. Ч. 2. Тула: Изд-во ТулГУ, 2011. С. 195—202.

4. *Россинский С. Б.* Производство обыска в форме специальной операции: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. 244 с.

5. *Мохаммед Али Хасан.* Расследование преступлений, совершенных организованными преступными формированиями. Багдад, 2010. 151 с.

6. *Гаврилин Ю. В.* Преступления в сфере компьютерной информации: квалификация и доказывание: учеб. пособ. / Ю. В. Гаврилин, А. Ю. Головин, А. В. Кузнецов, Т. В. Толстухина М., 2003. 245 с.

7. *Мусаева У. А.* Розыскная деятельность следователя по делам о преступлениях в сфере компьютерной информации: дис. ... канд. юрид. наук. Тула, 2001. 201 с.

8. *Шурухнов Н. Г., Левченко И. П., Лучин И. Н.* Специфика обыска при изъятии компьютерной информации // Актуальные проблемы совершенствования деятельности ОВД в новых экономических и социальных условиях. М., 2006. С. 208—216.

9. *Noblett M.* Computer Analysis and Response Team (CART): The Microcomputer as Evidence // FBI Laboratory Digest,V 19, No.1,Jan., 1992. С. 12—23.

10. *Светличный А. А.* Использование специальных знаний при расследовании убийств по найму: дис. ... канд. юрид. наук / Тул. гос. ун-т. Тула, 2014. 326 с.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Yakimov I. N. Forensics, criminal tactics. M., 1929. 496 p.

2. Lavrov V. P., Sidorov V. E. Hot Investigation of Crime: A Study Guide. M., 1989. 87 p.

3. Tishutina I. V. Investigative actions as ways to detect and record information about signs of opposition to the investigation of organized criminal activity // Bulletin of Tula State University. Series: Economic and legal sciences. Issue 2. Part 2. Tula: Publishing house of TulSU, 2011. P. 195—202.

4. Rossinsky S. B. A search in the form of a special operation: Dis. ... cand. lawyer. sciences. M., 2002.244 p.

5. Mohammed Ali Hassan. Investigation of crimes committed by organized crime groups. Baghdad, 2010. 151 p.

6. Gavrilin Yu. V., Golovin A. Yu., Kuznetsov A. V., Tolstukhina T. V. Crimes in the field of computer information: qualification and proof. Tutorial. M., 2003. 245 p.

7. Musaeva U. A. Detective activities of the investigator in cases of crimes in the field of computer information: Dis. ... cand. lawyer. sciences.. Tula, 2001. 201 p.

8. Shurukhnov N. G., Levchenko I. P., Luchin I. N. The specifics of the search for the seizure of computer information // Actual problems of improving the activities of the police department in the new economic and social conditions. M., 2006. P. 208—216.

9. Noblett M. Computer Analysis and Response Team (CART): The Microcomputer as Evidence // FBI Laboratory Digest, V 19, No. 1, Jan., 1992. P. 12—23.

10. Svetlichny A. A. The use of special knowledge in the investigation of murders for hire: dis. ... cand. legal sciences / Tula State University. Tula, 2014. 326 p.

УДК: 343.98: 343.57
DOI: 10.24411/2312-3184-2019-00043

Тью Ван Хунг
аспирант кафедры судебной экспертизы и таможенного дела Тульского государственного университета.
E-mail: chuvanhung051092@gmail.com

Chu Van Hung
postgraduate student, Department of Forensic Expertise and Customs, Tula State University.
E-mail: chuvanhung051092@gmail.com

УГОЛОВНЫЙ ЖАРГОН КАК СПОСОБ СОКРЫТИЯ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НАРКОТИКОВ В СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ ВЬЕТНАМ

Введение: рассмотрены общее состояние незаконного оборота наркотиков и уголовно-правовые положения уголовной ответственности за совершение рассматриваемых преступлений в Социалистической Республике Вьетнам (далее — СРВ). Раскрыты понятие уголовного жаргона, его особенности и структура образования. Определены сущности уголовного жаргона как способа незаконного оборота наркотиков и его настоящие термины, а также криминалистическое знание исследуемого вопроса.

Материалы и методы: нормативную основу исследования образуют уголовное законодательство СРВ, предусматривающее уголовную ответственность за совершение незаконного оборота наркотиков, а также российские и вьетнамские научные труды, связанные с уголовным жаргоном. Методологической основой исследования послужил общий диалектический метод научного познания, носящий универсальный характер, также методы логической дедукции, индукции, познавательные методы и приемы наблюдения, сравнения, анализа, обобщения и описания.

Результаты исследования позволили уточнить отдельные положения, относящиеся к уголовному жаргону, раскрыть содержание и практическое значение его структурных элементов для раскрытия и расследования незаконного оборота наркотиков, а также установить связи между использованием уголовного жаргона и сокрытием незаконных операций с наркотиками.

Выводы и заключения: раскрыли взаимообусловленность уголовного жаргона и незаконных операций с наркотиками.

Ключевые слова: наркотик, наркопреступность, незаконный оборот наркотиков, уголовный жаргон, способ преступления, законодательство Социалистической Республики Вьетнам.

CRIMINAL JARGON AS METHOD TO CONCEAL DRUG CRIMES IN THE SOCIALIST REPUBLIC OF VIETNAM

Introduction: The thesis provides a general view of drug crimes nowadays and the criminal regulations stipulating responsibilities for committing such crimes in the Socialist Republic of Vietnam. This thesis renders the concept of criminal jargon, its features and formation structure. It is necessary to identify criminal jargon as a method of drug crime, its current terms, as well as forensic knowledge for studying such issue.

Materials and methods: the regulatory framework of the study is based on the criminal law of the SRV, which stipulates criminal responsibilities for the commission of drug crimes, as well as Russian and Vietnamese research papers relating to criminal jargon. The methodological basis of the study includes the general dialectical method of scientific cognition, which have popular characteristics, as well as methods of logical deduction, induction, cognitive methods and techniques of observation, comparison, analysis, synthesis and description.

The results of the study allowed to clarify certain provisions related to criminal jargon, to reveal the content and practical significance of its structural elements for the disclosure and investigation of drug trafficking, as well as to establish links between the use of criminal jargon and the concealment of illegal drug transactions.

Summary and conclusion: revealed the interdependence of criminal jargon and illegal drug transactions.

Keywords: drug, drug crime, criminal jargon, the method of crime, legislation of the Socialist Republic of Vietnam.

В настоящее время в мире незаконный оборот наркотиков и злоупотребление наркотиками являются одной из самых острых общественных проблем. Их незаконный оборот и немедицинское потребление достигли масштабов, представляющих угрозу здоровью населения, политической, экономической и социальной стабильности, безопасности многих государств и народов. Практика свидетельствует о том, что преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков, представляют собой опасную угрозу не только жизни человека, но и обществу в целом, а также являются основной причиной возникновения других особо тяжких преступлений (убийство, разбой, кража, изнасилование, торговля оружием, отмывание денег и др.). Согласно оценкам ЮНОДК ООН, ежегодный доход от наркоторговли в мире составляет 500 млрд долл., кроме того, прямо (косвенно) наносится ущерб валовому внутреннему продукту от 0.07 до 1.7 % для каждой страны[1]. В соответствии с Всемирным докладом о наркотиках 2019 г., во всем мире

[1] *Hoàng Anh*. Những thách thức trong cuộc chiến chống ma túy: портал [Электронный ресурс]. Режим доступа : http://baochinhphu.vn/Phap-luat/Nhung-thach-thuc-trong-cuoc-chien-chong-ma-tuy/309585.vgp (дата обращения: 25.06.2017).

проживает 35 млн человек, которые страдают от физических расстройств, связанных с употреблением наркотиков, наиболее вредными из которых являются опиоиды[1].

С 1986 г. в Социалистической Республике Вьетнам (далее — СРВ), осуществляются всесторонние реформы во всех сферах жизни страны, в том числе в политике, экономике, культуре, в целях создания и развития не только рыночной экономики, но и правового государства. Тем не менее уровень преступности создает существенную опасность государству. Так, одним из самых опасных преступлений по характеру и степени общественной опасности является незаконный оборот наркотиков, преобладающий в таких городах, как Хошимин и Ханой, и в пограничных провинциях (Дьен Бьен, Йен Бай, Као Банг, Куанг Бинь, Куанг Нинь, Куанг Чи, Лай Тяу, Ланг Шон, Лао Кай, Нге Ан, Тхань Хоа, Хоа Бинь, Шон Ла). На сегодняшний день борьба с преступлениями, связанными с незаконным оборотом наркотиков, в том числе выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие данных преступлений, является одним из самых важных и актуальных вопросов в обществе и государстве.

Согласно статистическим данным Министерства общественной безопасности СРВ (далее — МОБ СРВ), в 2018 г. раскрыто 24 тыс. 500 преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, задержаны 38 тыс. наркопреступников. Изъято почти 1,6 т героина, 1,8 т и 1,4 млн таблеток синтетических наркотиков; 1,3 т марихуаны, опиума; 2,5 т листьев «Кат»[2] и многие предметы (оружие, валюта, документы), связанные с преступлениями данной категории. Несмотря на значительные трудности, можно сказать, что эти положительные результаты достигнуты благодаря активной работе МОБ СРВ с учетом использования возможностей ОРД и криминалистики в сфере борьбы с преступностью[3]. Незаконный оборот наркотиков и серьезные последствия наркомании сугубо негативны. При этом ущерб наносится не только наркоманам, но и гражданам, ведущим здоровый образ жизни, семье, обществу и государству.

Следует отметить, что за совершение преступлений, связанных с наркотиками УК СРВ предусмотрено наказание в виде смертной казни, пожизненного лишения свободы или лишения свободы на срок от трех до двадцати лет. Кроме того, совершение преступлений данной категории может наказываться штрафом в размере от 5 млн до 500 млн вьетнамских донгов, лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок от 1 до 5 лет или конфискацией части имущества или полностью конфискацией имущества.

Очевидно, что уголовное законодательство СРВ предусматривает особо строгие наказания за совершение преступлений, связанных с наркотиками. Тем не менее коли-

[1] Всемирный доклад о наркотиках 2019: портал [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.unodc.org (дата обращения: 20.07.2019).

[2] *Об утверждении* перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации: пост. Правительства Рос. Федерации от 30 июня 1998 г. № 681 (ред. от 22.06.2018) // СЗ РФ. № 27. 1998. Ст. 3198.

[3] *Отчеты* Департамент полиции по расследованию преступлений, связанных с наркотиками МОБ СРВ; Bảo Ngọc — Phương Sơn. 38.000 người bị bắt trong năm 2018 do liên quan ma túy: портал [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://vnexpress.net/phap-luat/38-000-nguoi-bi-bat-trong-nam-2018-do-lien-quan-ma-tuy-3875775.html (дата обращения: 30.01.2019).

чество рассматриваемых преступлений увеличивается ежегодно. По сравнению с 2017 г. количество уголовных дел увеличилось на 10,53 %, количество задержанных лиц на 10,59%, количество изъятого героина увеличилось на 102,52 %, синтетических наркотиков — на 125,14 %[1]. Вместе с тем состояние дел с незаконным оборотом наркотиков в 2019 г. определяется как наиболее сложное. Ниже перечислены типичные уголовные дела данной категории, рассмотренные в начале 2019 г., доказывающие данный тезис.

По уголовному делу «003Ав» 2 января 2019 г. в деревне На Нган (уезд Эт, провинция Хоуафхан, Лаос) рабочая группа Департамента полиции по расследованию преступлений, связанных с наркотиками, МОБ СРВ и Пограничной службы, а также провинциальная полиция Хуафхан-Лаоса, ликвидировали большую сеть незаконного оборота наркотиков из Лаоса в СРВ, задержали с поличным двух подозреваемых: Хканг Тхи Нгана 1991 г. рождения и Ло Тхи Лана 1999 г. рождения, перевозивших 110 тыс. таблеток синтетических наркотиков с целью сбыта[2].

По уголовному делу «485Л» 4 марта 2019 г. Департамент полиции по расследованию преступлений, связанных с наркотиками, МОБ СРВ, Провинциальная полиция Ха Тинь, пограничная служба и таможенные сотрудники международного пункта пропуска через государственную границу Кау Трео (Ха Тинь) задержали с поличным Тхао Кзень Ванга 1995 г. рождения, место жительства: уезд Цуаи, провинция Блихамхей, Лаос. Он перевозил 60 тыс. синтетических наркотических таблеток (розовые шарики) в СРВ с целью сбыта[3].

По уголовному делу «218LP» после многих месяцев наблюдения 20 марта 2019 г. Департамент полиции по расследованию преступлений, связанных с наркотиками, МОБ СРВ, пограничная служба МО СРВ, ГТУ СРВ, Провинциальная полиция Дак Нонга, Тай Ниня, Бин Зыонга, Хошимина, Департамент по борьбе с наркотиками (Министерство безопасности Лаоса) задержали 20 подозреваемых с поличным (в том числе 16 китайских граждан и четверо вьетнамских граждан), перевозивших 300 кг синтетических наркотиков из Лаоса через международный пункт пропуска «Бо Y» (провинция Кон Тум, СРВ) в город Хошимин с целью сбыта[4].

---

[1] *Отчеты* Департамента полиции по расследованию преступлений, связанных с наркотиками МОБ СРВ; Tội phạm ma túy bắt đầu chuyển vùng hoạt động vào miền Trung và miền Nam: портал [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://thanhnien.vn/thoi-su/toi-pham-ma-tuy-bat-dau-chuyen-vung-hoat-dong-vao-mien-trung-va-mien-nam-1088941.html (дата обращения: 30.01.2019).

[2] *Архив* Департамента полиции по расследованию преступлений, связанных с наркотиками МОБ СРВ; Liên tiếp phá án ma túy lớn: портал [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://baochinhphu.vn/Phap-luat/Lien-tiep-pha-an-ma-tuy-lon/356111.vgp (дата обращения: 01.01.2019).

[3] *Архив* Департамента полиции по расследованию преступлений, связанных с наркотиками МОБ СРВ; Tóm gọn đối tượng người Lào mang 60.000 viên ma túy về Việt Nam: портал [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://dantri.com.vn/phap-luat/tom-gon-doi-tuong-nguoi-lao-mang-60000-vien-ma-tuy-vao-viet-nam-20190304161044696.html (дата обращения: 05.03.2019).

[4] *Архив* Департамента полиции по расследованию преступлений, связанных с наркотиками МОБ СРВ; Đánh sập đường dây ma túy xuyên quốc gia, thu 300kg ma túy đá: портал [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://tuoitre.vn/danh-sap-duong-day-ma-tuy-xuyen-quoc-gia-thu-300kg-ma-tuy-da-20190320190305828.html (дата обращения: 20.03.2019).

По уголовному делу «Чан Ви» 28 марта 2019 г. полиция города Хошимина задержала с поличным двух подозреваемых: гражданина Тайваня и гражданина СРВ, перевозивших более 315 кг синтетических с целью сбыта[1].

Итак, вызовы наркосистемы потребовали существенных изменений антинаркотической государственной политики СРВ, что и было реализовано. Усиление противодействия незаконному обороту и потреблению наркотиков является необходимым требованием, вытекающим из национальных и международных интересов для СРВ и многих стран.

Проведенный нами анализ следственной и судебной практики позволяет сделать вывод о том, что в целях подготовки, совершения и сокрытия преступления наркопреступники часто используют следующие способы: дача взаймы, введение инъекций с наркотиками за выполненную работу или оказание услуг, возможно, это происходит на рынках, улицах, во дворах, в квартирах, в лесных массивах и других местах; купля-продажа наркотиков путем отправления экспресс-посылкой, обернутой устойчивыми против рентгенотелевизионного интроскопа материалами[2]; использование Интернета для купли-продажи наркотиков; использование уголовного жаргона для купли-продажи наркотиков и др.

Можно сказать, что в настоящее время использование уголовного жаргона является одним из самых популярных способов (средств) для совершения незаконных операций с наркотиками в криминальной среде. С одной стороны, использование уголовного жаргона позволяет преступникам секретно совершать преступные операции, а также, с другой стороны, скрывать суть преступных действий в общественных местах и избегать уголовного преследования от органов следствия.

К вопросу об уголовном жаргоне относятся научные работы следующих авторов: Т. В. Артемовой, М. К. Гайдай, М. В. Гусева, О. П. Дубягиной, Заур Зугумова, П. А. Катышева, Я. Э. Красковского, Маргариты Надель-Червиньской, Нгуен Тон Нхана, С. В. Оленева, Е. В. Пархоменко, Ю. С. Паули, Г. Ф. Смирнова, С. К. Соколовой, И. В. Степиной, Ф. Р. Хисамутдинова, Червинской Аурики, А. Е. Шалагина, В. В. Шемякиной [2] и других авторов. Опираясь на научные работы российских авторов, мы можем исследовать и анализировать особенности уголовного жаргона как способа незаконного оборота наркотиков.

По мнению В. Ф. Пирожкова, уголовный жаргон как специфический профессиональный язык запечатлевает преступный стиль мышления определенной представителей определённой социальной группы, и прежде всего — несовершеннолетних и молодежи [9, с. 190].

[1] Vụ vận chuyển gần 900 bánh heroin: Lộ đường dây buôn ma túy cực lớn: портал [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://baomoi.com/vu-van-chuyen-gan-900-banh-heroin-lo-duong-day-buon-ma-tuy-cuc-lon/c/30150384.epi (дата обращения: 29.03.2019).

[2] Việt Nam và Campuchia tăng cường phối hợp phòng chống ma túy trên tuyến biên giới: портал [Электронный ресурс]. Режим доступа : https://dantocmiennui.vn/luu/viet-nam-va-campuchia-tang-cuong-phoi-hop-phong-chong-ma-tuy-tren-tuyen-bien-gioi/116281.html (дата обращения: 22.11.2016).

Мы согласны с мнением В. В. Шемякина, который полагает, что «уголовный жаргон можно определить, как закономерное явление, отражающее специфику криминальной субкультуры, степень организованности и профессионализации преступной среды» [2].

По академическому определению Л. Скворцова, жаргон — это некая «социальная разновидность речи, характеризующаяся, в отличие от общенародного языка, специфической (нередко экспрессивно переосмысленной) лексикой и фразеологией, а также особым использованием словообразовательных средств» [10].

В. М. Мокиенко и Т. Г. Никитина считают, что жаргон — это «дефиниция, как представляется, довольно точно очерчивает круг лексем и фразем, оставшихся за пределами литературного языка и региональных диалектов и являющихся объектом жаргонографии» [7].

Нгуен Тон Нхан пишет, что «жаргон является специальным языком в каком-либо слое общества или круге лиц, который понимается только внутри того слоя общества или круга лиц» [8, с. 708].

На основе вышесказанного мы предлагаем понимать под уголовным жаргоном совокупность терминов и выражений, призванных изначально идентифицировать участников преступного сообщества как обособленную часть социума, противопоставляющую себя законопослушному обществу, их использование также имеет цель затруднить понимание смысла беседы или общения между деклассированными элементами со стороны малосведущих.

Как правило, уголовный жаргон не является случайностью, а представляет собой закономерное явление, отражающее специфику субкультуры преступной среды, степень ее организованности и профессионализма. К специфике уголовного жаргона относятся следующие особенности.

Прежде всего, уголовный жаргон характеризуется относительной массовостью, не все члены общества охвачены и пользуются уголовным жаргоном, связанным с преступной деятельностью, а только какая-то часть общества.

Во-вторых, уголовный жаргон родился и развивается вместе с преступностью, которая неодинакова, она изменяется в разных социально-экономических формациях (первобытнообщинной; рабовладельческой; феодальной; капиталистической и коммунистической). Изменчивость и повторяемость уголовного жаргона также отражается в закономерностях его использования в конкретной обстановке (время и место) преступления.

В-третьих, аморальность уголовного жаргона вытекает из аморальности самой преступной деятельности и преступного образа жизни.

В-пятых, легкость распространения и использования уголовного жаргона в несовершеннолетней и молодежной среде, что объясняется его образностью, выразительностью, таинственностью, ироничностью и привлекает несовершеннолетних и молодежь [9, с. 190].

В-четвертых, уголовный жаргон — это негативное социальное и уголовно-правовое явление. Он используется членами преступного сообщества, его важнейшей функцией является зашифровка мыслей и, тем самым, обеспечение живучести преступного

сообщества. Это достигается постоянным динамизмом уголовного жаргона (постоянными изменениями в нем, непрерывным обновлением его словаря).

И, наконец, уголовный жаргон — это явление, которое имеет международный характер, т. к. в условиях глобализации качественно меняются формы и содержание преступной деятельности, которые выходят за пределы государственных границ. Она разрушительна для любого государства и общества, оказывает деструктивное воздействие на экономику, общественные процессы и демократические институты[1]. Как было отмечено выше, уголовный жаргон выступает в качестве способа преступления, следовательно, он изменяется и развивается в соответствии с формами и содержанием транснациональной организованной преступности в настоящее время. Это значит, что уголовный жаргон не находится в пределах одной страны, однако он расширяется в международном масштабе.

Таким образом, знание особенностей уголовного жаргона не только помогает соответствующим органам вести борьбу с преступностью, применять меры, соответствующие положениям уголовного законодательства СРВ по выявлению, предупреждению, пресечению, расследованию и раскрытию дел о незаконном обороте наркотиков, но и способствует выявлению и последующему уточнению закономерностей становления, изменения, развития и использования уголовного жаргона как способа совершения незаконных операций с наркотиками.

По мнению Ю. К. Александрова, уголовный жаргон разделяется на: общеуголовный жаргон, которым пользуются как профессиональные преступники, так и обычные; специальные профессиональные уголовные жаргоны, присущие определенным «профессиям» преступников: шулерам, наркоманам, карманникам, вымогателям и т. д.; тюремный жаргон, употребляемый общностью преступников, но в основном в местах лишения свободы [1, с. 48].

На наш взгляд, в вышеуказанную классификацию входит также уголовный жаргон, используемой несовершеннолетними и молодежью. В уголовных делах о незаконном обороте наркотиков жаргон несовершеннолетних и молодежи помогает органам следствия обнаружить закономерности образования и использования языковых знаков (жаргона) как способа купли-продажи наркотиков. С одной стороны, в большинстве случаев, наркопотребители — это лица моложе 35 лет, которые являются основной рабочей силой в обществе. Примечательно, что 8 % наркоманов — подростки и студенты. Использование уголовного жаргона несовершеннолетними и молодежью представляет собой средство самоутверждения в преступной среде, даёт ощущение мнимого превосходства сообщества преступников над другими людьми. Кроме того, в настоящее время преступной деятельностью (например, незаконным оборотом наркотиков) занимаются

[1] *Патрушев Н. П.* Транснациональная преступность, взаимосвязь наиболее опасных ее видов — терроризма, наркотрафика, нелегальной миграции, незаконного оборота оружия и радиоактивных материалов, пиратства // Журнал: право и безопасность // М.: Изд-во межрегион. обществ. движ. за правовую поддержку отечественных товаропроизводителей. 2010. С. 20—23.: портал [Электронный ресурс]. Режим доступа https://elibrary.ru/item.asp?id=16336112 (дата обращения: 22.11.2016).

преступные организации и группы в международном масштабе, что требует владения иностранными языками. Известно, что несовершеннолетние и молодежь, оказавшись на территориях других стран, быстрее адаптируются в иноязычной среде и находят те пробелы, которыми можно воспользоваться за рубежом для подготовки, совершения и сокрытия преступлений и способов обогащения, в этом им очень помогает знание уголовного жаргона.

Следует отметить, что уголовный жаргон также формируется на основе лингвистических законов родного языка, обеспечивает не только связанность речи, ее ритмичность, соответствие законам стихосложения, но и взаимопонимание в речевом общении. С учётом особенностей родного языка и других национальных языков уголовный жаргон формируется путем:

— использования лексических законов родного или иностранного языка (обратных эвфемизмов или слов-заменителей) в целях образования тропов для замены пристойных, естественных и оригинальных в данном контексте слов непристойными, грубыми, неприличными или преступными. Например, так: *Chó vàng — «Чо ванг — желтая собака», при перевозке наркотиков, наркопреступники используют данное слово, чтобы намекать на полицию по безопасности дорожного движения;*

— изменения значения слов;

— использования слов в совершенно ином значении либо конструирования новых слов, *например: слов càn quét — «кан кхет — карательная экспедиция» — это следственные и оперативно-розыскные мероприятия правоохранительных органов; словосочетание nàng tiên trắng — «белая волшебница» — это героин;*

— временного или длительного использования совокупности синонимов и антонимов в создании и закреплении преступного словаря;

— использования заимствованных слов, связанных с наркотиками. Как правило, эти слова — результат перевода с иностранных языков (английского, камбоджийского, китайского, лаосского и др.) на вьетнамский язык. *Например, словосочетание phê ma túy — «ощущать или чувствовать наркотик» — перевод с английского: fell like drug;*

— использование языка (жаргона) местного населения в системе языков народов СРВ для совершения незаконных операций с наркотиками, особенно в горных провинциях на севере СРВ.

Таким образом, становление, изменение, развитие и использование уголовного жаргона как способ преступления основывается на закономерностях и принципах лексических законов родного или иностранного языка (обратных эвфемизмов или слов-заменителей) с целью обслуживания преступной деятельности и ее сокрытия.

Способ преступления выступает в качестве предмета исследования, интересующего многие отрасли права, миссией которых является обеспечение противодействия преступности, в том числе: уголовное право, уголовный процесс, криминология, криминалистика, судебная экспертиза, ОРД, судебная психология и т. п. С точки зрения криминалистики, в большинстве случаев способ преступления является одним из основных элементов криминалистической характеристики преступлений.

В связи с практическими потребностями криминалистики исследование и раскрытие способа преступления имеет большое значение. Более того, можно утверждать, что изучение сущности и раскрытие новых способов различных преступлений играют методологическую роль в борьбе с преступностью, потому что с их помощью утверждается неофициальный принцип криминалистики: «от способа совершения преступления — к способу его раскрытия». В соответствии с этим известный ученый-криминалист Р. С. Белкин считает: «способ совершения и сокрытия преступления, точнее — знание о нем, определяют путь познания истины по делу, т. е. метод раскрытия и расследования» [3].

Нгуен Нгок Хоа отмечает, что способ преступления — это метод совершения преступления, в том числе метод использования орудия и средства для совершения преступления [11].

Мы разделяем наиболее удачное определение, данное Н. П. Яблоковым, который рассматривает «способ совершения преступления (в криминалистическом смысле) является объективно и субъективно обусловленной системой поведения субъекта до, в момент и после совершения преступления, оставляющей различного рода характерные следы вовне, позволяющие с помощью криминалистических приемов и средств получить представление о сути происшедшего, своеобразии преступного поведения правонарушителя, его отдельных личностных данных и соответственно определить наиболее оптимальные методы решения задач раскрытия преступления»[1] [6, с. 76].

По сравнению с мнением Буй Киен Диена установлено, что «данные о способе совершения и сокрытия преступления являются элементом криминалистической характеристики» [4, с. 220].

Разделяя мнение Г. Г. Зуйкова, мы также считаем, что уголовный жаргон содержит все необходимые признаки способа преступления, поскольку его до настоящего времени широко используют наркопретупники при осуществлении незаконных операций с наркотиками. Уголовный жаргон является совокупностью взаимосвязанных и взаимообусловленных действий, отражающих в устной форме подготовку, совершение и сокрытие преступлений, детерминированных условиями внешней среды и свойствами личности, условиями места и времени и зачастую связанных с использованием соответствующих орудий и средств [5, с. 14].

Тем не менее в УК СРВ до настоящего времени не закреплено использование уголовного жаргона как способа незаконного оборота наркотиков, оно исследуется неофициально и специально со стороны правоохранительных органов в целях раскрытия и расследования преступлений данной категории. В целях ознакомления с распространенными уголовными жаргонами, связанными с незаконным оборотом наркотиков в СРВ, мы приводим следующую таблицу:

[1] Криминалистика: учебник. Т. I / под общ. ред. А. И. Бастрыкина. М.: Изд-во «Экзамен», 2014. 511 с.

№	Термин во вьетнамском языке	Перевод на русский язык	Криминалистическое значение (расшифровка термина)
1.	Cớm	*«Ком»*	Полиция
2.	Chó vàng	*«Чо ванг — желтая собака»*	Полиция по безопасности дорожного движения
3.	Xã hội đen	*«Са хой ден — черное обще-ство»*	Криминальная среда
4.	Đầu gấu	*«Дау гау»*	Лица, имеют судимость, криминальные связи, авторитет в криминальную среду и совершившие множество преступлений
5.	Chim chích	*«Чим чик»*	Несовершеннолетние и молодежь
6.	Quả tắc	*«Хка так»*	Сумка родственника заключенного
7.	Cắn kẹo	*«Кан кео»*	Принимание метилендиоксиметамфетамина или экстази
8.	Bin	*«Бин»*	Курение марихуаны
9.	Đập đá	*«Дап да»*	Курение кетамина
10.	Mua hàng	*«Муа ханг»*	Кража или разбой наркотиков
11.	Đi cộng	*«Ди конг»*	Покупка наркотиков
12.	Lắc	*«Лак»*	Истребование наркотиков
13.	Cái ly — «бокал»	*«Кай ли»*	1 бокал — наркотик стоит 40 млн вьетнамских донгов
14.	1 «nút áo» — «1 пуговичная рубашка»	*«1 Нут ао»*	1 «пуговичная рубашка» — наркотик стоит 120 тыс. вьетнамских донгов
15.	1 tờ «giấy đỏ» — «1 красная бумага»	*«1 Жаи до»*	1 «красная бумага» — наркотик стоит 100 тыс. вьетнамских донгов
16.	Tem giấy	*«Тем Жаи» или «бумажная марка»*	ЛСД — полусинтетическое психоактивное вещество из семейства лизергамидов.
17.	Kẹo	*«Кео» или конфет*	Метилендиоксиметамфетамин, MDMA, МДМА, 3,4-метилендиокси-N-метамфетамин экстази
18.	Meo meo	*«Мео мео»*	А-Пирролидинопентиофенóн — синтетический психостимулятор класса катинонов
Примечание: денежной единицей Вьетнама является вьетнамский донг, 1 рубль стоит около 365 вьетнамских донгов, 1 доллар стоит около 23 200 вьетнамских донгов.			

Вышеперечисленные термины не являются исчерпывающими и определяются динамикой незаконного оборота наркотиков в СРВ, типической тактической ситуацией, в которой происходит выявление признаков преступления и его расследование. А также они являются основой для обнаружения закономерностей незаконных операций с наркотиками путем использования уголовного жаргона и расследования преступлений данной категории. Тем не менее судить о степени развитости уголовного жаргона трудно, поскольку имеющиеся словари отражают лишь часть языка, которым пользуются члены преступного сообщества. Термины свидетельствуют лишь о том, в какой мере исследователи и сотрудники органов следствия знают этот язык, а не о практическом его состоянии, следовательно, в данном случае оперативное или конспиративное внедрение оперативного сотрудника или конфидента в криминальную среду оказывает содействие органам следствия в получении тщательно скрываемой информации на уголовном жаргоне в целях раскрытия и расследования закономерностей купли-продажи наркотиков.

Как уже отмечалось ранее, исследование особенностей уголовного жаргона и владение им необходимо для отражения внутригрупповой иерархической структуры преступного сообщества и закономерностей совершения незаконных операций с наркотиками. Каждый уголовный жаргон имеет свои наименования, значения и закономерности. Уточнив и обозначив каждого члена преступной группы, связанной с наркотиками, с помощью терминов уголовного жаргона, можно своевременно установить правила и закономерности поведения, режима работы продавца и покупателя наркотиков.

Уголовный жаргон выполняет функцию обслуживания преступной деятельности. Это является его главным назначением. Основная терминология в нем обозначает содержание и характер преступной деятельности, предметы, орудия, ситуации и объекты преступления, субъектов преступной деятельности, а также методы и способы подготовки, совершения и сокрытия преступлений и их следов и ухода от уголовного преследования и т. п.

Таким образом, уголовный жаргон призван обеспечить секретно и быстро процесс незаконного оборота наркотиков с целью сбыта «белого товара» и получения доходов от него, а также для сокрытия закономерностей и следов незаконных операций с наркотиками от контроля и преследования органов следствия. Решение обозначенных проблем, связанных с уголовным жаргоном, будет способствовать деятельности, направленной на выявление, предупреждение, пресечение, раскрытие и расследование преступлений данной категории, а также на борьбу с наркопреступностью в целом в СРВ.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Александров Ю. К.* Очерки криминальной субкультуры. М.: Права человека, 2002. 152 с.

2. *Артемова Т. В., Катышев П. А., Оленев С. В., Паули Ю. С., Соколова С. К.* Функции жаргона наркоманов и словообразовательные средства их осуществления (на материале социолингвистических опросов и словарей жаргона) // Вестник КемГУ. 2014. № 3 (59). С. 165—169; *Гайдай М. К., Кашина Л. А.* Татуировки и жаргон как наиболее наглядные проявления асоциальной девиантности несовершеннолетних // Вестник БГУ. 2012. № 14а. С. 107—110; *Гусев М. В.* Проблема распространения крими-

нальной субкультуры в России // Вестник КузГТУ. 2007. № 5. С. 106—111; *Современный русский жаргон уголовного мира*: Словарь-справочник / О. П. Дубягина, Г. Ф. Смирнов. М.: Юриспруденция. 2003. 352 с.; *Заур Зугумов*. Русскоязычный жаргон. Историко-этимологический, толковый словарь преступного мира. М.: Изд-во Кн. мир. — 2018. 728 с.; *Красковский Я. Э.* Уголовный жаргон // НиКа. 2014. № 2. С. 309-310.; *Надель-Червиньска Маргарита, Червинска Аурика*. Место уголовного жаргона в русскоязычной картине мира (шкала ценностей) // Политическая лингвистика. 2009. № 28. С. 125—132; *Нгуен Тон Нхан*. Вьетнамский словарь. Изд-во.: Хонг Дык. 2015. 825 с.; *Пархоменко Е. В*. Всегда ли мы понимаем? (опыт осмысления уголовного жаргона) // Вестн. Адыг. гос. ун-та. Сер. 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2010. № 4. С. 59—65; *Степина И. В*. Прагматика сленгизмов, характеризующих названия наркотических средств // Инновационная наука. 2016. № 3—3 (15). С. 189—190; *Хисамутдинов Ф. Р., Шалагин А. Е.* Криминальная субкультура и её предупреждение // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2015. № 2 (20). С. 46—52; *Шемякина В. В*. Криминальная субкультура как криминологическое явление // Проблемы современного российского права: сб. ст. междунар. науч.-практ. конф. студентов и молодых ученых, посвященная памяти д-ра юрид. наук, проф., Заслуж. деятеля науки РФ, чл.-корр. Петровск. акад. наук и искусств И. Я. Дюрягина (15—16 мая 2009 г.) / отв. ред. М. Г. Янин. Челябинск, 2009. 124 с.

3. *Белкин Р. С.* Курс криминалистики : учеб. пособ. / Р. С. Белкин. М.: ЮНИТИ-ДАНА; Закон и право, 2001. 837 с.

4. *Буй Киен Диен*. Наука уголовного расследования. Ханой: Изд-во: Народная полиция. 2017. 255 с.

5. *Зуйков Г. Г.* Криминалистическое учение о способе совершения преступления // Соц. законность. 1971. № 11. С. 14—19.

6. *Криминалистика*: учебник. Т. I / под общ. ред. А. И. Бастрыкина. М.: Изд-во «Экзамен», 2014. 511 с.

7. *Мокиенко В. М., Никитина Т. Г.* Предисловие // Большой словарь русского жаргона. М., 2000.

8. *Нгуен Тон Нхан*. Вьетнамский словарь. Изд-во Хонг Дык. 2015. 825 с.

9. *Пирожков В. Ф.* Криминальная психология. М.: «Ось-89», 2007. 704 с.

10. *Скворцов Л. Н.* Жаргон. // Русский язык: энцикл. / Гл. ред. Ю. Н. Караулов. 2-е изд. М., 1997.

11. *Уголовное право Вьетнама*. Часть Общая: учебник / под ред. Нгуен Нгок Хоа. 23 -е изд., перераб. и доп. Ханой: Изд-во народной милиции. 2017. 398 с.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Aleksandrov Yu. K. Sketches of the criminal subculture. M.: Human Rights, 2002. 152 p.

2. Artemova T. V., Katyshev P. A., Olenev S. V., Pauli Yu.S., Sokolova S.K. The functions of jargon of drug addicts and the word formative means of their implementation (on the material of sociolinguistic polls and jargon dictionaries) // Vestnik KemSU. 2014. № 3 (59). Pp. 165—169; Gaidai M. K., Kashina L. A. Tattoos and jargon as the most visible manifestations of the asocial deviance of minors // Bulletin of BSU. 2012. № 14a. Pp. 107—110; Gusev M. V. The problem of the spread of the criminal subculture in Russia // Bulletin KuzGTU. 2007. № 5.

Pp. 106—111: Modern Russian jargon of the criminal world: Dictionary-Directory / O. P. Dubyagina, G. F. Smirnov. M.: Jurisprudence. 2003. 352 p.; Zaur Zugumov: Russian-language jargon. Historical, etymological, explanatory dictionary of the underworld. Publishing: Book world. 2018. 728 p.; Kraskovsky Ya. E. Criminal Slang // NiKa. 2014. No. 2, pp. 309—310.; Nadel-Chervinska Margarita, Chervinsky Aurika. The place of criminal jargon in the Russian-language picture of the world (value scale) // Political linguistics. 2009. № 28. Pp. 125—132.; Nguyen Ton Nhan. Vietnamese dictionary. Publisher: Hong Duc. 2015. 825 p.; Parkhomenko E. V. Do we always understand? (experience of understanding the criminal jargon) // Bulletin of the Adyghe State University. Series 1: Regional Studies: Philosophy, History, Sociology, Jurisprudence, Political Science, Cultural Studies. 2010. № 4. Pp. 59—65; Stepina I. V. Pragmatics of Slangisms Characterizing Names of Narcotic Drugs // Innovative Science. 2016. № 3—3 (15). Pp. 189—190; Khisamutdinov F. R., Shalagin A. E. Criminal subculture and its warning // Bulletin of Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2015. № 2 (20). Pp. 46—52; Shemyakina V. V. Criminal subculture as a criminological phenomenon // Problems of modern Russian law: Coll. Art. international scientific-practical conf. students and young scientists dedicated to the memory of dr. legal Sci., Prof., Honored Scientist of the Russian Federation, Corresponding Member of the Petrovsky Academy of Sciences and Arts I. Ya. Dyuryagin (May 15—16, 2009) / resp. ed. M. G. Yanin. Chelyabinsk, 2009. 124 p.

3. Belkin R. S. The course of criminology: studies. manual / R. S. Belkin. M.: UNITY-DANA; Law and Law, 2001. 837 p.

4. Buy Kien Dien. The science of criminal investigation. Hanoi. Publisher: People's Police. 2017. 255 p.

5. Zuykov G. G. Forensic doctrine of the method of committing a crime // Soc. legality. 1971. No. 11. P. 14—19.

6. Forensics. Textbook. Volume I / under total. Ed. A.I. Bastrykin. M.: Exam Publishing House, 2014. 511 p.

7. Mokienko V. M., Nikitina T. G. Preface. // Large dictionary of Russian jargon. M., 2000.

8. Nguyen Ton Nhan. Vietnamese dictionary. Publisher: Hong Duc. 2015. 825 p.

9. Pirozhkov V. F. Criminal psychology. M.: "Os-89", 2007. 704 p.

10. Skvortsov L. N. Jargon. // Russian language. Encyclopedia / Ch. ed. Yu. N. Guard 2nd ed. M., 1997.

11. Criminal law of Vietnam. General Part: a textbook / ed. Nguyen Ngoc Hoa. 23rd ed., Pererab. and add. — Hanoi: Publishing House of the People's Militia. 2017. 398 p.

УДК: 343.98
DOI: 10.24411/2312-3184-2019-00044

Усачев Сергей Игоревич
командир взвода факультета правоохранительной деятельности Восточно-Сибирского института МВД России
E-mail: ysachef@list.ru

Usachev Sergey Igorevich
commander of a platoon of faculty of law-enforcement activity of the East Siberian institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation
E-mail: ysachef@list.ru

К ВОПРОСУ О МОШЕННИЧЕСТВЕ В СФЕРЕ АВТОСТРАХОВАНИЯ

Введение: в статье рассматриваются специфические черты совершения преступлений, связанных с мошенническими действиями в сфере автострахования. Определены характерные способы совершения мошенничеств в сфере автострахования. Исследованы причины, способствующие росту преступлений данной направленности. Указана роль использования специальных знаний при расследовании преступлений, связанных с мошенническими действиями в сфере автострахования.

Материалы и методы: нормативную основу исследования образуют Конституция Российской Федерации, уголовное, уголовно-процессуальное и административное законодательство, федеральные законы, локальные нормативно-правовые акты, регулирующие деятельность страховых компаний. Методологической основой исследования послужил общий диалектический метод научного познания, познавательные методы и приемы наблюдения, сравнения, анализа, обобщения и описания.

Результаты исследования позволили уточнить основные способы совершения мошенничества в сфере автострахования, а также значимость использования специальных знаний при расследовании уголовных дел данной категории.

Выводы и заключения: установление способов совершения мошеннических действий в сфере автострахования необходимо для дальнейшего качественного раскрытия, расследования и предупреждения преступлений данного вида. Использование специальных знаний на стадии предварительного расследования может послужить прочным подспорьем для формирования качественной доказательственной базы по уголовному делу.

Ключевые слова: мошенничество в сфере автострахования, способ совершения преступления, использование специальных знаний, полис ОСАГО, элементы криминалистической характеристики.

ON THE ISSUE OF FRAUD IN THE FIELD OF AUTO INSURANCE

Introduction: the article discusses the specific features of the Commission of crimes related to fraudulent actions in the field of auto insurance. The characteristic ways of committing fraud in the field of auto insurance. The reasons promoting growth of crimes of this orientation are investigated. The role of the use of special knowledge in the investigation of crimes related to fraudulent actions in the field of auto insurance is indicated.

Materials and methods: the normative basis of the study is formed by the Constitution of the Russian Federation, criminal, criminal procedure and administrative legislation, Federal laws, local legal acts regulating the activities of insurance companies. The methodological basis of the study was the General dialectical method of scientific knowledge, which has a universal character, as well as cognitive methods and techniques of observation, comparison, analysis, generalization and description.

The results of the study: allowed to clarify the main ways of committing fraud in the field of auto insurance, as well as the importance of the use of special knowledge in the investigation of criminal cases in this category.

Conclusions and conclusions: establishment of methods of commission of fraudulent activity in the sphere of car insurance is necessary for further high-quality disclosure, investigation and prevention of crimes of this type. Use of special knowledge at a stage of preliminary inquiry can serve as strong help for forming of qualitative evidentiary base on criminal case.

Keywords: fraud in the field of auto insurance, the method of committing a crime, the use of special knowledge, insurance policy, elements of forensic characteristics.

В настоящее время актуальными остаются преступления, связанные с мошенническими действиями. Анализ статистических данных показывает, что за период 2018 г. зарегистрировано 215 тыс. 36 преступлений, предусмотренных ст.ст. 159—159.6 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ), что составляет 10,7 % от общего количества зарегистрированных преступлений. Видов мошеннических действий существует достаточное количество. Так, в УК РФ отмечаются мошеннические действия с использованием электронных средств платежа, в сфере кредитования, при получении выплат, в сфере страхования, а также компьютерной информации.

Рассмотрим более детально один из актуальных видов мошенничества, совершенного в сфере автострахования. Этот вид преступлений стремительно растет, способы мошеннических действий изменяются, совершенствуются, что усложняет процесс раскрытия и расследования данной категории уголовных дел. Такие преступления характеризуются высокой степенью латентности, что затрудняет процесс обнаружения факта совершения деяния, а это зачастую приводит к тому, что они остаются недоказанными.

За период 2018 г. страховые компании направили в правоохранительные органы порядка шести тысяч заявлений о возбуждении уголовного дела по факту совершения мошеннических действий в сфере автострахования, однако только в 20 % случаев были возбуждены уголовные дела.

Установленный факт говорит о том, что сотрудники правоохранительных органов не имеют достаточно опыта в раскрытии и расследовании подобных преступлений, зачастую доводы страховых служб по проведенным ими проверкам в большинстве случаев остаются неубедительными для правоохранительных органов, кроме того, на сегодняшний день в подразделениях экспертно-криминалистических центров системы МВД России отсутствуют необходимые технические средства для проведения исследований и экспертиз, целью которых является получение устойчивой доказательственной базы по делам данной категории.

В настоящее время управление транспортным средством должно в обязательном порядке сопровождаться получением полиса обязательного страхования автогражданской ответственности (далее — ОСАГО). Данное требование применимо для всех автовладельцев, его несоблюдение влечет за собой административную ответственность. Так, согласно п. 2 ст. 12.37 КоАП РФ, неисполнение владельцем транспортного средства установленной федеральным законом обязанности по страхованию своей гражданской ответственности, а равно управление транспортным средством, если такое обязательное страхование заведомо отсутствует, — влечет наложение административного штрафа в размере восьмисот рублей.

Меры административной ответственности за данное правонарушение, согласно Кодексу об административных правонарушениях Российской Федерации (далее также — КоАП РФ), являются достаточно «мягкими» и зачастую не несут в себе предупредительной функции для правонарушителей. В этой связи в июле 2019 г. в Государственную думу Российской Федерации (далее — Госдума РФ) направлен законопроект № 734339-7 «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях». Согласно данным поправкам, предполагается дополнить КоАП РФ, а именно включить еще одну меру наказания за правонарушение — лишать водительских прав за повторное управление автомобилем без полиса обязательного страхования автогражданской ответственности[1]. В настоящее время данный законопроект находится на рассмотрении в Госдуме РФ.

Отметим, что стоимость полиса ОСАГО рассчитывается с помощью базового тарифа, а также дополнительных корректирующих коэффициентов. Данный тариф устанавливается каждой страховой компанией индивидуально, по своему усмотрению, опираясь лишь на указанный Центральным банком Российской Федерации (Центробанк РФ) интервал[2]. Поправочные коэффициенты также разрабатываются и утверждаются Центробанком РФ, но, в отличие от основного тарифа, они едины для всех.

Так, минимальные и максимальные размеры базовых ставок страховых тарифов в редакции 2014 г. для транспортных средств категории «В» для физических лиц составляли от 2 тыс. 440 до 2 тыс. 574 руб., в 2018 г. от 2 тыс. 746 до 4 тыс. 942 ру. Как прави-

[1] Сайт Государственной думы российской Федерации [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://sozd.duma.gov.ru/bill/734339-7.

[2] Федеральный закон от 25.04.2002 № 40-ФЗ (ред. от 01.05.2019) «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2019).

ло, страховые компании используют значение базового тарифа близкое к максимальному значению.

Анализируя статистическую отчетность размеров базовых ставок страховых тарифов, трудно не обратить внимания на высокий рост максимального размера ставок, который составил порядка 90 % в течение четырех лет. Такое положение вещей вполне оправданно, и одна из причин принятого решения обусловлена стремительным ростом преступлений в данной сфере. Повышение ставок негативно складывается на добросовестных гражданах, но при этом является вынужденной мерой для страховых компаний, «страдающих» от мошеннических действий. Рынок автострахования в РФ имеет достаточно большой оборот денежных средств, что зачастую привлекает преступников, желающих получить материальную выгоду путем совершения мошеннических действий.

На сегодняшний день рынок автострахования имеет большое количество разнообразных мошеннических схем. Одной из причин указанному обстоятельству служит многообразие субъектов преступления, в качестве которых могут выступать автовладельцы, представители страховых компаний, эксперты-оценщики, представители станции технического обслуживания (при направлении транспортного средства на ремонт). Все это, несомненно, затрудняет процесс раскрытия, расследования и предупреждения преступлений данного вида.

Рассматривая способы совершения мошеннических действий в сфере автострахования, необходимо отметить, что способ совершения преступлений — наиболее значимый структурный элемент криминалистической характеристики.

Данный элемент криминалистической характеристики преступлений обладает прочными корреляционными связями с другими элементами. Установление особенностей данного элемента криминалистической характеристики может стать прочным подспорьем в дальнейшем раскрытии и расследовании преступления.

Криминалистический аспект способа выражается фактическими свойствами совершенного деяния, которые позволяют выдвигать следственные версии о других значимых для доказывания элементах преступления, таких как мотив, цель, событие преступления, личность преступника, а на основе этих версий определять задачи и выстраивать ход расследования [1, с. 54].

Е. П. Ищенко способ совершения преступлений характеризует как объективно и субъективно обусловленную систему действий (бездействий) субъекта преступного посягательства, оставляющую характерные следы, которые с использованием основных криминалистических средств, методов и способов могут поспособствовать выяснению истинной сути деяния [2, с. 134].

Способ совершения преступлений — основополагающее звено в общей системе криминалистической характеристики преступных деяний. Рассматриваемый элемент позволяет выявлять и раскрывать сущность и содержание совершенного преступления, планировать, разрабатывать и совершенствовать средства и методы противодействия преступности. В этой связи изучение и использование данных о способах преступной деятельности приобретают особое значение [3, с. 127]. Полученные знания о способах совершения преступного деяния являются значимым элементом при построении методики расследования преступлений [4, с. 17].

При изучении способов совершения преступлений целесообразно выделить тот факт, что в систему данного понятия большинство ученых включает комплекс действий, сопряженных с подготовкой, совершением и сокрытием преступления. Однако следует отметить, что не все виды преступных деяний должны содержать структурные звенья данного понятия в полном объеме. Применение и реализация полноструктурной системы способа преступления характерны в случаях, когда деяния совершаются умышленно, заблаговременно, с определенным на то корыстным мотивом, а в некоторых случаях группой лиц по предварительному сговору. Таким образом, можно установить, что все этапы совершения преступления субъектом производятся при совершении умышленных преступлений, и в таком случае данные о способе совершения деяния являются главными, наиболее значимыми.

В данной статье нами предпринята попытка рассмотреть наиболее распространенные способы совершения мошенничества в сфере автострахования.

Так, к одному из способов можно отнести инсценировку дорожно-транспортных происшествий владельцами транспортных средств в целях получения денежной компенсации от страховой компании для самостоятельного проведения восстановительного ремонта транспортного средства. До марта 2017 г. мошенникам достаточно легко было инсценировать ДТП, участниками которого являлись автотранспортные средства с заранее установленными поврежденными деталями и механизмами на них. Однако после вступления в силу Федерального закона № 49-ФЗ от 28.03.2017 «О внесении изменений в Федеральный закон «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств», ситуация изменилась. Согласно закону, при наступлении страхового случая приоритет отдается направлению поврежденного транспортного средства на СТО, в целях производства восстановительного ремонта, за счет средств страховой компании. При этом определен перечень случаев, когда потерпевший может получить денежную компенсацию: при полной гибели транспортного средства; смерти потерпевшего, если потерпевший является инвалидом; в случаях причинения в результате ДТП тяжкого или средней тяжести вреда здоровью потерпевшего; если стоимость восстановительного ремонта поврежденного транспортного средства превышает 400 тыс. руб., при наличии соглашения между потерпевшим и страховой компанией; при отсутствии у страховщика возможности организовать проведение восстановительного ремонта.

Участились случаи, когда преступники обращаются в страховые компании в целях получения денежных средств, взамен восстановительного ремонта в связи с тем, что ущерб от ДТП превышает сумму 400 тыс. руб. Для этого мошенникам необходимо инсценировать ДТП с максимально дорогими к ремонту, либо замене объектами, к которым относятся детали обеспечения безопасности транспортного средства (подушки и ремни безопасности, электронный блок управления подушками безопасности). Данные детали при срабатывании, согласно положению Банка России № 432-П от 19 сентября 2014 г. «О единой методике определения размера расходов на восстановительный ремонт в отношении поврежденного транспортного средства», подлежат обязательной замене, а не ремонту, и к ним не применяется учет износа в зависимости от года выпуска транспортного средства и пробега, как по другим деталям и элементам. Для срабатывания по-

душек безопасности мошенники искусственным путем замыкают контакты, либо устанавливают уже раскрытые подушки безопасности.

К следующему способу совершения мошеннических действий относим различного рода фальсификации страхового случая либо его обстоятельств, таких как дата наступления дорожно-транспортного происшествия, подмена лица, управляющего транспортным средством при дорожно-транспортном происшествии (в основном применимо к случаям, когда в момент совершения ДТП лицо находилось в состоянии алкогольного опьянения, либо на момент происшествия отсутствовал полис обязательного страхования автогражданской ответственности).

Так, гражданин М. обратился в суд с иском о взыскании страхового возмещения страховой компанией Б., в связи с тем, что в результате совершенного дорожно-транспортного происшествия 7 февраля 2017 г. у гражданина М. было повреждено принадлежащее ему транспортное средство, по вине автомобиля, которым управлял гражданин Р. По данному факту гражданин М. обратился в страховую компанию Б., однако компанией было принято решение об отказе возмещения причиненного ущерба, ссылаясь на фальсификацию страхового полиса обязательного страхования автогражданской ответственности.

Так, страховой полис ОСАГО № 00000000003, выданный от имени страховой компании «Б» на автомобиль, принадлежащий гражданину М. на самом деле выдан другому лицу на автомобиль ВАЗ № 000. Основываясь на заключении проведенной по делу технической экспертизы документов, установлено, что полис обязательного страхования автогражданской ответственности, выданный на автомобиль, принадлежащий гр. М., является поддельным, на момент совершения дорожно-транспортного происшествия гражданская ответственность М. как владельца транспортного средства не была застрахована, следовательно, у страховой компании не возникло обязанности по выплате страхового возмещения[1].

Еще одним способом можно считать вступление в преступный сговор представителя страховой компании с лицом, ставшим потерпевшим при совершении дорожно-транспортного происшествия или экспертом-оценщиком, что может быть актуальным при искусственном завышении стоимости восстановительного ремонта автомобиля. При использовании данного способа совершения мошеннических действий представители страховой компании, эксперты-оценщики, в целях получения материальной выгоды вступают в преступный сговор с лицами, пострадавшими в результате дорожно-транспортного происшествия. Так, зачастую потерпевшие при совершении ДТП «договариваются» с указанными лицами для завышения стоимости и количества поврежденных деталей автомобиля, для дальнейшего возмещения понесенных убытков, от произошедшего дорожно-транспортного происшествия.

Отметим, что данные способы совершения мошенничества в сфере автострахования не являются окончательным. Существуют различные комбинации перечисленных способов совершения указанных преступлений, при этом изменения в законодательстве влияют и на способы совершения этих деяний.

[1] Дело № 20179937464666775 // Архив Кировского районного суда г. Иркутска, 2017.

Латентный характер мошенничества в сфере автострахования объясняет не только сложность раскрытия, расследования и предупреждения преступлений, но и объясняет необходимость всестороннего подхода к установлению фактов совершения противоправного деяния. Так, с целью всестороннего и объективного расследования фактов мошенничества в сфере автострахования вполне объяснимо повышение роли результатов использования специальных знаний в собирании, исследовании, оценке и реализации доказательств [5, с. 122]. Для данного вида преступлений характерны такие виды экспертиз как: автотехническая, включающая в себя исследование обстоятельств дорожно-транспортного происшествия, технического состояния деталей и узлов транспортных средств, следов на транспортных средствах и месте дорожно-транспортного происшествия (транспортно-трасологическая диагностика), маркировочных обозначений транспортных средств; технико-криминалистическая экспертиза документов и трасологическая экспертиза, в части исследования транспортных средств.

Применение специальных знаний помогут установить обстоятельства совершенного преступления, послужат доказательственной базой по возбужденному уголовному делу, качественным подспорьем для установления обстоятельств совершенного деяния, что, в конечном итоге, благоприятно отразится на всем процессе предварительного расследования. Так, согласимся с мнением О. П. Грибунова и А. В. Варданяна, которые в своих трудах отмечали, что «собранная по делу криминалистически значимая информация используется для оценки сложившейся следственной ситуации предупредительного характера, выдвижения версий и принятия организационных решений по предупреждению преступлений» [6, с. 327].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Малыхина Е. А.* Методика расследования хищений комплектующих деталей объектов железнодорожного транспорта: дис. ... канд. юрид. наук / Е. А. Малыхина. Ростов н/Д., 2018. 196 с.

2. *Ищенко Е. П.* Криминалистика: курс лекций / Е. П. Ищенко. М.: Контракт: АСТ-Москва, 2007. 416 с.

3. *Малыхина Е. А.* Способ совершения преступлений как основной структурный элемент криминалистической характеристики хищений комплектующих деталей железнодорожного транспорта // Проблемы правоохранительной деятельности. 2016. № 4. С. 126—130.

4. *Варданян А. В.* Принципы формирования частных криминалистических методик: современное состояние и пути совершенствования / А. В. Варданян, О. В. Айвазова // Изв. Тул. гос. ун-та. Экон. и юрид. науки. 2016. № 1—2. С. 17–23.

5. *Аминев Ф. Г.* Об интеграции специальных знаний в судебной экспертизе // Современные проблемы отечественной криминалистики и перспективы ее развития: сб. всерос. науч.-практ. конф. (с межд. участием), Краснодар, 2018. С. 122—127.

6. *Грибунов О. П.* Прикладные задачи и профилактические операции криминалистического предупреждения преступлений против собственности на транспорте / О. П. Грибунов, А. В. Варданян // Деятельность правоохранительных органов в совре-

менных условиях: сб. науч. тр. Иркутск: Изд-во ФГКОУ ВО ВСИ МВД России, 2016. С. 326—331.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Malykhina E. A. Technique of investigation of plunders of accessories of objects of railway transport: yew. ... edging. юрид. sciences / E. A. Malykhina. Rostov on D., 2018. 196 pages.

2. Ishchenko E. P. Kriminalistika: course of lectures / E. P. Ishchenko. M.: Contract: Nuclear heating plant Moscow, 2007. 416 pages.

3. Malykhina E. A. Way of commission of crimes as basic structural element of criminalistic characteristic of plunders of accessories of railway transport//Problem of law-enforcement activity. 2016. No. 4. Page 126—130.

4. Vardanyan A. V. Principles of formation of private criminalistic techniques: current state and ways of improvement / A. V. Vardanyan, O. V. Ayvazova//Izv. Toole. state. un-that. Ekon. and юрид. sciences. 2016. No. 1—2. Page 17—23.

5. Aminev F. G. About integration of special knowledge in judicial examination//Modern problems of domestic criminalistics and the prospect of its development. Krasnodar, 2018. Page 122—127.

6. Gribunov O. P. Applied problems and preventive operations of criminalistic prevention of property offenses on transport / O. P. Gribunov, A. V. Vardanyan//Activity of law enforcement agencies in modern conditions: сб. науч. тр. — Irkutsk: VSI Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation VO FGKOU publishing house, 2016. Page 326—331.

УДК: 343.98
DOI: 10.24411/2312-3184-2019-00045

Щербаченко Александр Константинович
доцент кафедры криминалистики и оперативно-разыскной деятельности Ростовского юридического института МВД России
кандидат юридических наук
E-mail: rui@mvd.ru

Scherbachenko Alexander Konstantinovich
associate Professor of criminalistics and operational-investigative activities Rostov law Institute of the Ministry of Internal affairs of the Russian Federation
Candidate of Law Sciences
E-mail: rui@mvd.ru

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ МОШЕННИЧЕСТВ, СОВЕРШЕННЫХ ГРУППОЙ ЛИЦ, КАК ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ БАЗОВОЙ МЕТОДИКИ ИХ РАСКРЫТИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ

Введение: криминалистическая классификация мошенничеств, совершенных группой лиц, закладывает основу для криминалистического исследования на монографическом уровне в целях формирования соответствующей базовой методики их раскрытия, расследования и предупреждения. Объектом исследования в статье выступили мошенничества, совершенные группой лиц, и особенности их раскрытия, расследования и предупреждения, а предметом — закономерности механизма подготовки, совершения, сокрытия мошенничеств, совершенных группой лиц, возникновения информации, закономерности их раскрытия, расследования и предупреждения.

Материалы и методы: нормативно-правовую базу исследования составили Конституция РФ, уголовное законодательство, уголовно-процессуальное законодательство, регламентирующее раскрытие, расследование и предупреждение мошенничеств, совершенных группой лиц, данные официальной статистики за последние пять лет, результаты анализа уголовных дел по ст.ст. 159, 159.1, 159.2, 159.3, 159.5, 159.6 УК РФ. Основополагающим методом познания мошенничеств, совершенных группой лиц, в рамках настоящей статьи стал классификационный метод, основу авторской позиции составили диалектический метод, системный и деятельностный подходы.

Результаты исследования: впервые в науке криминалистике представлена классификация мошенничеств, совершенных группой лиц; сформированы основания для формирования и развития базовой методики раскрытия, расследования и предупреждения мошенничеств, совершенных группой лиц.

Выводы и заключения: необходимость разработки вопросов раскрытия, расследования и предупреждения мошенничеств, совершенных группой лиц, выступает как теоретическая и практическая проблема, требующая решения с применением криминалистического инструментария. Среди основных методов такого познания лежит класси-

фикационный метод и разрабатываемая в результате криминалистическая классификация мошенничеств, совершенных группой лиц, которая нацелена на получение системы знаний в рамках соответствующей базовой методики.

Ключевые слова: криминалистика, криминалистическая классификация, мошенничество, группа лиц, базовая методика, раскрытие, расследование, предупреждение преступлений.

FORENSIC CLASSIFICATION OF FRAUD COMMITTED BY GROUP OF PERSONS AS THE SOURCE OF FORMATION OF THE BASIC METHODS OF THEIR DETECTION AND INVESTIGATION

Introduction: Criminalistics classification of frauds committed by a group of persons provides the basis for forensic research at the monographic level to form an appropriate basic methodology for their disclosure, investigation and prevention. The object of the study in the article were frauds committed by a group of persons, and the features of their disclosure, investigation and prevention, and the subject — the laws of the mechanism of preparation, commission, concealment of fraud committed by a group of persons, the emergence of information, patterns of their disclosure, investigation and prevention.

Materials and methods: the legal framework of the study was the Constitution of the Russian Federation, criminal law, criminal procedure law governing the disclosure, investigation and prevention of fraud committed by a group of persons, the official statistics for the last five years, the results of the analysis of criminal cases under art. 159, 159.1, 159.2, 159.3, 159.5, 159.6 of the criminal code of the Russian Federation. Within the framework of this article, the classification method has become the fundamental method of cognizing fraud committed by a group of persons; the author's position is based on the dialectic method, systemic and activity approaches.

Results: for the first time in the science of forensics, a classification of fraud committed by a group of persons is presented; grounds have been formed for the formation and development of a basic methodology for the disclosure, investigation and prevention of fraud committed by a group of persons.

Summary and conclusion: the need to develop issues of disclosing, investigating and preventing fraud committed by a group of individuals acts as a theoretical and practical problem that needs to be solved using forensic tools. Among the main methods of such cognition is the classification method and the resulting criminalistics classification of fraud committed by a group of people, which is aimed at obtaining a knowledge system within the framework of the corresponding basic methodology.

Keywords: forensic science, forensic classification, fraud, a group of people, the basic methodology, disclosure, investigation, crime prevention.

По данным официальной статистики, в РФ почти половину всех зарегистрированных преступлений составляют хищения чужого имущества, совершенные путем кражи, мошенничества, грабежа, разбоя. Каждое восьмое преступление в России — это мошенничество (12,7 %). Только за январь — март 2019 г. в РФ совершено более 38 тыс. мошенничеств группой лиц [11].

Наибольший рост числа мошенничеств в разрезе субъектов РФ зарегистрирован в Ростовской области (+46 %), что выше показателя по г. Москве [14].

Причины роста и качественных изменений мошенничества различны. К наиболее значимым, по нашему мнению, относятся: латентность, групповой характер, цифровизация преступности и появление новых способов преступлений; не надлежащая криминалистическая деятельность субъектов по раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений; отсутствие современных методических криминалистических разработок, средств и методов, а также ряд других факторов объективного и субъективного характера. Мошенничество, совершенное в группе, выступает одним из латентных видов хищений.

Цифровизация преступности, в целом, и появление новых способов преступлений, в частности, наиболее активно проявляются в мошенничествах, совершенных группой лиц.

Роль таких изменений для дальнейшего развития криминалистической науки достаточно точно подметили А. В. Варданян и А. С. Андреев: «смена технологий при переходе к цифровому формату проявляется во всех сферах социума, в том числе закономерно изменяет не только преступность и посткриминальную действительность, но и систему деятельности правоприменительных органов» [4, с. 785]. Особо ценно в теоретическом и прикладном аспектах то, что проведённые исследования позволили ученым-криминалистам выделить «ряд закономерностей и взаимосвязей преступной и посткриминальной действительности, составляющих предмет криминалистики» [4, с. 786].

Не последнее место в возникновении сложностей и проблем, рисков и ошибок в практике раскрытия, расследования и предупреждения мошенничества занимает отсутствие научного и методического обеспечения, в том числе базовой методики раскрытия, расследования и предупреждения мошенничеств, совершенных группой лиц. Так, по результатам опроса субъектов раскрытия, расследования и предупреждения мошенничеств, совершенных группой лиц (n=144), более трех четвертей столкнулись с наличием обозначенных выше проблем.

Идея создания базовой методики раскрытия, расследования мошенничеств не нова. Так, В. Ю. Белицкий в 2015 г. для ее обоснования отмечает, что «по специальности 12.00.09 и 12.00.12 защищено более 40 диссертаций по тематике, связанной с раскрытием и расследованием мошенничеств. В проведенных научных исследованиях проблемы раскрытия, расследования и судебного разбирательства мошенничеств как цельного социально-правового явления не подвергались изучению [3, с. 4]». Дальнейшие исследования учеными-криминалистами в данном направлении за последние годы не осуществлялись, судя по проведенному нами анализу криминалистической литературы, несмотря на реальные потребности и научные возможности. При этом по результатам проведенного нами изучения статистических данных, каждое второе-третье мошенничество совер-

шается в группе. Особо отметим, что именно по делам о мошенничестве, совершенных группой лиц, наиболее часто проявляются новые и изощренные способы совершения мошенничеств.

Указанные обстоятельства повлияли на выбор темы проводимого исследования, а отсутствие криминалистической классификации мошенничеств, совершенных группой лиц, как основы для формирования базовой методики, предопределило актуальность, объект, предмет, гипотезу и содержание настоящей статьи.

Для познания такого объекта как мошенничества, совершенные группой лиц, и особенностей их раскрытия, расследования и предупреждения в криминалистике, необходимо представить криминалистическую классификацию, с учетом уголовно-правовых и криминалистических оснований, при этом первое гораздо шире второго, второе переопределяет содержание первого, но не ограничивает его.

Р. С. Белкин пишет о том, что «криминалистика решает свои задачи, применяя определенные методы исследования» [12, с. 27]. В. А. Образцов, как основоположник классификационного подхода в криминалистике, отмечает, что «криминалистическая классификация преступлений — необходимое условие эффективного познания» [13, с. 5]. А. Ю. Головин, в свою очередь, считает, что «классификационный метод является одним из важнейших средств криминалистического изучения преступной деятельности». Поскольку, по его мнению, «именно в результате таких классификационных исследований формируется наиболее полная и разветвленная система криминалистических понятий и терминов, характеризующих преступление как объект криминалистического познания, создается база для последующих научных исследований преступлений отдельных видов, представления их результатов с использованием единой системной, понятийно-терминологической основы, разработки рекомендаций» [10, с. 10].

В УК РФ, раздел VIII «Преступления в сфере экономики», глава 21 «Преступления против собственности» для криминалистического изучения мошенничеств, совершенных группой лиц, и особенностей их раскрытия, расследования и предупреждения, следует выделить:

— п. 2. п. 4 ст. 159 УК РФ «Мошенничество»;

— п. 2. п. 4 ст. 159.1 УК РФ «Мошенничество в сфере кредитования»;

— п. 2. п. 4 ст. 159.2 УК РФ «Мошенничество при получении выплат»;

— п. 2. п. 4 ст. 159.3 УК РФ «Мошенничество с использованием электронных средств платежа»;

— п. 2. п. 4 ст. 159.5 УК РФ «Мошенничество в сфере страхования»;

— п. 2. п. 4 ст. 159.6 УК РФ «Мошенничество в сфере компьютерной информации».

Как отмечает И. О. Автандилова, «мошенничество от других составов хищения чужого имущества отличается специфическими способами его совершения — обман и злоупотребление доверием. Для мошенничества характерен добровольный акт передачи имущества. При совершении мошенничества виновный воздействует на сознание потерпевшего, склоняя его путем обмана или злоупотребления доверием к передаче имущества. Обман или злоупотребление доверием возможны и при совершении краж, но они используются не для завладения имуществом, а доступа к имуществу, проникно-

вения в жилище, помещение или иное хранилище и т. п., либо для сокрытия уже совершенной кражи» [1, с. 221].

Особо отметим, что статья 165 УК РФ «Причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием», несмотря на имеющиеся дискуссии, не может быть включена в обозначенную классификацию, поскольку способ совершения преступления направлен не на хищение, а на причинение ущерба.

Таким образом, криминалистическая классификация мошенничеств, совершенных группой лиц, как основание для построения базовой методики их раскрытия, расследования и предупреждения должна включать следующие группы:

— преступная группа и субъект преступления;

— способы мошенничеств, совершенных группой лиц (подготовка, совершение, сокрытие);

— способы посткриминального противодействия раскрытию и расследованию данного вида хищения [2, с. 101];

— потерпевший и его виктимное поведение;

— предмет и преступный результат мошенничества, совершенного группой лиц;

— время, место, обстановка мошенничества, совершенного группой лиц.

Преступная группа и субъект преступления, как группа для классификации, включает: наличие предварительного сговора, устойчивость, организованность, количество участников, время существования, наличие лидера и других участников группы и т. д. Указанные характеристики позволяют раскрыть содержание способов подготовки, совершения и сокрытия данного вида хищения путем мошенничества, наличие зависимости между деятельностью группы и поведением лидера, структурой группы.

Способы мошенничеств, совершенных группой лиц (подготовка, совершение, сокрытие), являются основной группой для классификации и включают признаки наличия или отсутствия: полноструктурности способа, соисполнителей, применяемых технологий, в том числе цифровизации, сферы реализации (страхования, кредитования, компьютерной информации) и т. д.

Например, Jau-Shien Chang и Wen-Hsi Chang выявили, что «мошенники онлайн-аукционов постоянно следят за контекстными ситуациями аукциона и, соответственно, изменяют свои стратегии поведения, чтобы отвлечь внимание от своих целей, для возможного сокрытия. Согласно результатам кластерного анализа проверенных мошенников, выявлено четыре типичных типа мошенничества: «агрессивный», «классический», «высокозатратный» и «низкопрофильный» [16, с. 79].

Указанные особенности сокрытия и противодействия проявляются не только за рубежом, но и в России при расследовании преступлений в условиях андеграундной экономики [15, с. 820].

В классификационной группе «Поведение и характеристика потерпевшего» следует выделить следующие признаки: виктимность поведения, имущественный статус потерпевшего, наличие и степень знакомства и ряд других.

Непосредственный объект, предмет и преступный результат мошенничества, совершенного группой лиц, как основание для криминалистической классификации, вклю-

чают: наступление преступного результата, характеристика непосредственного объекта и предмета хищения путем мошенничества.

Классификационная группа «Время, место, обстановка мошенничества, совершенного группой лиц» включает: сезон и время совершения; место мошенничества и связь с группой; место мошенничества и связь со способом и ряд других.

Как отмечают А. В. Варданян, О. П. Грибунов и другие, «рассматривая вопросы современной доктрины методико-криминалистического обеспечения расследования отдельных видов преступлений, в настоящее время, учитывая уровень развития общественных отношений, раскрытие и расследование преступлений практически невозможно без научного осмысления, при этом разработка рекомендаций по расследованию отдельных видов преступлений, а также формирование и развитие методологических основ криминалистической методики является одним из приоритетных направлений развития криминалистики» [5, с. 5; 6, с. 23; 7, с. 745; 8, с. 169; 9, с. 40].

Результаты проведенного исследования позволяют сделать ряд выводов и положений.

Рост числа мошенничеств, их латентность, групповой характер, появление новых способов совершения мошенничества с использованием цифровых технологий, с одной стороны, и ненадлежащая криминалистическая деятельность субъектов по их раскрытию, расследованию и предупреждению — с другой, диктуют необходимость осуществления разработок по созданию новых научных положений и основанных на них рекомендаций по эффективному раскрытию и расследованию мошенничеств, совершенных группой лиц, в рамках укрупненной базовой криминалистической методики.

Криминалистическая классификация мошенничеств, совершенных группой лиц, как основание для построения базовой методики их раскрытия, расследования должна учитывать следующие признаки: преступная группа и субъект преступления; способы мошенничеств, совершенных группой лиц (подготовка, совершение, сокрытие); способы посткриминального противодействия раскрытию и расследованию данного вида хищения; потерпевший и его виктимное поведение; предмет и преступный результат мошенничества, совершенного группой лиц; время, место, обстановка мошенничества, совершенного группой лиц.

Итак, необходимость разработки вопросов раскрытия, расследования и предупреждения мошенничеств, совершенных группой лиц, выступает как теоретическая и практическая проблема, требующая решения с применением криминалистического инструментария. Среди основных методов такого познания лежит классификационный метод и разрабатываемая в результате криминалистическая классификация мошенничеств, совершенных группой лиц, которая нацелена на получение системы знаний в рамках соответствующей базовой методики.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Автандилова И. О.* Отличие мошенничества от смежных преступлений: проблемы квалификации // Пробелы в рос. законодательстве. 2010. № 2. С. 221—223.

2. *Андреев А. С.* Адаптивное противодействие правоприменению: понятие, обзор, постановка проблемы // Вестн. Алт. акад. экономики и права. 2019. № 6 (ч. 2). С. 100—104.

3. *Белицкий В. Ю.* О необходимости разработки базовой методики раскрытия, расследования и судебного разбирательства мошенничеств // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2015. № 13—1. С. 3—5.

4. *Варданян А. В.* Беспилотные летательные аппараты как сегмент цифровых технологий в преступной и посткриминальной действительности / А. В. Варданян, А. С. Андреев // Всерос. криминол. журн. 2018. Т. 12, № 6. С. 785—794. DOI: 10.17150/2500-4255.2018.12(6).785-794.

5. *Варданян А. В.* Расследование мошенничества, связанного с осуществлением инвестиционных проектов на предприятиях железнодорожного транспорта: учеб. пособ. / А. В. Варданян, О. П. Грибунов, П. А. Капустюк, А. Л. Пермяков, С. В. Унжакова. Иркутск: Изд-во Восточно-Сибирского института МВД России, 2018. 92 с.

6. *Варданян А. В., Грибунов О. П.* Современная доктрина методико-криминалистического обеспечения расследования отдельных видов преступлений // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2017. № 2 (81). С. 23—34. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/ sovremennaya-doktrina-metodiko-kriminalisticheskogo-obespecheniya-rassledovaniya-otdelnyh-vidov-prestupleniy (дата обращения: 07.06.2019).

7. *Варданян А. В., Казаков В. В.* Криминалистический анализ субъектов преступлений, связанных с воспрепятствованием законной предпринимательской или иной деятельности, как фактор повышения результативности расследования // Криминол. журн. Байк. гос. ун-та экономики и права. 2015. Т. 9. № 4. С. 745—754.

8. *Варданян А. В.* Криминалистическая превенция в системе государственных мер по предупреждению преступности // Вестн. Том. гос. ун-та. 2018. № 430. С. 169—173.

9. *Варданян А. В., Кулешов Р. В.* Генезис экстремизма и терроризма в России как ретроспективный аспект криминалистического научного познания // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2015. № 3 (31). С. 40—45.

10. *Головин А. Ю.* Базовые криминалистические классификации преступлений // Изв. ТулГУ. Экон. и юрид. науки. 2013. № 2—2. С. 10—39.

11. Краткое состояние преступности в РФ за январь-март 2019 года. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://мвд.рф/reports/item/16523390 (дата обращения: 05.06.2019).

12. Криминалистика. Т. 1. Под ред. проф. Р. С. Белкина, В. П. Лаврова, И. М. Лузгина. М.: Академия МВД СССР, 1987. 356 с.

13. *Образцов В. А.* Криминалистическая классификация преступлений. расноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1988. 175 с.

14. Ростовская область, Москва и Башкортостан стали лидерами по росту случаев мошенничества [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://tass.ru/ obschestvo/6381696 (дата обращения: 08.06.2019).

15. Andreev A. S., Andreeva O. V., Bondareva G. V., Osyak V. V. Understanding the underground economy // European Research Studies Journal. 2018. Т. 21. № 4. С. 814—822.

16. Jau-Shien Chang, Wen-Hsi Chang, Analysis of fraudulent behavior strategies in online auctions for detecting latent fraudsters, Electronic Commerce Research and Applications, Volume 13, Issue 2, 2014, Pages 79—97.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Avtandilova I. O. Difference from fraud related offences: problems of qualification // Gaps in Russian legislation. 2010. № 2. Pp. 221—223.

2. Andreev A. S. Adaptive counteraction to law enforcement: concept, review, problem statement // Bulletin of the Altai Academy of Economics and law. 2019. № 6 (part 2). Pp. 100—104.

3. Belitsky V. Y. On the need to develop a basic methodology for the disclosure, investigation and trial of fraud // Actual problems of combating crimes and other offenses. 2015. № 13—1. Pp. 3—5.

4. Vardanyan A. V. Unmanned aerial vehicles as a segment of digital technologies in criminal and post-criminal reality / A. V. Vardanyan, A. S. Andreev // All-Russian criminological journal. 2018. Vol. 12, № 6. Pp. 785—794. DOI.: 10.17150/2500-4255.2018.12(6).785-794.

5. Vardanyan A. V., Gribunov O. P., Kapustyuk P. A., Permyakov, A. L., Unzhakov S. V. Investigation of fraud associated with the implementation of investment projects on railway transport enterprises. Irkutsk: of the East Siberian Institute of the Russian interior Ministry, 2018. 92 p.

6. Vardanyan A. V., Gribunov O. P. the Modern doctrine of the methodical-criminal maintenance of investigation of certain types of crimes // Bulletin of the East Siberian Institute of MIA of Russia. 2017. № 2 (81). Pp. 23—34. URL: https://cyberleninka.ru/ article/n/ sovremennaya-doktrina-metodiko-kriminalisticheskogo-obespecheniya-rassledovaniya-otdelnyh-vidov-prestupleniy (accessed: 07.06.2019).

7. Vardanyan A. V., Kazakov V. V. Forensic analysis of the subjects of crimes related to the obstruction of legitimate business or other activities as a factor in improving the effectiveness of the investigation // Criminological journal of the Baikal state University of Economics and law. 2015. Vol. 9. No. 4. Pp. 745—754.

8. Vardanya A. V. Forensic prevention in the system of state measures for crime prevention // Bulletin of Tomsk state University. 2018. № 430. Pp. 169—173.

9. Vardanyan A. V., Kuleshov R. V. Genesis of extremism and terrorism in Russia as a retrospective aspect of forensic scientific knowledge // Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of internal Affairs of Russia. 2015. № 3 (31). Pp. 40—45.

10. Golovin A. Y. Basic criminalistic classification of crimes // Izvestiya Tulgu. Economic and legal Sciences. 2013. № 2—2. Pp. 10—39.

11. A brief state of crime in Russia in January-March 2019. URL: https://мвд.рф/ reports/item/16523390 (accessed: 05.06.2019).

12. Criminalistics. Vol.1. Under the editorship of professors R. S. Belkin, V. P. Lavrov, I. M. Luzgin. — Moscow: Academy of the USSR, 1987. 356 p.

13. Obrazcov V. A. Forensic classification of crimes. Krasnoyarsk: publishing house of Krasnoyar. UN-TA, 1988. 175 p.

14. Rostov region, Moscow and Bashkortostan have become leaders in the growth of fraud. URL: https://tass.ru/obschestvo/6381696 (accessed: 08.06.2019).

15. Andreev A. S., Andreeva O. V., Bondareva G. V., Osyak V. V. Understanding the underground economy // European Research Studies Journal. 2018. Vol. 21. No. 4. Pp. 814—822.

16. Jau-Shien Chang, Wen-Hsi Chang, Analysis of fraud behavior strategies in online auctions for detecting latent fraudsters, Electronic Commerce Research and Applications, Volume 13, Issue 2, 2014, Pp. 79—97.

УДК: 343.985
DOI: 10.24411/2312-3184-2019-00046

Шурухнов Николай Григорьевич
главный научный сотрудник
Научно-исследовательского института
ФСИН России
доктор юридических наук, профессор
E-mail: matros49@mail.ru

Shurukhnov Nikolai Grigorievich
chief researcher of the National Research
Institute of the Penal System of the Russian
Federation
doctor of law, professor
E-mail: matros49@mail.ru

Мерецкий Николай Евгеньевич
профессор кафедры криминалистики
Дальневосточного юридического
института МВД России
доктор юридических наук, профессор
заслуженный юрист
Российской
Федерации
E-mail: ugpd@rambler.ru

Meretsky Nikolay Evgenievich
professor of the Departmnt of Criminalistics,
Far Eastern Law Institute of the Ministry
of Internal Affairs of the Russian Federation,
doctor of law, professor,
honored lawyer of the Russian Federation
E-mail: ugpd@rambler.ru

Гелюс Татьяна Феликсовна
доцент кафедры криминалистики
Дальневосточного юридического
института МВД России
кандидат юридических наук, доцент
E-mail: gelustf@mail.ru

Gelyus Tatyana Feliksovna
associate professor of the Department
of Criminalistics Far Eastern Law Institute
of the Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation
candidate of law, associate professor
E-mail: gelustf@mail.ru

ОСНОВАНИЯ КЛАССИФИКАЦИИ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЙ, РЕАЛИЗУЕМЫХ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, И МЕСТО В НИХ ИНФОРМАТИЗАЦИИ

Введение: в статье на основе анализа изменений и дополнений уголовно-процессуального законодательства, регламентирующего производство различных следственных и процессуальных действий, приводится и анализируется видовая характеристика информатизации, являющаяся основанием для классификации процессуальных средств, базирующихся на информационных технологиях. При этом авторы отмечают, что основной задачей при формировании приведенной классификации, регламентирующей производство различных следственных действий, является научная разработка основ процесса доказывания, приемов и методов собирания доказательств по расследуе-

мому делу с обязательным учетом определенной следственной ситуации складывающейся по уголовного делу и соответственно конкретного алгоритма расследования.

Материалы и методы: материалами исследования явилось уголовно-процессуальное законодательство, регламентирующее производство различных следственных действий. В контексте диалектического метода и во взаимосвязи с ним в ходе исследования использовались: логический метод (при изложении всего материала, формулировании выводов); метод сравнительного правоведения (при анализе положений уголовно-процессуального законодательства); контент-анализ (в процессе выборки и анализа отдельных положений уголовно-процессуального законодательства); эмпирический метод (при анализе материалов уголовных дел, изучении нормативной, научной и специальной литературы); метод системного анализа и моделирования (при разработке классификации процессуальных средств, базирующихся на информационных технологиях) и др.

Результаты исследования позволят следователю выработать процессуальную позицию по делу, в целях реализации различных процессуальных действий при расследовании преступлений, поскольку с появлением новых направлений в раскрытии и расследовании преступлений, возникла необходимость иного, более скрупулезного подхода к проведению следственных и процессуальных действий, предусматривающая разработку тактических приемов, позволяющих изобличать субъектов, совершивших преступление.

Выводы и заключения: значение предложенного авторами подхода регламентирующего производство различных следственных и процессуальных действий представляется в том, что у следователя появляется возможность выбрать целесообразные направления в получении доказательств по конкретному уголовному делу, улучшить имеющуюся методику расследования преступления и на основании закономерностей следообразования и получения предельной информации о преступлении и преступнике определить их место в системе доказывания.

Ключевые слова: уголовно-процессуальное законодательство, следственные и процессуальные действия, основания, классификация, виды, информатизация, информационные технологии.

THE BASIS OF CLASSIFICATION OF PROCEDURAL ACTIONS IMPLEMENTED DURING THE INVESTIGATION OF CRIMES, AND THE PLACE OF INFORMATIZATION IN THIS PROCESS

Introduction: following the analysis of changes and attachments to the criminal procedure legislation that regulates the production of various investigative and procedural actions, the article describes and analyzes the specific characteristics of informatization, which is the basis for the classification of procedural tools based on information technology. At the same time, the authors note that the main task in the formation of the above classification, which regulates the production of various investigative activities, is the scientific development of the basis of the evidentiary process, methods and ways of collecting evidence in the case under investigation

with mandatory consideration of a specific investigative situation in the criminal case and, accordingly, a specific investigation algorithm.

Materials and methods: the criminal procedure legislation regulating the production of various investigative activities is the material of the research. In the context of the dialectical method and in the connection with it in the course of the study, the following methods were used: a logical method (in presenting all the material, drawing conclusions); method of comparative law (in examining the provisions of the criminal procedure legislation); content analysis (in the process of sampling and analysis of certain provisions of the criminal procedure legislation); empiric method (in examining materials of criminal cases, the study of regulatory, scientific and special literature); method of system analysis and modeling (when developing a classification of procedural tools based on information technology), etc.

Results will allow the investigatig officer to develop a procedural position on the case to implement various procedural actions in the investigation of crimes, since with the advent of new directions in the detection and investigation of crimes it became necessary to take a different, more scrupulous approach to the conduction of investigative and procedural actions, involving the development of tactics, allowing to expose the perpetrators.

Summary and conclusion: the value of the approach, regulating the production of various investigative and procedural actions, proposed by the authors is that the investigating officer has the opportunity to choose appropriate directions in obtaining evidence in a particular criminal case, to improve the existing methodology for investigating a crime and to determine their place in the evidence system on the basis of the patterns of marking formation and obtaining all possible information about the crime and the perpetrator.

Keywords: criminal procedure legislation, investigative and procedural actions, basis of classification, types, informatization, information technologies.

При производстве по уголовному делу первостепенное значение имеет получение сведений, позволяющих уполномоченным уголовно-процессуальным законодательством органам и должностным лицам устанавливать обстоятельства совершенного преступления. Следует отметить, что уголовно-процессуальное законодательство регламентирует, во-первых, вопросы собирания доказательств и их оценки и, во-вторых, нормативно устанавливает порядок, основания и условия производства того или иного следственного действия. Содержание этой деятельности составляют средства, определенные нормами Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации[1]. Их реализация всегда имеет ретроспективное направление, касающееся установления событий, которые произошли в прошлом. Причем временной промежуток между совершением преступления и процессом расследования по продолжительности бывает весьма значительным, что, естественно, не может не создавать трудности при получении достоверной информации. Для обеспечения получения объективных результатов расследования противоправных деяний уголовно-процессуальным законодательством предусмотрен значительный арсенал

[1] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 1 апр. 2019 г., с изм. от 13 июня 2019 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 12 апр. 2019 г.) [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 15.04.2019).

указанных средств, проведение которых стимулируется реализацией тактических приемов, оперативно-тактических комбинаций [4, с. 5], использованием современных технических устройств (приборов), информационных технологий, информационно-телекоммуникационных систем различного содержания (поисковых, аналитических), видовой и отраслевой направленности.

В уголовно-процессуальном арсенале сбора сведений о преступлении и преступнике центральное место занимают следственные и процессуальные действия, с их производством законодатель и связывает сбор доказательств (ч. 1 ст. 86 УПК РФ) [5, с. 7]. При этом следует отметить, что в УПК РФ предусмотрено значительное количество следственных действий и их разновидностей. По этому поводу А. Б. Соловьев заметил, что «в своей совокупности следственные действия представляют собой такое множество процессуальных средств собирания и проверки доказательств, которые при надлежащем использовании в процессе расследования позволяют с достаточной полнотой и всесторонностью выяснить все обстоятельства преступления, входящие в предмет доказывания по уголовному делу» [7, с. 53—54].

Конкретизируя приведенное, скажем, что уголовно-процессуальный арсенал сбора доказательств в последние годы периодически пополняется. Законодатель вынужденно реагирует на результаты научно-технического прогресса, изменяющийся характер противоправной деятельности, внедрение в повседневную жизнь граждан различных технических средств, информационных технологий. Информатизация всего мирового пространства, появление соответствующих информационных правоотношений [8, с. 7], создание не существовавших ранее результатов человеческой деятельности, в том числе валюты (майнинг криптовалюты) [3, с. 92], ставят задачу закрепления на законодательном уровне и реализации на практике новых уголовно-процессуальных средств, расширяя возможности досудебного производства.

Федеральными законами от 4 июля 2003 г. № 92-ФЗ[1], 9 марта 2010 г. № 19-ФЗ[2], 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ[3] был значительно увеличен арсенал стадии возбуждения уголовного дела за счет введения дополнительных процессуальных, организационных, оперативно-розыскных средств. Так, в соответствии с ст. 144 УПК РФ, при проверке сообщения о преступлении дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа вправе:

1) в процессуальном порядке получать объяснения, образцы для сравнительного исследования;

[1] *О внесении изменений и дополнений* в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 4 июля 2003 г. № 92-ФЗ (в ред. от 29 дек. 2010 г.) [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_43124/ (дата обращения: 15.04.2019).

[2] *О внесении изменений* в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 9 марта 2010 г. № 19-ФЗ // Рос. газ. 2010. № 51.

[3] *О внесении изменений* в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ (в ред. от 28 дек. 2013 г.) [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_142908/ (дата обращения 15.04.2019).

2) истребовать по делу документы и предметы, изымать их в порядке, установленном УПК РФ;

3) назначать судебную экспертизу, принимать участие в ее производстве и получать заключение эксперта в разумный срок;

4) истребовать у предприятия (организации) аудиторское заключение и иные документы проверок;

5) производить следственный осмотр места происшествия, документов, предметов, объектов, трупов людей и животных, тела живого человека — освидетельствование;

6) требовать производства документальных проверок, инвентаризаций [1, с. 636], ревизий, исследований документов, предметов, трупов, привлекать к участию в этих действиях специалистов;

7) давать органу дознания обязательное для исполнения письменное поручение о проведении оперативно-розыскных мероприятий.

В УПК РФ имеется комплекс (и он постепенно расширяется) специальных норм, предусматривающих производство информационно-технологических следственных действий для сбора доказательств с использованием информатизации процессуальной деятельности. К основным следственным действиям с такой сущностью относятся: «Контроль и запись переговоров» (ст. 186 УПК РФ), «Получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами» (ст. 186.1 УПК РФ) [10, с. 298].

Мы считаем, что контроль и запись телефонных и иных переговоров относится к информационно-технологическим средствам получения необходимых сведений при расследовании преступлений средней тяжести, тяжких и особо тяжких. Обозначенное следственное действие проводится на основании постановления судьи или заявления определенных законом лиц [6, с. 135], при наличии достаточных оснований полагать, что переговоры подозреваемого, обвиняемого и других лиц могут содержать сведения, имеющие значение для получения необходимых доказательств в период работы по уголовному делу. Таким образом, информационное обеспечение процесса расследования подразумевает в первую очередь анализ поступающей информации, когда отсутствуют еще процессуально закрепленные доказательства.

Однако, если рассматриваемое следственное действие проводится и при наличии угрозы совершения насилия, вымогательства и других преступных действий в отношении потерпевшего, свидетеля или их близких родственников, родственников, близких лиц, то она должна анализироваться соответствующими субъектами, в виде типичных форм фактического поведения людей. В приведенных ситуациях контроль и запись телефонных и иных переговоров допускается по письменному заявлению указанных лиц, а при отсутствии такого заявления — на основании судебного решения (ч. 2 ст. 186 УПК РФ). Кроме того, заявителем может быть любой субъект, если у него имеются сведения о готовящемся преступлении или организации преступной группы, например, создании экстремистского сообщества [2, с. 96].

Процессуальное информационно-технологическое средство, предусмотренное ст. 186 УПК РФ, может быть реализовано и как разновидность аудиального контроля, в ходе которого получают сведения, имеющие значение для расследования преступления. К числу аудиальных систем связи относятся проводные телефонные, телеграфные,

факсимильные, а также бурно развившееся и развивающееся направление, связанное с использованием систем компьютерной телефонии, где особо выделяются средства сотовой подвижной связи. В этом случае желательно иметь в виду, что фиксацию аудиальной информации на физический носитель с последующим осмотром, прослушиванием и использованием полученных данных в целях обеспечения эффективности расследования преступления необходимо процессуально закрепить в предусмотренном законом порядке.

Из сказанного следует, что законодатель, конструируя правовую норму с целью получения информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами (ст. 186.1 УПК РФ) намеревался упростить задачу, связанную с проблемой получения биллинга, т. е. информации о номерах телефонов, времени соединения, продолжительности разговора, местонахождении в момент разговора, а также других данных, позволяющих идентифицировать интересующих правоохранительные органы абонентов.

Кроме того, при проведении процессуальных действий появилась возможность, во-первых, обладать информацией о номерах абонентов, в том числе и другими данными, дающими возможность идентифицировать абонентов, и сведения о номерах их месте, расположении приемопередающих базовых станций (п. 24.1 ст. 5 УПК РФ) [9, с. 305]. Во-вторых, устанавливать конкретных физических лиц, которые ими пользовались, в-третьих, определять степень информированности либо причастность к противоправной деятельности конкретных субъектов. К этому можно добавить, что достоверность, целенаправленность, результативность биллинга, в свою очередь, способствуют законности и обоснованности принятия решения о контроле и записи переговоров, всякий раз позволяют исключить ограничение конституционного права граждан на тайну телефонных переговоров, которые к расследуемому событию не имеют никакого отношения.

Но все же субъекты расследования, применяя тактические приемы в рамках своих процессуальных полномочий, должны иметь представление о работе ретрансляторов одной и той же компании сотовой связи, а равно иных операторов, на территории (в местности), где происходило расследуемое противоправное деяние или были совершены действия, связанные с ним. При этом составлении «триангуляции» необходимо использовать знания специалистов, которые могут оказать помощь в получении информации, способствующей установлению места нахождения подозреваемых, свидетелей, потерпевших в период совершения преступления [9, с. 64]. Нередко это важно при проверке тех или иных следственных версий, выяснении алиби.

Кроме следственных действий, имеющих информатизационные основания, появились специальные процедуры признания предметов и документов вещественными доказательствами, включая и электронные носители информации, по отдельным видам преступлений, например, в сфере предпринимательской деятельности: «Порядок признания предметов и документов вещественными доказательствами по уголовным делам о преступлениях в сфере экономики» (ст. 81.1 УПК РФ).

В этом случае законодателем установлены специальные (вопреки общим правилам) нормы производства следственных действий, при проведении которых осуществляется изъятие электронных носителей информации: «Особенности изъятия электронных

носителей информации и копирования с них информации при производстве следственных действий» (ст. 164.1 УПК РФ). Тем самым был расширен спектр полномочий в досудебном производстве, который позволил выработать процессуальную позицию по делу, позволяя субъектам реализовывать различные процессуальные действия при расследовании преступлений.

Приведенные нами законодательные положения имеют сугубо частный характер, однако такой подход государственных органов становится обычным. В УПК РФ появилось немало процедур, которые имеют адресную направленность, которые рассчитаны либо на определенную категорию граждан (кому-то можно, а кому-то в такой же ситуации нельзя), либо на конкретную противоправную деятельность. Изучение практики показывает, что обозначенный подход, во-первых, отрицательно сказывается на морально-психологическом климате российского общества, во-вторых, усложняет и увеличивает объем работы правоприменителей, т. к. предлагаемая определенная дифференциация деятельности отступает от общих (соответствующих определенной норме) положений, в-третьих, требует выработки нового стереотипа деятельности правоохранительных органов в конкретных условиях. Однако практики прекрасно понимают, если имеется закон, то он должен, безусловно, исполняться («лежать на земле»).

Иными словами, в последние годы появились новые направления в раскрытии и расследовании преступлений. В связи с этим возникла необходимость иного, более скрупулезного подхода к проведению следственных действий, предусматривающего разработку таких тактических приемов, которые позволили бы изобличать субъектов, совершивших преступление.

В то же время очевидным является и тот факт, что для практической реализации, использования тактических приемов, оценки следственных ситуаций имеет значение классификация всех процессуальных действий, используемых в расследовании преступлений. Она позволяет выявить малоизученные аспекты, представить действия в системе, их взаимосвязь, конкретику, определить место в сборе доказательств, роль в принятии решений об использовании специальных знаний, привлечении специалистов, лиц, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, осуществить выбор для эффективного разрешения следственной ситуации, избрать наиболее приемлемые тактические приемы.

Мы специально сосредоточили внимание на дополнениях и изменениях уголовно-процессуального законодательства, которые, как нам представляется, дали новые основания для расширения классификации процессуальных действий, к тем имеющимся, которые уже использовались, известны, описаны в литературе и апробированы практическими работниками при расследовании преступлений.

Анализ уголовно-процессуальных норм, регламентирующих производство различных следственных действий, позволяет сделать вывод о том, что видами процессуальных действий являются:

В зависимости от экстренности проведения: неотложные и с производством которых можно повременить.

По обязательности проведения: осуществляемые по усмотрению следователя и предписанные законом.

По участию субъекта проведения:

а) с непосредственным и опосредствованным участием следователя, дознавателя;

б) лично следователем, дознавателем и по его поручению другими должностными лицами.

По месту проведения: производимые на месте происшествия и вне места происшествия (в полевых условиях и в кабинете субъекта расследования, в ином специально оборудованном помещении).

В зависимости от цели:

а) для обнаружения следов преступления, выяснения иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела;

б) создания условий для сбора доказательств (производства других следственных действий) и для работы с ними при их проверке;

в) для обеспечения защиты участников уголовного судопроизводства и не включающие такой результат деятельности субъекта расследования.

В зависимости от участников следственного действия:

а) производимые с участием понятых и без них;

б) осуществляемые с обязательным участием специалиста и без такового;

в) с приглашением адвоката (защитника) и без него.

По характеру воздействия на участников: без принуждения и принудительные.

По процедуре, предписанной законом:

а) до вынесения постановления о возбуждения уголовного дела и после возбуждения уголовного дела;

б) с использованием информационных технологий и без таковых;

в) *проводимые* самостоятельно следователем, дознавателем и на основе решения (согласия) других органов (должностных лиц);

г) с установленной продолжительностью и без регламента;

д) с общими правилами проведения и исключением из правил; с осмотром и прослушиванием фиксации результатов следственного действия и без таковых.

По характеру производства: простые, сложные и комплексные

В зависимости от назначения:

а) базовые и производные;

б) диагностические, идентификационные и неидентификационные;

в) дополнительные и повторные.

В зависимости от объекта получения информации: вербальные и невербальные.

В зависимости от этапа расследования: предварительные, первоначальные, последующие, заключительные.

По выполнению особых предписаний закона:

а) с запретом изъятия электронных носителей информации и без такового;

б) с реализацией особого и обычного порядка работы с электронными носителями информации;

в) при выполнении исключительных правил признания электронных носителей информации вещественными доказательствами и с последующей реализацией общих требований.

Предложенная нами классификация, конечно же, не может являться окончательной. Она с появлением новых составов преступлений, разработкой различных технологий может дополняться и видоизменяться.

Значение предложенного подхода, регламентирующего производство различных следственных действий, представляется в следующем: во-первых, появляется возможность для следователя найти более правильные направления в получении доказательств по делу, во-вторых, позволит улучшить имеющуюся и разработать иную структуру методики расследования преступления, в-третьих, даст возможность решить вопрос о соотношении предложенных понятий, в-четвертых, на основании закономерностей следообразования и получения предельной информации о преступлении и преступнике определяет их место в системе доказывания.

В связи с изложенным можно утверждать, что основной задачей при формировании классификации, регламентирующей производство различных следственных действий, является научная разработка основ процесса доказывания, приемов и методов собирания доказательств по расследуемому делу. Конечно, теоретически выведенная система следственных действий, характеризующих сформированную категорию преступлений, будет в известной степени абстрагированной, но при разработке алгоритма действий в конкретной ситуации будет иметь конкретную определенность.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Гареева Э. Р.* Значение и сущность информации о преступлениях / Э. Р. Гареева, С. А. Гусева // Аллея науки. Изд-во: ИП Шелистов Денис Александрович (Изд. центр Quantum). 2017. № 10. С. 635—637.

2. *Мерецкий Н. Е.* Проведение контроля и записи переговоров при расследовании организации экстремистских сообществ // Криминалистические чтения на Байкале — 2015: матер. Междунар. науч.-практ. конф. ФГБОУВО Российский государственный университет правосудия. Восточно-Сибирский филиал; отв. ред. Д. А. Степаненко. Иркутск. 2015. С. 94—97.

3. *Мерецкий Н. Е.* Роль криминалистических данных о механизме функционирования криптовалюты в выявлении и раскрытии преступлений / Н. Е. Мерецкий, Н. Г. Шурухнов, П. А. Жердев // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. № 1 (46). 2019. С. 90—96.

4. *Мерецкий Н. Е.* Криминалистика и оперативно-тактические комбинации: науч.-практ. пособ. М.: Изд-во «Юрлитинформ», 2007. 368 с.

5. *Петуховский А. А.* Доказывание в уголовном судопроизводстве, виды и порядок производства следственных действий (по УПК РФ 2001 г.): учеб. пособ. / А. А. Петуховский, Н. Г. Шурухнов. М.: ЮИ МВД России, 2002. 88 с.

6. *Попов К. И.* Правовая природа контроля и записи телефонных переговоров как следственного действия // Проблемы права. Челябинск: Изд-во: Южно-Уральский юридический вестник. 2016. № 2 (56). С. 135—137.

7. *Соловьев А. Б.* Доказывание в досудебных стадиях уголовного процесса России: науч.-практ. пособ. М.: Изд-во «Юрлитинформ», 2002. 160 с.

8. *Чиненов Е. В., Щукин В. И., Гелюс Т. Ф.* Информатизация железнодорожного

транспорта и ее влияние на расследование экономических преступлений в этой сфере // Проблемы правоохранительной деятельности. 2019. № 1. С. 6—11.

9. *Шагара Г. В.* Конституционное право граждан на тайну телефонных переговоров и его ограничение уголовно-процессуальными средствами: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. 188 с.

10. *Шурухнов Н. Г.* Процедура и содержание процессуальных информационно-технологических средств сбора доказательств, используемых в российской практике расследования преступлений, совершаемых с использованием современных электронных технологий // Вопросы правоведения. Изд-во: М.: Автономная некоммерческая организация «Международный исследовательский институт», 2013. С. 294—315.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Gareeva E. R. The value and nature of information about crimes / E.R. Gareeva, S.A. Gusev // Alley of Science. Publishing house: IE Shelistov Denis Aleksandrovich (Publishing center “Quantum”). 2017. № 10. P. 635—637.

2. Meretsky N. E. Conducting monitoring and recording in the investigation process of the creation of extremist conspiracy // Forensics reading on Lake Baikal — 2015: materials of the international scientific-practical conference. Irkutsk, 2015. P. 94—97.

3. Meretsky N. E. The role of forensic data on the mechanism of functioning of cryptocurrency in the identification and detection of crimes / N. E. Meretsky, N. G. Shurukhnov, P. A. Zherdev // Bulletin of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. № 1 (46). 2019. P. 90—96.

4. Meretsky N. E. Criminalistics and operational-tactical combinations: scientific and practical guide. M.: Publishing house “Yurlitinform”, 2007. 368 p.

5. Petukhovsky A. A. Proving in criminal proceedings, types and procedure of investigative activities (according to the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation 2001): study guide / A. A. Petukhovsky, N. G. Shurukhnov. M.: LI of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2002. 88 p.

6. Popov K. I. The legal nature of monitoring and recording telephone conversations as an investigative action // Problems of Law. Chelyabinsk: Publishing house: South Ural Law Journal. 2016. № 2 (56). P. 135—137.

7. Solovyov A. B. Proving at the pretrial stages of the criminal process in Russia: scientific and practical guide — Moscow: Publishing House “Yurlitinform”, 2002. 160 p.

8. Chinenov E. V., Shchukin V. I., T. F. Helus Informatization of railway transport and its impact on the investigation of economic crimes in this area // Problems of law enforcement. 2019. No. 1. P. 6—11.

9. Shagara G. V. The constitutional right of citizens to the secrecy of telephone conversations and its limitation by criminal procedural means: dis. ... M., 2014. 188 p.

10. Shurukhnov N. G. The procedure and content of procedural information-technological means of collecting evidence used in the Russian practice of investigating crimes committed using modern electronic technologies // Jurisprudence. Publishing house: Moscow: Independent non-profit organization “International Research Institute”, 2013. P. 294—315.

УДК: 343.13
DOI: 10.24411/2312-3184-2019-00047

Шатохин Иван Дмитриевич
старший преподаватель кафедры
административного права и
административной деятельности
в ОВД Барнаульского юридического
института МВД России
кандидат юридических наук
E-mail: sha_to_hin@mail.ru

Shatokhin Ivan Dmitrievich
senior Lecturer of the Department
of Administrative Law and Administrative
Activities in the Department of Internal Affairs
Barnaul Law Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
candidate of law sciences
E-mail: sha_to_hin@mail.ru

АДМИНИСТРАТИВНЫЕ ЗАДЕРЖАНИЯ И ДОСМОТР В ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Введение: в статье исследуется вопрос о правомерности использования административно-правовых процедур в оперативно-розыскной деятельности при проведении оперативно-розыскных мероприятий, направленных на задержание с поличным лиц, совершающих преступления.

Материалы и методы: в ходе исследования, в целях изучения нормативного регулирования правомерности использования административных мер принуждения в оперативно-розыскной деятельности применялся сравнительно-правовой метод познания. При рассмотрении материалов жалоб в Конституционный суд Российской Федерации использовался метод анализа и синтеза.

Результаты исследования: анализ жалоб в Конституционный суд Российской Федерации позволил выявить распространенность практики применения административно-правовых процедур в оперативно-розыскной деятельности при задержании с поличным лиц, совершающих преступление, и типичные способы применения указанных процедур, привести конкретные примеры нарушения при этом прав личности.

Выводы и заключения: опираясь на правовые позиции Конституционного суда Российской Федерации и решения Европейского суда по правам человека, делается вывод о недопустимости административного задержания и досмотра в процессе осуществления оперативно-розыскных мероприятий и необходимости использования для задержания подозреваемых в совершении преступлений лиц исключительно уголовно-процессуальных механизмов.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, административное задержание, административный досмотр, законность, обеспечение прав граждан.

ADMINISTRATIVE DETENTIONS AND VERIFICATION IN OPERATIONAL RESEARCH ACTIVITIES

Introduction: the article examines the issue of the legality of the use of administrative-legal procedures in the operational-search activity in the conduct of operational-search measures aimed at detaining red-handed persons who commit crimes.

Materials and methods: in the course of the study, in order to study the normative regulation of the lawfulness of the use of administrative measures of coercion in the operational-search activity, the author used comparative legal method of cognition. When considering the materials of complaints to the Constitutional Court of the Russian Federation, the method of analysis and synthesis was used.

Results: The analysis of complaints to the Constitutional Court of the Russian Federation made it possible to identify the prevalence of the practice of applying administrative-legal procedures in operational-search activities during the arrest of persons committing a crime and typical ways of applying these procedures and to give specific examples of violations of individual rights.

Conclusions and results: Relying on the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation and the decision of the European Court of Human Rights, it is concluded that administrative detention and inspection in the process of carrying out operational search activities are inadmissible and that only criminal procedure mechanisms are used to detain suspected criminals.

Keywords: operational-search activity, administrative detention, administrative inspection, legality, ensuring the rights of citizens.

Оперативно-розыскная практика борьбы с преступностью, как справедливо отмечалось многими исследователями, немыслима без применения определенных принудительных мер в процессе пресечения и раскрытия преступлений, в частности связанных с задержанием (захватом) лиц, подозреваемых в совершении преступлений [1, с. 198—199; 2, с. 134; 9, с. 102—106; 10, с. 123—126; 11, с. 176 и др.]. Действительно, трудно себе представить возможность успешного раскрытия таких преступлений, как незаконный сбыт наркотиков или взяточничество, без проведения традиционной для таких ситуаций операции по задержанию с поличным. Однако Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее — Закон об ОРД), как известно, не наделяет субъектов оперативно-розыскной деятельности (далее — ОРД) какими-либо полномочиями на проведение задержаний и личных досмотров, связанных с ограничением права на личную неприкосновенность лиц, заподозренных в совершении преступлений. В связи с этим возникает проблема соблюдения законности и обеспечения прав граждан при решении задач по пресечению и раскрытию преступлений путем задержания с поличным в деятельности оперативно-розыскных служб.

Как показали результаты нашего исследования,[1] более чем в 17 % жалоб граждан в Конституционный Суд Российской Федерации (далее — Конституционный суд) на нормы Закона об ОРД ставился вопрос о нарушении гарантированного ст. 22 Конституции РФ права на свободу и личную неприкосновенность в процессе проведения оперативно-розыскных мероприятий (далее — ОРМ), направленных на пресечение преступлений и связанных с задержанием лиц, подозреваемых в совершении преступлений. Нарушения прав граждан в процессе задержания за совершение преступлений нередко выражаются в том, что оперативные сотрудники используют для этого административный арест, предусмотренный за совершение немалого числа административных правонарушений (например, статьи 6.8, 6.9, 6.16.1, 19.3, 20.1, 20.20, 20.21 и др. КоАП РФ).

Так, автор одной из жалоб в Конституционный суд, заподозренный в причастности к совершению преступления, вначале был задержан в административном порядке за совершение административного правонарушения, а затем на него был составлен протокол в порядке ст. 91 и 92 УПК РФ, производство же по делу об административном правонарушении впоследствии было прекращено. В решении по этой жалобе Конституционный суд указал, что административное задержание не может применяться к лицу в связи с подозрением его в совершении преступления[2]. Это решение основано на сформулированной ранее правовой позиции Конституционного суда, согласно которой административное задержание, как мера обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, не может применяться в делах об уголовных правонарушениях[3].

Такой же позиции о недопустимости использования административного задержания для последующего уголовного преследования придерживается и Европейский суд по правам человека (далее — ЕСПЧ) в постановлении по делу «Идалов против России» от 13 декабря 2016 г. Заявитель по этому делу был задержан в ходе проведения специальной операции, как лицо, подозреваемое в вымогательстве, и подвергнут личному досмотру, в результате которого у него обнаружен героин. Однако несмотря на наличие явных признаков преступления, связанного с незаконным хранением наркотика, в течение двух суток он содержался под стражей как административно арестованный за невыполнение законного требования сотрудника правоохранительных органов. ЕСПЧ не согласился с позицией властей Российской Федерации о том, что задержание заявителя и его содержание под стражей до момента оформления протокола задержания в порядке ст. 92 УПК РФ было законным, поскольку они были основаны на положениях КоАП РФ. Решение властей квалифицировать его действия как административное правонарушение, по мнению ЕСПЧ, не освобождало сотрудников правоохранительных органов от

[1] По специально разработанной анкете в рамках диссертационного исследования автором было изучено 175 материалов жалоб граждан в Конституционный Суд Российской Федерации на нормы Закона об ОРД за период с 1997 по 2017 г.

[2] *Определение* Конституционного Суда Российской Федерации от 29 сентября 2011 г. № 1203-О-О // Доступ из справочно-правовой системы «Консультант плюс» (дата обращения: 27.04.2019).

[3] *Постановление* Конституционного Суда Российской Федерации от 2 июля 1997 г. № 11-П // Доступ из справочно-правовой системы «Консультант плюс» (дата обращения: 27.04.2019).

соблюдения процессуальных гарантий, обусловленных фактическим статусом заявителя как подозреваемого в совершении преступления, наделенного процессуальными правами, в том числе на юридическую помощь. Соответственно, Европейский Суд пришел к выводу, что двухдневное содержание заявителя под стражей в качестве административно арестованного не отвечало критерию законности и нарушило его право на свободу и личную неприкосновенность[1]. Таким образом, исходя из правовых позиций Конституционного суда и ЕСПЧ, использование в процессе ОРД административного ареста для изоляции лиц, заподозренных в совершении преступлений, не может признаваться правомерным.

С проблемой задержания с поличным в процессе ОРД лиц, совершивших преступления, неразрывно связан вопрос о правовом режиме их личного досмотра (обыска), которым согласно тактическим правилам всегда должно завершаться задержание подозреваемого лица. При этом личный досмотр (обыск) ограничивает не только право на личную неприкосновенность, но и право на достоинство личности, о нарушении которого указывалось в 22,3 % изученных нами конституционных жалоб.

В качестве типичного примера можно привести обстоятельства дела одного из авторов таких жалоб, который был задержан оперативными сотрудниками в процессе осуществляемого за ним оперативно-розыскного наблюдения после того, как ему была передана вымогавшаяся им взятка в виде денежных средств. На месте задержания, как следует из представленных материалов, был проведен личный досмотр заявителя, позволивший обнаружить и изъять в кармане его верхней одежды конверт с предметом взятки, результат которого был оформлен соответствующим протоколом. Результат личного досмотра послужил основанием для возбуждения уголовного дела, а указанный протокол фигурировал в приговоре в качестве одного из основных доказательств виновности взяточника[2].

Однако анализ содержания этого протокола вызывает немало вопросов с точки зрения его процессуальной природы и обоснованности зафиксированных в нем мер принудительного характера. Во-первых, само название этого документа как «протокола личного досмотра лица, задержанного в рамках проведения оперативно-розыскного мероприятия», вызывает сомнение в законности действий оперативных сотрудников, поскольку российское законодательство не предусматривает возможность задержания гражданина в рамках проведения ОРМ.

Во-вторых, в качестве правового основания личного досмотра в протоколе указаны пункты 10 и 16 ч. 1 ст. 13 Федерального закона «О полиции» и Закон об ОРД. Ссылки на эти нормы свидетельствуют, что правоприменитель исходил из административно-правового характера своих действий. Первая из числа указанных в протоколе норм, как известно, наделяет сотрудников полиции правом на проведение ОРМ и на изъятие при их осуществлении документов, предметов, материалов и сообщений. Такое предписание,

[1] *Постановление* ЕСПЧ по делу «Идалов против России» § 125—130 от 13 декабря 2016 г. (Жалоба № 41858/08) // Доступ из справочно-правовой системы «Консультант плюс» (дата обращения: 27.04.2019).

[2] *Материалы* обращения № 1533/15-01/17 от 9.02.2017 // Архив Конституционного Суда Российской Федерации.

на наш взгляд, само по себе не может выступать основанием для личного досмотра, который не отнесен законодателем к числу ОРМ. В свою очередь, п. 16 той же статьи, наделяет сотрудников полиции правом «осуществлять в порядке, установленном законодательством об административных правонарушениях, личный досмотр граждан, <...> при наличии данных о том, что эти граждане имеют при себе оружие, боеприпасы, патроны к оружию, взрывчатые вещества, взрывные устройства, наркотические средства, психотропные вещества или их прекурсоры либо ядовитые или радиоактивные вещества, изымать указанные предметы, средства и вещества при отсутствии законных оснований для их ношения или хранения». Отсюда следует, что данная норма дает основания для личного досмотра, но только по обнаружению и изъятию незаконно носимых и хранимых предметов, изъятых из гражданского оборота, а отнюдь не денежных средств, выступающих предметом взятки, как это имело место в деле заявителя. Таким образом, указанные в протоколе законоположения, включая Закон об ОРД, не могли выступать основанием для личного досмотра заявителя, а потому напрашивается вывод о незаконности действий оперативных сотрудников.

Правомерность личного досмотра в деле заявителя была оспорена стороной защиты при рассмотрении уголовного дела в суде путем заявления ходатайства о признании недопустимым доказательством протокола досмотра. При этом нарушение закона мотивировалось не отсутствием необходимых для досмотра оснований, на что обращалось внимание выше, а связывалось с иным обстоятельством — привлечением в качестве понятых граждан противоположного с досматриваемым лицом пола, что противоречит положениям уголовно-процессуального закона. Отказывая в удовлетворении заявленного ходатайства, суд первой инстанции посчитал это формальное нарушение закона несущественным, поскольку изъятие предмета взятки проведено из верхней одежды и не сопровождалось оголением частей тела. Более парадоксальным представляется решение об отклонении аналогичного довода защиты, принятое судом апелляционной инстанции, который указал, что личный досмотр проводился в рамках оперативно-розыскного мероприятия «наблюдения», а потому требования уголовно-процессуального закона к порядку личного обыска в данном случае неприменимы. Далее в этом же судебном решении делается вывод, что личный досмотр подсудимого проведен в соответствии с требованиями ст. 5 Закона об ОРД о соблюдении прав и свобод человека и гражданина. Такое утверждение вызывает полное недоумение, поскольку указанная статья процедуру личного досмотра никак не регламентирует, а что касается обеспечения прав граждан при проведении ОРМ, то ч. 1 ст. 5 Закона об ОРД обязывает соблюдать неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, неприкосновенность жилища и тайну корреспонденции, которые к делу заявителя отношения не имеют.

Приведенный пример, на наш взгляд, с очевидностью свидетельствует, что правоприменители, включая суды общей юрисдикции, признавая допустимость и законность производства задержания и личного досмотра граждан в процессе ОРД, исходили из административно-правового характера таких принудительных мер, не требующего соблюдения гарантий прав личности, предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством для задержания подозреваемых и их личного обыска.

В материалах жалоб в Конституционный суд можно встретить немало примеров изобретательности оперативных сотрудников в попытках найти правовые основания для проведения личных досмотров (обысков) задерживаемых по подозрению в совершении преступления лиц, когда это происходит до возбуждения уголовного дела. Так, в деле одного из заявителей личный досмотр был оформлен как элемент тактики оперативно-розыскного мероприятия «проверочная закупка», и с таким толкованием Закона об ОРД согласились суды первой и апелляционной инстанций. В другом случае поводом для жалобы стали действия оперативных сотрудников, которые личный обыск задержанного, позволивший обнаружить в одном из карманов его одежды пакетик с наркотиком, оформили под видом такого ОРМ как «исследование предметов и документов». При этом суд первой инстанции, отклоняя доводы стороны защиты о недопустимости использования в качестве доказательств «акта исследования предметов одежды» подсудимого, указал, что такое исследование осуществлялось в рамках Закона об ОРД. Однако с таким толкованием законодательства не согласился Конституционный суд, отметивший в своем решении, что норма, закрепляющая возможность проведения исследования предметов и документов, не регламентирует отношения, связанные с задержанием и личным обыском задержанного[1].

Как показало наше исследование, чаще всего в протоколах личных досмотров по делам о незаконном обороте наркотиков содержатся ссылки на п. 3 ст. 48 Федерального закона «О наркотических средствах и психотропных веществах». Согласно этой норме должностные лица органов, осуществляющих ОРД, при обеспечении контроля за хранением, перевозкой или пересылкой наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров наделены правом на проведение досмотра граждан, почтовых и багажных отправлений, транспортных средств и перевозимых грузов при наличии достаточных оснований полагать, что осуществляются незаконные хранение, перевозка или пересылка указанных веществ. Однако применение данной нормы в качестве правового основания проведения досмотров задерживаемых в ходе ОРМ лиц представляется нам далеко не всегда правомерной. Упомянутое положение, как отмечалось в юридической литературе, может применяться лишь в системном единстве с п. 1 этой же статьи данного закона, предусматривающей возможность установления на отдельных территориях специального административно-правового режима контроля за хранением, перевозкой или пересылкой наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров [8, с. 40]. Отсюда следует, что указанная норма может служить основанием для личного досмотра граждан лишь в случае, если на территории, где он проводится, установлен специальный административно-правовой режим. Если же решение об этом органов государственной власти отсутствует, то проведение досмотров на основании указанной нормы вряд ли можно признать правомерным.

В качестве правовой основы личного досмотра оперативными сотрудниками достаточно часто используются также положения ст. 27.7 КоАП РФ, что тоже представля-

[1] *Определение* Конституционного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 1528-О // Доступ из справочно-правовой системы «Консультант плюс» (дата обращения: 27.04.2019).

ется незаконным, поскольку, согласно данной статье, личный досмотр осуществляются в целях обнаружения орудий совершения либо предметов административного правонарушения. В то же время основанием для проведения ОРМ, как справедливо отмечалось исследователями, является наличие сведений о признаках преступления, а не административного правонарушения [4, с. 17].

В ряде случаев оперативные сотрудники при проведении личных досмотров задержанных сбытчиков наркотиков в качестве правовой основы своих действий ссылаются на п. 8 части первой ст. 6 Закона об ОРД, закрепляющей возможность проведения обследования помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств. Однако само название этого мероприятия ограничивает перечень обследуемых объектов, в который не включены живые лица, а потому указанная норма не дает права на проведение личного досмотра. Это обстоятельство неоднократно отмечал Конституционный суд, подчеркивая, что ст. 6 Закона об ОРД не регламентирует процедуру личного досмотра, который может иметь место в порядке и по основаниям, установленным КоАП РФ, а личный обыск подозреваемого (обвиняемого) — УПК РФ[1].

При разрешении проблемы использования административных процедур для задержания и последующего досмотра лиц, заподозренных в совершении преступлений, в процессе осуществлении ОРМ весьма важным представляется оценка такой правоприменительной практики Верховным судом Российской Федерации. Анализ его решений, содержащихся в справочно-правовой системе «Консультант плюс» показывает, что в большинстве случаев оспаривания стороной защиты законности использования в таких случаях административных процедур суды не признавали нарушением закона. Отсюда следует, что судебная практика в основном весьма терпимо относится к использованию административных регламентов в ОРД.

Вместе с тем нам удалось обнаружить и прямо противоположное решение, вынесенное 4 декабря 2013 г. заместителем председателя Верховного суда Российской Федерации по скандальному делу в отношении осужденного подмосковного адвоката, о проверке которого запросил Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации. В своем постановлении об отмене прежних судебных решений, носящем, на наш взгляд, знаковый характер, зампред Верховного суда указал, что задержание осужденного по подозрению в совершении уголовного преступления на основании оперативно-розыскных данных должно было производиться в соответствии с уголовно-процессуальным законом. Поскольку же вместо протокола задержания был составлен акт личного досмотра задержанного, в котором отсутствовала отметка о разъяснении задержанному его прав, предусмотренных ст. 46 УПК РФ, а также основания и мотивы задержания, то был сделан вывод, что задержание и досмотр в данном случае были проведены с нарушением требований уголовно-процессуального законодательства, влекущими за собой признание недопустимыми полученных таким путем доказательств по данному делу и не позволяющими опровергнуть утверждение осужденного о его непричастности

[1] *Определения* Конституционного Суда Российской Федерации от 22 апреля 2010 г. № 531-О-О, от 27 мая 2010 г. № 704-О-О, от 15 июля 2010 г. № 1043-О-О, от 23 сентября 2010 г. № 1197-О-О, от 28 сентября 2017 года № 2192-О, от 23 ноября 2017 года № 2782-О и др. // Доступ из справочно-правовой системы «Консультант плюс» (дата обращения: 29.04.2019).

к совершению преступления[1]. Такой вывод послужил основанием для отмены приговора и новом рассмотрении уголовного дела, в результате которого суд вынес оправдательный вердикт[2]. Анализ приведенного судебного решения позволяет сделать вывод, что в понимании зампредседателя Верховного суда личный досмотр, предусмотренный административным законодательством, не может применяться в процессе осуществления ОРМ в отношении лиц, заподозренных в совершении преступлении на основании оперативно-розыскных данных.

Необходимость обеспечения гарантий права на личную неприкосновенность и достоинство личности при проведении задержаний с поличным и личных досмотров (обысков) задержанных лиц на основании результатов ОРД, обусловливает потребность в совершенствовании правового регулирования этих принудительных процедур в российском законодательстве. В качестве возможного варианта разрешения этой проблемы на страницах юридической литературы предлагалось в Закон об ОРД включить дополнительную главу, регламентирующую порядок оперативно-розыскного задержания продолжительностью до 48 часов [6, с. 51—54]. Это предложение получило развитие в авторском проекте оперативно-розыскного кодекса, предусматривающем законодательное закрепление мер пресечения в оперативно-розыскной деятельности, в том числе задержания, доставления и личного досмотра[3, с. 40—42]. Еще более широкий подход законодательного разрешения рассматриваемой проблемы был предложен профессором С. Б. Россинским, высказавшим идею о разработке и принятии отдельного нормативного правового акта межотраслевого характера — федерального закона «О задержании». Такой закон, по его мнению, позволил бы интегрировать разрозненные полномочия правоохранительных органов, а не только их оперативных подразделений, по фактическому задержанию, доставлению и досмотру лиц, застигнутых при совершении преступления, в целях формирования единообразной практики вынужденного ограничения конституционного права на свободу и личную неприкосновенность[5, с. 175].

Реализация законодателем любого из этих предложений, на наш взгляд, позволила бы создать необходимые правовые предпосылки для обеспечения конституционных прав на личную неприкосновенность и достоинство личности и ввести в правовое поле действия оперативно-розыскных служб по задержанию с поличным в процессе проведения ОРМ. В условиях же существующего правового регулирования представляется целесообразным рекомендовать сотрудникам оперативно-розыскных служб при планировании операций по задержанию с поличным лиц, подозреваемых в совершении преступлений, использовать исключительно уголовно-процессуальные процедуры задержания и личного обыска. Для этого, в том числе, может быть использован потенциал статьи 157 УПК РФ [4, с. 26; 7, с. 131], наделяющей органы дознания правом на возбуждение уго-

[1] *Постановление* Верховного Суда Российской Федерации от 4 декабря 2013 года № 4-Д13-34 об отмене постановления судьи об отказе в удовлетворении надзорной жалобы // Доступ из справочно-правовой системы «Консультант плюс» (дата обращения: 27.04.2019).

[2] *Борис Резник*: Резонансное «Дело Артура Преля» закончилось полной Победой! [Электронный ресурс]. Режим доступа: // https://inform-24.com/2248-boris-reznik-rezonansnoe-delo-artura-prelya-zakonchilos-polnoy-pobedoy.html (дата обращения: 14.05.2019).

ловных дел и производство по ним неотложных следственных действий, включающих задержания и личные обыски задержанных.

В заключение следует отметить, что в силу отсутствия в действующем законодательстве порядка задержания лиц, подозреваемых в совершении преступлений и выявленных в ходе оперативно-розыскных мероприятий, практика пошла по порочному пути использования для этих целей административно-правовых процедур, что противоречит правовым позициям Конституционного суда и ЕСПЧ и приводит к необоснованным нарушениям прав граждан. Решение этой проблемы предполагает наряду с дополнением и совершенствованием законодательства переориентацию сотрудников оперативно-розыскных служб на применение в процессе использования ОРД путем задержания подозреваемых с поличным исключительно уголовно-процессуальных процедур.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Гусев В. А., Луговик В. Ф.* Теория оперативно-розыскных процедур: моногр. М.: Проспект, 2019. 318 с.

2. *Давыдов С. И.* Проблемы соблюдения конституционных прав граждан при разрешении типичных оперативно-розыскных ситуаций // Конституционно-правовые проблемы оперативно-розыскной деятельности: сб. матер. Всерос. кругл. стола 3 нояб. 2011 г. СПб., 2012. С. 134.

3 *Луговик В. Ф.* Оперативно-разыскной кодекс Российской Федерации: авторский проект. Омск, 2014. С. 54—57.

4. *Пашаева Э. Х.* Задержание лица по подозрению в совершении незаконного сбыта наркотических средств и психотропных веществ: учеб.-метод. пособ. Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2016. 31 с.

5. *Россинский С. Б.* Задержание подозреваемого: конституционно-межотраслевой подход: моногр. М.: Проспект, 2019. 193 с.

6. *Супрун С. В.* Оперативно-розыскное задержание при проведении ОРМ «проверочная закупка» // Уголовный процесс, № 3, март 2014. С. 51—54.

7. *Чечетин А. Е.* Актуальные проблемы обеспечения прав личности в оперативно-розыскной деятельности уголовного розыска // Труды Академии управления МВД России. 2019. № 1 (49). С. 131.

8. *Чечетин А. Е.* Некоторые проблемные вопросы правового регулирования контроля почтовых отправлений // Оперативник (сыщик). № 3 (48). 2016. С. 40.

9. *Чумаров С. А., Железняк Н. С.* Задержание, доставление и досмотр при осуществлении оперативно-розыскной деятельности: постановка проблемы // Оперативно-розыскное право: сб. науч. ст. / отв. ред. Н. В. Павличенко. Волгоград: ВА МВД России, 2014. С. 102—106.

10. *Чуркин А. В.* К вопросу о задержании в оперативно-розыскной деятельности // Проблемы формирования уголовно-разыскного права (Десять лет российскому оперативно-разыскному закону): Вневед. сб. науч. работ / Под ред. А. Ю. Шумилова. Вып. 5. М.: Изд-ль Шумилова И. И., 2002. С. 123—126.

11. *Шумилов А. Ю.* Основы уголовно-розыскного права (правовое регулирование оперативно-розыскной деятельности). Общая часть: учеб. пособ. М.: Изд-ль Шумилова И. И., 2000. 375 с.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

1. Gusev V. A., Lugovik V. F. Theory of operational search procedures: a monograph. M .: Prospect, 2019. 318 p.

2. Davydov S. I. Problems of compliance with the constitutional rights of citizens in the resolution of typical operational-search situations // Constitutional and legal problems of operational search activities: Coll. mat-lov Vseoss. Round Table November 3, 2011. SPb., 2012. P. 134.

3. Lugovik V. F. Operational Search Code of the Russian Federation: author's project. Omsk, 2014. P. 54—57.

4. Pashayeva E. Kh. Detention of a person on suspicion of committing an illegal sale of narcotic drugs and psychotropic substances: a training manual. Barnaul: Barnaul legal. Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2016. 31 p.

5. Rossinsky S. B. Detention of the suspect: a constitutional interdisciplinary approach: monograph. M .: Prospect, 2019. 193 p.

6. Suprun S. V. Operational search detention during the ORM "test purchase" // Criminal trial, № 3, March 2014. P. 51—54.

7. Chechetin A. E. Actual problems of ensuring the rights of the individual in the operational-search activity of the criminal investigation department // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia 2019. № 1 (49). P. 131.

8. Chechetin A. E. Some problematic issues of legal regulation of postal items control // Operative (detective). Number 3 (48). 2016. P. 40.

9. Chumarov S. A., Zheleznyak N. S. Detention, delivery and inspection in the implementation of operational-investigative activities: the formulation of the problem // Operational investigative law: Coll. scientific Art. / from harm. N. V. Pavlychenko. Volgograd: VA MIA of Russia, 2014. P. 102—106.

10. Churkin A. V. On the issue of detention in the operational-search activity // Problems of the formation of criminal-investigative law (Ten years of the Russian operational-investigative law): Non-departmental collection of scientific works / Ed. A. Yu. Shumilova. Issue 5. M .: Izd-shumilova II, 2002. P. 123—126.

11. Shumilov A. Yu. Fundamentals of criminal search law (legal regulation of operational search activities). General part: Educational. allowance. M.: Publishing House Shumilov II, 2000. 375 p.

УДК: 343.98
DOI: 10.24411/2312-3184-2019-00048

Кайбелев Павел Андреевич
адъюнкт НПФ
Академии МВД
Республики Беларусь
E-mail: Baver_777@mail.ru

Kaibelev Pavel Andreevich
postgraduate of SPF
of the Academy of the Ministry of Internal
Affairs of the Republic of Belarus
E-mail: Baver_777@mail.ru

ПЕРСПЕКТИВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОПЕРАТИВНЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ПО РОЗЫСКУ ЛИЦ, ПРОПАВШИХ БЕЗ ВЕСТИ, В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Введение: в статье рассматриваются перспективные направления деятельности по розыску лиц, пропавших без вести, в Республике Беларусь, требующие своего совершенствования. Приводятся проблемы теоретико-прикладного характера, в том числе в области организации взаимодействия розыскных подразделений с общественными организациями и правоохранительными органами сопредельных государств. Обосновывается необходимость совершенствования информационного обеспечения розыска лиц, пропавших без вести. Предлагаются пути совершенствования указанных направлений с учетом анализа современного состояния деятельности по розыску лиц, пропавших без вести в Республике Беларусь.

Материалы и методы: нормативную основу исследования образуют Конституция Республики Беларусь, уголовное, уголовно-процессуальное и оперативно-розыскное законодательство, ведомственные нормативные акты, регламентирующие осуществление деятельности по розыску лиц, пропавших без вести. Методологической основой исследования послужил общий диалектический метод научного познания, носящий универсальный характер, также методы логической дедукции, индукции, познавательные методы и приемы наблюдения, сравнения, анализа, обобщения и описания.

Результаты исследования: выявлены теоретико-прикладные проблемы в деятельности по розыску лиц, пропавших без вести.

Выводы и заключения: проведенный анализ указал пути совершенствования указанных направлений с учетом анализа современного состояния деятельности по розыску лиц, пропавших без вести в Республике Беларусь.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность; розыск лиц, пропавших без вести; взаимодействие; волонтерское движение; информационное обеспечение.

PERSPECTIVE DIRECTIONS OF PERFECTION OF THE ACTIVITIES IN THE SEARCHING OF THE MISSING PERSONS IN THE REPUBLIC OF BELARUS

Introduction: perspective directions of activity in the search for missing persons in the Republic of Belarus that require their improvement are considered in the article. The article presents the problems of a theoretical and applied nature, including the field of organizing the interaction of the investigative units with public organizations and law enforcement agencies of neighboring countries. The necessity of improving the information support of the search for missing persons is substantiated. The ways of improving these areas are proposed, taking into account the analysis of the current state of the activity of tracing missing persons in the Republic of Belarus.

Materials and methods: the regulatory framework of the study is formed by the Constitution of the Republic of Belarus, criminal, criminal procedure and operational-search legislation, departmental regulations governing the organization of search activities for missing persons. The methodological basis of the study was the general dialectical method of scientific cognition, which is universal in nature, as well as methods of logical deduction, induction, cognitive methods and methods of observation, comparison, analysis, synthesis and description.

Results: allowed to identify theoretical and applied problems in the search for missing persons.

Summary and conclusions: The analysis showed ways to improve these areas, taking into account the analysis of the current state of the activities of the search for missing persons in the Republic of Belarus.

Keywords: detective activity, search for missing persons, interaction, volunteer movement, information support.

Анализ современного состояния розыска лиц, пропавших без вести, позволяет выявить теоретико-прикладные проблемы в данной сфере, решение которых способствует совершенствованию деятельности оперативнх подразделений. Данное обстоятельство диктует необходимость изучения розыскной работы в Республике Беларусь, в условиях возрастающего ее объема, выполняемого соответствующими структурными подразделениями органов внутренних дел (далее — ОВД).

Следует заметить, что в Республике Беларусь с 2013 г. по 2018 г. в среднем находится свыше 3 500 лиц, пропавших без вести, включая лиц, вновь объявляемых в розыск и продолжавших в нем оставаться с прошлых лет. Несмотря на то, что число сообщений и заявлений по данным фактам за последние пять лет сократилось на 40 %, общее количество без вести пропавших, за счет остатка неразысканных лиц, остается по-прежнему высоким.

Отдельные аспекты научной разработки проблем, связанных с розыском лиц, пропавших без вести, освещали: Т. Н. Алешкина, П. Е. Букейханов, Н. И. Вытовтова, Д. А. Гринева, Ч. М. Исмаилов, Е. Г. Килессо, А. А. Корчагин, А. В. Котяжов, А. С. Мальцев, В. О. Петросян и др. Их труды внесли вклад в научное обеспечение розыска лиц, пропавших без вести. Ряд авторов освещает криминалистический и уголовно-процессуальный аспекты, при этом вопросы ОРД исследуются фрагментарно. До настоящего времени в Республике Беларусь не проводился глубокий анализ данной проблематики, отсутствуют научно обоснованные рекомендации по совершенствованию организации и осуществления розыска лиц, пропавших без вести.

Эмпирической базой исследования послужили данные, полученные в процессе анализа и обобщения материалов 100 дел оперативного учета, заведенных по фактам безвестного исчезновения лиц; результаты интервьюирования оперативных сотрудников розыскных подразделений органов внутренних дел.

Методологической основой исследования послужил общий диалектический метод научного познания, носящий универсальный характер, познавательные методы и приемы наблюдения, анализа, обобщения и описания, также методы анкетирования, интервьюирования, обобщения практики.

Розыск лиц, пропавших без вести, имеет свои специфические особенности, в соответствии с которыми и должна разрабатываться организация его осуществления. Без создания и дальнейшего совершенствования соответствующих организационных основ розыска, эффективная его реализация невозможна.

К проблемам организационного характера следует отнести: недостаточно эффективное взаимодействие розыскных подразделений с правоохранительными органами и общественными организациями, как на территории Республики Беларусь, так и за ее пределами; существующую необходимость в совершенствовании информационного обеспечения розыска лиц, пропавших без вести.

Так, в период времени с 2015 по 2017 г. количество зарегистрированных заявлений по фактам исчезновения лиц за пределами Республики Беларусь увеличилось на 28,7 % (с 384 до 503). Большинство опрошенных оперативных сотрудников указали на трудности, возникающие в процессе их розыска, т. к. за пределами границы начинается территория иного суверенного государства, где возможность проведения оперативно-розыскных мероприятий (далее — ОРМ) непосредственно у белорусских оперуполномоченных отсутствует, что сказывается на количестве не найденных до настоящего времени лиц, исчезнувших за границей (1189), удельный вес которых равен 45 % от общего количества без вести пропавших (2632).

Географические условия и социально-экономические изменения способствуют трудовой миграции населения республики в другие страны. Так, на фоне общего числа лиц, исчезнувших за пределами Республики Беларусь (1189), 88 % являются мужчины трудоспособного возраста (1049).

С целью профилактики безвестного исчезновения, периодически в средствах массовой информации освещаются вопросы, касающиеся трудового рабства и связанной

с ним нелегальной миграции, однако данные меры в силу социальных факторов не всегда приводят к ожидаемому эффекту.

При осуществлении розыскной деятельности находит применение и такая форма сотрудничества, как командирование сотрудников органов внутренних дел (далее — ОВД). С учетом того, что на территории Российской Федерации исчезло более 90 % от общего числа лиц, пропавших за пределами Республики Беларусь (1090), в большинстве случаев для обмена информацией и присутствия при проведении ОРМ, направленных на установление местонахождения без вести пропавших, командирование осуществляется в сопредельное государство. В ходе анализа практики наблюдается проблема в организации выезда сотрудников розыскных подразделений уровня РУ — ГО — РОВД с целью установления местонахождения лица, пропавшего без вести. Как правило, указанную форму сотрудничества реализуют сотрудники уровня УВД — ГУВД — МВД во время проведения специальных операций с периодичностью несколько раз в год. Следует заметить, что период времени с момента исчезновения человека и до момента начала проведения специальной операции может быть продолжительным. Недостатки в организации процесса своевременного командирования оперативных сотрудников, могут повлечь утрату не только времени, необходимого для спасения жизни человека, оказавшегося в опасной ситуации, но и доказательственной базы, сокрытия следов преступления и т. д. [1, с. 67].

Одной из наиболее эффективных форм взаимодействия между розыскными подразделениями министерств внутренних дел Республики Беларусь и Российской Федерации является обмен информацией. Так, значительную помощь в осуществлении розыскной деятельности оказывает Межгосударственный информационный банк, функционирование которого обеспечивает Федеральное казенное учреждение «Главный информационно-аналитический центр МВД России», объем данных только централизованного дактилоскопического учета указанного ресурса составляет более 31 млн дактилоскопических карт. Постановка на централизованный учет дактилоскопических карт неопознанных трупов не всегда осуществляется своевременно, в связи с чем информация о лице, пропавшем без вести, поступает спустя продолжительное время, что влечет за собой нерациональное распределение имеющихся ресурсов ОВД[1].

Результаты проведенного исследования показывают, что повышению эффективности розыска лиц, пропавших без вести за пределами Республики Беларусь, могут служить: выработка эффективного механизма межгосударственного взаимодействия; усиление контроля за своевременностью постановки на централизованный учет в Межгосударственный информационный банк дактилоскопических карт неопознанных трупов; урегулирование вопроса информирования компетентными органами Российской Феде-

[1] С 2007 г. разыскивался пропавший без вести гражданин П., и только в октябре 2017 г. при очередной проверке по учетам федеральной базы данных геномной информации ЭКЦ МВД Российской Федерации генотипа его сына установлено совпадение с генотипом трупа неизвестного мужчины, обнаруженного в 2004 г. с признаками насильственной смерти в г. Москве. Практика показывает, что указанный пример не является единичным.

рации представителей консульских учреждений иностранных государств о смерти граждан представляемых ими стран.

Справедливо отмечается, что эффективность и наступательность розыска лиц, пропавших без вести, зависит в том числе и от взаимодействия оперативных подразделений ОВД с силами общественности [2, с. 36—37].

Рассматривая вопросы внутреннего взаимодействия, современная практика розыскной работы показала, что сотрудники розыскных подразделений ОВД часто взаимодействуют с общественными организациями и добровольными движениями, прибегают к использованию в розыске имеющейся у них техники[1] и волонтерского ресурса. В то же время правоохранители обращаются с «просьбами» о размещении информации о лицах, пропавших без вести, в целевых группах, которые насчитывают десятки тысяч подписчиков, созданных указанными организациями в различных мессенджерах и социальных сетях. Особый интерес представляют такие волонтерские организации и поисково-спасательные отряды, действующие на территории Республики Беларусь, как «Ангел», «ЦентрСпас» и «Симуран».

Волонтеры и поисково-спасательные отряды оказывают значительную помощь в розыске лиц, пропавших без вести, однако учитывая то, что данное направление не подвергалось научной разработке и сформировалось относительно недавно, безусловно, имеется ряд неурегулированных вопросов по взаимодействию добровольцев с розыскными подразделениями ОВД, в том числе и вопросов правового регулирования, отсутствуют методические рекомендации по взаимодействию ОВД с волонтерскими организациями, по причине чего взаимодействие носит несистемный и эпизодический характер. Добровольцы часто действуют самостоятельно, не ставя в известность правоохранительные органы, в результате чего могут последовать нежелательные последствия: утрата доказательственной базы, сокрытие следов преступления и др. В свою очередь, и сотрудники территориальных органов нередко скептически относятся к помощи добровольцев, не привлекая их к мероприятиям и не принимая всерьез собранную ими информацию [3, с. 317].

Об актуальности данной проблемы свидетельствует тот факт, что добровольные объединения и волонтерские организации взаимодействуют с аналогичными объединениями и за рубежом, что может расширить возможности розыска лиц, пропавших без вести на территории других государств. Так, в настоящее время добровольческие поисковые отряды сформированы в 76 субъектах Российской Федерации. В их состав входят около 15 тыс. граждан разного возраста и социального статуса. В 39 регионах заключены

[1] В 2017 г. на протяжении нескольких дней сотрудниками специального подразделения по борьбе с терроризмом «Алмаз» осуществлялся поиск утонувшего гражданина Л., который положительных результатов не дал, в результате чего были приглашены специалисты поисково-спасательного отряда (далее — ПСО) «Ангел» — добровольного движения по оказанию помощи в поиске без вести пропавших людей. Поиск утонувшего специалисты ПСО осуществляли с помощью картплоттера — прибора, который смоделировал объемное изображение дна водоема и указал местонахождение утонувшего.

соглашения о сотрудничестве территориальных ОВД Российской Федерации с местными волонтерскими организациями [4, с. 11].

К числу предложений, реализация которых повлечет за собой улучшение розыска без вести пропавших на территории Республики Беларусь, можно отнести: установление надлежащего взаимодействия с волонтерскими движениями; разработка методических рекомендаций по совместному участию ОВД и волонтерского движения по установлению лиц, пропавших без вести; нормативное закрепление такой формы сотрудничества.

В контексте анализа проблем организационного характера следует рассмотреть существующую необходимость в совершенствовании информационного обеспечения розыска лиц, пропавших без вести.

Анализ оперативной практики свидетельствует об имеющихся упущениях в работе с информацией, используемой в розыске без вести пропавших. Процесс ее сбора, систематизации, хранения и использования с целью борьбы с преступностью является информационным обеспечением [5, с. 16]. По мнению В. В. Симачева, наиболее важным направлением совершенствования информационного обеспечения, является разработка и создание информационно-анализирующих систем [6, с. 5—6].

По мнению С. С. Тупеко, исследующего проблемы транснациональной преступности, введенная в действие информационно-анализирующая система будет способствовать систематическому сбору, накоплению и рациональному использованию информации о преступной деятельности, позволит осуществлять анализ имеющихся сведений и прогнозировать развитие криминогенной обстановки. Под информационно-анализирующей понимается система, в задачи которой входит систематизация и накопление первичной информации о состоянии, эффективности и тенденциях развития управляемого объекта и ее конверсия в форму, удобную для использования органами, принимающими решения [7, с. 79].

Данная позиция находит свое отражение и в диссертации А. Н. Толочко, который полагает, что информационный ресурс позволит анализировать оперативно-розыскные ситуации, возникающие в процессе розыска преступников, изучать избираемую ими тактику противодействия ОВД [8, с. 37].

Развивая предложенные предшественниками идеи, полагаем, что совершенствование информационного обеспечения розыска лиц, пропавших без вести, видится в создании информационно-анализирующей системы, позволяющей решить целый ряд задач, возникающих в процессе розыска лиц, пропавших без вести.

Среди других причин, ограничивающих информационное поле ОВД в сфере розыска лиц, пропавших без вести, является отсутствие функциональных возможностей в уже имеющихся поисковых системах в виде анализа идентификационных признаков разыскиваемых лиц и неопознанных трупов [9, с. 26].

Резюмируя рассмотрение проблемы совершенствования информационного обеспечения розыска лиц, пропавших без вести, можно сделать выводы, что повышению эффективности информационного обеспечения будет способствовать: создание информационно-анализирующей системы; расширение функций имеющихся поисковых систем и информационных ресурсов анализом идентификационных признаков разыскиваемых

лиц и неопознанных трупов; расширение комплекса идентификационных признаков, отражаемых в опознавательных картах; повышение качества фиксации розыскной информации.

Думается, что к проблемам организационно-тактического характера, обусловливающим невысокие результаты розыска лиц, пропавших без вести, следует также отнести недостаточный уровень организации работы и связанные с ним многочисленные упущения в деятельности оперативных подразделений, которые проявляются на различных этапах розыска.

Уже на первоначальном этапе розыска лиц, пропавших без вести, можно увидеть недостатки, вызванные некачественным планированием работы, как по материалам проверки, так и по розыскным делам. Следует согласиться с мнением Д. А. Гриневой о том, что версии, выдвинутые оперативным сотрудником, должны содержать предположительное объяснение искомых обстоятельств, т. е. объяснение факта исчезновения человека, и для того, чтобы эти неизвестные обстоятельства были достоверно установлены, необходимо версии подвергать проверке посредством проведения необходимых ОРМ, в ходе которых должны устанавливаться факты, подтверждающие или опровергающие выдвинутые предположения [2, с. 72]. Анализ практики показывает, что используемый алгоритм составления планов ОРМ в большинстве случаев недостаточно эффективен, т. к. при его составлении не в полной мере: изучается личность потерпевшего, обстоятельства безвестного исчезновения; не принимаются во внимание гидрометеорологические условия в период исчезновения разыскиваемого, чрезвычайные происшествия в данной местности, несчастные случаи, тяжкие преступления и т. п. Таким образом, в составлении планов по ДОУ усматривается формализм и шаблонность, что является основными причинами недостатков и нарушений в этой работе.

Недостатки, выраженные в отсутствии анализа устных сведений об обстоятельствах пропажи, ведут к ограничению полноты выдвигаемых версий.

Следует выделить проблему отсутствия методических рекомендаций по розыску лиц, пропавших без вести, в связи с чем практика организации розыскной работы в различных подразделениях республики следует по своему пути развития. В связи с отсутствием разъяснений по спорным моментам часто силы и средства оперативных сотрудников, а самое главное — время, тратятся на выяснение обстоятельств, не требующих этого, таких как, например, определение территориальности, за что высказалось большинство респондентов среди опрошенных оперативных сотрудников. Немаловажным моментом, на который следует обратить внимание при написании методических рекомендаций, является определение первоначальных и последующих оперативно-розыскных и иных мероприятий, проводимых при криминальных и некриминальных обстоятельствах исчезновения лица, версионной основы розыска и типичных ситуаций.

Таким образом, современное состояние розыскной работы в Республике Беларусь характеризуется наличием ряда проблем теоретико-прикладного характера, к которым, по нашему мнению, относятся: недостаточно эффективное взаимодействие розыскных подразделений с правоохранительными органами, государственными и общественными организациями; существующая необходимость в совершенствовании информационного

обеспечения розыска лиц, пропавших без вести; необходимость в научном исследовании тактического обеспечения розыска лиц, пропавших без вести.

Для решения вышеназванных проблем полагаем необходимым: усилить контроль за своевременностью постановки на централизованный учет в Межгосударственный информационный банк дактилоскопических карт неопознанных трупов; выработать эффективный механизм межгосударственного взаимодействия; урегулировать вопрос информирования компетентными органами Российской Федерации представителей консульских учреждений иностранных государств о смерти граждан представляемых ими стран; установить надлежащее взаимодействие с волонтерскими движениями; разработать методические рекомендации по совместному участию ОВД и волонтерского движения в установлении местонахождения лиц, пропавших без вести, и нормативно закрепить указанную форму сотрудничества; создать информационно-анализирующую систему по розыску лиц, пропавших без вести; расширить функции имеющихся поисковых систем и информационных ресурсов анализом идентификационных признаков разыскиваемых лиц и неопознанных трупов; расширить комплекс идентификационных признаков, отражаемых в опознавательных картах; повысить качество фиксации розыскной информации; разработать научно-практические рекомендации, которые позволят расширить круг предположительных обстоятельств исчезновения лиц, пропавших без вести, влияющих на качество и полноту выдвигаемых версий.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Озеров И. Н.* Категория риска в оперативно-розыскной деятельности: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. СПб., 2001. 202 с.

2. *Гринева Д. А.* Розыск без вести пропавших лиц: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Калининград, 2006. 200 с.

3. *Моисеев Н. А., Новоселов Н. Г., Серегин М. В., Чиненов А. В.* Современная информационная среда как объект оперативно-розыскной деятельности // Евразийский юридический журнал. 2018. № 6 (121). С. 316—318.

4. *Щуров А.* Помощь — от чистого сердца // Полиция России. 2018. № 4. С. 10—15.

5. *Галенок В. А.* Оперативно-розыскная информация и процесс ее познания / В. А. Галенок. Минск: Акад. МВД Р-ки Беларусь, 1995. 35 с.

6. *Симачев В. В.* О задачах, проблемах и направлениях совершенствования оперативно-розыскной деятельности // Правовые и организационно-тактические проблемы совершенствования управления органов внутренних дел. Алма-Ата: ООНИиРИР Акад. МВД Р-ки Казахстан, 2002. С. 5—6.

7. *Тупеко С. С.* Теория и практика борьбы с транснациональной преступностью в Республике Беларусь: оперативно-розыскной аспект: дис.... канд. юрид. наук: 12.00.09. Минск, 2010. 147 с.

8. *Толочко А. Н.* Розыск обвиняемых, скрывающихся от предварительного следствия: дис. ... канд. юрид. наук: 11.00.09. Минск, 2011. 177 с.

9. *Чиненов Е. В.* Осмотр места происшествия по фактам обнаружения трупов лиц, причина смерти которых не установлена: учеб. пособ. / А. Н. Толочко, О. Н. Скоморохов, С. А. Чернышёв. Белгород, 2018. 51 с.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Ozerov I. N. risk Category in operational investigative activity: dis. ... kand. the faculty of law. Sciences: 12.00.09. St. Petersburg, 2001. 202 p.

2. Grineva D. A. Search for missing persons: cand. jurid. sci. diss.: 12.00.09. Kaliningrad, 2006. 200 p.

3. Moiseev N. A., Novoselov N. G., Seregin M. V., Chinenov A.V. Modern information environment as an object of operational investigative activity // Eurasian legal journal. 2018. № 6 (121). P. 316—318.

4. Shchurov A. Help — from a clean heart // Police of Russia. 2018. № 4. P. 10—15.

5. Galenok V. A. Operative search information and process of its cognition / V. A. Galenok. Minsk: Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus, 1995. 35 p.

6. Simachev V. V. On tasks, problems and directions of perfection of the operative search activity // Legal and organizational tactical problems of development of management of organs of internal affairs. Alma-Ata: Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan, 2002. P. 5—6.

7. Tupeko S. S. Theory and practice of fight against transnational criminality in Republic of Belarus: operative search aspect: cand. jurid. sci. diss.: 12.00.09. Minsk, 2010. 147 p.

8. Tolochko A. N. Search of defendants hiding from preliminary investigation: cand. jurid. sci. diss.: 11.00.09. Minsk, 2011. 177 p.

9. Chinenov E. V. Inspection of the scene of the discovery of the corpses of persons the cause of death has not been established: a training manual / E. V. Chinenov, A. N. Skomorokhov, S. A. Chernyshev. Belgorod, 2018. 51 p.

УДК: 343.985.2
DOI: 10.24411/2312-3184-2019-00049

Конин Владимир Владимирович
доцент кафедры уголовно-процессуального права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия (г. Санкт-Петербург)
доцент, кандидат юридических наук,
e-mail: vkonin.kld@yandex.ru

Konin Vladimir Vladimirovich
associate Professor of criminal procedure law Department
North-Western branch of the Russian state University of justice (St. Petersburg)
candidate of law, associate Professor
e-mail: vkonin.kld@yandex.ru

Конин Александр Владимирович
старший инспектор ЛОВД на ВТ Западного линейного управления МВД России на транспорте
лейтенант полиции
e-mail: vkonin.kld@yandex.ru

Konin Alexander Vladimirovich
chief inspector LOVD on WT
Western linear management of the Ministry of internal Affairs of Russia on transport
police lieutenant
e-mail: vkonin.kld@yandex.ru

ЗНАЧЕНИЕ КРИМИНАЛИСТИКИ ДЛЯ УСПЕШНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЛЕДОВАТЕЛЯ

Введение: в статье рассматриваются вопросы использования следователем тактических приемов в процессе расследования преступления. Криминалистика, как особый вид правоохранительной деятельности, возникла в рамках уголовно-процессуальной деятельности, как активное средство реализации его положений при расследовании преступлений, установлении всех его обстоятельств, изобличения лица, его совершившего. Именно уголовно-процессуальное право устанавливает пределы и условия применения криминалистических рекомендаций в деятельности следователя при расследовании преступлений, рекомендуя применение необходимых технических средств и тактических приемов, с целью достижения задач, перечисленных в статье 6 УПК РФ.

Профессиональное общение следователя, как специфический вид коммуникации, имеет своей направленностью не только решение задач, определенных ст. 6 УПК РФ — защиту прав и законных интересов тех, кому преступлением был причинен ущерб, а также защиту лица от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения прав и свобод. Помимо этого следователь должен

решить задачу, выдвинутую обществом перед правоохранительными органами — обеспечение внутренней безопасности общества, раскрытие преступления, с тем, чтобы каждый виновный в совершении преступления был привлечен к уголовной ответственности, и ему было назначено судом законное и справедливое наказание. Именно решение всех перечисленных задач побуждает следователя расследовать уголовные дела на высоком профессиональном уровне, с использованием криминалистической техники и криминалистической тактики.

Материалы и методы: нормативную основу исследования образуют Конституция Российской Федерации, уголовное и уголовно-процессуальное законодательство, научные труды российских ученых по указанной тематике.

Методологической основой исследования послужил общий диалектический метод научного познания, носящий универсальный характер, также методы логической дедукции, индукции, познавательные методы и приемы наблюдения, сравнения, анализа, обобщения и описания.

Результаты исследования позволили уточнить отдельные положения, относящиеся к криминалистической тактике производства следственных действий при расследовании преступления, поделить всех лиц, взаимодействующих со следователем, на две группы — позитивную и негативную, раскрыты причины низкого качества расследования преступлений, даны рекомендации по повышению качества производства следственных действий.

Выводы и заключения: характер взаимодействия следователя с лицом, участвующим в производстве следственного действия, всегда будет связан с позицией, которой придерживается это лицо. Позиция может быть позитивной, может быть негативной, в зависимости от установок, которых придерживается лицо, участвующее в следственном действии. В связи с чем лиц, участвующих в следственных действиях, условно можно поделить на две группы: позитивная и негативная. Получение информации от лиц, входящих в позитивную группу, существенно отличается от получения информации от лиц, входящих в негативную группу. Именно поэтому следователь должен владеть приемами криминалистической тактики и использовать при производстве следственных действий технические средства, позволяющие фиксировать ход и содержание следственного действия.

Ключевые слова: следователь, следственное действие, коммуникация, воздействие, допрос, тактика, тактический прием, профессиональное общение, ситуация, моделирование.

IMPORTANCE OF CRIMINOLOGY FOR THE SUCCESSFUL ACTIVITIES OF THE INVESTIGATOR

Introduction: the article deals with the use of tactics by the investigator in the process of the investigation of the crime. Criminalistics, as a special type of law enforcement activity, arose within the framework of criminal procedural activity, as an active means of implementing its provisions in the investigation of crimes, establishing all its circumstances, exposing the person who committed it. It is the criminal procedure law that sets the limits and conditions for the use of forensic recommendations in the activities of the investigator in the process of the investigation of crimes, recommending the use of the necessary technical means and tactics in order to achieve the tasks listed in article 6 of the Criminal Procedure Code.

Professional communication of the investigator, as a specific type of communication, has its focus not only the solution of the tasks defined by article 6 of the code of criminal procedure — protection of the rights and legitimate interests of those who were harmed by the crime, as well as protection of a person from illegal and unjustified charges, convictions, restrictions of rights and freedoms. In addition, the investigator must solve the problem put forward by the society before the law enforcement agencies — ensuring the internal security of the society, the disclosure of the crime, so that everyone guilty of a crime was brought to criminal responsibility and he was sentenced by the court to a lawful and fair punishment. It is the solution of all these problems encourages the investigator to investigate criminal cases at a high professional level, using forensic technology and forensic tactics.

Materials and methods: the normative basis of the research is formed by the Constitution of the Russian Federation, criminal and criminal procedure legislation, and scientific works of Russian scientists on this subject.

The methodological basis of the study was the General dialectical method of scientific knowledge, which is universal, as well as methods of logical deduction, induction, cognitive methods and techniques of observation, comparison, analysis, generalization and description.

The results of the study it was possible to clarify certain provisions relating to the forensic tactics of investigative actions in the investigation of a crime, to divide all persons interacting with the investigator into two groups — positive and negative, the reasons for the low quality of the investigation of crimes are revealed, recommendations for improving the quality of investigative actions are given.

Conclusions and results: the nature of the interaction of the investigator with the person involved in the production of the investigative action will always be associated with the position held by this person. The position may be positive or negative, depending on the attitudes of the person involved in the investigative action. In this connection,

the persons involved in the investigation can be divided into two groups: positive and negative. Receiving information from persons belonging to the positive group is significantly different from receiving information from persons belonging to the negative group. That is why, the investigator must know the techniques of forensic tactics, and use in the production of investigative actions technical means to record the course and content of the investigative action.

Keywords: investigator, investigative action, communication, impact, interrogation, tactics, tactics, professional communication, situation, modeling.

Эффективность деятельности следователя по расследуемому уголовному делу всегда будет зависеть от его профессионального опыта, твердых и уверенных знаний норм действующего законодательства, применяемых в процессе расследования уголовного дела, знания сложившейся судебной практики и разъяснений, данных высшими судебными инстанциями, а также рекомендаций криминалистикой тактики и методики расследования преступлений. Теоретические знания, будучи наложенными на профессиональный опыт следователя (даже незначительный), помогают достичь положительного результата в процессе расследования уголовного дела.

Одним из умений, которым в обязательном порядке должен обладать следователь, является умение общаться с другими людьми. Оно достигается не только и не столько путем постижения на практике, но и посредством изучения научной литературы в области юридической психологии и криминалистической тактики. Определившись с целью и задачей коммуникации, следователь должен уметь формулировать и точно передать информацию, что позволяет ему более правильно воспринимать собеседника, вне зависимости от его процессуального статуса.

При этом общение следователя со всеми участниками уголовного судопроизводства должно носить исключительно профессиональный характер.

Профессиональное общение представляет собой разновидность взаимодействия между людьми, которое осуществляется на основе определенного вида деятельности и нацеливается на достижение конкретного результата. Его цель задана потребностями конкретных субъектов труда и вида организации, состоит в выработке и реализации ими эффективной стратегии взаимодействия и построения отношений, приводящих к успешному осуществлению профессиональной деятельности [4, с. 8].

Само по себе профессиональное общение является сложной системой, носящее динамический характер, куда в обязательном порядке входит:

— расстановка приоритетов среди взаимодействующих лиц (следователь как ведущий — допрашиваемый как ведомый);

— правомерное воздействие на допрашиваемого с целью уточнения и расширения круга информации, сообщаемой допрашиваемым;

— правомерное воздействие на допрашиваемого с целью изменения взглядов, установок, которых придерживается допрашиваемый, в интересах получения достоверной информации по расследуемому уголовному делу и достижения запланированного следователем результата.

Вербальное воздействие со стороны следователя на лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве, является составной частью профессионального общения следователя. Ни один тактический прием, применяемый следователем, не приведет к достижению положительного результата, если следователь не владеет навыками воздействия на лицо, с которым проводится следственное действие.

Существует достаточно большое количество способов воздействия. Воздействие следователя может носить грубый, жесткий характер (быть на грани нарушения, но при этом, не нарушая норм действующего законодательства), может носить мягкий характер, может быть закамуфлировано, может осуществляться через третьих лиц, имеющих какое-либо влияние на объект воздействия, и т. д. Главная задача воздействия в процессе профессионального общения — сблизить позицию лица, с которым взаимодействует следователь в ходе производства следственного действия, к позиции, занимаемой следователем. При этом нарушение принципов уголовного судопроизводства, таких как законность, уважение чести и достоинства личности, неприкосновенность личности, недопустимо.

В профессиональном общении следователя с участниками уголовного судопроизводства (куда необходимо отнести таких участников, как потерпевший, подозреваемый, обвиняемый, адвокат) и лицами, оказавшимися вовлеченными в сферу уголовного судопроизводства (куда необходимо отнести свидетеля, понятого, переводчика) необходимо выделить обязательные компоненты:

— знания в области криминалистики и психологии;

— умение применять имеющиеся знания в практической деятельности.

Отсутствие знаний в указанных областях не позволит следователю достичь положительного результата в раскрытии преступления и полном установлении всех обстоятельств, перечисленных в ст. 73 УПК РФ [2, с. 3—7].

На современном этапе, на основе анализа ряда уголовных дел мы можем констатировать, что в работе следователя все более стал проявляться формальный подход: преступление раскрыто, лицо, его совершившее, установлено, уголовное дело направлено в суд для рассмотрения по существу. Между тем в процессе расследования остаются невыясненными и неустановленными достаточно значимые обстоятельства. Необходимо отметить, что причины, по которым следствие стало склоняться к формальному подходу, самые различные — тут и большая нагрузка

на следователя, и установки руководства, и нежелание следователя нести дополнительную нагрузку, слабые знания криминалистической тактики и неумение применять положения криминалистики в своей повседневной деятельности, и т. д. Некоторые причины такому положению дел были раскрыты Е. В. Смахтиным [7, с. 30—34].

Можно предположить, что еще одной из причин низкого уровня профессионального общения следователя с участниками уголовного судопроизводства и лицами, вовлеченными в сферу уголовного судопроизводства, слабого владения тактическими приемами, является то обстоятельство, что достаточно значительное количество уголовных дел рассматривается судами в особом порядке судебного разбирательства, когда следователь, выяснив намерение обвиняемого и его защитника, воспользоваться особым порядком судебного разбирательства, фактически перестают вести активный поиск доказательств виновности лица, привлекаемого к уголовной ответственности. Пассивное расследование уголовного дела не предполагает профессионального совершенствования, а также не позволяет следователю развивать такие навыки, как умение прогнозировать возможное развитие следственной ситуации, и, основываясь на анализе возможного развития следственной ситуации, предварительно продумать применение каких-либо тактических приемов, необходимых в сложившейся ситуации, как для преодоления противодействия, так и для улучшения и закрепления сложившейся ситуации. Формально, со стороны подозреваемого (обвиняемого) и его защитника, как участников уголовного судопроизводства, отсутствует противодействие, следственная ситуация является бесконфликтной. Вместе с тем может сложиться ситуация, когда участники уголовного судопроизводства со стороны защиты, признавая свою виновность в совершенном преступлении, и желая как можно скорее завершить расследование по уголовному делу и последующего рассмотрения уголовного дела в суде, укрывают другие преступления, совершенные подозреваемым (обвиняемым). Но, следователь, попав в ловушку так называемого комфортного расследования, уже не стремится к расширению круга обстоятельств, подлежащих выяснению. Собрав минимум доказательств, в соответствии с требованиями ст. 73 УПК РФ, которые образуют минимальную совокупность, позволяющую сделать предварительный вывод о виновности лица в инкриминируемом ему преступлении, он фактически перестает быть исследователем и превращается в пресловутого делооформителя, задача которого как можно быстрее закончить расследование и направить уголовное дело в суд для рассмотрения по существу.

Главным назначением криминалистической тактики и применяемых следователем тактических приемов является полное раскрытие совершенных преступлений, изобличение лиц, их совершивших, выявление и фиксация доказа-

тельств, подтверждающих в своей совокупности выдвинутый в отношении лица, привлекаемого к уголовной ответственности, обвинительный тезис.

Следующим, не менее важным назначением криминалистической тактики и разрабатываемых ею тактических приемов является то, что они обеспечивают достижение наиболее оптимального результата при производстве следственного действия с наименьшим напряжением. При этом достигнутый результат может быть как конечным, так и промежуточным. Промежуточный результат всегда взаимосвязан с конечным результатом, поскольку применение тактических приемов для достижения промежуточного результата является предпосылкой для последующего применения тактических приемов, позволяющих достичь положительного конечного результата. Так, например, разобщение преступной группы посредством применения тактических приемов будет носить промежуточный результат, а последующее изобличение участников этой группы в совершенных преступлениях будет носить конечный результат.

Профессиональное общение следователя с участниками уголовного судопроизводства и лицами, вовлеченными в уголовное судопроизводство в различном качестве, может происходить при производстве различных следственных действий, в частности таких, как допрос, очная ставка, опознание, проверка показаний на месте и т. д. В то же время, как показывает анализ следственной и судебной практики, наиболее распространенным следственным действием с участием лиц, вовлеченных в уголовное судопроизводство, является допрос. Именно допрос мы будем иметь в виду, рассматривая взаимодействие следователя с участниками уголовного судопроизводства и с лицами, вовлеченными в уголовное судопроизводство.

Условно всех лиц, вовлеченных в сферу уголовного судопроизводства, в связи с тем, что они располагают той или иной информацией, представляющей интерес для расследования уголовного дела, можно поделить на две категории: позитивная и негативная.

К позитивной группе следует отнести лиц, которые придерживаются активной жизненной позиции, понимают опасность противоправной деятельности для общества и по мере своих сил оказывают содействие правоохранительным органам. Располагая информацией, представляющей интерес для следователя, они свободно выдают ее. [1, с. 90—97] Как правило, каких-либо затруднений у следователя работа с указанной группой лиц не вызывает, соответственно, тактические приемы для получения необходимой информации также практически не применяются, за исключением тех, когда свидетелю необходимо помочь вспомнить событие, очевидцем которого он являлся, или о котором он имеет информацию, но со временем, не придавая большого значения наблюдаемым событиям, вычеркнул их из своей памяти. В этой ситуации можно использовать тактический

прием «напоминание». Допрашиваемому напоминают о событии, очевидцем которого он являлся, позволяя ему вспомнить это событие. При этом напоминание не должно быть подробным, детальным, поскольку в данном случае свидетель просто повторит версию следователя, которая ему была доведена. Ценность таких показаний будет незначительной, а в случае выяснение указанного обстоятельства в ходе судебного следствия сторона защиты незамедлительно поставит вопрос о признании показаний такого свидетеля недопустимым доказательством.

Вторая ситуация, когда при допросе свидетеля из позитивной группы возникает необходимость применения тактических приемов, характеризуется тем, что позитивный свидетель по-иному интерпретирует информацию, которой он обладает, либо событие, очевидцем которого он являлся. Так, например, свидетель явился очевидцем события, когда потерпевший грубо оскорбил беременную женщину, за которую вступился ее муж, и потребовал извиниться, а получив отказ, нанес несколько ударов, в результате чего причинил потерпевшему легкие телесные повреждения. Свидетель был уверен в правоте обвиняемого, и на допросе настаивал на этом. Следователю пришлось применить тактический прием «убеждение», разъяснив свидетелю, что разрешить возникшую конфликтную ситуацию необходимо было в правовом поле, без применения насилия, с чем свидетель в итоге согласился, и дал подробные показания о событии, очевидцем которого он являлся.

Необходимо отметить, что ситуация получения информации от позитивного свидетеля может измениться, если он прибыл на допрос с адвокатом. Следователю необходимо иметь в виду, что адвокаты являются профессиональными участниками уголовного судопроизводства, обладающими достаточными знаниями как в области уголовного процесса, так и криминалистики. Одновременно с этим адвокаты являются членами одной корпорации, зачастую знакомы между собой, и что среди адвокатов достаточно сильно развита адвокатская солидарность. Следовательно, может сложиться ситуация, когда адвокат, участвующий в допросе свидетеля, желая помочь своему коллеге, защищающему обвиняемого, может удержать своего доверителя от дачи раскрытых и полных показаний, ограничившись общими фразами о той ситуации, очевидцем которой являлся допрашиваемый, не раскрывая деталей, которые всегда имеют большое значение. В данном случае возникает конфликт с нестрогим соперничеством, поскольку допрашиваемый выдает следователю информацию, которой владеет, но не в полном объеме. Соответственно, задача следователя будет заключаться в том, чтобы применить тактический прием «убеждения», воздействие которого будет направлено не только на допрашиваемого, но и на адвоката. Сложность заключается в том, что адвокат может противопоставить тактическому приему «убеждение», применяемому следователем, приемы противодействия, которые могут полностью нивелировать

усилия следователя, направленные на получение от свидетеля достоверной и полной информации. В связи с этим следователю необходимо заранее, при подготовке к допросу, предусмотреть применение тактических приемов по преодолению противодействия со стороны адвоката.

Наряду с позитивной группой, достаточно часто следователю приходится иметь дело с негативной группой, для которого характерно наличие асоциальных установок, агрессивность по отношению к правоохранительным органам и обществу в целом, и открытая бравада этим, скрытный характер противоправной деятельности, отказ в признании своей виновности в совершенном преступлении, противодействие деятельности следователя по доказыванию вины обвиняемого. Для этих лиц характерно поведение, которое можно определить как негативизм (от лат. negativus — отрицательный) — лицо сознательно придерживается антиобщественных принципов поведения, бравирует своими антиобщественными установками, пытается распространять их среди других лиц.

При подготовке к следственному действию, в ходе которого предполагается коммуникация с людьми, относящимися к негативной группе, для следователя достаточно важным представляется иметь навыки по прогнозированию ситуации предстоящего следственного действия, уметь выстроить мысленную модель предстоящего следственного действия, попытаться спрогнозировать возможное поведение допрашиваемого, его вероятные поступки, и определиться с тактическими приемами, возможность применения которых наиболее вероятна. Это могут быть приемы по установлению психологического контакта, приемы, направленные на убеждение, и в обязательном порядке приемы, направленные на преодоление возможного противодействия. Сюда же должны быть включены тактические приемы по изобличению лжи, в том числе и с предъявлением каких-либо доказательств либо демонстрации видеозаписи (как полностью, так и в части) с ранее осуществленных следственных действий. Однако в то же время может сложиться ситуация, когда следователю не стоит изобличать лицо в даче ложных показаний в процессе допроса, поскольку это можно будет сделать позже, собрав доказательства, подтверждающие виновность лица в совершенном преступлении и изобличающие его в даче ложных показаний.

В обязательном порядке следователь должен продумать применение технических средств видео- либо аудиофиксации хода следственного действия [3, с. 59—62].

Фиксация хода следственного действия посредством видеозаписи содержит ряд преимуществ:

— видеозапись заставляет следователя тщательнее готовиться к производству следственного действия, планировать его ход, предвидеть возможное проти-

водействие со стороны процессуальных оппонентов и быть готовым к преодолению противодействия;

— повторяемость видеозаписи; в дальнейшем, анализ видеозаписи следственного действия позволяет установить, были ли допущены какие-либо нарушения (как норм УПК РФ, так и этических норм, а также определить наличие следственных ошибок, и наметить пути их исправления);

— дисциплинирует участников следственного действия, в частности со стороны защиты; нередко случается ситуация, когда вопрос, заданный следователем допрашиваемому, интерпретируется адвокатом в совсем иной формулировке, и им же дается ответ на вопрос от имени подзащитного;

— видеозапись следственного действия в дальнейшем может быть использована для производства ряда судебных экспертиз, например, таких как судебно-портретная экспертиза, судебно-фоноскопическая экспертиза, судебно-ситуационная экспертиза и т. д.;

— возложение на видеозапись основной нагрузки по фиксации актуально в ситуациях, когда погодные условия или техногенная угроза заставляют проводить осмотр в сжатые сроки;

— видеозапись позволяет разрабатывать и успешно применять новые тактические приемы по разобщению преступных групп, по изобличению лиц, подозреваемых либо обвиняемых в совершении преступления, но не признающих свою виновность.

Некоторые проблемные вопросы, а также рекомендации по использованию средств видеофиксации следователем при производстве следственных действий по расследованию преступлений, совершенных в группе, по разобщению группы и изобличению участников в совершенных преступлениях ранее уже рассматривались [5, с. 7—10].

Это только краткое описание преимуществ видеофиксации следственных действий, которые следователь должен иметь в виду, и в зависимости от сложившейся следственной ситуации использовать в своей деятельности.

Необходимо отметить, что анализ изученных нами уголовных дел показал, что следователи недостаточно владеют тактическими приемами преодоления противодействия, что не позволяет им добиться тех результатов, которые изначально планировались. Так, в качестве примера можно привести, что еще в 2003 г. одним из автором был описан тактический прием противодействия, применяемый адвокатом, и заключающийся в том, что допрашиваемый отказывается отвечать на вопросы следователя, но отвечает на вопросы адвоката. Все заданные адвокатом вопросы и полученные от допрашиваемого ответы следователь заносит в протокол допроса. В результате следователь утрачивает свою ведущую роль в производстве следственного действия. Вопросы адвоката, которые будут заданы,

и ответы допрашиваемого, которые будут даны на поставленные вопросы, заранее оговариваются этими участниками в процессе подготовки к следственному действию. Тем самым сторона защиты доносит до следователя только ту информацию, которую она посчитала нужным озвучить, с тем, чтобы она была отражена в материалах уголовного дела, что вынуждает следователя отработать версию защиты о невиновности в инкриминируемом преступлении, либо меньшей виновности по сравнению с выдвинутым обвинительным тезисом, и фактически направляет следователя по ложному пути расследования [6, с. 78—80]. Однако, как показывает практика, следствие до сих пор не выработало эффективных тактических приемов по преодолению противодействия со стороны защиты, в случае если она действует подобным образом. Формально в данном случае в действиях адвоката не содержится каких-либо нарушений норм действующего уголовно-процессуального законодательства, а также норм, регламентирующих адвокатскую деятельность. В данном случае имеет место реализация положений, закрепленных в п. 11 ч. 4 ст. 46 и п. 21 ч. 4 ст. 47 УПК РФ, где говорится о праве подозреваемого либо обвиняемого защищаться иными средствами и способами, не запрещенными УПК РФ. При этом нечеткость формулировки позволяет говорить о несовершенстве закона. Отказ отвечать на вопросы следователя УПК РФ не запрещен. Отвечать на вопросы адвоката при производстве допроса УПК РФ также не запрещено. В результате, применение подобного тактического приема стороной защиты достаточно часто ставит следователя в трудное положение, и не позволяет ему добиться необходимых результатов.

Таким образом, недостаточная профессиональная подготовка следователя, основанная на слабом знании положений криминалистической науки, не дает возможности в полной мере раскрыть преступление, и изобличить лицо, его совершившее, что не соответствует запросам общества на безопасную среду и защищенность от преступных посягательств.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Волчецкая Т. С., Бедризов А. Г.* Криминалистическое изучение личности свидетеля: основные методы // Вестн. Балт. федер. ун-та им. И. Канта. Сер.: Гуманит. и обществ. науки. 2012. № 9. С. 90—97.

2. *Грибунов О. П.* Тактические приемы, используемые для изобличения ложных показаний свидетеля // Рос. следователь. 2016. № 5. С. 3—7.

3. *Грибунов О. П.* Технико-криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений: отдельные аспекты современного состояния // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2016. № 1 (23). С. 59—62.

4. *Душкин А. С.* Психологические особенности профессионального общения сотрудников органов внутренних дел с различными категориями граждан: учеб.-

практ. пособ. / А. С. Душкин, В. А. Юренкова, С. Е. Кораблев. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета МВД России, 2017. 87 с.

5. *Конин В. В., Попова Л. В.* Использование технических средств видеофиксации при расследовании коррупционных преступлений как способ изобличения соучастников, не признающих своей вины // Рос. следователь. 2012. № 18. С. 7—10.

6. *Конин В. В.* Тактика противодействия обвинению и ее субъекты // Адвокатура и адвокатская деятельность в свете современного конституционного права (к 10-летию принятия Конституции России): матер. междунар. науч.-практ. конф., Екатеринбург, 29—30 дек. 2003 г. Екатеринбург: Изд-во «Чароид», 2004. С. 129—133.

7. *Смахтин Е. В.* Роль криминалистики в раскрытии и расследовании преступлений: история и современное состояние // Рос. следователь. 2013. № 11. С. 30—34.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

1. Volchetskaya T. S., Berezov A. G. Forensic study of the personality of the witness: the main methods // Bulletin of Baltic Federal University. I. Kant. Series: Humanities and social Sciences. 2012. No. 9. Pp. 90—97.

2. Gribunov O. P. tactics used to expose the false testimony of a witness // Russian investigator. 2016. No. 5. Pp. 3—7.

3. Gribunov O. P. Technical and forensic support of disclosure and investigation of crimes: some aspects of the current state // Bulletin of the Kazan law Institute of the Ministry of internal Affairs of Russia. 2016. № 1 (23). Pp. 59—62.

4. Dushkin A. S., Yurenkova V. A., Korablev S. E. Psychological features of professional communication of employees of internal Affairs bodies with various categories of citizens: educational and practical guide. SPb.: Publishing house of St. Petersburg Ministry of internal Affairs, 2017. 87 p.

5. Konin V. V., Popova L. V. the Use of technical means of video recording in the investigation of corruption crimes as a way of exposing accomplices who do not admit their guilt // Russian investigator. 2012. No. 18. Pp. 7—10.

6. Konin V. V. Tactics of counteraction to charges and its subjects // Advocacy and advocacy in the light of modern constitutional law (to the 10th anniversary of the adoption of the Constitution of Russia). Materials of international scientific.- prakt. conference, Ekaterinburg, 29—30 December 2003. Ekaterinburg: Publishing house “Charoid”, 2004. Pp 129—133.

7. Smakhtin E. V. the Role of criminology in the detection and investigation of crimes: history and current state // Russian investigator. 2013. No 11. Pp. 30—34.

УДК: 347.963
DOI: 10.24411/2312-3184-2019-00050

Михайлова Тамара Николаевна
доцент кафедры уголовного процесса Восточно-Сибирского института МВД России
кандидат педагогических наук
E-mail: stn-postman@mail.ru

Михайлов Евгений Викторович
заместитель прокурора Свердловского района г. Иркутска
советник юстиции
E-mail: evm-postman@mail.ru

Mikhailova Tamara Nikolaevna
associate professor of Criminal Procedure Department, East-Siberian Institute of the Ministry of the Interior of Russia,
Candidate of Pedagogic Sciences
E-mail: stn-postman@mail.ru

Mikhailov Evgeny Viktorovich
deputy Prosecutor of the Sverdlovsk District of Irkutsk
counselor of justice
E-mail: evm-postman@mail.ru

ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ВЫБОРАХ

Введение: стабильное состояние законности в период избирательной кампании и в день выборов во многом зависит от надлежащим образом организованной работы органов прокуратуры РФ. В статье освящены вопросы организации прокурорского надзора в сфере исполнения законодательства о выборах. Определены основные задачи и перечень организационных мероприятий, проводимых должностными лицами органов прокуратуры при осуществлении надзорной деятельности. Применительно к основным стадиям избирательного процесса выделены основные вопросы, проверку которых необходимо организовать в рамках осуществления надзора за исполнением избирательных прав граждан. Перечислены основные виды нарушений, допускаемых при организации и проведении выборов различных уровней власти.

Материалы и методы: нормативную основу исследования составили нормы Конституции Российской Федерации, а также нормативные акты, регламентирующие порядок организации и проведения выборов в Российской Федерации. Методологической основой исследования послужил общий диалектический метод научного познания, также методы логической дедукции, индукции, познавательные методы и приемы анализа, сравнения, обобщения и описания.

Результаты исследования позволили определить основные вопросы и эффективные формы организации и осуществления прокурорского надзора за исполнением законодательства о выборах федерального, регионального и муниципального уровней власти.

Выводы и заключения: проанализированные нормативно-правовые акты, задачи, вопросы и формы организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о выборах позволили определить значимость и результативность работы органов прокуратуры в сфере охраны и защиты основных избирательных прав граждан в целях укрепления основ демократии в Российской Федерации.

Ключевые слова: прокурор, прокурорский надзор, выборы, избирательное право, акты прокурорского реагирования.

ORGANIZATION OF PROSECUTOR'S OVERSIGHT OF THE IMPLEMENTATION OF LEGISLATION ON ELECTIONS

Introduction: the article provides an overview of the organization of prosecutorial supervision in the sphere of enforcement of electoral legislation, as a result the significance of the prosecution bodies in the sphere of electoral law is revealed. The main tasks and list of organizational measures carried out by officials of the prosecutor ’s office in carrying out supervisory activities have been defined. With regard to the main stages of the electoral process, the main issues that need to be verified as part of the supervision over the execution of electoral rights of the citizens have been identified. The main types of violations committed during the organization and holding the elections at various levels of government are listed.

Materials and methods: the regulatory framework of the research is formed by the Constitution of the Russian Federation, as well as normative acts regulating the organization and holding the elections in the Russian Federation. The methodological basis of the study was the general dialectical method of scientific cognition, as well as methods of logical deduction, induction, cognitive methods and techniques of analysis, comparison, generalization and description.

Results made it possible to determine the main issues and effective forms of organization and implementation of prosecutorial supervision over the execution of the legislation during the elections at the federal, regional and municipal levels of government.

Summary and conclusion: the analyzed legal acts, tasks, issues and forms of organization of prosecutorial supervision over the implementation of election legislation made it possible to determine the significance and effectiveness of work of prosecution bodies in the sphere of protection of basic electoral rights of the citizens in order to strengthen the foundations of democracy in the Russian Federation.

Keywords: prosecutor, prosecutor’s supervision, elections, suffrage, acts of prosecutorial response.

В любом демократическом государстве в качестве важнейших политических прав провозглашаются избирательные права граждан. Именно избирательные права дают возможность личности участвовать в политической жизни своего государства, от законности реализации которых зависит реальность провозглашенной демократии, прочность устоев конституционного строя, общее состояние внутренних и внешних дел страны,

а также уважение и возможность реализации гражданских, социальных, экономических, культурных и иных прав человека и гражданина.

В современном российском государстве избирательное право является всеобщим, равным, прямым и свободным при тайном голосовании. Статья 32 Конституции РФ гарантирует гражданам их право избирать и быть избранными в органы государственной власти и органы местного самоуправления, а также право на участие в референдумах. Кроме того, Основной закон нашей страны провозгласил свободные выборы высшим непосредственным выражением власти народа. Однако, как подчеркивает в своих исследованиях в области избирательного права В. В. Мамонов, понятие «свободные выборы» неравнозначно понятию «честные выборы». В качестве неотъемлемого атрибута последнего определения выступает справедливость принимаемых в ходе подготовки и проведения выборов решений, основанных на соблюдении законодательных источников в сфере избирательного права всеми участниками избирательного процесса [5, с. 95].

Рассматривая законодательство о выборах как правовую систему, следует отметить, что ключевая роль в вопросах реализации активного и пассивного избирательных прав граждан России принадлежит Федеральному закону от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», который в своих положениях закрепляет гарантии избирательных прав граждан для выборов всех уровней [4, с. 297].

Правовой порядок избрания Президента России определяется нормами Федерального закона от 10.01.2003 № 19-ФЗ «О выборах Президента Российской Федерации», депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации — Федеральным законом от 22.02.2014 № 20-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации».

Общие положения о проведении выборов в органы государственной власти субъектов РФ и органы местного самоуправления закреплены в Федеральных законах от 06.10.1999 № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». В случае отсутствия в субъекте РФ, муниципальном образовании соответствующей нормативно-правовой базы для проведения выборов местного уровня подлежит применению Федеральный закон от 26.11.1996 № 138-ФЗ «Об обеспечении конституционных прав граждан Российской Федерации избирать и быть избранными в органы местного самоуправления».

Конкретные процедуры проведения выборов в органы государственной власти субъектов Российской Федерации устанавливаются уставами субъектов и соответствующими законами. В частности, процедура проведения выборов в органы государственной власти Иркутской области установлена ее Уставом, а также Законом Иркутской области от 06.04.2011 № 18-ОЗ «О выборах депутатов Законодательного Собрания Иркутской области», Законом Иркутской области от 25.06.2012 № 54-ОЗ «О выборах Губернатора Иркутской области», а также Законом Иркутской области от 28.12.2012 № 156-ОЗ «Об отзыве Губернатора Иркутской области».

Порядок проведения выборов в органы местного самоуправления в Иркутской области определен Законом от 11.11.2011 № 116-ОЗ «О муниципальных выборах в Иркутс-

кой области», Законом от 30.05.2014 № 54-ОЗ «Об отдельных вопросах формирования органов местного самоуправления муниципальных образований Иркутской области», а также уставами муниципальных образований.

Применительно к каждой избирательной кампании по выборам федерального, регионального или местного уровней постановлениями ЦИК РФ, Избирательной комиссией Иркутской области, территориальными избирательными комиссиями утверждаются календарные планы мероприятий по подготовке и проведению выборов. В частности, в текущем году примерный календарный план мероприятий по подготовке и проведению муниципальных выборов в Иркутской области в единый день голосования 8 сентября 2019 г., был одобрен постановлением Избирательной комиссии Иркутской области от 19.04.2019 № 45/346 и размещен в свободном доступе на ее официальном сайте.

Подготовка и проведение выборов на любом уровне власти (федеральном, региональном и муниципальном) вызывает необходимость особой организационной работы и органов прокуратуры Российской Федерации, которая, по верному замечанию И. Н. Степанова, выступает главным заслоном на пути нарушителей законодательства о выборах [8, с. 4].

Ежегодно органы прокуратуры выявляют значительное количество нарушений законодательства о выборах. По результатам прокурорских проверок в 2018 г. на территории Иркутской области выявлено 182 нарушения закона, для устранения которых внесено 89 представлений, принесено 26 протестов, направлено два иска в суд. В целях недопущения нарушений закона объявлено 36 предостережений. По инициативе прокурора к дисциплинарной ответственности было привлечено 40 лиц, к административной — 11.

На период проведения избирательных кампаний федерального, регионального и муниципального уровней со стороны сотрудников органов прокуратуры должно быть уделено пристальное внимание решению вопросов соблюдения норм законодательства о выборах и публичных мероприятиях, а также обеспечению взаимодействия с избирательными комиссиями и другими правоохранительными органами. Данные требования получили закрепление в таких ведомственных правовых актах, как Приказ Генерального прокурора РФ от 07.12.2007 № 195 (в ред. от 21.06.2016) «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина», а также Указание Генерального прокурора РФ от 06.09.2010 № 339/7 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о выборах». Таким образом, сегодня органам российской прокуратуры предоставлен комплекс различных юридических возможностей для надзора и координации деятельности всех других органов, задействованных в избирательном процессе нашего государства, с целью противодействия электоральным правонарушениям [3, с. 80].

В целом организацию и проведение выборов можно рассматривать как правовые гарантии, за счет которых осуществляются избирательные права граждан, гарантируется исполнение честных и законных избирательных мероприятий [6, с. 198], в связи с чем основными задачами органов прокуратуры в рамках надзора за исполнением законодательства о выборах являются:

1) охрана и защита активного и пассивного избирательных прав граждан;

2) защита государственных и общественных интересов;

3) принятие мер прокурорского реагирования, направленных на предупреждение, выявление и пресечение нарушений законодательства в области избирательного права; восстановление нарушенных прав избирателей; привлечение виновных к предусмотренной законом ответственности; возмещение причиненного вреда;

4) контроль за законностью и антикоррупционностью принятых поднадзорными органами правовых актов в сфере избирательного права;

5) участие прокуроров по делам о нарушении норм избирательного законодательства в суде.

Эффективность прокурорского надзора за исполнением избирательного законодательства зависит, прежде всего, от знаний предмета правового регулирования и поднадзорных объектов; взвешенного и продуманного подхода к принятию решений по фактам нарушения закона; систематичности и полноты проводимых прокурорских проверок; качества координационной деятельности органов прокуратуры на данном направлении работы.

В целях обеспечения исполнения принципа законности в период подготовки и проведения выборов любого уровня в прокуратуре проводятся следующие организационные мероприятия:

1. Создаются специальные внутренние и межведомственные рабочие группы, главной задачей которых является: сбор и анализ информации о состоянии законности; оперативное рассмотрение и разрешение сообщений, заявлений и иных сигналов о нарушениях избирательного законодательства; своевременное принятие мер по предупреждению, выявлению и пресечению нарушений; привлечение виновных лиц к предусмотренной законом ответственности; восстановление нарушенных избирательных прав.

В состав внутренних рабочих групп входят сотрудники органов прокуратуры, осуществляющие надзорную деятельность в различных сферах. Межведомственные рабочие группы формируются из числа работников органов прокуратуры; сотрудников органов внутренних дел, СК РФ, ФСБ России, МЧС России, Росгвардии; исполнителей государственной власти и местного самоуправления; представителей избирательных комиссий [7].

Внутренние и межведомственные рабочие группы могут быть созданы как до начала избирательной кампании, так и в самом начале ее проведения.

2. Проводятся плановые и внеплановые заседания координационных совещаний руководителей правоохранительных органов и иных ведомств, межведомственные совещания, а также обеспечивается участие прокурорских работников в совещаниях рабочих групп и «круглых столов», организуемых органами государственной власти и местного самоуправления, избирательными комиссиями и иными органами по вопросам исполнения избирательного законодательства.

3. Ведется специальный, отдельный учет поступающих сигналов о нарушениях избирательного законодательства, на которых ставится штамп с пометкой «Выборы».

4. Проводятся прокурорские проверки по поступившим жалобам, заявлениям и иным сообщениям о нарушении законодательства в сфере избирательных прав граждан.

5. Осуществляется анализ информационных источников о состоянии законности в период проведения избирательной кампании, результаты которого в строго установ-

ленные сроки направляются вышестоящему прокурору. В случае выявления серьезных нарушений и преступлений в области реализации избирательных прав граждан незамедлительно уведомляется прокурор субъекта.

6. В течение всего периода проведения избирательной кампании утверждается график дежурств работников каждой территориальной прокуратуры в выходные дни, а также в день голосования и выборов.

7. На весь период проведения избирательной кампании сокращаются сроки рассмотрения и разрешения заявлений, сообщений и жалоб, содержащих информацию о фактах нарушения законодательства о выборах. Так, решения по жалобам, поступившим до дня голосования в период избирательной кампании, принимаются в пятидневный срок, но не позднее дня, предшествующего дню голосования. Заявления и сообщения, поступившие в день голосования или в день, следующий за днем голосования, — рассматриваются и разрешаются немедленно. В случае необходимости проведения дополнительной проверки по обстоятельствам, указанным в жалобе, допускается продление ее рассмотрения на срок не выше десяти суток с момента поступления.

Важнейшей гарантией реализации избирательных прав граждан является их судебная защита, порядок осуществления которой установлен Кодексом административного судопроизводства Российской Федерации (далее по тексту — КАС РФ) и Федеральным законом № 67-ФЗ. В силу ч. 3 ст. 243 КАС РФ все административные дела о защите избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ рассматриваются с участием прокурора. По данным делам прокурор вступает в процесс и дает заключение (ч. 7 ст. 39 КАС РФ).

Так, в период избирательных кампаний по выборам депутатов Законодательного Собрания Иркутской области, глав и депутатов представительных органов местного самоуправления, проведенных в 2018 г., в суды Иркутской области поступило 45 административных исков: 36 — о защите избирательных прав в период подготовки выборов депутатов Законодательного Собрания Иркутской области, 9 — по муниципальным выборам. В основном участниками избирательного процесса оспаривались решения соответствующих избирательных комиссий о регистрации (об отказе в регистрации) кандидатов, избирательных объединений по мотивам неправильного оформления либо отсутствия требуемых для выдвижения и регистрации документов; нарушения порядка выдвижения кандидатов (списка кандидатов), а также несоблюдения установленных избирательным законом ограничений при проведении предвыборной агитации (использование кандидатом преимуществ должностного или служебного положения, нарушения законодательства об интеллектуальной собственности и т. д.).

С целью надлежащей организации работы по участию прокуроров в суде при рассмотрении административных исков о защите избирательных прав, необходимо учитывать некоторые особенности применения норм процессуального права. Так, избирательное законодательство предусматривает специальные процессуальные сроки на обращение в суд, возможность оспаривания судебных актов по делу. Самый долгий трехмесячный срок для обращения в суд предусмотрен для административных исков об отмене итогов голосования. При этом расчет срока начинается с момента официального опубликования итогов голосования. В свете сказанного, интересен следующий пример из судебной практики. В Верховный суд РФ поступило административное исковое заявление

одной из политических партий с требованиями об отмене постановления ЦИК РФ «Об установлении общих результатов выборов депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации седьмого созыва». В удовлетворении требований было отказано на основании того, что истек процессуальный срок для обращения в суд, поскольку первое официальное опубликование постановления состоялось в «Российской газете» 24.09.2016. В связи с чем установленный законом трехмесячный срок с учетом нерабочих дней 24 и 25 декабря окончился по истечении последнего часа 26.12.2016. Доводы административного истца о том, что срок подлежит исчислению с 07.10.2016, т. е. со дня опубликования решения в «Вестнике Центральной избирательной комиссии Российской Федерации» были судом отклонены обоснованно, поскольку согласно действующему законодательству срок подлежит исчислению со дня первого официального опубликования итогов выборов.

Вторая процессуальная особенность состоит в том, что заявление об отмене решения избирательной комиссии о регистрации либо отказа в регистрации подается в суд в течение 10 дней с момента принятия данного решения. Необходимо учитывать, что указанный срок является процессуальным, в связи с этим начинает течь на следующий день после принятия оспариваемого решения. Течение данного срока прерывается направлением искового заявления почтой.

Третья особенность: отмена регистрации кандидата за допущенные нарушения избирательного законодательства предусмотрена ч. 6 ст. 76 Федерального закона № 67-ФЗ. Срок для подачи заявления ограничивается лишь тем, что иск должен поступить в суд не позднее 8 дней до дня голосования. При этом решение об удовлетворении указанного требования принимается судом первой инстанции не позднее, чем за пять дней до дня голосования. Таким образом, при поступлении в суд административного иска об отмене регистрации кандидата за пять дней до дня выборов даже при его обоснованности, в удовлетворении требований необходимо отказать.

Безусловным основанием для отмены регистрации кандидата является сокрытие сведений о судимости. Указанное обстоятельство подтверждается сведениями из информационного центра ГУ МВД России по Иркутской области о том, что лицо ранее привлекалось к уголовной ответственности за совершение преступления, которое признается преступлением действующим Уголовным кодексом РФ (далее по тексту — УК РФ). Так, решением Иркутского областного суда было отказано в удовлетворении административного искового заявления окружной избирательной комиссии к гражданину С. об отмене регистрации кандидата, в связи с сокрытием сведений о судимости. Основанием для отказа в удовлетворении исковых требований послужил факт пропуска процессуального срока для обращения в суд с данным требованием. В ходе рассмотрения дела было установлено, что несвоевременному обращению способствовала недостоверная информация, представленная ИЦ ГУ МВД России по Иркутской области, об отсутствии данных о судимости кандидата С. Надлежащая информация ИЦ ГУ МВД России по Иркутской области о наличии у административного ответчика судимости поступила в ОИК уже позже, когда процессуальный срок для обращения в суд с требованием об отмене регистрации был пропущен. В связи с выявленными прокурором в суде обстоятельствами, было заявлено и удовлетворено судом ходатайство о внесении частного определения в адрес ИЦ ГУ МВД России по Иркутской области.

Таким образом, предусмотренные процессуальные сроки в области защиты избирательных прав граждан являются пресекательными и восстановлению не подлежат. Также необходимо помнить, что судебные акты по указанной категории дел могут быть обжалованы участвовавшими в деле лицами в течение пяти дней, при этом срок начинает течь с момента оглашения решения суда. Состав лиц участвующих в рассмотрении дела, перечислен в ст. 239 КАС РФ. При этом необходимо учитывать, что при рассмотрении споров об отмене решения о регистрации, самой регистрации выдвинутого политической партией кандидата в обязательном порядке подлежит привлечению к участию в деле данное политическое объединение. Так, определением апелляционной инстанции было отменено решение одного из районных судов Иркутской области по иску кандидата на должность мэра К. об отмене решения о регистрации кандидата М. на данную выборную должность. Основанием для отмены судебного акта послужило нарушение требований ч. 1 ст. 47 КАС РФ, согласно которой к участию в деле также подлежат обязательному привлечению заинтересованные лица, права и обязанности которых могут быть затронуты принятым решением. Гражданин М. был выдвинут кандидатом на должность мэра района решением бюро комитета районного местного отделения «Коммунистическая партия Российской Федерации». Однако указанное политическое объединение не было привлечено к участию в административном деле, документы подтверждающие полномочия на выдвижение кандидата не истребовались и не исследовались судом. При указанных обстоятельствах, в связи с неверным определением участвующих в деле лиц, судебный акт был отменен вышестоящей инстанцией по процессуальным основаниям.

В свете сказанного, применительно к основным стадиям избирательного процесса, предлагаем систематизировать круг вопросов, проверку которых необходимо организовать и провести сотрудникам органов прокуратуры в рамках осуществления надзора за соблюдением избирательных прав в период подготовки и проведения выборов.

1. При назначении выборов необходимо установить: имеются ли законные основания для назначения и проведения основных, дополнительных или досрочных выборов; правомочным ли органом принято решение о назначении выборов; соблюдены ли требования законодательства о дне голосования и дне выборов; соблюдены ли сроки назначения выборов; своевременно ли опубликовано решение о назначении выборов.

2. При регистрации и составлении списков избирателей необходимо выяснить: осуществляется ли уполномоченным органом или должностным лицом регистрация избирателей; поступают ли в установленные сроки необходимые для учета избирателей сведения из органов, осуществляющих регистрацию граждан Российской Федерации по месту пребывания и по месту жительства, воинский учет, уголовно-исполнительной системы, суда; соблюдается ли установленный порядок рассмотрения заявлений граждан о включении их в список избирателей; представлены ли сведения о зарегистрированных избирателях в установленные законом сроки в избирательные комиссии; соответствуют ли эти сведения действительности; учтены ли все избиратели, зарегистрированные на данной территории; нет ли случаев регистрации выбывших избирателей, умерших, признанных недееспособными, отбывающих наказание в местах лишения свободы по приговору суда и т. п. В этих целях целесообразно предварительно запрашивать

в соответствующих органах сведения об умерших, признанных недееспособными, а также выбывших и прибывших гражданах и сверять их с данными учёта.

3. При образовании избирательных округов следует оценить: законность муниципального нормативного правового акта об утверждении схемы избирательных округов, в том числе соблюдены ли требования ст. 18 Федерального закона № 67-ФЗ при определении и утверждении схемы избирательных округов; уполномоченным ли органом утверждена схема избирательных округов; соблюден ли принцип примерного равенства избирателей в округах; нет ли избирательных округов, созданных на территориях, не граничащих между собой; опубликована ли схема избирательных округов.

4. При образовании избирательных участков необходимо проверить: наличие муниципального правового акта об образовании избирательных участков, правомочность органа, его принявшего; соблюдение порядка формирования избирательных участков, предусмотренного в ст. 19 Федерального закона № 67-ФЗ, в том числе в местах временного пребывания граждан, в труднодоступных и отдаленных местностях; не пересекают ли границы избирательных участков границы избирательных округов; опубликованы ли списки избирательных участков в установленные сроки.

5. При формировании избирательных комиссий (территориальных, муниципальных, окружных и участковых) необходимо проверить: уполномоченным ли органом предложены кандидаты в члены избирательной комиссии; уполномоченным ли органом принято решение о формировании комиссии, соблюдены ли требования о численном составе комиссии; своевременность проведения указанных избирательных мероприятий; не включены ли в состав комиссий лица, которые в силу закона не могут быть членами избирательных комиссий с правом решающего голоса; соблюдены ли установленные нормы представительства для государственных и муниципальных служащих; соблюдены ли требования закона о представительстве от политических партий, избирательного или общественного объединения; не включены ли в состав комиссий лица, которые в силу закона не могут быть членами избирательных комиссий с правом совещательного голоса [9].

6. На стадии выдвижения кандидатов (списков кандидатов) и их регистрации необходимо: предупреждать факты сбора подписей среди граждан, не обладающих активным избирательным правом в соответствующем избирательном округе; в месте, где сбор подписей запрещен, органом или лицом, которым сбор подписей запрещен, а равно с принуждением либо с предложением вознаграждения; оценивать законность и своевременность принимаемых избирательными комиссиями решений о регистрации либо отказе в регистрации кандидатов, а также их действия при приёме документов, проверке сведений о кандидатах и т. д.

При этом необходимо учитывать, что проверка подписей избирателей и порядка их сбора относится к исключительной компетенции избирательных комиссий [2]. Органами прокуратуры такие проверки, как правило, проводятся по конкретным обращениям граждан. Предусмотренный законом перечень оснований для отказа в регистрации кандидата (списка кандидатов) является закрытым и расширительному толкованию не подлежит. Законом предусмотрен судебный порядок для обжалования решения об отказе в регистрации кандидата (списка кандидатов), в рамках которого прокурор дает свое заключение.

При установлении фактов подделки подписей избирателей, сбора подписей избирателей в запрещенных местах, а также сбора подписей запрещенными законом лицами, прокурор вправе инициировать возбуждение дел об административных правонарушениях, предусмотренных ст. ст. 5.46, 5.47 КоАП РФ, соответственно.

7. При финансировании выборов необходимо выяснить следующие вопросы: предусмотрены ли в соответствующем бюджете на очередной финансовый год средства на подготовку и проведение выборов; своевременно ли данные средства перечислены избирательным комиссиям; своевременно ли создан избирательный фонд кандидата, избирательного объединения; не вносились ли пожертвования в избирательный фонд лицами и организациями, которым это запрещено законом; не расходуются ли средства избирательного фонда на цели, не связанные с проведением избирательной кампании; представлены ли финансовые отчеты о расходовании средств избирательного фонда в установленный законом срок.

При этом следует учитывать, что контроль за целевым расходованием денежных средств, выделенных на подготовку и проведение выборов, за источниками поступления средств в избирательные фонды, за организацией учета этих средств и их использованием, для проверки финансовых отчетов кандидатов, избирательных объединений, для организации проверок достоверности представленных кандидатами сведений об имуществе, о доходах, об их источниках и о расходах, соблюдения кандидатами иных требований закона, осуществляют соответствующие избирательные комиссии или сформированные при них контрольно-ревизионные службы [1].

8. *На стадии предвыборной агитации, период которой определен ст. 49 Федерального закона № 67-ФЗ, необходимо проверить:* выделены ли органами местного самоуправления специальные места для размещения печатных агитационных материалов на территории каждого избирательного участка; наличие фактов осуществления предвыборной агитации лицами, которым ее осуществление запрещено законом; соблюдение органами местного самоуправления, кандидатами, избирательными объединениями, иными организациями условий проведения предвыборной агитации посредством агитационных публичных мероприятий; соблюдение кандидатами, избирательными объединениями, организациями и индивидуальными предпринимателями, выполняющими работы или оказывающими услуги по изготовлению печатных агитационных материалов, установленного порядка и условий изготовления и распространения печатных, аудиовизуальных и иных агитационных материалов; соблюдение кандидатами, избирательными объединениями, средствами массовой информации условий проведения предвыборной агитации на каналах организаций телерадиовещания, в периодических печатных изданиях и сетевых изданиях; соблюдение кандидатами, избирательными объединениями, их доверенными лицами и уполномоченными представителями установленных ст. 56 Федерального закона № 67-ФЗ ограничений при проведении предвыборной агитации; соблюдение кандидатами ограничений о недопустимости использования при проведении своей избирательной кампании преимуществ своего должностного или служебного положения; исполнение избирательными комиссиями полномочий по осуществлению контроля за соблюдением порядка проведения предвыборной агитации, своевременным принятием мер по устранению допущенных нарушений; соблюдения законодательства при осу-

ществлении производства по делам об административных правонарушениях, рассмотрении обращений граждан [10].

9. *В период избирательных кампаний в органах внутренних дел следует проверять:* законность, полноту и своевременность принимаемых мер по выявлению, пресечению правонарушений и привлечению виновных лиц к административной ответственности; соблюдение требований КоАП РФ при осуществлении производства по делам об административных правонарушениях, связанных с нарушением законодательства о выборах; исполнение законодательства о порядке рассмотрения обращений граждан.

10. Организовать с привлечением органов надзорной деятельности МЧС России, территориальных органов Росгвардии проверки соответствия требованиям антитеррористической защищенности и пожарной безопасности помещений, предоставленных избирательным комиссиям, в том числе для размещения комплексов ГАС «ВЫБОРЫ» и проведения голосования.

При проведении проверок антитеррористической защищенности помещений избирательных участков в зависимости от объекта, на котором они размещены, следует руководствоваться соответствующими требованиями к антитеррористической защищенности объектов (территорий), утвержденными постановлениями Правительства РФ.

11. Усилить надзор за исполнением законодательства о противодействии экстремизму и терроризму, о собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях.

Практика свидетельствует, что зачастую в рамках предвыборной агитации со стороны кандидатов исходят попытки использовать существующие в обществе настроения, связанные с решением таких проблем, как миграция, межнациональные и межконфессиональные отношения и т. д. Не исключено привлечение некоторыми политическими партиями граждан экстремистской направленности, предоставление им возможности участия в организуемых массовых публичных мероприятиях.

В связи с этим органам прокуратуры необходимо осуществлять тщательный контроль за исполнением на период выборов требований ст. 16 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» в части вынесения предупреждений в письменной форме организаторам массовых акций об ответственности за несоблюдение установленного законодательством Российской Федерации порядка проведения массовых акций, за осуществление экстремистской деятельности.

Кроме того, также возникает необходимость в постоянном мониторинге информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», который позволяет выявить призывы к участию в незаконных массовых (публичных) мероприятиях, а также факты распространения недостоверной общественно значимой информации, в том числе содержащей призывы к осуществлению экстремисткой деятельности.

12. По результатам проверок оперативно принимать предусмотренные Федеральным законом «О прокуратуре Российской Федерации» меры реагирования, направленные на устранение нарушений закона в области избирательных прав граждан; привлечение виновных лиц к административной и уголовной ответственности.

В соответствии со ст. 79 Федерального закона № 67-ФЗ ответственность за нарушение законодательства Российской Федерации о выборах и референдумах устанавлива-

ется федеральными законами. Нарушения, посягающие на избирательные права граждан, и ответственность за них предусмотрены в главе 5 раздела II КоАП РФ.

В соответствии со ст. 28.3 КоАП РФ протоколы об административных правонарушениях в области законодательства о выборах в пределах своей компетенции вправе составлять должностные лица органов избирательных комиссий. К компетенции прокурора частью 1 ст. 28.4 КоАП РФ отнесено возбуждение дел об административных правонарушениях, предусмотренных ст.ст. 5.1, 5.6, 5.7, 5.21, 5.23—5.25, 5.45, 5.46, 5.48, 5.52, 5.58 КоАП РФ. Помимо этого, при осуществлении надзора за исполнением законов прокурор вправе возбудить дело о любом административном правонарушении.

Гарантии защиты избирательных прав граждан также обеспечиваются статьями 141, 141.1, 142, 142.1 и 142.2 УК РФ. В соответствии с ч. 2 ст. 151 УПК РФ предварительное расследование по уголовным делам, предусмотренным указанными статьями, относится к исключительной компетенции следователей Следственного комитета Российской Федерации. Поступившие в органы внутренних дел сообщения о преступлениях в сфере избирательного законодательства должны незамедлительно направляться в органы Следственного комитета Российской Федерации для проведения доследственных проверок и принятия по ним процессуальных решений. Прокурор в рамках своих надзорных полномочий осуществляет тщательный контроль за своевременностью и законностью принятых Следственным комитетом решений.

Таким образом, проведенный анализ вопросов и форм организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о выборах позволяет нам констатировать факт, что данный вид надзора является одним из самых сложных, многоплановых и значимых, поскольку преследует цели укрепления законности и защиты избирательных интересов и прав граждан в сфере правоотношений, устанавливаемых Конституцией РФ и иными многочисленными нормативно-правовыми актами о выборах, осуществляемый как в период избирательных кампаний, так и между ними. Стабильное состояние законности в период избирательной кампании и в день выборов во многом зависит от надлежащим образом организованной работы органов прокуратуры Российской Федерации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Ермаков Д. А*. Эффективность финансового контроля в ходе проведения выборов / Д. А. Ермаков // Закон и право. 2015. № 2. С. 45—51.

2. *Ефименко Е. А*. Признание подписей избирателей в поддержку выдвижения кандидата (списка кандидатов) недостоверными: законодательное регулирование и проблемы правоприменительной практики / Е. А. Ефименко // Петербургский юрист. 2016. № 1. С. 86—100.

3. *Климова Ю. Н*. Взаимодействие избирательной комиссии с правоохранительными органами при обеспечении законности и правопорядка на территории избирательного округа / Ю. Н. Климова // Вестник ЦИК РФ. 2006. № 11. С. 80—85.

4. *Красинский В. В*. Развитие законодательного обеспечения избирательного процесса в интересах защиты конституционного строя / В. В. Красиков // Вестник ТГУ. 2010. № 6. С. 294—304.

5. *Мамонов В. В*. Развитие российского избирательного права / В. В. Мамонов // Ленинградский юридический журнал. 2014. № 2. С. 94—105.

6. *Михайлова К. Е.* Основные принципы избирательного права России / К. Е. Михайлов // Мол. учен. 2018. № 52. С. 198—199.

7. *Наполов И. А.* Правоохранительные органы как участники избирательного процесса / И. А. Наполов // Аллея науки: науч.-практ. электрон. журн. 2018. № 11.

8. *Степанов И. Н.* Прокурорский надзор за исполнением законодательства Российской Федерации о выборах: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. 27 с.

9. *Степанов И. Н.* Прокурорский надзор за деятельностью избирательных комиссий / И. Н. Степанов // Рос. следователь. 2007. № 16. С. 36—37.

10. *Троицкая Т. В.* Проблемы и перспективы осуществления предвыборной агитации в России / Т. В. Троицкая // Вестн. Сарат. гос. юрид. акад. 2017. № 5. С. 78—84.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Ermakov D. A. The effectiveness of financial control during the election / D.A. Ermakov // Law and Law. 2015. No. 2. Pp. 45—51.

2. Efimenko E. A Recognition of voters' signatures in support of the nomination of a candidate (list of candidates) invalid: legislative regulation and problems of law enforcement practice / E. A. Efimenko // Petersburg lawyer. 2016. No. 1. Pp. 86—100.

3. Klimova Yu. N. Interaction of the election commission with law enforcement agencies while ensuring law and order in the territory of the constituency / Yu.N. Klimova // Bulletin of the CEC of the Russian Federation. 2006. No. 11. Pp. 80—85.

4. Krasinsky V. V. The development of legislative support for the electoral process in the interests of protecting the constitutional system / V.V. Krasikov // Bulletin of TSU. 2010. No. 6. Pp. 294—304.

5. Mamonov V. V. The development of Russian suffrage / V. V. Mamonov // Leningrad Law Journal. 2014. No. 2. Pp. 94—105.

6. Mikhailova K. E. Basic principles of the electoral law of Russia / K. E. Mikhailov // Young scientist. 2018. No. 52. Pp. 198—199.

7. Napolov I. A. Law enforcement agencies as participants in the election process / I. A. Napolov // Scientific and Practical Electronic Journal Alley of Science. 2018. No. 11.

8. Stepanov I. N. Prosecutorial supervision of the implementation of legislation of the Russian Federation on elections: abstract of thesis. ... cand. legal sciences. M., 2008. 27 p.

9. Stepanov I. N. Prosecutorial supervision of the activities of election commissions / I. N. Stepanov // Russian investigator. 2007. No. 16. Pp. 36—37.

10. Troitskaya T. V. Problems and prospects of the implementation of election campaigning in Russia / T. V. Troitskaya // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2017. No. 5. Pp. 78—84.

Информация для авторов

1. Журнал является научным периодическим изданием, выходит ежеквартально.

2. Все публикуемые материалы проходят научную экспертизу.

3. Журнал имеет раздел на официальном сайте Восточно-Сибирского института МВД России (далее — Институт) в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», содержащем его полнотекстовую версию.

4. Общее руководство, определение политики формирования и издания научно-практического журнала осуществляет редакционный совет.

5. Регламентацию требований к представляемым материалам и условиям их опубликования в журнале, а также решение иных вопросов выхода издания в свет осуществляет редакционная коллегия.

6. Научный материал (статья, обзор, рецензия, отзыв и иное) должен быть оригинальным, ранее не опубликованным в предоставленной редакционной коллегии в других печатных и (или) электронных изданиях.

7. Научный материал должен сопровождаться необходимым инструментарием: ссылками на законодательство, актами официального толкования права, материалами правоприменительной практики, научной литературой, статистическими, информационно-аналитическими и иными данными, подтверждающими их научную обоснованность.

8. Для опубликования научных материалов в журнале необходимо представить в адрес редакционной коллегии надлежащим образом оформленные: рукопись научного материала (статьи, обзора, рецензии, отзыва и иное); заявку на опубликование; лицензионный договор; к статье адъюнкта, аспиранта должен быть приложен отзыв научного руководителя, рекомендующего данную статью к опубликованию. Подпись должна быть заверена кадровым аппаратом соответствующей организации.

9. Научный материал, заявка на опубликование и лицензионный договор (для адъюнкта прилагается отзыв научного руководителя) должны быть предоставлены в редакционную коллегию не позднее двух месяцев до опубликования очередного выпуска журнала.

10. Научный материал, заявка на опубликование и лицензионный договор (для адъюнкта прилагается отзыв научного руководителя) предоставляются по электронной почте либо почтовой связью с приложением электронного варианта научного материала, рецензии и заявки на опубликование.

11. Ответственность за достоверность цифр, фактов, цитат и иной информации, приводимой в научном материале, возлагается на автора.

12. Автор научного материала заключает с Институтом лицензионный договор, по которому на безвозмездной основе предоставляет права на использование научного материала.

13. Требования к оформлению научного материала, заявки на опубликование и рецензии помещаются в каждом выпуске издания в разделе журнала и на официальном сайте Института в сети «Интернет».

14. Все публикуемые в журнале научные материалы подлежат внутреннему рецензированию.

15. Рецензии хранятся в редакции издательства в течение пяти лет.

16. При поступлении научного материала, заявки на опубликование, лицензионного договора, а также отзыва научного руководителя (для адъюнкта, аспиранта), редакционная коллегия определяет их соответствие предъявляемым требованиям и организует рецензирование научного материала.

17. В целях проведения экспертной оценки поступивших материалов определяется рецензент из состава редакционной коллегии и (или) редакционного совета, исходя из направления научной работы.

18. Члены редакционного совета и (или) редакционной коллеги осуществляют рецензирование представленного научного материала.

19. Заседание редакционного совета и редакционной коллегии журнала проводятся в соответствии с локальным правовым актом института (положением).

20. При определении рецензентов учитываются их научная квалификация, опыт проведения фундаментальных и прикладных научных исследований, направления научной работы, количество публикаций по теме полученного научного материала за три года.

21. При подготовке рецензии на научную статью адъюнкта, аспиранта учитывается оценка научного материала, содержащаяся в прилагаемом отзыве научного руководителя.

22. Рецензия даёт всестороннюю и объективную оценку научному материалу и включает элементы описания рецензируемого труда.

23. В рецензии указываются место работы, должность, учёная степень, учёное звание, фамилия и инициалы рецензента. Рецензия распечатывается, подписывается, заверяется печатью и передаётся рецензентом для учёта и хранения (в течение пяти лет).

24. По результатам рецензирования принимается одно из следующих решений: об опубликовании научного материала в журнале; о направлении научного материала автору на доработку; об отклонении.

25. Принятое решение, копия рецензии доводится до сведения автора по электронной почте или факсимильной связью.

26. В случае принятия решения о направлении научного материала автору на доработку, к доработанному автором научному материалу предъявляются общие требования. На повторно направляемый автором для опубликования в журнале доработанный научный материал заново оформляется заявка на опубликование, рецензирование поступающих материалов осуществляется в установленном порядке.

27. При поступлении соответствующего запроса из Министерства образования и науки Российской Федерации направляются копии рецензий.

Требования, предъявляемые к материалам

Для опубликования научных статей, сообщений, обзоров, рецензий и иных материалов в журнале необходимо представить надлежащим образом оформленные материалы, заявку, отзыв научного руководителя (для адъюнкта, аспиранта), справку автора об отсутствии сведений, запрещенных к опубликованию в открытой печати, а также подписанный автором лицензионный договор.

Заявка на опубликование представляется в распечатанном и электронном виде. Лицензионный договор представляется в распечатанном виде. Бланк договора размещён на сайте издания. Договор предусматривает безвозмездную передачу неисключительных прав на произведение. Лицензионный договор является типовым, собственноручно заполняется и подписывается автором.

Требования к оформлению статей

Минимальный объем — 10 страниц печатного текста, оформленного в соответствии с указанными ниже требованиями.

Максимальный объем — 15 страниц печатного текста, оформленного в соответствии с указанными ниже требованиями.

1. Требования к оформлению печатного текста

Формат файла: doc.

Шрифт: Times New Roman (Cyr).

Размер шрифта: 13 кегль.

Междустрочный интервал: 1.

Поля: все по 2 см.

Абзацный отступ: первая строка (отступ 1,25 мм).

Не допускается форматирование абзацев табулятором или клавишей «Пробел». Выравнивание устанавливать «По ширине». Сноски (если есть) — концевые, нумерация сквозная.

Фотографии, рисунки представлять отдельными файлами в формате jpg (без сжатия) в чёрно-белом или цветном изображении, с разрешением не менее 300 dpi (точек на дюйм).

Графики, схемы, таблицы, диаграммы и другие графические иллюстрации не представлять как сканированное изображение (т. к. изображение уже невозможно отредактировать).

Список используемой литературы оформляется как «Библиографические ссылки». Ссылки на источники приводятся по тексту в квадратных скобках с указанием порядкового номера источника в списке литературы и страниц, на которые ссылается автор *(например, [2, с. 46])*.

Список литературы оформляется в соответствии с ГОСТ 7.1—2003 или ГОСТ Р 7.0.5—2008 (обязательно с указанием издающей организации (издательства) и полным количество страниц).

НАСТОЯТЕЛЬНО РЕКОМЕНДУЕМ ИСПОЛЬЗОВАТЬ: SNOSKA.INFO — онлайн-ресурс, с помощью которого можно быстро оформить основные типы источников. В тексте ссылки нумеруются в квадратных скобках, номер указывает на источник в списке литературы.

В конце текста автором указывается: «Материал выверен, цифры, факты, цитаты сверены с первоисточником. Материал не содержит сведений ограниченного распространения».

2. Обязательные реквизиты

В начале статьи, перед ее названием, автор должен указать: УДК, свою фамилию, имя, отчество, место работы, должность, учёное звание, учёную степень, контактные телефоны, адрес электронной почты (если нет личной электронной почты, указывается электронный адрес места работы (кафедры, института и т. п.), по которому с автором можно связаться).

Аннотацию (не менее 500 знаков, включая пробелы), ключевые слова (пять-семь основных слов статьи без расшифровки понятий, через запятую, характеризующих проблематику статьи). Аннотация должна содержать следующие разделы: введение, материалы и методы, результаты исследования, выводы и заключения (при этом данные разделы не должны дублировать слово в слово текст разделов научной статьи). Образец оформления статьи размещен на сайте журнала в сети Интернет: www.vestnikesiirk.ru

Фамилия, имя, отчество, место работы, ученая степень, ученое звание, аннотация в научной статье приводится на русском и английском языках.

3. Требование к указанию научной отрасли

В статье должна быть указана научная специальность (специальности), которой соответствует тематика статьи. Научная специальность определяется в соответствии с утверждённой приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 25 февраля 2009 г. № 59 Номенклатурой специальностей научных работников.

4. Требования к отзывам на научную статью адъюнктов, аспирантов

В отзыве должны получить отражение следующие аспекты работы: актуальность и оригинальность статьи, теоретическая цельность и практическая значимость статьи, использование материалов, опубликованных по теме статьи, степень структурированности материала статьи, полнота и правильность прилагаемого списка использованной литературы, ясность и понятность стиля изложения текста статьи для читателя, наличие ошибок и технических погрешностей, соответствие выбранной методологии исследования поставленным целям работы, обоснованность выводов, представленных в статье. Отзыв не является рецензией на статью, а лишь помогает рецензенту всецело оценить научный материал.

5. Требование к соблюдению режима секретности

Журнал является открытым источником для опубликования научных материалов. Требования к соблюдению режима секретности регламентированы действующим законодательством Российской Федерации и нормативными правовыми актами МВД России

К представленному научному материалу должна прилагаться **справка автора об отсутствии сведений, запрещенных к опубликованию в открытой печати**, заверенная личной подписью.

6. Порядок направления рукописей и издания журнала

Статья представляется в адрес института в виде принтерной распечатки с приложением электронной версии (на CD), соответствующей бумажному варианту.

При этом рукопись статьи должна быть пронумерована и подписана лично автором.

Рукопись, ее электронная копия, отзыв научного руководителя (для адъюнктов, аспирантов), справка автора об отсутствии сведений, запрещенных к опубликованию в открытой печати, может быть направлена по электронной почте в адрес: **esiirk-vestnik@mvd.gov.ru**. При этом оригиналы направленных по электронной почте документов должны быть предоставлены не позднее двух недель со дня направления их по электронной почте.

Гонорары за публикацию статей не выплачиваются. Электронные версии выпусков журнала размещаются в открытом доступе на странице сайта www.esiirk.mvd.ru.

ВЕСТНИК
ВОСТОЧНО-СИБИРСКОГО ИНСТИТУТА
МВД РОССИИ

Научно-практический журнал
№ 3 (90) 2019

НИиРИО ФГКОУ ВО «Восточно-Сибирский институт МВД России»,
ул. Лермонтова, 110